

"Терапия"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Кэтрин Перес

Терапия

Оригинальное название: *Therapy, Kathryn Perez*

Кэтрин Перес, «Терапия»

Переводчики: *Matreshka, Уля(по 19 главу), Алена В (20 - эпилог)*

Редактор: *Лиля С.*

Вычитка: *Помидорка*

Оформление и обложка: *Mistress*

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

Любое копирование без ссылки

на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Я нуждающаяся. Я сломленная. Резкие перерывы моего оцепенения только открывают больше ран. Депрессия, членовредительство, издевательства... это моя реальность. Секс и парни... мое спасение. Разница между правдой и ложью размыта, оставляя меня растерзанной, потерянной и в замешательстве. В то время как монстры, которые живут в моей голове, хотят уничтожить меня — двое мужчин, которых я люблю пытаются спасти меня. Это моя история о дружбе, душевной боли и изнурительном путешествии, которое является психическим расстройством. Иногда вы должны потерять, чтобы найти...

Содержание:

Часть первая

1 глава

2 глава

3 глава

4 глава

5 глава

6 глава

7 глава

8 глава

9 глава

10 глава

11 глава

12 глава

13 глава

14 глава

15 глава

16 глава

17 глава

18 глава

19 глава

20 глава

21 глава

22 глава

23 глава

24 глава

25 глава

26 глава

Часть вторая

27 глава

28 глава

29 глава

30 глава

31 глава

32 глава

33 глава

Эпилог

Слова, на страницах этой книги, посвящены жертвам издевательств, тем, кто когда-либо или до сих пор страдает от депрессии, психического заболевания и борьбы, которые сопровождают это.

Вы смелые.

Вы сильные.

Вы умные.

Вы красивые.

Вы достойны этого.

Часть первая

Темнота

mir-knigi.org

Фото отсутствует

1 глава

«Незначительные слова больше всего».

— Крис Харт

Джессика

Схватив дневник, я пролистываю страницы со своей письменной болью.

Прикосновение ручки к бумаге успокаивает меня; дневник — единственное место, где я действительно могу быть собой, единственное место, в котором могу освободить своих демонов и высказать свои страхи.

Пытаясь забыть летние каникулы, я отказалась от мыслей о Брайане и других ребятах, которые использовали меня для секса последние пару месяцев.

Душевная боль, которую они причинили, — ничто, по сравнению с тем, с чем придется

столкнуться сегодня.

Выпускной год. Непосредственно для меня — последний год моего ада на земле.

Сегодня утром я должна шагнуть в коридоры моего личного кошмара.

Страх, который я чувствую, почти осязаемый. Запись поможет облегчить его, но я знаю, что этого будет не достаточно.

Положив руку на нижнюю часть живота, я направляю пальцы на свои шрамы.

Сосредотачиваюсь на пустой странице перед собой и начинаю писать.

Лица

Знакомые места

В ловушке этих стен

Насмеваются надо мной

Заманивают меня в ловушку

Коридоры, наполненные смехом

Ненадолго

Это скоро закончится

Нельзя позволить им знать

Они побеждают

Сломленная

Сбитая с ног

Их издевательствами

Кружить по кругу

Блокировать это

Надавить на него

Продолжать строить оборону

Кирпичик за кирпичиком

Мои эмоции на пределе

Видя незнакомку

Когда смотрю в зеркало

Потерянную и одинокую

Моя душа умоляет

Отчаявшись найти дом

Я сижу в машине, глядя на крыльцо средней школы Дженсона, на меня накатывает страх. Приехать сюда было просто, но спустя пару минут появилась тревога.

Еще один год. Я могу сделать это. Просто еще один год и я буду свободна от этого ада навсегда.

Последние три года были практически невыносимыми, и я не могу представить себе, что в этом будет по-другому. Беру рюкзак и открываю дверь машины. Парковка переполнена людьми, которые обсуждают последний учебный год, разглядывая и оценивая наряды друг друга. От одной группировки к другой и так далее. Сохранять неприметный вид — важно для меня, так что я ношу пару обычных узких джинсов и простую белую футболку. Я не принадлежу ни к одной из группировок.

Потому что я невидимка.

Я едва существую.

Двигатель, заезжающего на парковку огромного пикапа, грохочет настолько громко, что пугает меня. Я оглядываюсь и замечаю, что это не кто иной, как Джейс Коллинз, суперзвезда, спортсмен и мегапопулярный бойфренд моего злейшего врага. Дверь открывается, и он выскакивает, закинув рюкзак на широкое плечо. Он, может быть, и с самой большой сукой в школе, но, боже, парень владеет огромной магнетической силой, состоящей из сексуального напряжения и ямочек. К тому времени, когда я понимаю, что пялюсь, уже слишком поздно; он заметил, что я смотрю на него. Небольшая ухмылка появляется на его лице, я краснею и, моргая, отвожу взгляд. Поворачиваюсь и начинаю идти к школе, когда слышу ее.

— О, смотрите, это шлюха средней школы Дженсона. Как прекрасно! — кричит Элизабет достаточно громко, чтобы привлечь внимание ко мне.

Я сжимаю ремешок рюкзака, продолжая смотреть вперед. Чувствую, как ее глаза сверлят дыру в затылке. Это единственное время дня, когда я заметна. Я становлюсь огромной мишенью, когда нахожусь на пути дрянных девочек Элизабет Брант. Сотрудничать с ней бессмысленно. Она никогда не отступит и не прекратит. Теперь все в пределах слышимости смотрят на меня и смеются. Сделав глубокий вдох, я пытаюсь все это игнорировать. Слышу, как она выплевывает еще больше яда на моем пути, как подбирается ближе, и ее закадычная подружка Хейли присоединяется к насмешкам.

— Как прошло лето, Джесссссика? Скольких парней ты добавила в свой список?

Воздух вокруг меня наполняется их смехом, а потом я слышу его. Джейс. Он уже вмешивался в течение последних нескольких лет, чтобы заткнуть рты этой парочке, когда они несли чушь обо мне. В первый раз, когда он сделал это, я была в шоке. Зачем он это делает, разве ему не все равно, что они говорят?

Я никто.

Я едва существую.

— Ладно, хватит этого дерьма. Это первый день в школе. Вам обоим обязательно быть такими идиотками?

Я не разворачиваюсь и не признаю акт его доброты. Я благодарна, но никогда не смогу сказать ему об этом. Если она увидит, что я разговариваю с ним, это будет катастрофой. Не знаю почему, но каждый раз, когда встречаюсь с ним взглядом, в животе появляются бабочки. Конечно, он никогда не флиртовал со мной, как это делают многие другие ребята. Я знаю, почему они это делают, но Джейс никогда не относился ко мне, как к шлюхе или куску мусора. Он настолько близок к джентльмену, насколько может быть парень-подросток.

В прошлом году, когда мы были парой в классе химии, Элизабет разозлилась. Она не сводила с меня глаз на протяжении всего урока, но Джейс игнорировал ее и только закатывал глаза. Когда урок закончился, он встал и подарил мне небольшую улыбку перед уходом. Это было время, когда я не чувствовала себя никем. За этот час я почувствовала настоящее и перестала закрываться. Мне стало легче дышать и появилось чувство, что в школе должно быть хорошо.

Джейс остается для меня загадкой. Я понятия не имею, почему он относится ко мне, как к нормальной девушке, но каждый раз, когда он делает это, мое сердце бьется немного сильнее и быстрее.

Надеюсь, что в один прекрасный день у меня появится возможность поблагодарить его. До тех пор, я надежно спрячу свою благодарность.

2 глава

«Ничто не делает нас такими одинокими, как наши тайны».

— Пол Торньер

Джессика

Я закрываю глаза, в то время как кровь стекает на мой живот, а боль сочится вместе с ней. Это то, чего я хочу, то, что мне нужно. В противном случае я онемею и ничего не буду чувствовать. Боль и депрессия останутся подавленными, пока я не смогу выпустить их. Это придает силы и стремления, которые нужны мне каждое утро, прежде чем отправиться в школу. Знаю, что каждый день, проходя через эти двери, должна щелкнуть выключателем внутри и убрать все прочь.

Мама пьет кофе с добавлением ликера, чтобы начать свой день.

Я режу себя.

Я запихнула тетрадь в сумку с книгами и мысленно подготовилась ко второму дню избегания Элизабет Брант и ее отряда дрянных девчонок. Иногда мне хочется где-нибудь встретиться с ними, и пусть они избьют меня до чертиков; они могут плюнуть своим ядом в мою сторону и дело с концом. Если бы я знала, что это заставит их остановиться, я сделала бы это через

минуту. Мой последний год в средней школе только начинается, а я уже веду обратный отсчет дней, когда он закончится. В течение последних трех лет школа была заключением для меня.

Я просто хочу, чтобы все закончилось.

Каждый день я молюсь, что они забудут обо мне, и я на самом деле стану невидимой. Но они не забывают. Я делаю все, чтобы держать их внимание подальше от себя. Но это бесполезно — Элизабет беспощадна. Я никогда не понимала, как девушка, которая настолько красива снаружи, может быть настолько уродливой и злой внутри. Для меня навсегда останется загадкой, как все ее поклонники не замечают того, кем она действительно является. Но я знаю лучше, чем кто-либо, как легко можно обмануть людей и скрыть все свои темные секреты.

Потому что я делаю это каждый день.

Я иду на первый урок, английский, и сажусь за заднюю парту, как делаю всегда. Роюсь в сумке и вытаскиваю тетрадь, и затем я слышу их. Их подшучивания безошибочны.

— О, мой бог, Хейли, ты видела его на этих выходных? Джейс был горяч на игре, хотя он такой всегда. Я, конечно, наградила его потом. Вот тогда он был по-настоящему горяч.

Отряд сук смеется с того, как Элизабет идет на поводу своего парня и квотербека школы, Джейса Коллинза.

Они «эта пара» для всей школы. Джейс является мистером Популярность, а Элизабет — мисс Популярность.

Что он в ней видит, я не представляю. Ну, кроме ее длинных, роскошных светлых волос, безупречной бронзовой кожи, совершенного тела и кристально ясных голубых глаз. Но она излучает суку, независимо от внешности.

Элизабет смотрит на меня, в то время как садится на свое место.

— Итак, Джессика, скольких ты обработала в эти выходные?

Я смотрю вниз на тетрадь, отказываясь отвечать на ее колкости. Попытки заступиться за себя сделают все только хуже.

Мои длинные, черные как смоль волосы ниспадают вокруг лица, создавая завесу обороны. Я бесцельно рисую каракули в своей тетради, игнорируя все ее комментарии.

Что-то ударяется о мою руку и падает на стол, затем снова, и снова. Поднимаю взгляд, Элизабет вместе с Хейли смеются, бросаясь кучей маленьких комочков бумаги. Я закатываю глаза и снова опускаю взгляд вниз на тетрадь, стряхивая бумажки на пол.

Брайан Уилер поворачивается, глядя на меня с самодовольной ухмылкой на лице, поднимая, при этом брови вверх и вниз с намеком. Мой желудок скручивает одновременно с тем, как я закатываю глаза, отворачиваясь от него. Брайан является еще одним примером, насколько испортилось отношение ко мне. От того факта, что я спала с ним, меня тошнит.

Элизабет оборачивается, бормоча что-то о том, какая я шалава, именно в тот момент, когда входит Джейс и садится рядом с ней. Хейли шуршит другим комочком бумаги для меня, и он морщит свои брови, глядя на нее. Она ухмыляется в ответ и невинно пожимает плечами.

— Хейли, не будь такой сукой, — говорит он явно раздраженно.

Спасибо, Джейс.

Ты остаешься для меня загадкой, Джейс.

Какая тебе разница, Джейс?

Джейс, Джейс, Джейс.

— Джейс Коллинз, не разговаривай так с моей лучшей подругой! Хейли хотела избежать заражения ЗППП, от сидящих позади нас, — прошипела Элизабет.

Он смотрит на меня и губами произносит «извини». Я не отвечаю; ни выражением лица, ни взглядом, никогда.

Он — воплощение мужского совершенства с его песочного оттенка, русыми волосами и голубыми глазами. Он в тонусе и мускулистый, но не массивный, высокий с широкими плечами. Он не только звезда футбольной команды, но еще бейсбольной и мужской команды по плаванию. Спортсмен, который в значительной степени имеет четкое будущее со спортивной стипендией в крупном университете по своему выбору.

Думаю, единственная причина того, что он хорошо ко мне относится, потому что я нахожусь в женской сборной по плаванию. По большей части я держусь подальше от всех командных видов спорта, я определенно одиночка. Я была конкурентоспособной в плавании в течение четырех лет, и это единственное, что мне действительно нравится, кроме письма. Школа является средством для достижения моих целей, и я не дожусь, когда она закончится. Это место, как болезненный вид наказания кармы за то, что я сделала в прошлой жизни.

После английского мы толпой выходим наружу. Я иду медленно, позволяя Элизабет выйти первой. Надеюсь, она забудет, что я иду за ней. Подхожу к своему шкафчику только для того, чтобы найти надпись «ШЛЮХА», наряду с другими ругательствами крупным, жирным шрифтом, приклеенным к нему. Я быстро срываю бумагу, как раз перед тем, как проходит Элизабет и плечом сильно толкает меня на холодные металлические шкафчики.

— О, извини, Джессика. Я не заметила тебя, — шутит Элизабет. — Ты должна носить предупреждающий знак «шлюха», который позволит всем нам знать, что ты здесь! — она смеется, а ее друзья окружают меня.

Я смотрю в пол, прижимая книги к груди, и закрываюсь от всего этого. Это то, как я поступаю с ней, со всеми из них. Я запираюсь, отгораживаюсь и жду, пока все закончится. Она откидывает прядь моих волос от лица, и я вздрагиваю.

— Все мы знаем, что ты спала с Харрисоном в эти выходные. Ты знаешь, что Хейли встречалась с ним некоторое время. Ты действительно думаешь, что могла скрыть это от нас? А? — требует она, толкая меня вперед. — Лучше держи свою распутную задницу подальше от него. Ты понимаешь меня, Джессика?

Она настолько близко, что ее слова попадают каплями слюны мне на лицо.

— Он не хочет тебя! Никто из них не хочет, сука! — она хлопает рукой по шкафчику в нескольких дюймах от моего лица и шепчет, наклоняясь ближе к моему уху: — Ты никогда не думала о том, чтобы покончить с собой и прекратить вызывать у нас отвращение, попадаясь

каждый день на глаза? Ты окажешь нам всем здесь услугу.

Она смотрит на меня горящими ненавистью, ледяными голубыми глазами. Мои глаза быстро бегают вперед и назад, в поисках выхода. Мне жарко, слишком жарко, моя кожа становится липкой.

Дыши.

Потом я слышу его голос.

— Лиз, оставь ее уже в покое! — ругается он, указывая ей, чтобы она шла на второй урок.

— Помни, что я сказала, шалава, — восклицает она и гордо идет по коридору.

Я поднимаю взгляд и вижу, что Джейс все еще стоит здесь, глядя на меня, его руки в карманах джинсов. Чувствую себя уязвимой и смущенной. Почему он вызывает неловкость этим молчаливым моментом? Я нервно отвожу взгляд и поворачиваюсь назад к своему шкафчику, быстро открывая его трясущимися руками.

— Эй, я сожалею о Лиз и кучке ее сук, — говорит он, в то время как я копаюсь в шкафчике, увиливая, чтобы не пришлось разворачиваться и встречаться с ним взглядом. У меня дрожат руки, и я пытаюсь вернуть себе хоть какой-то вид спокойствия после столкновения с Элизабет.

Просто дыши, Джессика.

— Не дай ей запугать тебя. Я не слышал, что она говорила, но я тебя уверяю, что ее лай страшнее, чем ее укусы.

Он понятия не имеет, кто в действительности его подруга в душе.

— Ты готова к плаванию в этом году? Я надеюсь, что мы надерем задницы, как и в прошлом году, — говорит он, и я удивляюсь, почему он пытается вести со мной непринужденную беседу. Звенит звонок.

Слава богу.

Я поворачиваюсь вокруг и смотрю на него с маской фальшивого доверия.

— Спасибо, Джейс. И да, я готова к сборной по плаванию. Мне пора идти в класс, — бормочу я.

Его губы растягиваются в улыбке, и он уходит в противоположном направлении.

Что это было?

Какое тебе дело, Джейс? Зачем?

Если Элизабет увидит его полномасштабный разговор со мной, она изойдет дерьмом. Я здесь как чума и разговор звездного квотербека со мной, безусловно, не самая хорошая идея.

День медленно проходит, но я по-прежнему избегаю Элизабет. Не уверена, что хуже — это место, где я являюсь предметом насмешек для всех, или дом, где незаметна.

Иду к машине и, пока еду домой, из моих колонок громыхает Seether. Интересно, какой этот день у мамы. Она либо пьяна, либо будет Мартой Стюарт; шансы пятьдесят на пятьдесят.

Меня давно перестало это волновать. Когда мама не пьяна, она слишком дотошная — это душит. Так она компенсирует недостаток воспитания в те дни, когда была пьяной в стельку. Я вытягиваюсь, чтобы посмотреть на дорогу, и вижу, как она сидит на крыльце, курит сигарету со стаканом вина в руке.

Там, на соседнем дворе, бегая, играют дети. Их мяч находится на месте, где я хочу припарковаться, поэтому приходится объезжать вокруг.

Маленькая девочка улыбается и машет мне, в то время как достает фиолетовый мяч. Я поднимаю взгляд, выходя из машины, и вижу, как мама улыбается и небрежно мне машет.

Сегодня пьяный день...

— Привет, мам, — говорю я торопливо и прохожу мимо нее.

— Привет, дорогая. Как прошел твой день? — невнятно произносит она.

— Отлично, мама. Все было замечательно! — говорю я, произнося ложь сквозь зубы. Рассказывать правду бессмысленно.

Иду внутрь, в свою комнату, и закрываю за собой дверь. Заперев ее, я вытаскиваю тайную коробку с бритвами, спиртовыми тампонами, мазями и повязками.

Ставлю iPod в док-станцию и падаю на кровать. Перемешиваю песни, в то время как снимаю футболку. Расстегиваю джинсы и тяну их вниз, приоткрывая свежий утренний порез. Я должна быть очень осторожной, чтобы не занести инфекцию в порезы, поэтому очищаю и перевязываю их ежедневно. Это для меня обычная процедура.

Я знаю, что придется сделать счастливое лицо, когда папа вернется домой. На самом деле, он не уделяет мне никакого внимания, но я всегда чувствую, что он смотрит на меня, как под микроскопом, ищет любые несовершенства или ошибки. Я прикладываю все усилия, чтобы все от него скрыть, как и от всех остальных в моей жизни. Выходные — единственное время, когда я общаюсь, что, как правило, включает в себя парня. Тайком убежать каждую ночь по выходным является для меня нормой. Обычно я гуляю по проселочным дорогам с любимым парнем, с которым вижу в то время. Время часто меняется. Я всегда слишком прилипчива, поэтому они сразу же сбегают, после того как получают то, что от меня хотели. Секс — это мой способ соединения, другое средство что-то почувствовать. Я думаю, для меня секс равен любви, так как я понятия не имею, что такое любовь на самом деле. Это моя версия любви, и она заполняет пустоту, так что я продолжаю свой порочный круг и сплю с каждым парнем, которого встречаю. Тот факт, что ребята никогда не замечают мои шрамы, говорит, что их это не волнует. Я знаю, что, как правило, темно, и они не так заметны, но по сей день ни один парень не увидел их. Если даже и увидел, они никогда не говорили о них.

После очистки пореза, я прикладываю повязку и надеваю штаны обратно. Кладу коробку обратно в тумбочку и достаю свой дневник, решив сделать запись. Я редко понимаю, почему чувствую то, что чувствую каждый день. Записи — моя единственная, истинная форма выражения, свободная от страха осуждения. Я могу выплескивать все свои чувства, страхи и разочарования на страницы дневника, зная, что они все в безопасности от задира, которые ежедневно превращают мою жизнь в ад. Мои секреты должны оставаться скрытыми, так же, как и моя боль.

Снимая зубами колпачок с ручки, я с нетерпением его грызу, прежде чем начать писать.

Вы знаете только маску, которую я ношу.

Кто я такая?

А знаю ли я сама?

Черный... Белый... Нет, серый

Я либо люблю, либо ненавижу.

Когда я хочу держаться за что-то, я хватаюсь

Нет понимания цели

Глаза, которые мертвы

Сожаление и раскаяние меня подавляют

Я просто хочу быть кем-то любимой

Душевная боль таится вокруг

Когда кто ранит меня, эта боль вечна

Быть. Мной. На. День.

Позвольте мне идти рядом с вами

Дайте увидеть больше

Смотрите, я вижу вас

Тогда вы можете идти рядом со мной

Видеть то, что вижу я

Я заполню дыры в своей душе признаниями «Я тебя люблю»

В то время как вы продолжаете заполнять ее своим «Я ненавижу тебя»

Я закрываю свой дневник и пишу сообщение Харрисону. Мы хорошо провели время в прошлые выходные, независимо от того, что Элизабет говорила об этом. Хоть что-то, что заставляет меня чувствовать себя счастливой, даже если это ненадолго.

Я: *Хей, я весело провела время в прошлые выходные. Хочешь встретиться в эти?*

Он сразу же отвечает, и я мгновенно чувствую себя лучше. Даже счастливее.

Харрисон: *Привет, детка. Да, мне понравилось с тобой. Ты, в самом деле, знаешь, как приятно провести время с парнем! Я не уверен насчет этих выходных. Джейс с ребятами пригласили меня. Это, своего рода, ночь парней, но я пересекусь с тобой в другой раз.*

Моя улыбка исчезает вместе со счастьем, и я мгновенно чувствую себя отвергнутой. Я хочу, чтобы он хотел быть со мной, а не с парнями. Почему это всегда так происходит? Почему я нуждаюсь в них так сильно? Почему я хочу их так сильно?

Это всегда одно и то же. С каждым парнем, с которым встречаюсь, я чувствую потребность, своего рода, причудливую необходимость. Знаю, что это ненормально, но не могу это остановить. В конце концов, это либо отталкивает их, либо является причиной моего ухода с громкими эмоциональными обвинениями в их сторону. Я сожалею об этом каждый раз, но все, однако, повторяется вновь. Обычно я разговариваю с ними онлайн, потому что в школе они со мной не разговаривают. Никто этого не делает — я плохо скажусь на их репутации. Элизабет обеспечит это. Как-то в прошлом году Брайан сел со мной во время обеда, Элизабет со своими друзьями заставили его сожалеть о том, что он сделал.

Мой телефон жужжит, и я вижу, что у меня пятнадцать уведомлений в Инстаграм. Это странно. Я никогда не получала много внимания в любой из социальных сетей. У меня нет настоящих друзей, чтобы общаться с ними. Я касаюсь значка и открываю приложение. Касаюсь уведомления на экране, и всплывают пятнадцать комментариев и лайков. Это моя фотография. От шока у меня в жилах застывает кровь, когда я прокручиваю вниз. SlutPics123 разместил мою фотографию. Цитата над головой в виде пузыря гласит: «Сдохни шлюха».

Они преследуют везде, я не могу их избежать! Я знаю, это сделали Элизабет и Хейли, но это новый уровень. Их оружие не является незаконным, но они режут меня глубже, чем когда-либо могло лезвие. Прикрываясь мониторами, они используют свои слова, как мечи. Интересно, что хуже — невидимые шрамы, которые оставляют они, или видимые, которые я наношу себе сама?

3 глава

«У меня никого нет. Мне нужен кто-нибудь».

— Аманда Тодд

Джессика

Медленно тянулась еще одна неделя в школе, а я делала все возможное, чтобы игнорировать фото, которое они выложили в Инстаграм, и последовавшие за ним насмешки. Возможно, молчание кажется слабостью, но оно отнимает гораздо больше сил, чем можно было бы подумать.

Я надеюсь, что Харрисон сможет встретиться со мной в эти выходные. Я засунула записку в его шкафчик, давая ему понять, что буду дома, ожидая его звонка, если он захочет провести время вместе со мной.

Он совершенно не разговаривает со мной в школе, и я, пожалуй, понимаю почему. Это бы вызвало нежелательный эффект. Элизабет со своими приспешниками убедили всех в школе, что у меня ЗППП.

Мама сегодня — Марта Стюарт, что подразумевает приготовление горячей еды на ужин. Она напевает и щебечет на кухне, будто мы семья Кливеров¹. Скоро домой придет папа. Он приведет на ужин своего бизнес-партнера, а значит, мама будет в лучшем расположении духа.

Я буду прятаться в своей комнате до тех пор, пока не буду вынуждена выйти, для того чтобы всем улыбаться и со всеми общаться.

Мой брат — любимчик в нашей семье, и, по мнению папы, он не способен сделать что-то плохое. Джефф всегда получает внимание папы, которого я так жажду. Я надеялась, когда Джефф уедет в Техасский университет, папа наконец-то заметит меня, но этого не произошло.

Я слышу, как вибрирует телефон и хватаю его, надеюсь, что это Харрисон. Я провожу пальцем по экрану и вижу его сексуальное загорелое лицо.

Харрисон: *Привет, хочешь потусить сегодня вечером?*

Я: *Конечно! Где и во сколько?*

Харрисон: *Жди меня на парковке возле водонапорной башни в девять вечера. Увидимся там.*

Я тотчас оживляюсь и начинаю рыться в шкафу, пытаюсь найти что-то сексуальное для него. Я хватаю черную мини-юбку, красный топ и кружевное белье. У него никогда нет с собой презервативов, так что придется заехать по пути в «Севен-Илевен». Само собой разумеется, что у нас будет секс. Знаю, звучит ужасно, но мне не стыдно. Парням он нужен, и если ты им его не даешь, ты им не нужна. Я хотела быть ему нужной, так что секс обязателен.

Я всего лишь хочу быть желанной.

Любимой.

После мучительно скучного ужина с мамой, папой и его партнером по бизнесу, я переодеваюсь и ухожу. Я говорю родителям, что вернусь до комендантского часа, но они даже не заметят, если я опоздаю.

Я заскакиваю в «Севен-Илевен» и покупаю пачку презервативов. Несколько штук закидываю в сумку, остальные кладу в бардачок. Я проверяю в зеркале макияж и провожу рукой по своим длинным темным волосам. Я пристально всматриваюсь в отражение своих карих глаз, гадая, что люди видят, глядя на меня.

Видят ли они только шлюху?

Странную девушку?

И смотрят ли они вообще?

Я отгоняю эти мысли прочь и сохраняю их на потом, когда смогу записать в свой дневник.

Я выезжаю на своей маленькой «Хонде» на дорогу и направляюсь к водонапорной башне. Эта парковка всегда была популярна среди местных подростков. Подъезжая ближе, я замечаю несколько машин, интересно, почему люди здесь так рано, обычно тусовка начинается позже. Я проезжаю вперед и паркуюсь.

Я осматриваюсь и вижу пару горящих сигарет, но не могу разобрать, кто именно курит. Мое сердце начинает биться быстрее, надеюсь, что это не члены клуба «Я ненавижу Джессику».

Я: Харрисон, где ты? Я на месте.

Проходит пять минут, но он так и не отвечает. Я решаю подождать еще немного, потому что очень хочу увидеться с ним. Я подпрыгиваю от стука в окно и вижу Элизабет с самодовольной ухмылкой на лице. Мое сердце подскакивает к горлу, а дыхание учащается. По крайней мере, когда она сталкивается со мной в школе, она, в конце концов, отступает. Обычно все происходит в людном, публичном месте, где есть неподалеку взрослые, которые могут пресечь любую серьезную стычку. Но сейчас? Сейчас все по-другому. Я понятия не имею, что она здесь делает, и как она узнала, что я здесь, или что ей нужно от меня.

Она стучит в окно, в то время как ее подруги окружают мою машину. Я быстро завожу двигатель и включаю заднюю передачу. Мне нужно, черт возьми, проваливаться отсюда. Как только я начинаю сдавать назад, Харрисон перегораживает дорогу, блокируя выезд. Я окружена. Вероятно, так даже лучше. Она может делать со мной все, что хочет, и на этом пусть отстанет от меня.

Мне уже на все наплевать.

— Выходи из гребаной машины, шлюха!

Я поворачиваюсь и вижу Хейли, стоящую перед моим капотом и выливающую на него пиво. Подходит Харрисон и ласково обнимает ее, отчего у меня внутри все сжимается от боли.

Как он мог так поступить? Он заманил меня сюда для их издевательств? Почему он так жесток? Я всегда делала все, что он просил. Я всегда старалась сделать его счастливым. Как он мог так поступить со мной? На глаза наворачиваются слезы, но я быстро собираюсь, они не должны видеть меня сломленной. Я открываю дверь, выхожу и опираюсь спиной о холодный металл машины.

— Я тебя уже предупреждала, что Харрисон с Хейли. Ты плохо расслышала, шалава? Хейли видела, как ты писала ему. Ты действительно думаешь, что он хотел увидаться с тобой? Он не собирается терять капитана группы поддержки ради капитана команды минета, — шипит Элизабет.

Все смеются, в то время как я просто стою там. Прежде чем успеваю открыть рот, чтобы возразить ей, подходит Бентли, обнимает ее и целует в шею. Она порвала с Джейсом, или это она шлюха, которой всегда называет меня? Храбрость развязывает мой язык, и я делаю самую невероятную глупость.

Я как змея, готовая атаковать без промедления.

— Где же Джейс, Элизабет? Он знает, что ты здесь и изменяешь ему с Бентли? Может, мне рассказать ему об этом, и он будет следующим, кто трахнет меня? Думаю, я могу показать ему пару приемчиков, о которых он и не мечтал, пока был с тобой, — я самодовольно ухмыляюсь и скрещиваю руки на груди. В моей крови бушует адреналин, пока я жду ее ответа.

У нее широко раскрываются глаза, и отвисает в изумлении челюсть, в то время как все начинают над ней смеяться.

— Мы с Бентли просто друзья, ты, тупая сука. Не лезь не в свое дело. Кем ты, бл*дь, себя возомнила? — она дает мне пощечину, отчего по всему лицу распространяется жар. Она хватает меня за плечи и толкает на машину.

— И это вся твоя новоприобретенная храбрость на сегодня? Ты пожалеешь о каждом сказанном в мой адрес дерьме. И если ты намекаешь на то, что я делаю что-то большее с друзьями Джейса, то сегодняшний вечер покажется тебе прогулкой в парке, по сравнению с тем, что ждет тебя впереди.

Она хватается меня за руку и оттаскивает от машины.

— Хейли, тащи свой зад сюда и помоги мне. Вся эта херня — это твоя гребаная проблема. Это твой парень тот, кто не может держать свой член в штанах!

Я смотрю в ее злые глаза и практически умоляю избить меня.

Не делай этого, Джессика. Не делай хуже.

— Пошла ты на хер, Элизабет! — отвечаю я резко и нахально. Я делаю хуже.

Такое ощущение, будто я двигаюсь в замедленной съемке, когда позволяю ей избивать себя, не пытаюсь защититься. Мне плевать, так что я просто позволяю ей и Хейли делать все, что они хотят.

Может быть, Харрисон пожалеет меня и снова захочет меня после этого.

Я закрываю глаза на жалкие мысли, возникающие в такой же жалкой голове. Их смех становится все дальше и дальше по мере того, как я ускользаю в оцепенение. Я открываю глаза, и, несмотря на мое усилие заблокировать все это, мой живот скручивает в ожидании того, что случится дальше. Харрисон смотрит на меня, его взгляд полон издевательств и отвращения.

— Веди себя, как шлюха, Джессика, и с тобой будут продолжать обращаться как с одной из них, — извергает он.

Как я могла думать, что он мне нравится, я не знаю. Хейли и Элизабет тащат меня вместе, пока все остальные гудят и кричат. Я оглядываюсь на Харрисона с ненавистью в моих глазах и в моем сердце.

— Я ненавижу тебя, Харрисон!

Он смеется и хватается за свою промежность.

— Ты уверена, что ненавидела это на прошлых выходных, детка, — издевается он.

Джо Фитзер, еще один парень из футбольной команды, похлопывает Харрисона по плечу и смеется.

— Эй, Джессика, я свободен. Может быть, ты уделишь мне то же самое внимание, что и моему корешу Харрисону? — Джо подмигивает мне, когда делает глоток своего пива.

Хейли сжимает мою руку крепче, слыша слова парней.

— Заткнитесь, вы, сексуально озабоченные ублюдки! Никого не волнует, как вы позволите этой шлюхе трахнуть вас, или как вы хотите залезть в ее зараженные ЗППП трусики!

Элизабет крутится вокруг меня, хватается мои запястья своей левой рукой, потом приходит в ярость и снова дает мне пощечину. Единственное, что я делаю, это пытаюсь сдержать рыдания,

рвущиеся из моего горла.

— Как тебе это, шлюха? Нравится? — шипит Хейли. — Подумай об этом в следующий раз, когда захочешь трахнуть чужого парня!

Она плюет мне в лицо, и они толкают меня на землю. Я чувствую песок и камни, вонзающиеся в кожу голых колен. Моя шея вытягивается, и я морщусь от боли, когда моя голова откидывается назад из-за дернувшей меня за волосы Элизабет.

— Извиняйся, шлюха! Скажи Хейли, что сожалеешь о том, что болталась с ее парнем!

Мысль обо мне, извиняющейся перед ней, кажется смешной. Что насчет него? Это он выбрал, быть со мной вместо нее.

— Делай это, сука! — кричит Элизабет, усиливая хватку, и тянет за волосы сильнее. Волосы выдергиваются из кожи головы, но я не отвечаю. Я не хочу давать ей то, что ей нужно. По крайней мере, пока. Затем она тянет руку вниз и выдирает из моего левого уха сережку, в ярости бросая ее на землю. Из груди вырывается небольшой крик, когда из мочки уха тонкой струйкой течет вниз по шее теплая кровь. Это уже не смешно — не так, как я даже могла себе представить, и я знаю, что они далеки от того, чтобы закончить со мной.

Я смотрю вверх и вижу свет от нескольких телефонов, указывающих в моем направлении. Они все снимают, как будто это какое-то фрик-шоу или развлечение.

— Доставай свой телефон, Хейли. Сделай несколько снимков этой суки, получающей то, что она заслуживает.

Закрыв глаза, я пытаюсь взять себя под контроль, прежде чем снова взглянуть на них. Невысказанный вызов в их глазах насмехается надо мной, они просят меня сопротивляться дальше. Мне не следует этого делать, но я сопротивляюсь. Я произношу слова, которые все равно для меня ничего не значат.

— Я сожалею, что за последние несколько уик-эндв твой парень кончил со мной больше раз, чем с тобой не сможет даже за всю жизнь! — самодовольно кричу я.

Я знаю, что не надо этого говорить, но ничего не могу поделать. Моя импульсивность побеждает. Все что я хочу сделать — унизить ее перед всеми, даже если это означает, что выставляю напоказ свой беспорядочный образ жизни.

Я сдерживаю рыдания, угрожающие прорваться, понимая, насколько это все унижительно для меня.

Хейли ударяет меня в грудь, заставляя упасть обратно на грязную землю. Она вытаскивает свой телефон и фотографирует меня, пытающуюся выпрямиться. Я слышу, стук сердца в своих ушах, и сквозь меня проходит страх. Инстинкты говорят мне подняться, но я не делаю этого. Любая храбрость, которая у меня была, уже давно ушла, но по правде говоря, не думаю, что она вообще у меня была.

На этот раз я желаю быть невидимой. Я не хочу быть здесь. Сейчас я это понимаю. Я думала, если они сделают это со мной, то потеряют интерес, но подняв глаза на них, я могу отчетливо увидеть, что это только подогревает их желание

Элизабет тянется вниз, вонзая свои ногти в мою руку и дико крича на меня, когда она изо всех

сил тянет меня назад.

— Поднимайся, черт подери, ты, шлюха, и давай отпор! Ты делаешь это слишком легким. Где веселье? — она смеется, оглядываясь на небольшую группу, столпившуюся вокруг нас.

Хватая меня за волосы, она поднимает правую руку и снова ударяет меня со всей силы. Я падаю на землю, обхватив себя руками. Мое лицо в нескольких дюймах от грязи и камней, и, прежде чем я успеваю вернуться в прежнее положение, ее колено вонзается мне между лопаток, прижимая меня вниз. Мое лицо сталкивается с сотнями небольших неровных камней, и рот наполняется металлическим привкусом крови.

Сдаваясь, я не борюсь с ней и не пытаюсь уйти. Я полностью отделяюсь от боли, всего унижения, и лежу там абсолютно побежденная. В данный момент унижение и стыд, которые я должна чувствовать, отсутствуют, но я знаю, они вернутся. Они всегда возвращаются. Обжигающие удары по ребрам с обеих сторон сотрясают мое тело, и я понимаю, что они меня пинают. После долгих минут боли мое тело замирает, и я слышу, как под их ногами хрустят камни.

— В следующий раз, когда будешь думать о том, чтобы трахнуть чужого парня, вспомни сегодняшний вечер, шлюха! Мы будем счастливы в любой день снова надрать твою задницу! — кричит Элизабет, затем захлопывается дверь машины. Звук колес, поднимающих грязь и гравий, наполняет воздух в тот момент, когда они заводят двигатели своих машин и набирают скорость на темном асфальтовом покрытии дороги. Под мои ногти забивается песок, когда я вонзаю пальцы в грязь. Я изо всех сил пытаюсь подняться на своих трясущихся руках, но тело сопротивляется моим усилиям. Я закашливаюсь, и боль, что охватывает меня, слишком сильная, чтобы выдержать. Позволив телу тяжело упасть обратно вниз, я закрываю глаза. Тусклый свет луны медленно исчезает, превращаясь в темноту перед моими глазами.

* * *

Мои веки пытаются приподняться, когда я слышу мягкий мужской голос. Я слышу слова, но мозг не может понять их значение. Я могу сфокусироваться только на боли, пронизывающей все мое тело, и на вкусе крови во рту. Меня обхватывают нежные руки, и мягкие пальцы убирают волосы с моего лица. Я вдыхаю сильное тепло и аромат мяты. Мои глаза не могут сфокусироваться, но даже в этом смутном состоянии огромное влияние его взгляда на меня неоспоримо. Мое тело хочет, но не реагирует на объятие.

— Эй, открой глаза. Посмотри на меня, Джессика. Я помогу тебе, хорошо? Это я — Джейс, — я слышу его шепот, когда мой разум начинает выплывать на поверхность из темноты. Он тянет меня вверх, поддерживая, когда мои колени подкашиваются. — Давай, все хорошо. Я могу позаботиться о тебе.

Я чувствую его руки под моими коленями, когда он поднимает меня в свой сильный захват. Моя голова покоится на его груди, и я ничего не могу поделать, но стону от боли из-за давления на мои ребра. Я заставляю свои глаза открыться, чтобы посмотреть на него, уставившегося на меня. Забота на его лице очевидна. Его взгляд бегаёт туда-сюда, и я почти могу увидеть вопрошающие мысли, когда он осматривает каждый дюйм моего лица.

— Ты сильно ранена. Мы должны сейчас же доставить тебя в госпиталь. Черт, какого дьявола тут произошло? — заявляет он.

Мои слова застревают в горле, так что я только киваю. Несмотря на замешательство от того, почему он здесь, или почему он помогает мне, я расслабляюсь в его руках, когда направляется к своему пикапу. Он опускает меня на пассажирское сиденье, осторожно усаживая меня, затем тянется к бардачку. Он вытаскивает оттуда коробку с салфетками. В подстаканнике у него есть бутылка воды, и он тянется, чтобы схватить также и ее. Он держит ее, жестом показывая взять ее.

— Вот, выпей немного воды. У меня всегда есть «Адвил» в рюкзаке, — говорит он, затем наклоняется и вытягивает его из-под сиденья. — Я всегда держу его при себе, чтобы была возможность принять после игр или тренировок, — он вынимает банку из бокового отделения, открывает крышку и вытряхивает в руку две капсулы. — Вот, возьми их. Это поможет немного с болью, пока ты не доберешься до врача.

Я протягиваю руку за ними, мои пальцы слегка задевают его ладонь. Когда мы касаемся, странная энергия струится между нами — тепло и нерешительность, смешанные с притяжением, интенсивность этого почти душит. Мои глаза устремляются вверх, чтобы встретить его, в то время как сердце бешено стучит в груди. Секунды ощущаются как часы, когда невысказанные слова без особых усилий проносятся между нами. Я забываю свои страдания и боль, все остальное исчезает, кроме нас двоих в автомобиле. Я нервно отрываюсь от его взгляда, фактически заканчивая наш «святое-дерьмо-что-это-за-черт-возьми-чувство» момент, и открываю рот, чтобы принять лекарство. Внезапно я пугаюсь, чувствуя холод напротив моей щеки, и поворачиваюсь к нему.

— Все в порядке. Я не хочу причинить тебе боль, но нам нужно привести в порядок некоторые из этих царапин, — тихо говорит он, пока осторожно счищает засохшую кровь с моего лица. — Мне жаль, Джессика. Я думаю, что знаю, кто это сделал, и я чертовски сожалею, — он раздраженно вздыхает, на мгновение отвернувшись и нахмурившись. — Когда я услышал, что был сбор на водонапорной башне, я даже представить себе не мог, что они планировали такое дерьмо. Я задержался дома и опоздал, поэтому приехал сюда, когда они все рванули вниз по дороге.

Он роняет свою голову вниз, медленно покачивая ей назад и вперед.

— Если бы я был здесь, я бы остановил их. Я почти развернулся и последовал за ними, но заметил твою машину, и у меня появилось плохое предчувствие, так что я подъехал, чтобы убедиться, что с тобой все в порядке, — он на минуту делает тревожную паузу. — Когда я увидел тебя на дороге, это адски напугало меня, — он делает еще один большой вдох и продолжает: — Нам нужно направиться в отделение скорой помощи, чтобы убедиться, что ничего не сломано.

Почему он переживает за меня? Никто не переживает, так почему должен он?

— Почему тебя это волнует, Джейс? Со мной это сделала твоя девушка, так почему тебя это беспокоит? — с трудом произношу я, заговорив первый раз с тех пор, как он помог мне подняться.

Он морщится от моих слов, убрав руку от моего лица. Он смотрит в сторону и его кулаки сжаты.

— Я не с ними, Джессика. Я не отношусь к людям плохо только потому, что они отличаются от других, или потому что у них херовая репутация. Я никогда не буду действовать таким образом, даже если люди вокруг меня будут так делать, — он оглядывается на меня с

искренностью в глазах. — Большую часть времени Элизабет — величественная сука, но ее родители лучшие друзья моей матери, и наши отношения всегда были частью их грандиозного плана. Это просто так случилось, что наши семьи подтолкнули нас друг к другу. Как только я отправлюсь в колледж, я буду свободен, чтобы принимать свои собственные решения о том, с кем мне встречаться.

Он пристально смотрит мне в глаза:

— Я никогда не был частью чего-то, вроде этого, вне зависимости от причин. Я не знаю тебя, Джессика, или почему у тебя такой образ жизни. Я не знаю, почему ты остаешься такой закрытой, или почему такая прекрасная девушка постоянно отдается таким придуркам, как эти парни. Только ты это знаешь, но, тем не менее, это не значит, что ты хуже, или что ты заслуживаешь этого.

Он протягивает руку, нежно приподнимая мой подбородок.

— Ты стоишь большего, чем думаешь. Тебе просто нужно поверить в это, после чего все остальные тоже поверят.

Я неуверенно поднимаю руку и осторожно кладу поверх его руки. Закрывая глаза, я чувствую, как катятся слезы. В этот момент я понимаю, как я на самом деле уязвима.

4 глава

«Продолжая борьбу, ты можешь помочь другому выйти из темноты».

— *Кэролайн Наороджи*

Джессика

Я убедила его, что буду в порядке. Я не хочу ехать в отделение скорой помощи. Последнее, что мне нужно, это иметь дело с родителями. Отец никогда не поймет, а мама совсем расклеится и сделает все намного хуже. Я избита, мне больно, но я могу это вытерпеть.

— Ты можешь сесть за руль? — обеспокоенно спрашивает он.

Я медленно сажусь в свою машину, морщась от боли. Моя грудная клетка пульсирует, а голова раскалывается. Он наклоняется, кладет локти на мое окно, и я чувствую себя очень жалкой. Я все еще в шоке оттого, что он здесь, помогает, заботится обо мне и проявляет искреннюю заинтересованность моим самочувствием.

— Джессика, я все еще думаю, что тебе нужно поехать в пункт первой помощи. Мне очень неловко, что я позволяю тебе самостоятельно ехать домой, но и заставить я тебя не могу. Чувствую себя просто ужасно.

Я смотрю на него, и его взгляд проникает сквозь мои крепкие «стены». Почему я чувствую себя так, будто не могу от него спрятаться? Будто он видит все мои темные страхи, секреты и боль. В данный момент у меня такое ощущение, словно я пострадала от огня, но мои ожоги не физические. Моя эмоциональная оболочка повреждена, и каждое слово или жест, обрушивающиеся на нее, отдаются болью во всем теле. Его доброта, заботливые слова и

действия исцеляют, как антидот ежедневной боли, которую причиняют люди, подобные Элизабет.

— Я буду в порядке. Спасибо тебе за помощь. Я знаю, ты не должен был. Обещаю, я никому не расскажу об этом.

Он пристально смотрит мне в глаза своим тяжелым взглядом, и мое дыхание замирает под его весом.

— Мне насрать, что обо мне думают в школе, Джессика. Старшая школа — это не вся моя жизнь. Все, что меня сейчас волнует, что я помог тебе и поступил правильно, проверив в порядке ли ты. Все остальное не имеет значения, — отвечает он, отталкиваясь от машины.

Он кладет руки на свои бедра и смотрит на меня. Мне нужно что-то сказать, но что? Что бы я ни сказала, все выглядело бы глупо и незначительно, по сравнению с тем, что он сделал для меня сегодня.

— Спасибо, Джейс, — все, что я произношу, прежде чем поднимаю стекло.

Он слегка машет мне, когда я выезжаю на дорогу. Мой мозг бешено работает, и, благодаря всем мыслям, крутящимся в голове, боль уже не кажется такой уж большой проблемой. Никто никогда не помогал мне так, как он, заботясь о моем самочувствии или поступая так, будто я на самом деле могу что-то значить. Я смотрю в зеркало заднего вида и вижу мигающие фары. Это Джейс.

Интересно, что он хочет сейчас.

Я съезжаю с дороги и вижу, как он открывает дверь своего F150², выпрыгивает из него и идет ко мне. Я открываю окно, и он протягивает мне бумажку.

— Здесь номер моего телефона. Ты можешь позвонить или написать в любое время, если тебе что-нибудь понадобится или случится что-то подобное, а меня не будет рядом. Хорошо?

Я смотрю на помятую бумажку, на которой нацарапан его номер, а потом на него. Должно быть, он видит мое очевидное смущение и удивление, потому что подходит ближе к моей машине.

— Все хорошо. Ты правда можешь позвонить мне, если тебе что-нибудь понадобится, — он искренне улыбается мне, затем поворачивается и направляется к своей машине.

Его пикап рычит, когда он проезжает мимо меня, а я просто сижу, не двигаясь. То есть звезда школы, кватербек, теперь мой друг? Это вообще возможно? Почему? Почему он хочет быть моим другом, и могу ли я допустить это?

Я никогда не была парню просто другом. Никогда даже не знала, как общаться с парнем без физического контакта. Я выезжаю на дорогу, надеясь, что родители уже спят, хотя сомневаюсь, что они заметят мое исцарапанное лицо или окровавленные коленки, даже если не спят. Они едва ли смотрят на меня, и даже когда смотрят, на самом деле, они не видят меня.

Когда иду в свою комнату, в доме тихо и темно. Я закрываю дверь, затем стаскиваю с себя грязную одежду. Кидаю ее в корзину для белья и смотрю на себя в зеркало, изучая последствия драки.

Щека слегка распухла, губа разбита, мочка уха пульсирует, и на лице несколько царапин от камешков на земле. Колени ободраны, а на ребрах уже начинают появляться синяки. Повязка, закрывающая порезы, почти отклеилась, и на рану попала грязь. Слава богу, в моей комнате есть отдельная ванная.

Я захожу и включаю душ, понимая, что мытье моего ободранного и искалеченного тела будет настоящей пыткой. Я снимаю свои трусики и чувствую, как боль распространяется по всему моему телу в тот момент, когда завожу руки назад, чтобы расстегнуть лифчик.

Я встаю под воду и делаю ее настолько горячей, насколько могу вытерпеть. Вода ошпаривает кожу, но я приветствую эту боль, тонкая грань между болью и удовольствием всегда находится на поверхности для меня. Мои инстинкты сражаются с желаниями, но я продолжаю стоять под обжигающими струями воды. Я чувствую жгучую боль, растекающуюся по моему телу, и наклоняюсь вперед, упираясь руками на стенку душевой кабины, пока обжигающая вода смывает с меня всю грязь и кровь.

Шрамы от многолетних порезов покалывают и начинают оживать, они всегда хорошо спрятаны от всех, независимо от вида одежды. Из-за участия в сборной по плаванию у меня не много мест, которые остаются скрытыми. Слишком много боли, от которой я не избавлюсь даже со временем. Эти мысли наполняют мою голову, напоминая, что независимо от того, насколько я буду чистой снаружи, грязь и отвращение всегда будут оставаться внутри меня.

Закутавшись в полотенце, я достаю из комода старую футболку с Motley Crue и натягиваю ее поверх мокрых волос. Заканчиваю переодеваться и достаю коробку из прикроватной тумбочки.

Вся тяжесть прошедшего вечера давит на меня, и я чувствую оцепенение. Оцепенение от боли, от унижения. Я хочу почувствовать хоть что-то, узнать, что я все еще жива. Поэтому стараюсь все держать под контролем: глубину и длину порезов, потерю крови. Это подвластно мне и только мне. Здесь, одна, в своей комнате я могу прорваться через безразличие, которое и составляет мою жизнь. Это приносит мне спокойствие и решимость. Каждый день я сжигаю себя изнутри, чтобы продолжать жить дальше.

Алая жидкость вытекает из пореза, когда я провожу лезвием по коже. Несмотря на физическую боль, я успокаиваюсь от знакомого ощущения внутреннего освобождения. Я сильно зажмуриваю глаза и выдыхаю, игнорируя боль от лезвия, потому что именно в этот момент я просто упиваюсь этой болью. Я надавливаю немного сильнее, чтобы чувствовать больше.

Я откладываю лезвие, протираю его спиртом и убираю обратно в коробку. Нахмурившись, я вздрагиваю от пощипывания спирта на коже, когда протираю порез и прижимаю ватку сильнее. Взяв повязку, я накладываю ее поверх, спрятав свежий порез, который оставит еще один шрам.

Достаю свой дневник и начинаю еще одну форму освобождения — переносу на бумагу свои мысли.

Погруженная в свои мысли

*Я ношу маску
Я все лишь фасад
Я в порядке, я сильная
Прикрытая ложь
За моей защитой
За всеми слоями
За стенами
Под цепями
Сломанный ребенок
Сражающийся в битве
Это ежедневная война
Растерянность и боль
Словно перетягивание каната
Любовь, ненависть
Да, нет
Я правда не знаю
Наблюдаю, как жизнь проходит мимо
Неудачник
Отсутствие самоконтроля
Крик в тишине
Опасение — это и есть битва
Которую я никогда не выиграю
Сожаления
Потери
Я продолжаю вести войну с собой
Желая
Кого-нибудь
Способного остановить битву...*

Я закрываю дневник и откладываю его в сторону. Я беру свой телефон и ищу номер Харрисона. Нажимаю «удалить» и стираю его из контактов и из своей головы со всеми, кто использовал меня, бросил и никогда уже не вернулся.

Мой телефон вибрирует, оповещая о новом текстовом сообщении от неизвестного мне номера. Я открываю сообщение и вижу только ссылку на видео с YouTube. Нажимаю на воспроизведение, но уже знаю, что там будет. Они записали мое избиение. Их лиц не видно, только мое. Я сижу здесь и проживаю это заново. Пролитываю комментарии и вижу: они все излучают ненависть. Комментарий за комментарием поливает меня грязью, и с этим ничего нельзя поделать. Выключаю телефон и погружаюсь обратно в оцепенение, в то место, где они мне не навредят. Я могу плакать, швыряться вещами, кричать или ломать что-то, но я сижу здесь только с двумя мыслями в моей голове.

Они никогда не прекратят.

Это и есть моя жизнь.

Я беру свой iPod и вставляю наушники. Никогда не могу уснуть в тишине. Мои мысли кричат, мелькают под веками, пока я не включаю свою музыку. Музыка — это некая форма терапии, приносящая мне необходимый комфорт. Я включаю плейлист с песнями Эми Ли и закрываю глаза. Текст песни «Sweet Sacrifice» наполняет меня, и я пишу еще немного, прежде чем уснуть.

Однажды вы поймали меня

В свою ловушку

Ваши слова ранят и обвиняют

Я до сих пор не знаю, почему вы ненавидите меня

Каждый день вы сажаете меня в клетку

Состоящую из вашей злости

Печальна и совсем одна

Запутавшаяся и сломленная

Это когда-нибудь кончится или я навсегда останусь связанной?

Всматриваясь в ваши холодные злые глаза, я понимаю... вы никогда не остановитесь

Никогда не отпустите меня

Ваши слова

Ваша ненависть

Останутся

Как мне сбежать от вас?

Скажите мне, задиры

Что бы вы делали, если бы мы поменялись местами?

Сжимая настолько сильно, насколько можете

Вы поймали меня

В вашу сеть

Ваши слова ранят меня

Обвиняют

Каждый день вы сажаете меня в клетку

Состоящую из вашей злости

Я стою совсем одна

Запутавшаяся и сломленная

Это когда-нибудь кончится, или я навсегда останусь связанной?

Всматриваясь в ваши холодные дьявольские глаза, я понимаю

Вы никогда не остановитесь

Никогда не отступите

Ваши слова

Ненависть

Как я могу сбежать от этого?

Скажите мне, задиры

Что бы вы делали, если бы мы поменялись местами?

Однажды вы поймали меня

В свою ловушку

Ваши слова ранят и обвиняют

Я до сих пор не знаю, почему вы ненавидите меня

Каждый день вы сажаете меня в клетку

Состоящую из вашей злости

Печальна и совсем одна

Запутавшаяся и сломленная

Это когда-нибудь кончится, или я навсегда останусь связанной?

Всматриваясь в ваши холодные злые глаза, я понимаю... вы никогда не остановитесь

Никогда не отступите

Ваши слова

Ненависть

Останутся

Как я могу сбежать от этого?

Скажите мне, задиры

Что бы вы делали, если бы мы поменялись местами?

В понедельник утром передо мной стоит ужасная задача: встретиться лицом к лицу со всеми в школе, понимая, что они уже знают о том, что случилось в выходные. Я иду по коридору и слышу шепот, чувствую их взгляды. Добираюсь до своего шкафчика и радуюсь, что на нем никаких записок.

Даже не оборачиваясь, я чувствую, что кто-то стоит у меня за спиной. Нет, не кто-то. Он. Я чувствую его присутствие из-за странных вибраций между нами.

— Привет, Джессика. Как ты себя чувствуешь? Надеюсь лучше, чем в последнюю нашу встречу, — спокойно произносит он.

Я не могу поверить, что он стоит здесь, в коридоре, и разговаривает со мной у всех на глазах.

Он сумасшедший?

Очевидно, он не в своем, так всеми любимом, уме. Если Элизабет увидит, как он разговаривает со мной, она точно выйдет из себя. Я закрываю шкафчик и прижимаю тетрадь к груди. Я делаю все возможное, чтобы избежать его взгляда, пока пытаюсь обойти его.

— Все станет намного хуже, если Элизабет, Хейли или еще кто-нибудь увидит, как ты разговариваешь со мной. Пожалуйста, просто уходи. Я благодарна за то, что ты сделал, но, пожалуйста, не дай им увидеть тебя со мной, — говорю я тихо, чтобы услышал только он.

Я быстро иду в класс, и, хотя не смотрю, чувствую, что он рядом. Боже, он сошел с ума. Он хочет, чтобы из меня еще раз выбили все дерьмо?

— Что, черт возьми, ты делаешь, Джейс? — шиплю я, когда встречаюсь с ним взглядом. — Ты хочешь, чтобы они увидели?

— Я сказал тебе, мне нет никакого дела, что обо мне думают другие. Я не марионетка Элизабет, в отличие от остальных.

Я перестаю смотреть на него, в голове настоящая путаница.

— Что насчет риска, которому ты подвергаешь меня? Если они увидят, как я разговариваю с тобой, они тут же слетят с катушек, — говорю я хмурясь.

Из него вырывается смешок, и мой рот открывается от удивления.

— Что? Ты сейчас в самом деле смеешься надо мной? — спрашиваю я.

Он скрещивает свои накачанные руки на груди и улыбается.

— Да, да я действительно смеюсь. Что такое слететь с катушек, Джессика? Мне любопытно узнать, — дразнит он.

Он смеется надо мной. Я поворачиваю голову и смотрю на него. Моя злость сменяется замешательством, и я ничего не могу поделать, но на моих губах появляется улыбка. И чувствую, как к щекам подкрадывается румянец.

Это просто какой-то ночной кошмар!

Я не могу стоять в коридоре школы и флиртовать с Джейсом Коллинзом, парнем моего злейшего врага. Такое поведение может привести к смерти.

— Видишь, я заставил тебя улыбаться. Ты чувствуешь себя лучше? Ты не можешь злиться на того, из-за кого ты улыбаешься. Это факт! — его голубые глаза блестят, и белизна его идеальных зубов просто убивает меня. Он, правда, очень привлекательный и красивый. Не по-женски красивый, а мужественный.

— Мне кажется, это первый раз, когда я вижу твою улыбку. Тебе следует улыбаться намного чаще, — говорит он, пока с важным видом рассказывает передо мной.

Я не могу стереть эту улыбку со своего лица, пока иду дальше по коридору. Опустив голову, пытаюсь скрыть свое счастье. Я молюсь, чтобы никто не видел наш маленький разговор. Думаю, он прав — это, наверное, первый раз, когда в стенах школы у меня появилась причина для улыбки. Я прокладываю свой путь на урок английского и сажусь на свое привычное место в самом конце кабинета. Прохожу мимо Джейса, а он ухмыляется и подмигивает мне.

Какого черта?

Он флиртует со мной. Или, может, это всего лишь его способ быть дружелюбным. Я не могу разгадать его намерения, и это сводит меня с ума.

Элизабет с Хейли заходят в класс, притягивая все взгляды на себя своими громкими отвратительными голосами. Я опускаю голову и смотрю в тетрадь, чтобы избежать зрительного контакта с ними. Вжимаюсь в свой стул и отклоняюсь от них так сильно, как могу.

— Я вижу, что твоя побитая задница уцелела, Джессика. Как себя чувствуют твои ребра этим утром? — говорит Хейли, но я не поднимаю свой взгляд. Надеюсь, что миссис Алкотт скоро придет, поэтому просто держу глаза опущенными.

— Оставь ее в покое, Хейли! Ты на самом деле считаешь, что это привлекательно — быть такой сучкой?

Я поднимаю глаза ровно настолько, чтобы увидеть, как Джейс защищает меня. От шока рот

Элизабет открывается, и она сердито смотрит на Джейса. Мой желудок скручивает, когда он отводит глаза от нее, чтобы встретиться со мной взглядом. Я чувствую жар, растекающийся по моему лицу, и надеюсь, что никто не увидит безмолвный разговор между нами. Входит миссис Алкотт и откашливается, отвлекая всеобщее внимание от нас.

— Хорошо, пожалуйста, займите свои места и достаньте домашнюю работу, которую вы делали на выходных, — говорит она и поправляет очки на носу.

Джейс дарит мне слабую улыбку и поворачивается обратно на своем месте. Я вытаскиваю свое домашнее задание по поэзии. Мы должны были написать стихотворение, вставить туда цитату известного человека и прочитать перед всем классом. Слава богу, что перед всеми мы должны делиться только цитатой. Не думаю, что смогла бы выдержать, если бы мое стихотворение было выставлено на всеобщую критику и оценивание. Мои ладони уже потеют только от мысли, чтобы говорить что-то перед всеми.

— Кто хочет первым поделиться своей выбранной цитатой? — спрашивает миссис Алкотт. Несомненно, Элизабет тянет свою руку. Она всегда должна быть центром внимания.

— Я хочу, миссис Алкотт, — говорит она своим высоким, энергичным, самоуверенным голосом.

— Хорошо, мисс Брант. Можете быть первой.

Элизабет достает листочек, и перекидывает свои волосы через плечо, когда встает. На ней плотно облегающие джинсы, модный кружевной топ, большие висячие серьги, и слишком много макияжа. Ничего нового — она всегда одета как кукла Барби.

— Выбранная мною цитата Эй Джей Маклина: «Я хорошо выгляжу, и чтобы не показаться высокомерным, звучу я тоже хорошо», — говорит она с небольшим хихиканьем в конце.

Боже, как же глубоко это? Да, ты очень глубока, Элизабет.

Несколько ее приспешников хлопают, будто она избавила весь мир от голода или чтобы оправдать эту дерьмовую цитату. Независимо от того, какой невежественной она себя выставляет, они все равно стараются уловить каждое ее слово или действие. Это выглядит жалко.

— Хорошо, мисс Брант. Спасибо за то, что поделились... такой пронизательной цитатой, — говорит мисс Алкотт, совершенно не одуроченная.

— Что насчет вас, мисс Александр? Можете следующей поделиться своей выбранной цитатой?

Я жую свою нижнюю губу, пока медленно поднимаюсь со стула. Глубоко вдыхаю, ненадолго закрываю глаза, потом выдыхаю. Я вытаскиваю листочек, пытаюсь удержать свои руки от дрожи.

— Эм... моя цитата принадлежит Лао-Цзы: «Враги человечества — не демоны, а сами люди», — бормочу я, перед тем как сесть.

Чувствуя взгляды, устремленные на меня, я хочу стать невидимой в этот самый момент. Я знаю, все понимают подтекст этой цитаты.

— Мисс Александр, это было очень трогательно. Спасибо за то, что поделились. Кто хочет быть следующим?

Джейс поднимает свою руку.

— Я хочу, миссис Алкотт.

— Отлично, Джейс. Пожалуйста, выходи вперед.

Все его шесть футов (прим.перев. примерно 183 см) поднимаются и поворачиваются немного в мою сторону. Мой взгляд тут же начинает метаться между ним и моей партой.

— Моя цитата принадлежит Альберту Эйнштейну: «Мир — опасное место, не из-за людей, которые творят зло, а из-за тех, кто наблюдает за этим и ничего не делает», — он медленно поднимает голову и смотрит прямо в мои глаза, а потом садится.

Я чувствую себя полностью уязвимой и обездвиженной, пока смотрю на Джейса. Когда он оборачивается, все в комнате становится размытым. Взгляд Элизабет сковывает меня, и я точно знаю, что скоро последуют ответные действия.

5 глава

«Это волшебно и одновременно печально то, что мы должны делать ради выживания».

— Кори Тейлор

Джессика

Звенит звонок, и вся обреченность резко наваливается на мои плечи. Я чувствую, будто Элизабет уже знает, что мы с Джейсом общались, и думаю, из-за этого она придет в ярость. Почему в первый раз, когда парень, кажется, откровенно заботится обо мне и обо всей херне, что происходит в моей жизни, он должен быть парнем самой злой сучки в школе, которая открыто предъявляет на него права? Наверное, это мое «везение».

Я сижу на своем месте и жду, пока остальные выйдут из кабинета, затем убираю свои учебники, надеясь, что она уйдет и не будет выливать еще больше грязи на меня. Пока сижу здесь, единственное мое желание — это сбежать из этого кабинета, от нее и ее наказания, которое для нее является огромной радостью.

Я смотрю, как Элизабет выходит из кабинета, и кидается прямо в руки Джейса, подтверждая свои права на него, как будто он — собака, а она — его хозяйка. Я рада, что мне не пришлось с ней столкнуться, поэтому тут же расслабляюсь. Покидаю кабинет и чувствую, что снова могу дышать. Пока иду по коридору, вижу все больше и больше людей, которые пялятся на меня и смеются. Это что, настолько увлекательно — смотреть, как кого-то избивают? Если бы они знали, на что похожа моя жизнь... Это, скорее всего, обеспечило бы им ночные кошмары.

Я иду к своему шкафчику, продолжая сканировать коридор на наличие Барби и ее отряда сучек. Посмотрев чуть дальше, вижу Джейса. Он стоит спиной ко мне, но я вижу Элизабет, стоящую перед ним, и ее нахмуренное лицо. Я точно не собираюсь проходить мимо них, когда они ругаются, особенно, если это может касаться меня. Я разворачиваюсь в противоположную сторону и иду к женскому туалету, к месту, которое я обычно всеми силами избегала, кроме, конечно, чрезвычайных ситуаций. Быть пойманной здесь с одной из этих стерв — последнее, что я хочу добавить в мой список того, с чем я никогда не хочу столкнуться.

Я с нетерпением жду, когда прозвенит звонок, и понимаю, что опоздание меня совершенно не волнует, пока меня не втянули в перепалку Элизабет с Джейсом. Я высовываю голову из двери туалета и вижу, что коридор пуст. Иду в класс и получаю карточку опоздавшего, но при этом никакой вины я не чувствую.

День тянется, и я продолжаю прятаться. Взгляды и шепотки рассеиваются из-за новой сплетни. Судя по всему, Эрин Симпсон залетела от одного из футболистов, и теперь это стало сенсацией. Благодаря отсутствию у нее презерватива, моя история стала для злых сплетников не такой актуальной.

Физкультура и раздевалка, обед и кафетерий — это самое ужасное время и место в моем дне. К несчастью, они идут друг за другом. Я была бы рада, если бы мой «ночной кошмар по расписанию» закончился одним махом, но все равно, ничего не сделает для меня это время дня радостным.

Пока я иду в спортзал, страх буквально сочится сквозь мои поры. Женская раздевалка — это поле битвы. Существует две группировки: «знаменитости» и «никто». Моя проблема в том, что я не принадлежу ни к одной группе. Я нахожусь между ними, в «болоте», между верхушкой и низом. Это самое ужасное место, и причина пребывания там — ненависть. Как будто у меня на спине огромная мишень, и самая большая группа «знаменитостей» школы целится прямо в нее.

Сегодня мы должны играть в волейбол, поэтому я делаю все возможное, чтобы быть как можно незаметнее. Элизабет и ее свита одеты в футболки, завязанные сзади на узел, потому что они не могут носить мешковатую одежду и не показывать свои идеальные тела. Они перешептываются и мельком смотрят на меня, но я игнорирую их на протяжении всего урока.

Наконец-то время для душа. Я быстро проскальзываю к шкафчику, хватаю вещи для душа и полотенце. Выбираю самую дальнюю кабинку и включаю воду. Вешаю полотенце на крючок за шторкой и вхожу в кабинку. Вдруг, слышу смех и сразу же узнаю голос Хейли.

— Эта шлюха заслужила это. Она все равно любит быть голой. Заставим ее показать всей школе то, что все парни видят каждые выходные.

Еще больше смеха и издевательств наполняют душную, заполненную паром раздевалку, и я закрываю глаза, не желая знать, что они собираются сделать со мной. Отодвигаю занавеску и высовываю голову. Сразу же вижу пустой крючок и понимаю, что они забрали мое полотенце. Сердцебиение ускоряется, а желудок падает вниз. Мой шкафчик находится очень далеко от душевой. Это значит, что придется идти голой, выставляя напоказ все мои шрамы, о которых никто не должен знать. Это единственное, что принадлежит только мне. Моя тайна. Мои физические шрамы, которые отражают все мои эмоциональные раны.

Я смотрю вниз на свое мокрое, покрытое шрамами, тело и возвращаюсь под струи воды. Вода стекает вниз, и слезы исчезают из моих глаз. Они смешиваются с водой, и мои страдания маскируются — печаль и безысходность, они никогда меня не покинут. Прислоняюсь спиной к кафелю, медленно сползаю на пол и притягиваю колени к груди. Я не хочу, чтобы они услышали, поэтому тихо плачу и жду, пока все покинут раздевалку.

Моя кожа сморщивается от воды, и я начинаю дрожать под струями холодной воды. Как могу, закрываю шрамы рукой и крадусь по кафельному полу к своему шкафчику. Как только вижу его, мне становится плохо. Дверца широко распахнута, и вся моя одежда исчезла. На внутренней стороне дверцы надпись «ШЛЮХЕ НЕ НУЖНА ОДЕЖДА». Я отчаянно

оглядываюсь в поисках чего-нибудь, чтобы прикрыть тело, и меня накрывает паника. Открываю все шкафчики, пытаюсь найти хоть один открытый, где я смогла бы взять хоть что-то, чтобы прикрыться. Затем дверь раздевалки открывается, входит Элизабет, держа iPhone в руке, и делает несколько моих фотографий.

— Позируй, Джессика. Покажи нам, что у тебя есть. Покажи миру, что ты показываешь парням по выходным — эту грязную венерически зараженную промежность, которая переходит из рук в руки как Chiclets³.

Хейли достает свой телефон и тоже начинает фотографировать. Они обе смеются, когда достают мою одежду и швыряют ее в меня.

— Держи, сука. Одевайся, меня тошнит от тебя. Ты — грязная шалава, разгуливающая голой, но никто хочет видеть твое отвратительное дерьмо.

Их смех эхом отражается от стен, заполняет всю комнату и проникает в самое мое сердце, когда они разворачиваются и выходят. Я быстро хватаю свою одежду, разбросанную на полу. Руки трясутся, и слезы стекают по щекам. Я пытаюсь устоять на своих ватных ногах, пока надеваю трусики и штаны. Футболка и лифчик мокрые, но мне плевать на это. Я собираю сырые волосы в конский хвост и обуваюсь.

Я должна узнать, что делать с этими фотографиями. Все эти годы я ничего у них не просила, но сейчас не могу позволить, чтобы эти фотографии попали в интернет. Я быстро иду в кабинет тренера и тихо стучу, прежде чем войти.

— Извините, тренер Хайнс, могу я с вами поговорить?

Она поднимает голову от работы и осматривает меня сверху вниз.

— Конечно, Джессика, но сначала я хочу, чтобы ты знала, что Элизабет и Хейли были здесь сразу после занятия и рассказали о проблеме, которая у вас возникла.

Что? Она, должно быть, шутит.

— Я не хочу быть вовлеченной в драму между парнем и девушкой, но скажу тебе, если ты будешь рассылать свои непристойные фото парню Хейли, пока ты учишься в школе, тебя могут исключить.

Естественно, они пришли сюда и солгали ей, чтобы прикрыть свои задницы. Я смотрю в пол со стыдом и нервно ковыряю свои ногти.

— Ну, о чем ты хотела со мной поговорить? — спрашивает она, будто раздражена на меня из-за того, что они ей сказали.

— Ничего, тренер. Не обращайтесь внимания.

Я знаю, что ничего никогда не расскажу. Это бессмысленно. Никого это не волнует, и никто не видит эту ненависть, которая каждый день проходит сквозь коридоры школы. Они слепы ко всему.

Последний звонок — самый сладкий звук, который слышу за весь день. Я не могу дождаться, когда сяду в свою машину. Обхожу парковку, но останавливаюсь, когда вижу Джейса, прислонившегося к моей «Хонде» и улыбающегося мне. Я нервно оглядываюсь, чтобы убедиться, что никто этого не видит. Может быть, это мираж, который означает, что я умираю от жажды, а он — единственный источник воды. Ноги будто приклеились к асфальту, и пока я стою здесь, понимаю, выгляжу как идиотка.

Джейс отталкивается от моей машины и начинает идти ко мне. Что он, черт возьми, делает? Вдруг, позади него останавливается машина. Это мудака Харрисон, которого я ненавижу всем сердцем.

Я отрываю ноги и заставляю себя двигаться вперед, надеясь, что Карандашный Член отвлечет Джейса настолько, чтобы я успела добраться до машины, прежде чем он приблизится ко мне. Если игнорировать тот факт, что он ждал меня, такой план был лучшим в подобной ситуации.

Я подхожу к своей машине и начинаю рыться в огромной сумке, в которой больше дерьма, чем серий в сериале «Hoarders»⁴, и ищу ключи. Если я когда-нибудь встречу с похитителем поздно ночью на улице или парковке, я офигенно облажаюсь. Я всегда ищу свои ключи гребаную вечность!

— Эй, Джесс, — я слышу, как он зовет меня, пока идет следом за мной.

Факт, что он назвал меня просто Джесс, заставляет ощущать странное чувство привязанности. Я пытаюсь вернуть самообладание — будто оно у меня когда-то было — и поворачиваюсь.

— Я порвал с Элизабет и сказал ей оставить тебя в покое.

Я распахиваю глаза от удивления и борюсь со смесью счастья и мучительного страха. В миллионный раз я удивляюсь, почему он делает это для меня. Я на самом деле не понимаю, это совершенно бессмысленно. Он мог дружить с любой девушкой школы, так почему со мной? Почему со странной, тихой одиночкой, о которой все любят сплетничать? Он популярный, привлекательный, из богатой семьи. Дружба со мной — вроде разрушения устойчивого шаблона.

Мы стоим здесь с кучей невысказанных вопросов между нами. Понимает ли он мои вопросы, я не уверена. Я точно знаю, что его ответы не будут случайными, хотя думаю, у нас обоих есть невысказанное желание, может быть даже потребность, услышать слова, которые мы слишком боимся спросить. Я не знаю что сказать, поэтому молчу. Уголки его губ поднимаются, и он засовывает руку в карман, достает зубочистку и отправляет ее в рот. Он начинает перекачивать ее между губ, пожевывая ее.

Боже.

— Я пытаюсь бросить курить, и это помогает.

— Окей, — сухо говорю я.

Я, в самом деле, не знаю, что сказать, или как поддерживать с ним беседу. Он так отличается от меня, что любые слова кажутся глупыми и неправильными. Я чувствую себя идиоткой, из-за того что стою и смотрю на него, как олень в свете фар, поэтому поворачиваюсь и открываю дверцу машины. Желание убежать и скрыться от этого неловкого момента давит на меня. Я привыкла знать, что хотят от меня парни. Обычно я знаю, чего они ждут от меня с самого начала, но с Джейсом я будто в тумане.

— Хей, эм, может, ты хочешь потусоваться у меня дома? У нас огромный бассейн, и мы можем поплавать? Открыть купальный сезон? Ты со мной?

Мои руки начинают трястись, когда я пытаюсь попасть ключом в замок. Его вопрос забрасывает меня в какую-то параллельную вселенную, в которой популярные сексуальные парни приглашают потусоваться девушек-изгоев. Я знаю, что должна перестать заикаться на его намерениях, но ничего не могу поделать. Конечно, я хочу провести время с ним, но знаю себя. Я отдаюсь каждому новому парню. Превращаюсь в хамелеона огромного масштаба и растворяюсь в каждом из них. Пытаюсь быть такой, какой они хотят меня видеть, цепляясь за надежду, что они будут любить меня в ответ. В конечном счете, это всегда заканчивается катастрофой.

По какой-то причине мысли о ненависти к Джейсу или же его ненависти ко мне немного разбивают мое сердце. Я сожалею о многом, но плохое окончание общения с Джейсом, может оказаться сожалением, с которым я никогда не справлюсь. Это чертовски пугает меня. Мои легкие расширяются, когда я делаю глубокий вдох, прежде чем отвечаю на его приглашение:

— Конечно, Джейс, — говорю я просто.

Выражение его лица меняется с обнадуженного до счастливого, как только он слышит мой ответ.

— Отлично. Встретимся через полчаса. Захвати свой купальник и приезжай ко мне. Если напишешь мне, я отправлю тебе сообщение с адресом.

Адрес совершенно не обязателен — все знают, что он живет в крупнейшем особняке за городом.

— Я знаю, где ты живешь. Я думаю, все знают это, Джейс, — отвечаю я с намеком на сарказм в голосе.

Он закатывает глаза и продолжает крутить эту дурацкую зубочистку во рту. Это невероятно сексуально, поэтому я хочу, чтобы он прекратил это делать.

— Джесс? Ты со мной, или будешь дальше стоять и наслаждаться видом? — сказал он с легкой флиртующей усмешкой.

Я начала отвечать, но голос будто покинул меня. Из-за моего влечения к нему я веду себя как абсолютная идиотка. Боже, у меня проблема.

Одна из его бровей изгибается и этим притягивает мой взгляд к его голубым глазам. Затем он опускает голову и смотрит прямо на меня.

— Ты будешь стоять здесь весь день или все-таки поедешь ко мне, где я надеру твою задницу в гонке?

Я выпрямляю плечи и поднимаю брови. Он серьезно бросает мне вызов? Я могу быть тихоней и одиночкой, но я чертовски хороший пловец. Я могу выстоять против многих, даже против парней.

— Ты хочешь посоревноваться со мной, Джейс Коллинз? — спрашиваю я.

— Ага! Именно это я и собираюсь делать. Что? Испугалась? — спрашивает он с легким

довольным смешком.

Мне хочется быть в восторге от его интереса ко мне, оттого, что я поеду к нему домой, буду зависать с ним, но зная, что эти фотографии, возможно, скоро попадут в его руки, я ничего не могу поделаться и чувствую некоторое опасение. Не говоря уже о том, что я подавлена из-за того, что эти сучки снова зашли так далеко. Я не хочу, чтобы он снова видел мою слабость или мою испорченную сторону.

Он уже видел достаточно, Джессика.

— Нет, не испугалась. Только волнуюсь за твое эго, — парирую я.

— Мое эго? — сказал он, явно заинтригованный моим ответом.

— Ага, потому что после того, как я надеру твою задницу, оно пострадает. Я надеюсь, ты сможешь скрыть их, ты же звезда спорта и все такое. Не хотела бы я испортить твою привлекательность, — поддразниваю я его. Я слабо улыбаюсь и понимаю, что во время нашего разговора наконец-то чувствовала себя нормально. Две минуты я ощущала себя обычной девушкой и всего-то из-за игривого подшучивания.

Интересно.

— Внутри скромницы, которой ты всех дуришь, спрятана маленькая хитрюга? Ты меня не проведешь, мисс Александр, но я с удовольствием позволю тебе поколотить мое эго, хотя не думаю, что это произойдет. Встретимся через тридцать минут.

Он вытаскивает эту чертову зубочистку изо рта и уходит, оглянувшись на меня через плечо, прежде чем сесть в свой пикап. Я выдыхаю и понимаю, что не дышала, пока он стоял здесь. Кожа на лице, кажется, покраснела, и сердце бешено стучит. Я открываю дверцу машины и практически срываюсь со школьной парковки к своему дому. Я заезжаю на подъездную дорожку, выхожу из машины, и прохожу через парадную дверь, направляясь в свою комнату.

— Ээй, милая. Как дела в школе? — спрашивает мама, растягивая слова, тем самым давая понять, что Марта уже давно исчезла.

— Хорошо, мам. Просто прекрасно, — отвечаю я, затем закрываю за собой дверь и запираю ее.

Я снимаю школьную форму и рывком открываю комод с одеждой, в поисках своего купальника. Я вижу красный материал, торчащий из нижней части ящика и вытягиваю его. Это купальник из коллекции «Nike Fast Back», который я очень люблю. Хватаю сумку нашей сборной по плаванию, в которой лежат моя шапочка и очки для плавания, и выхожу за дверь. Я полностью подготовилась и решительно настроилась на победу.

Я останавливаюсь на длинной подъездной дорожке дома Джейса и сразу же чувствую нервозность, которая растекается по моему телу. Его мама привыкла видеть сына с кем-то, наподобие Элизабет. У нее есть все, чего нет у меня. Элизабет — это яркая, блестящая дорогая игрушка, а я — обычная, без «модных примочек». У моей семьи нет кучи денег или членства в местном загородном клубе. Я не тот тип девушки, которую она хочет видеть рядом со своим сыном.

Двойные гаражные двери открываются, и там появляется сексуальное лицо Джейса. Он одет в обычные шорты для плавания и белую майку и ухмыляется своей озорной улыбкой, которая нравится мне все больше и больше. А на мне надета винтажная футболка Beatles и черные спортивные шорты, а под ними — купальник, на ногах черные шлепки, а волосы я собрала в высокий конский хвост.

— Ты готова быть уничтоженной, Джесс? — ухмыляется он.

Каждый раз, когда он называет меня Джесс, я свечусь изнутри. Он может больше вообще ничего не говорить, а я уже буду счастлива даже от этого. Я робко ему улыбаюсь и перекидываю ремень своей сумки через плечо.

— Я готова, мистер Колинз. Давай посмотрим, что у тебя есть!

Я следую за ним по каменной дорожке, которая огибает его гигантский двухэтажный дом, и мы приближаемся к кованому железному забору и воротам. Он протягивает руку, отпирает замок, и когда мы ступаем на задний двор, у меня открывается рот.

Это абсолютно чертовски прекрасно!

Бассейн просто огромен, как он и сказал, с зоной джакузи и невероятным водопадом, что ниспадает каскадом в бассейн. Терраса украшена красивыми растениями, цветами и модной уличной мебелью. Чаша для костра и большая зона для отдыха, расположенная рядом с самым огромным нержавеющей грилем, который я когда-либо видела.

Я изучаю двор дальше и вижу завораживающей красоты беседку, увитую плющом, которая высоко возвышается над мебелью. Это похоже на маленький спрятанный кусочек рая. Если бы я здесь жила, то никогда бы не уезжала отсюда, даже в отпуск. У него есть личное место для отпуска на собственном заднем дворе!

— Черт! — говорю я и слишком поздно понимаю, что мои мысли только что незаметно покинули рот.

Он понимающе улыбается. Я имею в виду, да ладно, даже он должен знать, что это место обалденное.

— Я так понимаю, бассейн тебе понравился, — говорит он.

— Эээм, да, понравился. Дерьмо, Джейс, почему ты вообще выходишь из дома? Если бы я здесь жила, я бы никогда никуда не уходила!

Он качает головой и, захватив руками майку, начинает стягивать ее через голову, оголяя при этом свой накачанный пресс.

Боже, этот парень хорош!

Я отворачиваюсь, чтобы не было так очевидно, что я практически задыхаюсь от его вида. Он кидает свою майку на кресло у бассейна и начинает растягиваться, поднимая руки над головой.

— Здесь, правда, хорошо, соглашусь, но ты знаешь, это еще не все. Иногда это слишком трудно выдержать, слишком.

Я не имею ни малейшего понятия, о чем он говорит, но есть такое ощущение, что в этом существует какой-то скрытый смысл. Я не отважусь спросить, но начинаю думать, что в Джейсе Коллинзе есть намного больше, чем кажется на первый взгляд. Всплеск воды, когда он ныряет, выдергивает меня из погружения в мысли. Я кладу свою сумку на кресло и останавливаюсь на секунду, внезапно чувствуя нервозность из-за того, что должна раздеваться у него на глазах.

Все ощущается по-другому, когда я рядом с Джейсом: захватывающе, но непредсказуемо, обнадеживающе, но неопределенно. Я не могу объяснить или даже понять, почему с ним должна быть какая-то разница. Он — просто парень. Парни, в большинстве своем, одинаковы. Так, что же заставляет его выделяться?

Кто же ты такой, Джейс Коллинз?

Я не знаю, но думаю, что хочу разобраться.

Я осторожно снимаю футболку и наклоняюсь, чтобы стянуть шорты. Мурашки появляются на коже, а сердце стучит в груди. Недавнее воспоминание о том, как сегодня у меня украли одежду, всплывает в голове, и от него совершенно невозможно избавиться. Из-за этого адреналин начинает нестись по венам, но я заставляю себя не думать об этом, когда достаю из сумки свои очки и шапочку. Я надеваю их, в то время как Джейс начинает говорить со мной с другого конца бассейна.

— Ты взяла с собой очки и шапочку? — спрашивает он с искренним удивлением в голосе.

Я поднимаю свой указательный палец, на котором висят очки, а шапочка — в другой руке.

— Конечно, я взяла. А что? Ты соревнуешься без них?

Он откидывается на стенку бассейна, кладет локти на бортик и сжимает губы в жесткую линию. Он думал, что я приду неподготовленной для того, чтобы сбить с него всю спесь? Он определенно недооценивает меня, что совершенно неудивительно.

— Ну, я не предполагал, что ты придешь во всеоружии. Ты на самом деле должна волноваться о том, что я одержу над тобой победу, ха, — он смеется, когда отталкивается от стенки бассейна, погружается в воду и плывет в мою сторону.

Его голова появляется над водой, чуть ниже того места, где стою я. Он смотрит вверх на меня и щурится от солнца, которое светит ему в лицо.

— Ну ладно, тащи сюда свою задницу, чтобы мы смогли сделать это. Я могу победить тебя, с шапочкой или без, с очками или без. Уверен, тебе нужна любая помощь, которая только существует, поэтому используй все приспособления, которые считаешь необходимыми, мисс Александр.

Я открываю рот и начинаю отвечать, но он тянется вверх, хватая мою левую ногу под коленкой и тянет на себя. Я пытаюсь вырваться из его хватки, но он держит сильнее.

— Эй! Отпусти меня! — визжу я.

— Неа, ты тянешь время, — говорит он, дергая меня в последний раз.

Я падаю в воду, и моя кожа покалывает от неожиданного холода. Задержав дыхание, я плыву в

противоположную от него сторону. Открываю глаза под водой и вижу, что он прямо позади меня. Волнующая энергия прокатывается по мне, и я ускоряюсь, пока не достигаю дальней стенки бассейна, выныриваю и втягиваю столько воздуха, сколько могу. Я чувствую, как волны увеличиваются по мере того, как он приближается ко мне.

— Почти! Я почти поймал тебя, но у тебя было преимущество на старте, — восклицает он игриво, пока кладет свою мокрую руку на край бассейна. — Никогда не думал, что был хотя бы намек на то, что ты выиграешь.

Он проводит рукой по своим мокрым волосам и трясет головой как собака. Он восхитительный. Восхитительный, сексуальный, мускулистый и милый.

Все в одном лице.

Его закрытость заставляет чувствовать себя неловко, но при этом и нуждающейся. Мое дыхание начинает ускоряться, и я быстро стираю капельки воды со своего лица, потому что из-за хлорки все мои незажившие царапины начинает жечь. С этим движением приходит боль в ребрах, и от этого я немного морщусь.

— Все еще болит? — спрашивает он. Его улыбка исчезает, и голубые глаза темнеют. Он, кажется, раскаивается по поводу того, что случилось со мной, но если бы не он, то неизвестно, сколько времени я бы пролежала там, в грязи и на гравии. Я посылаю ему улыбку и прочно закрепляю свою невидимую маску на месте.

— Все хорошо. Сейчас мне уже не так больно. Я в порядке, правда. Не беспокойся, — говорю я беспечно, пожимая плечами так равнодушно, как могу.

Он поднимает руку и очень нежно очерчивает мою скулу. Я задерживаю дыхание и нервно отворачиваюсь от его взгляда. Я почти хнычу, когда он убирает свой палец, но затем нежно кладет его мне под подбородок, поднимая мое лицо обратно вверх так, что мы практически смотрим друг другу в глаза.

Непреодолимая энергия окружает нас. Он придвигается ближе, его руки лежат на моей пояснице, притягивая меня в тепло его тела. Мой разум уносится от меня, когда мой взгляд перебегает от его глаз к губам. Его дыхание учащается, и моя грудь начинает подниматься и опускаться в унисон с его.

Он собирается поцеловать меня?

А я хочу, чтобы он меня поцеловал?

Ответ приходит мгновенно.

Да, я хочу, чтобы он меня поцеловал!

Мои губы приоткрываются, когда мы смотрим друг на друга, кажется, целую вечность. Я закрываю глаза и придвигаюсь, мечтая, чтобы он захватил мои губы своими. Внезапно его руки застывают, и он резко отталкивает меня, создавая пространство между нами.

Мои глаза распахиваются в удивлении. Он смотрит вниз с гримасой на лице. Он выглядит взбешенным. Что я сделала? Я думала, что он хотел поцеловать меня. Он притянул меня к себе, поэтому я последовала за ним. Что за... Мне стыдно, и я абсолютно унижена.

Беги.

Убегаю от ситуации, вот что я всегда делаю. Если что-то не так, то я убегаю. Я сильно прижимаю руки к краям бассейна и пытаюсь поднять себя вверх из воды, но чувствую, что его руки хватают мои бедра, останавливая меня. Я снова опускаюсь в воду и остаюсь совершенно неподвижной, хотя прямо сейчас все внутри меня сходит с ума. Я не оборачиваюсь. Не могу. Я должна избегать любого зрительного контакта, избегать что бы, черт побери, не случилось между нами. Он наклоняется вперед, и я чувствую его дыхание на своей шее.

— Я сожалею, — шепчет он.

Не больше, не меньше. Просто «я сожалею». Мы остаемся в таком положении еще одну минуту, его грудь к моей спине. Он наклоняет голову вперед, и опускает лоб на мои мокрые волосы.

— Я сожалею, Джесс. Я не должен был делать этого. Я не хочу, чтобы ты думала, что я хочу просто потрахаться, потому что это не так. Я не Харрисон или любой из этих никчемных кусков дерьма. Я хочу быть твоим другом, поэтому не должен был пересекать эту грань. Я правда сожалею.

Тепло его дыхания продолжает атаковать нежную кожу на моей шее с каждым словом, что он произносит.

— Это потому, что ты восхитительна своей естественностью и красотой. Это так возбуждает, и ты не похожа на ту, которой люди тебя считают. Ты сильная, независимая и значишь гораздо больше, чем тебе кажется, но ты не веришь в себя, — он делает глубокий выдох и продолжает: — Это трудно, не увлечись тобой, настоящей тобой.

Я медленно поворачиваюсь и поднимаю на него глаза, пытаюсь остановить слезы, которые хотят пролиться из моей души. Никто никогда прежде не говорил мне что-то подобное. Мое сердце переполняется, а внутри растекается тепло. Он смотрит глубоко внутрь меня, проникая через стену, которую я возводила семнадцать лет. Кирпичик за кирпичиком, слой за слоем, он прорывается сквозь них.

— Я. Вижу. Тебя. Джессика Александр, — он берет мои щеки в руки и повторяет себе, — я вижу тебя. Тебе тоже нужно себя увидеть. Если помотришь глубже, то увидишь прекрасную, сильную девушку, которая держит весь мир на ладони. Не позволяй жизни пройти мимо из-за таких людей, как Элизабет и Хейли. Ты понимаешь меня?

Он тянется и берет меня за руку. Я иду за ним, когда он выводит нас из бассейна. Он подходит к своему креслу и хватает полотенце, вручая его мне.

— Вот. Вытирайся. Изменение планов, — говорит он.

Что происходит? Что за новый план?

Должно быть, он видит вопрос в моих глазах, но, прежде чем я успеваю озвучить его, он говорит:

— Я хочу показать кое-что.

Я молча киваю, потому что прямо сейчас он задумчив и серьезен, так что я не совсем уверена, что сказать. Никогда не видела эту его сторону. Он натягивает свою майку и надевает

сандалии. Хватает второе полотенце и быстро вытирает свои волосы. Я наспех натягиваю свою одежду на мокрый купальник, затем собираю волосы так, как получается. Засовываю ноги в свои шлепки и хватаю сумку.

Ничего не говоря, он идет к выходу и открывает ворота. Я нервничаю, потому что-то не так, неправильно. Не знаю, как объяснить это, но у меня есть ощущение, что, куда бы он ни привел меня, это плохое место. Он обходит и открывает пассажирскую дверь своего пикапа для меня. Теплая кожа сиденья приятно касается моей кожи, когда я пристегиваю ремень безопасности. Он закрывает дверь, затем оббегает вокруг, запрыгивает внутрь и заводит двигатель. Его пикап громкий и большой. В этой штуке я как будто нахожусь в десяти футах над землей. Он дает задний ход и с легкостью маневрирует мимо моей маленькой машинки. Когда мы выезжаем на дорогу, он направляется в город.

Прежде чем мы достигаем окраины, он сворачивает на боковую дорогу. Когда мы проезжаем немного дальше, я мгновенно понимаю, где мы. Мой желудок скручивает, и я хватаюсь за свою сумку, как будто это гарантия безопасности. Он сворачивает с дороги проезжает через вход прямо под огромной аркой, которая большими, украшенными завитками буквами гласит: «Городское кладбище».

Почему он привез меня на кладбище?

Это не может быть хорошо.

6 глава

«Другие... но не уступающие».

— Тэмпл Грандин.

Джессика

— Послушай, Джесс. Я понимаю, ты, скорее всего, сейчас немного растеряна и удивлена, какого черта я привез тебя сюда. Я только хочу, чтобы ты... поняла, — говорит он, опустив голову на руль.

Поняла что?

Он полностью заполняет это место. Это немного сводит меня с ума и мне трудно что-либо сделать. Это слегка неловко и напряженно. Воздух в кабине грузовика сгущается, и уровень моей нервозности достигает максимальной точки. Я должна что-то сказать, но что? Почему, впервые я чувствую себя сильной, когда он слаб и уязвим? Это не то чувство, с которым я когда-либо сталкивалась, поэтому не имею ни малейшего понятия, как его утешать, или как вообще на это реагировать.

Он спасает меня от моего внутреннего противостояния, когда открывает свою дверь. Выходит, захлопывает ее, обходит машину вокруг и подходит ко мне. Дверь открывается, и он протягивает руку, предлагая мне ее, чтобы я выбралась из его чудовищного грузовика. Я спрыгиваю, он закрывает мою дверь и усиливает хватку на моей руке, когда я следую за ним.

— Я никогда никого не привозил сюда прежде. Никто, кроме семьи, об этом не знает. Она всегда была позорным секретом, и родители считали, что это может запятнать их совершенный, хорошо сложенный стиль жизни загородного клуба.

Кто? О ком он говорит?

Я сейчас полностью растеряна, но все равно не задаю вопросов. Думаю, ему сейчас необходим тот, кто его выслушает. Так что я просто буду этим человеком. Он глубоко вздыхает, когда мы подходим к красивому надгробному камню, на котором с двух сторон изображены два ангелочка.

«Женевьев Бэлл Коллинз

Любимая дочь и сестра

Пусть она навсегда уйдет к ангелам».

Мое сердце падает куда-то в желудок, и челюсть напрягается. Он сильнее сжимает мою руку, и я чувствую облако грусти, окружающее нас. Освободив мою руку, он садится на колени перед могилой.

— Моя сестра. Она была аутистом, и ее жизнь быстро прервалась из-за таких людей как Элизабет, потому что она была другой, — говорит он сквозь стиснутые зубы.

Я смотрю вниз и вижу напряженные мышцы на его шее. Он поднимает руку и проводит ею по волосам. Я чувствую его боль и потерю, которую он чувствует всегда. Мои глаза опускаются на надгробие рядом с надгробием его сестры, и я вижу, что оно принадлежит его отцу. Я знаю, что он покинул этот мир много лет назад из-за рака, но то, что я сейчас нахожусь здесь, делает все намного запутаннее. У меня не самая лучшая семья, но, по крайней мере, все они до сих пор живы. Мое сердце еще немного разбивается, когда я сажусь на колени рядом с ним и жду, когда он закончит свою историю.

— Ее не стало два года назад. С тех пор я делал все, что было в моих силах, чтобы забыть тот чертовски ужасный день.

Он кладет обе руки на голову, хватая свои волосы и опускает голову на руки. Я тянусь и кладу руку ему на спину, молча его успокаивая.

— После ее рождения у мамы была послеродовая депрессия, поэтому она наняла модную высокооплачиваемую няню, чтобы заботиться о ней. Когда она подросла, начали проявляться ее отличия. В два с половиной года педиатр сказал моим родителям, что у нее есть признаки аутизма. Когда пришло время идти в школу, она все еще вела себя как ребенок, только начавший ходить и говорить, поэтому мама настояла на том, чтобы поместить ее в школу для детей с особыми потребностями. Она практически спрятала ее ото всех и позволила няне делать всю ее работу. Мама казалась потерянной, и ее холодность по отношению к Женевьев была ужасна. Я никогда это не замечал, поскольку мама всегда была сфокусирована на мне.

Он вздыхает и проводит пальцами по выгравированным словам на надгробном камне перед тем, как продолжить.

— В школу и обратно ее возили на специальном автобусе. Как я и говорил, мама хотела

спрятать ее ото всех. Даже несмотря на то, что Женевьев вербально себя никак не выражала и не любила физического контакта, она всегда позволяла мне обнимать ее. Все остальные думали, что она ни с кем не общалась, но это не так: она общалась со мной. Она всегда тянулась ко мне, трогала мое лицо и улыбалась. Она была очаровательна и невинна. Я всегда чувствовал, что ей одиноко, даже когда доктора сказали, что, возможно, ей необходимо время, чтобы побыть в одиночестве. Я ежедневно заходил к ней в комнату и играл с ней. Ей нравилось расставлять на полу разные предметы в линии, поэтому я помогал ей в этом. Это может показаться глупым, но это было наше время, только для нас двоих.

Одинокая слеза скатывается по его щеке, и мое сердце разбивается из-за него еще раз.

— Однажды она вышла из автобуса и несколько детей из средней школы, проходивших мимо, начали кричать ей что-то. Я имею в виду неприятные вещи. Я так разозлился, что побежал за ними, крича, чтобы они заткнулись и оставили ее в покое. Я был единственным, кто встречал ее на остановке и провожал до дома, поэтому именно мне приходилось видеть этих уродов каждый день.

Я чувствую, как он напрягается, быстро встает, стирая слезу с лица.

— Однажды я опоздал, — говорит он, сломавшись. Наполненные болью рыдания вырываются из его горла, и его тело дрожит, когда он закрывает руками лицо. Он трясет головой, пытаясь стереть воспоминания о том, что случилось.

— Я чертовски опоздал, Джесс. Эти уроды начали кидать в нее камни, и она испугалась. Она начала убежать от них. Когда я побежал за ней, все, что я видел, это бегущую Женевьев и детей, преследующих ее. Автобус уехал, даже в правилах было прописано, что он «не имеет права уезжать до тех пор, пока ее кто-нибудь не встретит». Она, наверное, была ужасно напугана. Выбежала на дорогу очень неожиданно и была сбита грузовиком, который проезжал мимо. Она погибла мгновенно — именно там, прямо у меня на глазах.

Его тело подрагивает, когда у него вырывается самый душераздирающий звук, который я когда-либо слышала. Как будто он в первый раз плачет по своей потере. Я тянусь и обхватываю его руками. Он кладет свою голову мне на плечо, и я чувствую, как моя футболка намокает от его слез. В этот момент он похож на маленького напуганного мальчика, а не на большого и сильного квотербека. А я чувствую себя сильной, поддерживая его, а не слабой девочкой, которая позволяет другим унижать ее. Он шмыгает носом, поднимает голову и вытирает глаза. Он выпрямляется и внезапно обратно превращается в сильного Джейса.

— Мне жаль. Ты, наверное, думаешь, что я какая-то большая плакса или типа того, — говорит он и снова подносит свои руки к лицу.

— Нет, не думаю. Если бы ты рассказал мне эту историю, не проронив ни одной слезинки, я бы подумала, что с тобой что-то не так, — говорю я и чувствую, как мои собственные слезы катятся по щекам.

— После ее смерти моя мама, впервые с рождения Женевьев, вела себя как мама. Эта смерть очень сильно повлияла на моих родителей. Их мучили вина и сожаление. Мама уже никогда не была такой, как прежде. Она неделями не выходила из комнаты, ничего не ела, не ходила в душ. Наш дом долгое время был похож на склеп. Потом мама наконец-то занялась лечением своего горя и депрессии, и врач убедил ее, что остальные члены семьи тоже нуждаются в терапии. Мы начали посещать семейные сеансы, и там я научился не ненавидеть свою мать за то, как она себя вела с Женевьев. До этого момента я никогда не видел, насколько она была

убита горем, и как мучилась от своей вины.

Невыносимо видеть грусть на его лице. Это душераздирающе.

— С тех пор я пытался быть идеальным сыном для нее, особенно после смерти отца. Я только хотел, чтобы она была счастлива, понимаешь? В конце концов, это была моя вина, что Женевьев погубила. Если бы я пришел вовремя, это никогда бы не произошло. Я не хотел, чтобы во мне она видела виновника в смерти моей сестры. Я хотел быть для нее сыном, которым бы она гордилась.

Он прикасается губами к кончикам двух пальцев и прикладывает их к надгробию.

— Я скучаю по ней каждый день, — шепчет он.

Мое сердце раскалывается пополам от этого.

— Поэтому я не могу пройти мимо и позволить кому-либо издеваться над тобой, унижать только потому, что у них есть какое-то извращенное преимущество. Если кто-то отличается, это не значит, что они не достойны уважения. Она была другой, социально-неприспособленной, но она была таким же человеком, как и все. Прелестная девочка, которая не заслужила, чтобы на нее смотрели сверху вниз, дразнили или смеялись над ней. Подумай, если бы один из тех детей вышел вперед и выступил против своих друзей, этого бы не случилось. Но никто это не сделал. Они позволили этому случиться, и это делает их всех виновниками в равной степени. Я не могу быть таким человеком. Не могу, — он трясет головой в отвращении.

Все кусочки пазла, которым является Джейс Коллинз, начинают складываться в полную картинку. Я была смущена его добротой. Я не уверена, почему он сейчас упомянул о том, как ужасно те девочки относятся ко мне, но я понимаю, почему он ведет себя так решительно по этому поводу. То, что он видит мою физическую боль, наверное, выносит все его чувства на поверхность.

Мне хочется задать ему миллион вопросов, но я этого не делаю, потому что знаю, как сильно я бы ненавидела тех, кто терзает меня, если бы была на его месте. Почему люди это делают, почему действуют именно так. Это всегда скрыто за страхами, нервозностью или недопониманием.

Я знаю, это для меня неизвестно. Понятия не имею, почему я чувствую себя именно так, или почему думаю именно так, как думаю. Это наибольшая часть проблемы для меня. Иногда чувствую, что если бы у меня была настоящая причина, я бы смогла найти решение.

В жизни Джейса произошло травмирующее событие, которое заставило его повзрослеть намного быстрее, чем других людей нашего возраста. Ему пришлось иметь дело с трагедией, которую множество людей даже представить не могут. Из-за этого мои проблемы становятся маленькими, незначительными. Ладно, моя мама пьет, а папа ведет себя так, будто меня вообще не существует, но я никогда не сталкивалась с тем, с чем пришлось столкнуться Джейсу.

Это заставляет меня быть не в ладу с моими эмоциями и ежедневными приступами депрессии и нервозности. Мое настроение все время меняется — от отчаянности до одобрения и любви. Эти чувства такие чрезмерные, такие сильные, что ощущение, будто я постоянно движусь на автопилоте, по крайней мере, половину времени без какого-либо контроля над этими эмоциями. В остальное время я захопываюсь и нахожусь в оцепенении.

Вот именно поэтому я себя режу. Я контролирую эту боль. Она принадлежит мне. Я могу начать и прекратить это тогда, когда сама захочу. Ежедневные мысли, кружащиеся в моей голове, похожи на плохое, никогда не прекращающееся шоу. Оно проигрывается изо дня в день. Это постоянное противостояние, которому у меня нет никакого объяснения. Это выводит меня из равновесия больше всего — я действительно сомневаюсь, что то, что у меня все время отсутствующие родители, может привести к такой глубокой боли. Хотя кто знает? Я не психиатр или кто-то вроде этого. Может быть, я сама в нем нуждаюсь, хотя мысль о том, чтобы показать кому-нибудь мою самую глубокую и темную часть, ужасно пугает меня.

— Я очень сожалею о том, что случилось с твоей сестрой и семьей, но ты не можешь во всем винить себя.

Я пытаюсь остаться спокойной и в то же время борюсь со своими слезами.

— Ты не был тем, кто преследовал ее тогда. Не ты это делал, а те дети.

Я пытаюсь хоть немного облегчить его вину, хотя почти уверена, что сказать это намного легче, чем сделать. Я чувствую потребность в том, чтобы сказать ему хоть что-нибудь. Он должен понять, что он не делал ничего плохого. Я знаю, что мои слова, возможно, дадут ему немного успокоения, но также мне хочется, чтобы он знал, что я рядом.

— Я знаю. Я провел часы на терапии, чтобы научиться говорить: «Это не моя вина». Это ужасно трудно не чувствовать себя так, потому что я знаю, если бы я пришел вовремя, она бы сейчас была с нами.

— Ты не мог знать это. Ты не можешь повесить эту ответственность на себя. Ты тоже был ребенком. Это была ужасная трагедия, но она не была твоей виной, — говорю я твердо, потому что хочу, чтобы он понял это.

Он тяжело выдыхает и снова пробегает пальцами сквозь свои волосы. Я заметила, он очень часто так делает, и мне интересно, это просто его произвольная привычка или нет.

— Давай убираться отсюда. Я только хотел, чтобы ты увидела эту часть меня, потому что никогда не хотел, чтобы ты думала, будто я один из них. Я понимаю, что почти поцеловал тебя, но клянусь, я не пытаюсь использовать тебя и не участвую ни в каком плане против тебя, как, например, Харрисон.

Он смотрит на меня с грустными глазами.

— Я знал, они что-то задумали, когда изменили свои планы на вечер. Уверен, они не хотели, чтобы я был с ними, потому что понимали, что я никогда бы не позволил случиться нечто подобному. И я снова опоздал и не успел спасти от причинения боли.

Сожаление распространяется по его лицу, и он выглядит очень расстроенным.

— То, что они сделали с тобой, это уже слишком. Я сказал Элизабет, что все кончено, и если она решит отомстить, то я пойду к ее родителям и расскажу им, что она сделала с тобой. Я серьезно.

Я не имею ни малейшего понятия, что сказать. Он смотрит на меня с серьезным выражением лица и говорит:

— Ты должна сказать мне, если она сделает или скажет что-нибудь тебе. Я чувствую

отвращение к себе из-за того, что потратил на нее целый год своей жизни. Я знал, что она была злобной сукой, но та ночь показала мне, что она намного хуже. За пределами школы она другая, и ей никогда не приходилось сталкиваться с ненавистью окружающего мира, поэтому я всегда давал ей поблажку. Но, несмотря на это, ее поступок непростителен. Я не могу закрыть глаза на это дерьмо.

Вау.

Этими словами он ответил на все мои вопросы.

Я одновременно и счастлива и расстроена, потому что сейчас он чувствует вину из-за того, что случилось со мной, когда на самом деле, это моя вина. Именно я вышла из машины к Харрисону той ночью, и тем самым позволила им сделать то, что они хотели. Я была глупой идиоткой. Это не его вина, не имеет значения, в какое время он появился. Тот факт, что он заботился обо мне тогда — это все, что имеет для меня значения.

— Хорошо. Спасибо, что привез меня сюда, что поделился болезненной частью твоего прошлого. Я обещаю, что буду хранить все секреты, — говорю я.

Мы идем бок обок к его грузовику, и он снова открывает для меня пассажирскую дверь как джентльмен. После того как он запрыгивает в машину, мы выезжаем с кладбища и едем обратно к его дому. Мы сидим в давящей тишине на протяжении всего пути. Он начинает говорить, только когда мы доезжаем до дома.

— Спасибо за то, что выслушала меня. Это много для меня значит, и я надеюсь, что не напугал тебя. Не знаю почему, но я доверяю тебе, Джесс. Я знаю, мои секреты в сохранности с тобой. Если ты когда-нибудь захочешь поговорить, знай, что твои секреты тоже будут в безопасности со мной.

Мягкая улыбка появляется на его лице, и я вижу, как жизнь возвращается в его глаза. Эмоции бушуют внутри меня, и я просто хочу обнять его и никогда не отпускать. Но сдерживаю себя, поворачиваюсь и киваю, улыбаясь.

— Ну, я думаю, ты пока спасена от хорошей взбучки, но это временное послабление, дружище. Завтра после школы жди меня здесь, и мы посмотрим, кто лучший пловец, — дразнит он меня.

Да, дерзкий и уверенный Джейс вернулся. Мне очень нравится этот Джейс, но и другой тоже. Я смотрю на него, немного наклоняю голову на бок и делаю самое саркастичное выражение лица.

— Окей, мистер Великий Спортсмен. Продолжай утешать себя, но действительность — другая. Я с удовольствием докажу это тебе завтра, — уверенно отвечаю я.

Он усмехается и выходит из машины. Будучи джентльменом, он обходит машину и открывает для меня дверь. Помогает мне выбраться, и у нас опять происходит неловкий момент. Если я собираюсь продолжать видеться с ним, думаю, эти неловкие моменты должны вскоре прекратиться.

Он раскачивается на пятках, смотрит вниз, и затем снова на меня.

— Эм, спасибо еще раз. И о том, что случилось в бассейне? Я обещаю, этого больше не случится, Джесс. Мне очень жаль. Друзья? — он говорит искренне и уверенно.

Почему эти слова больше звучат как утверждение, а не обещание? Я рада, что он хочет быть моим другом, но не знаю каково это, или действительно ли я хочу этого.

— Хорошо, Джейс, но должна сказать, что я никогда прежде не дружила с парнями. Я не уверена, насколько хорошим другом могу быть для тебя, — скромно говорю я.

Он легонько улыбается, затем обнимает меня за плечи, но в этом совершенно нет сексуального подтекста.

— Джесс, у меня тоже никогда не было девушек друзей. Поэтому мы вместе сможем узнать, как это делать. Ну как тебе? — спрашивает он, пока мы подходим к моей машине.

Его телефон жужжит, и он достает его из своего кармана. Он сосредотачивается на экране, и его походка тут же замедляется. Счастливое выражение, которое было лишь несколько мгновений назад, сменяется на обеспокоенное.

— Что это? — спрашивает он. Он смотрит на меня, и беспокойство перерастает в злость. — Что? Ответь.

Он опускает голову, отворачивается от меня и упирается руками в бедра. Бросает на меня взгляд, качает головой, глубоко дышит и поворачивается ко мне лицом.

— Что-то отвратительное о тебе выложили в сеть. Я точно знаю, кто это сделал и обещаю тебе, я сегодня же разберусь с этим. Даже не смотри на эти фотографии, Джесс. Будь офлайн, пока я не разберусь с этими суками.

Я знаю, о каких фотографиях он говорит. Меня начинает трясти от стыда, и я чувствую, как заливаюсь краской. Это так унижительно. Я просто хочу закрыться внутри себя и исчезнуть.

— Хорошо? Ты меня слышишь? — настаивает он.

Я только киваю. Мой подбородок начинает дрожать, и он мгновенно подходит и обнимает меня.

— Мне жаль, что они все еще продолжают вытворять это дерьмо. Обещаю, я разберусь с этим сегодня, раз и навсегда.

Я обнимаю его в ответ и пытаюсь задержаться в его объятиях. Он держит меня несколько мгновений, показывая, что не осуждает меня. В его объятиях я ощущаю безопасность, которую никогда не испытывала за всю свою жизнь. Если он хочет быть просто моим другом, тогда я дам ему это. Не думаю, что я откажу в чем-то Джейсу Коллинзу. Сейчас или когда-либо.

7 глава

«Что такое друг? Одна душа, разделенная на два тела».

— *Аристотель*

Джессика

Я только что вернулась домой из школы, а мама с папой ссорятся из-за ее пьянства. Я не могу терпеть их грызню снова, поэтому, вместо того чтобы пройти мимо бури на кухне, я поднимаю окно и отодвигаю москитную сетку. Высовываю одну ногу, затем вторую и выпрыгиваю наружу. Когда мои ноги касаются зеленой травы, я поворачиваюсь, чтобы закрыть за собой окно. Мои старые ржавые качели стоят на другом конце двора и медленно раскачиваются от ветра. Трудно представить, что еще несколько лет назад моя трезвая мать смеялась и играла со мной. Когда бабушка умерла, она очень тяжело это переживала. Что-то внутри нее сломалось, и она не смогла оправиться от потери. Алкоголь был ее спасением. Теперь это ее тюрьма.

Я подхожу к качелям и сажусь на них. Легонько отталкиваюсь от земли и начинаю раскачиваться. Мысли о Джейсе и всех вещах, что произошли за последние два месяца, с тех пор как мы стали друзьями, заставляют меня улыбаться. Он сдержал свое обещание. Фотографии исчезли в тот же вечер и больше никогда не всплывали, хотя взгляды в школе стали намного хуже. Школа все еще не самое радостное для меня место, даже несмотря на то, что Элизабет и Хейли прекратили надо мной издеваться, они все еще смотрят на меня с ненавистью. Люди все еще думают, что я заразная, но никто ничего не говорит мне в лицо. На мой шкафчик периодически клеят записки, но я просто срываю их и выбрасываю. Я могу справиться с записками и взглядами. Я могу пережить все, если в моей жизни будет Джейс.

— Привет, — тихий голос пугает меня. Я смотрю в сторону соседского двора и вижу маленькую девочку. Она машет мне, и я машу ей в ответ. Туда недавно въехала новая семья, но я не обращала на них особого внимания. Дети всегда бегают вокруг. Светловолосая девочка идет ко мне.

— Привет, — говорит она, останавливаясь передо мной.

— Привет, — я смотрю вниз и вижу, что на ней надеты фиолетовые резиновые сапожки и такое же фиолетовое пальто. Интересно, почему она так одета в солнечный день.

— Привет. Как тебя зовут? — спрашиваю я.

— Я Виви.

— Какое милое имя. Я — Джессика. Твои родители знают, что ты одна на улице? Сколько тебе лет?

— Я уже взрослая.

Я удивленно поднимаю брови и улыбаюсь ей. У нее маленькие веснушки, рассыпанные на щечках, и она невероятно милая.

— Хм, взрослая? Тогда взрослые девочки могут играть на улице одни.

— Да. А почему ты пользуешься окном вместо двери? — спрашивает она.

— Потому что я тоже взрослая девочка, и иногда мне не нравятся двери.

Она садится на соседнюю качель, будто она у себя дома.

— У тебя есть парень?

Очень прямая и любопытная девочка.

— Эм, нет. У меня есть друг, но не парень.

— Твой друг — парень?

— Да. А что?

— У меня нет парня. У многих девочек в школе есть, но у меня нет.

Она выглядит немного грустной, и мне некомфортно из-за того, что считала ее любопытной.

— Парни противные, Виви. Тебе он не нужен. У тебя еще будет много времени для мальчиков. Поверь мне, от них больше проблем, чем ты думаешь.

— А как же твой мальчик-друг? От него тоже проблемы?

Я улыбаюсь и качаю головой.

— Нет, он идеальный. И совершенно без проблем.

— Ты выглядишь счастливее.

Хм? О чем она?

— Виви, откуда ты знаешь, что я выгляжу счастливее? — тихо спрашиваю я.

— Я видела тебя раньше. Ты всегда выглядишь очень грустной. Иногда очень злой, но никогда не счастливой.

— Оу, — я не знаю, что еще сказать. Из-за этого я чувствую себя дерьмово. Это ужасно, что мое состояние так заметно, даже маленькому ребенку.

— Ну, сейчас я в порядке. В школе есть злые девочки, и они много раз заставляли меня грустить. Они все еще злые, но меня они больше не трогают. Мой друг присматривает за мной, что делает меня счастливее.

Она поворачивается и смотрит на меня.

— В моей школе тоже есть злые мальчики и девочки. Они не очень меня любят, но мне все равно. Я больше не позволяю им доводить меня до слез. У меня теперь есть защитное поле.

— Защитное поле? — спрашиваю я.

— Ага, эти резиновые сапоги и пальто — мое защитное поле. Мой брат сказал мне, что в них есть особая сила, и никто не может обидеть меня, когда я ношу свой любимый цвет. Мой любимый цвет — фиолетовый, — она улыбается и встает, затем кружится, широко расставив руки. — Видишь, много фиолетового.

Я улыбаюсь.

— Да, много фиолетового. И много защитного поля. Эти злые детишки ничего тебе не сделают!

Она дотягивается до лацкана пальто. К нему приколоты маленькая блестящая снежинка. Она снимает ее.

— Держи, теперь у тебя будет моя особая фиолетовая снежинка. У меня много фиолетовых вещей, и ты можешь оставить себе эту снежинку. Мой брат говорит, что эта снежинка может работать в одиночку, если на мне больше нет ни одной вещи моего любимого цвета. И ты можешь носить ее собой, и эти злые девочки больше никогда не расстроят тебя.

Она протягивает мне свою маленькую ладошку, ее невинность и доброта трогают мое сердце. Какая храбрая маленькая девочка.

— О, спасибо, Виви. Но ты не обязана отдавать мне свою особенную снежинку. Оставь себе.

— Нет, ты не можешь отказаться. Это грубо говорить «нет» кому-то, кто дарит тебе подарок. Ты должна принять его.

— Ну, тогда хорошо. И я совершенно не хотела быть грубой с тобой. Ты правда-правда супер-пупер, уверена?

— Ага, я уверена, как могу быть уверена в уверенности. Может, ты однажды поможешь мне.

Я смеюсь.

— Договорились.

Я улыбаюсь ей, беру маленькую снежинку и прикалываю ее к своей футболке.

— Ну, мне пора идти к Леди Гаге. Еще увидимся, Джессика. Мне понравилось разговаривать с тобой.

Я снова смеюсь.

— Леди Гага?

— Да, моя ручная свинка. Она, наверное, уже скучает по мне.

— Виви?

— Да?

— Почему ты назвала свою свинку Леди Гага?

— Я люблю музыку, и Леди Гага — моя самая-самая-самая любимая певица. Она — мой герой. У нее самое больше защитное поле в мире. У нее тоже есть злые девочки, но ей все равно. Каждое Рождество я очень хотела получить свинку. Моя мама всегда говорила «нет». Но наконец-то я ее получила, и она — самый любимый мой питомец. И я назвала ее как свою любимую певицу. Я как-нибудь принесу ее. У нее очень красивый ошейник с блестками.

Она скачет домой и машет мне. А я улыбаюсь сама себе. Ручная свинка по кличке Леди Гага — вот умора. Я поднимаю руку к снежинке, моему новому защитному полю. Если бы все было так просто. Как здорово быть маленьким ребенком и верить в это. И снова я думаю о том, насколько храбрая эта маленькая девочка, и я рада, что у нее есть такой замечательный брат.

Прошло много времени с последнего раза, когда я резала себя. Я знаю, это из-за Джейса, но на самом деле он не пилит меня этим каждый день. Он заставляет меня чувствовать себя в безопасности и быть любимой, даже если я никогда не услышу этих слов от него. Мой мир стал менее темным.

Я никогда не дружила с кем-то, и это здорово. Больше чем здорово. Он — мое спасение. Каждый раз, когда я его вижу, я, словно чувствую кайф, это мой новый наркотик. Раньше это было только от порезов и сна. Сейчас только нужно присутствие Джейса. То, что он относится ко мне, будто я нормальная девушка, будто я одна из них, оживляет и одновременно путает меня. Тот день в бассейне, когда он почти поцеловал меня, постоянно вертится у меня в голове, хотя, кажется, что он уже забыл об этом.

С тех пор мы виделись почти каждый день. Я прихожу к нему домой, и мы соревнуемся друг с другом в заплывах. Мы быстро поняли, что он обходит меня в баттерфляе, но не может обогнать меня свободным стилем.

Я все еще боюсь испортить его репутацию, но то, что его это совсем не волнует, немного уменьшает мою вину. Его мир — это далекая вселенная, хотя у нас довольно много общего. Ему многое нравится из моей музыки, а также играть в «блэкджек» с реальным человеком гораздо интереснее, чем в интернете. Он так же учил меня играть в домино, но он называет это «кости».

Сегодня он представляет моим кровотокающим ушам самую обалденную стереосистему, которую я когда-либо слышала в машине, и пытается научить меня забрасывать мяч в кольцо, играя в ХОРС. Только он говорит, что ненавидит называть это ХОРС, потому что это глупо, и лошади вообще не имеют ничего общего с баскетболом (прим.перев. в оригинале имеется в виду HORSE, что с англ.языка переводится как лошадь). Поэтому вместо этого, мы играем в ФОЛ.

— Ты не стараешься, Джесс. Еще один круг, и я снова выигрываю.

Я уже бросаю третий раз, а он еще ни разу не промазал.

— Я просто поддаюсь тебе, — я фигово играю в баскетбол, но мне все равно, потому что это весело.

— Джейс! — я слышу тихий женский голос позади нас. Когда поворачиваюсь и вижу его маму, я чуть не умираю на этом самом месте. Мы слушаем группу, которую я никогда прежде не слышала, и, ну, проще говоря, у группы с таким чудесным названием, как «Отряд безумных клоунов», не самые лучшие тексты для родительских ушей. Мне на самом деле все равно, но все, что связано с Джейсом, связано и со мной.

Как футбол. Я ничего не знаю о нем, но я погуглила и узнала каждый футбольный термин. Теперь я могу смотреть с ним игру и кричать что-то типа: «Судья слепой что ли? Этот чертов блок был против правил!» или «Они вообще видят, что он завалил подающего?»

Я полностью перевоплощаюсь, но мне нравится делать его счастливым. Нравится, что он считает меня нормальной. Даже круто. Я просто хочу его одобрения, и чтобы он поддерживал меня. Его мама — отдельная история. Я сильно сомневаюсь, что когда-нибудь она меня одобрит.

Я шлепаю его по руке и двигаюсь в ее сторону. Он берет мяч и бросает его с отскоком, прежде чем подходит к грузовику и выключает музыку. На ней белый костюм и высокие каблуки, а

также идеальная прическа. Она красивая: полные губы, которым бы позавидовала даже Анджелина Джели, и идеальная кожа. Ни одной морщинки. Ее кожа выглядит такой же молодой, как и моя.

Я проглатываю ком в горле размером с теннисный мяч и глубоко вдыхаю. Джейс бросает мяч на траву, и, когда наши взгляды встречаются, я уверена, что он видит в них дикий страх. Он пытается уменьшить напряжение, но не важно, что он скажет, это чертовски тяжелый для меня момент.

Миссис Коллинз из тех людей, которых больше всего волнует репутация семьи. Видеть ее сына с непопулярной девушкой, определенно не обрадует ее.

— Привет, мам. Извини за музыку, — он смотрит на нее щенячьими глазками и мило улыбается. Ну как можно злиться на такую мордашку? Какое прекрасное лицо!

Выражение лица миссис Коллинз не изменилось.

Она сделана из бетона?

Я слежу за ее взглядом и понимаю, что она смотрит прямо на мою футболку. Хотела бы я провалиться под землю. Джейс смотрит то на маму, то на мою футболку и усмехается. Я смотрю вниз на слова, которые напечатаны большими черными буквами на моей розовой футболке: «Музыка делает меня похотливой. Если когда-нибудь будет момент, когда я бы захотела стать невидимой, то это именно он».

Она смотрит на меня, как будто я — «Оно» Стивена Кинга, которое собирается украсть ее сына и увести его куда-то в темную пещеру. Джейс все так же широко ухмыляется, когда наблюдает, как я медленно краснею.

— Мам, это моя подруга Джессика. Джессика, это моя мама, Ариана Коллинз.

Она подходит ближе ко мне и протягивает свою руку с идеальным маникюром, и дарит мне вынужденную улыбку, на накаченном ботоксом лице.

— Приятно познакомиться с тобой, Джессика... — она интонационно поднимает вторую половину моего имени в вопросе. — Как твоя фамилия?

По-видимому, ей нужно узнать мое место в ее социальной лестнице.

— Александр, мэм, — неуверенно отвечаю я. Этими двумя словами я подтверждаю, что фамилия моей семьи не находится в списке членов загородного клуба. Мои глаза нервно перебегают от нее к земле, и я просто хочу сбежать от этого ужасного момента. Она опускает взгляд на мою футболку, а затем возвращает обратно ко мне. Неловкая пауза, прежде чем она утверждает, что делает ситуацию еще более неловкой.

— Твои родители знают, что ты так одеваешься, мисс Александр? — спрашивает она, изгибая бровь и поджимая свои блестящие губы, которые, вероятно, такие же фальшивые, как ее кожа без морщин.

Она раздражает меня. Факт того, что она спрашивает про моих родителей, делает меня чертовски злой. А она не знает, что я очень осведомлена о том, как она не поддерживала связь со своей собственной дочерью. На ее лице было презрение, как будто я была большим насекомым, которое ей нужно раздавить. Прежде чем я успеваю ответить ей, Джейс спасает

меня от того, чтобы сказать что-то совершенно неуважительное и крайне глупое.

— Мам, кому какое дело до футболки? Она крутая. Если бы они были в другом цвете, не розовом, как «Пепто Бисмол», я бы тоже носил такую. Даже если меня делают возбужденным не музыка, а сиськи и другие вещи.

Я поворачиваю голову в его направлении, а затем снова к его маме, разинув рот.

Он, правда, только что сказал «сиськи» своей маме? Да, я думаю, он сказал.

— Джейс Коллинз! Ты должен следить за своим языком, юноша. Совершенно неуместно так говорить, особенно перед юной девушкой.

— Прости, мам, — говорит он. Затем смотрит на меня. — Прости, Джесс, — он подергивает бровями в мою сторону, но его мама не видит этого. Я стараюсь сдержать свой смех. Я и так уже сделала достаточно, чтобы выставить себя дурочкой.

— Ты рано вернулась, мам. Что случилось? — спрашивает он, вращая во рту зубочистку. После Джейса я никогда не смогу смотреть на зубочистки как прежде.

Может, на Хэллоуин мне стоит быть зубочисткой, чтобы намекнуть ему, что я бы хотела, чтобы он тоже перекачивал меня в своем рту.

Я выкидываю мысли о зубочистках, когда его мама начинает разглагольствовать о благотворительном ужине, который они должны посетить сегодня вечером.

— Ты идешь, Джейс. Не пытайся отделаться от него. Брант встретят нас там в семь часов, так что убедись, что ты готов, и надень свой красивый костюм и галстук, — на этих словах она поворачивается на своих дорогих каблуках и уходит в дом.

Брант. Они собираются на событие с семьей Брант, а это значит, что Джейс, мой Джейс, проведет вечер со своей бывшей девушкой, этой ледяной сукой — Элизабет Брант. Я немедленно напрягаюсь, а мой желудок сжимается от злости и ревности. От всего этого внезапно я чувствую, что меня тошнит. Я отворачиваюсь, подхожу к причудливой скамейке во дворе и хватаю свою сумку. Закидываю ее на плечо и иду к своей машине.

— Эй, подожди минуту. Куда, черт возьми, ты собираешься, Джесс? — говорит он, подбегая ко мне.

— Домой, — бормочу я.

Я не смотрю на него, потому что он может увидеть, что я вот-вот заплачу, или что я полна ревности. Я могу взорваться. Знаю, что происходит, и должна убраться отсюда. Я не чувствовала это на протяжении месяцев, и сейчас должна уйти, прежде чем он увидит настоящую меня.

Все, что я хочу делать — плакать, кричать... резать себя. Потому что не имеет значение, как прекрасны были эти два месяца, теперь я ясно вижу, что никогда не буду соответствовать его миру. Презрение в глазах его мамы было безошибочным. Он говорит, что только хочет, чтобы мама гордилась им. Ну, она никогда не будет гордиться им, если он будет общаться с кем-то как я. Он бросит меня, как все остальные, и это будет так больно, как я еще никогда не чувствовала.

Он хватается мою руку и разворачивает лицом к себе. На его лице смущенный взгляд, и он пытается поймать мой для ответа.

— Почему? Мы еще не закончили нашу игру, — возражает он, выглядя немного удрученно.

— Ты должен куда-то идти, Джейс. Я просто убираюсь с твоего пути, так что ты можешь пойти и одеться для благотворительного вечера, — я пытаюсь не показать сарказм и печаль в своем голосе, но не уверена, что у меня получается.

— Джесс, только четыре тридцать. У меня есть достаточно времени, чтобы подготовиться. Ты не должна уезжать.

Я поднимаю взгляд на него и молюсь, чтобы не появились слезы, и пытаюсь улыбнуться.

— Я знаю, но у меня много домашней работы, так что я должна ехать домой и начать ее делать.

ЛГУНЬЯ.

Я такая лгунья.

Я понимаю, что вместо того, чтобы полностью разрушить свои стены и впустить туда Джейса, я строю превосходные новые стены, больше подходящие к его симпатиям и антипатиям. Он может думать, что на протяжении последних двух месяцев видел настоящую меня, но он видел только проблески. Я лгала ему, лгала себе, и теперь этот блестящий новый фасад рушится слой за слоем. Даже я не знаю, что останется, когда все это уйдет.

Он хмурится, и я вижу, как он внимательно обдумывает то, что я сказала. Он не купился на мою историю.

— Джесс, у нас с тобой все занятия вместе, кроме одного, и я не знаю ничего о куче домашних заданий.

У меня есть одно занятие, на котором нет его, спасибо господи.

— Испанский.

Лгунья, лгунья, настоящая лгунья.

— У меня тонна домашней работы по испанскому, — говорю я, пытаюсь больше убедить себя, чем его. Я молюсь, чтобы он не мог видеть меня насквозь.

— Испанский? Правда? Ну, если ты должна сделать его, то иди.

Он не выглядит полностью убежденным, но я не могу беспокоиться об этом прямо сейчас. Мне просто нужно уйти.

Я открываю дверь своей машины и бросаю сумку на заднее сиденье. Когда я оказываюсь внутри, он наклоняется и опирается руками на дверцу машины.

— У тебя все хорошо? Ты кажешься не совсем здоровой. Я надеюсь, моя мама не смутила тебе этим замечанием о футболке. Не обращай на это внимания. Она просто такая, какая есть. Я игнорирую это, и ты тоже должна.

Да, твоя мама смутила меня, и да, я не здорова сейчас. Так не здорова, что это очень

удивит тебя, если ты узнаешь, насколько сильно.

— Я в порядке, Джейс.

Ложь, ложь, ложь

Ложь только продолжается. Я должна убираться отсюда.

— Ладно... Ну, повеселись со своим домашним заданием по испанскому. — Он отталкивается от моей машины, закрывает дверь и пальцем показывает, чтобы я опустила окно.

— Ты уверена, что в порядке, потому что я чувствую, что-то не так. Ты ведь знаешь, что можешь сказать мне, если что-то не так? — спрашивает он с искренностью и заботой в голосе.

Не делай этого, не делай этого, не делай этого.

Нет, я делаю это.

— Почему что-то должно быть не в порядке, Джейс? Твоя мама только что посмотрела на меня, как будто я какая-то дрянная шлюха, портящая ее популярного, во всем идеального сына, а ты собираешься на какой-то модный вечер с очень подходящей тебе Элизабет и ее семьей. Я понятия не имею, почему что-то должно быть не так со мной.

Сарказм в моем голосе пропитывает воздух между нами. В тот же момент, когда слова покидают мои рот, я начинаю сожалеть о них. Взгляд на его лице подтверждает мое раскаяние, а мое сердце опускается в желудок. Он скрещивает руки на груди и смотрит на меня так, как никогда не смотрел прежде.

Мне это совсем не нравится.

— Вау! Популярный, идеальный во всем, хах? Это так ты видишь меня? Я когда-нибудь вел себя так с тобой, Джесс? Я знаю, моя мама может быть немного осуждающей, но я серьезно сомневаюсь, что она думает, что ты портишь меня, что бы это не означало. Что касается Лиз, между нами больше ничего нет.

Он делает короткую паузу.

— Самое странное, что я чувствую, что моя мама на самом деле не проблема. Ты ревнуешь, Джесс? Ты ведь понимаешь, что нам не запрещается встречаться с другими людьми только потому, что мы дружим друг с другом? Я имею в виду, ты стала моим лучшим другом, но я, в конечном итоге, снова буду с кем-то встречаться так же, как и ты.

Я смотрю на него в изумлении, больше всего на свете желая, чтобы я никогда не произносила эти чертовы слова. Этого разговора я пыталась избежать два месяца. Я знаю, что он ни с кем не встречался после Элизабет, но я становлюсь все более тревожной каждый день, беспокоясь об этой теме. Мысль о нем с другой девушкой заставляет меня чувствовать себя плохо.

Я, черт возьми, понятия не имею, как ответить ему, поэтому делаю самое лучшее. Самое глупое. Я снова лгу. Только эта ложь большая, жирная, размером с Техас.

— Нет, Джейс. Я не ревную. Я просто ненавижу Элизабет! К тому же твоя мама думает обо мне так независимо от того, что думаешь ты. Я годами видела такие взгляды, и очень хорошо знаю, что она обо мне думает.

Я чувствую, как потеют мои ладони, и эта ревность отравляет ядом мои мысли.

— Насчет того, что мы будем с кем-то встречаться, да. Я хорошо осведомлена об этом обстоятельстве, также я знаю, что у меня свидание на этих выходных. Теперь ты знаешь. Надеюсь, что это облегчит твоё беспокойство о моей возможной ревности. Занимайся сексом сколько хочешь, и я тоже буду.

Я поднимаю свое окно, не давая ему шанса ответить, и уезжаю с его подъездной дорожки. Только, прежде чем я поворачиваю на асфальтированную дорогу, я бросаю последний взгляд в зеркало заднего вида. Он стоит в том же самом месте, не двигаясь и наблюдая, как я уезжаю.

Поездка домой — один из ста видов ужаса. Я раскачиваюсь на своем кресле, ударяю рукой по рулю и проклинаю себя. ДВА МЕСЯЦА. Это все, что потребовалось от меня, чтобы испортить самое лучшее, что когда-либо случилось со мной.

Когда я приезжаю домой, мама печет печенье и напевает про себя.

Привет, Марта.

— Привет, милая. Ты хочешь немного печенья? Я сделала твоё любимое, — спрашивает она.

Мое любимое? Неужели она знает что-нибудь из моего любимого?

Я подхожу и беру печенье с тарелки, затем иду в свою комнату. После того как закрываю дверь, я бросаю печенье в мусорное ведро.

Сникердудл⁵ — определенно мое не самое любимое.

Мой телефон вибрирует, и как только я смотрю на экран, мой пульс ускоряется. Джейс. Я провожу пальцем по экрану, открываю его сообщение, и его слова делают этот ужасный день еще хуже.

Джейс: Джесс, я не знаю в чем твоя проблема или почему ты такая суперсука со мной, но я знаю, что все это — фигня. Я не был с тобой никем, кроме друга, и это как ты относишься ко мне в ответ? Я не знаю, почему ты такая злая или ведешь себя как псих... И чтобы ты знала, я ничего не говорил о свиданиях, потому что мне нужно трахаться. Я просто хотел быть уверен, что мы понимаем друг друга. Мне нужно было знать, что у тебя нет чувств ко мне, которые могут заставить тебя ревновать. Независимо от того, в чем дело, просто знай, мне не понравилось, как ты вела себя сегодня. Друзья не ведут себя так хреново друг с другом.

Я бросаю телефон через комнату и падаю лицом на кровать, зарывшись в подушку.

Как я вообще могла подумать, что он хочет меня так, как я хочу его?

Это очевидно последнее, что есть у него в мыслях. Я такая плохая? Такая непривлекательная? Или, может, проблема в том, что он знает, со сколькими парнями я переспала.

Что бы это ни было, я знаю, что наша дружба никогда не будет прежней.

8 глава

«Иногда второй шанс нужен больше, чем первый».

— *Кэтрин Перес*

Джессика

Я приподнимаюсь и отрываю лицо от промокшей от слез подушки, и тянусь к прикроватной тумбочке. Достая свою коробку и открываю ее. Знакомый запах спирта ударяет в нос и заставляет желать этого еще сильнее, чем обычно.

Я опускаю шорты вниз, мое дыхание учащается. Адреналин растекается по телу в ту секунду, когда я прижимаю лезвие к коже. Провожу линию около двух дюймов в нижней части живота и чувствую, как теплая кровь течет по коже и эндорфины взрываются в моей голове, как бомбы на поле боя. Слезы стекают по моему лицу, и я зажмуриваюсь. Я так облажалась. Со мной что-то не так, и я знаю это. Подавлять это в течение двух месяцев, пытаться убедить Джейса и саму себя в том, что я нормальная девушка... Лишь жалкая попытка измениться. Как пытаться скрыть свои уродливые шрамы под бинтами, ведь последние восемь недель не изменят психически неуравновешенную девушку, которой я и являюсь.

Я сворачиваюсь в позу эмбриона и открываю свой дневник, в голове мелькают события прошлого дня. Я даже не могу уснуть, пока что-нибудь не напишу. Сегодняшняя запись будет отличаться от последней. Пальцами провожу по рукописному тексту, написанному несколько дней назад. Я почти могу чувствовать счастье, исходящее от страниц.

Трещины

Медленное улучшение

Нет больше одиночества.

Дом рядом с ним.

Ради него

Темнота рассеивается

Улыбки и смех

Мы создаем

Открываю глаза

Вижу в первый раз

Отражение

Которое может не быть

Равно ее гибели

Читать последнюю запись больно. Сердце болит. В конце концов я всегда порчу все хорошее на своем пути, это неизбежно.

Мой телефон пищит еще два раза, но я не могу заставить себя проверить его. Я слишком напугана его словами, что он никогда не захочет видеть меня. Я не вынесу это. Не сегодня.

Достаю ручку с погрызенным колпачком, зажимаю ее между зубами и снова начинаю писать. Боль и страх вырываются из меня в письменной форме.

Так устала

Не могу отпустить

Не могу двигаться дальше

Стою неподвижно

Убегаю

Ты все еще видишь меня?

Я исчезаю?

Снова в свой мир

Темнота

Жила ли я когда-нибудь?

Или я полностью отравлена?

Он никогда не поймет

Бушующие ураганы

Скольжение его пальцев

По моим рукам

Слишком долго я пережидала

Грохочущий неистовый гром

Потерять его

Значит опуститься на дно.

Телефон снова оживает, и я встаю с кровати, раздраженная тем, что он просто не оставит меня в покое. Хватаю телефон и вижу три сообщения от него. Смотрю на время. Почти семь часов. Разве он не должен уже проводить вечер со своей сукой?

Открываю первое сообщение

Джейс: Почему ты не отвечаешь? Я знаю, ты получила мое сообщение.

Он написал его вскоре после первого сообщения, которое отправил, будучи обозленным на меня. Я открыла следующее.

Джейс: Ты пытаешь меня молчанием? Мы в детском саду, Джесс? Идиотизм! Я не знаю, почему ты так ведешь себя, и это бесит меня. Ответь мне, даже если все, что ты мне напишешь — это попросишь отвалить. Просто ответь хоть что-нибудь... пожалуйста.

Теперь я чувствую себя куском дерьма из-за того, что не прочитала сообщения раньше. Я должна была ответить ему после первого. Открываю последнее и замираю.

Джейс: Я еду. Буду через 15 минут.

Твою мать!

Он едет ко мне домой. Смотрю на время отправления и понимаю, что он будет здесь через десять минут. Я бегу в ванную, вытираю растекшуюся подводку под глазами.

Черт!

Мои глаза выглядят так, будто я выкурила огромный косяк. Теперь он подумает, что я псих или под кайфом.

Я быстро расчесываю волосы и завязываю их в пучок. Затем бегу к тумбочке и прячу дневник, падаю на кровать и пытаюсь успокоить дыхание. Я слышу дверной звонок и замираю. Он здесь, и то, что ко мне никто никогда не приходил в гости, заставляет меня нервничать. Я так рада, что сегодня мама-Марта, а не Пьяница-мать.

Я бегу к входной двери, но мама опережает меня. В руках у нее стакан с прозрачной жидкостью, я сразу понимаю, что Марта на пути к пьянству, если уже не там.

Прекрасно.

Теперь он может увидеть мою пьяную мать, мои красные глаза и поймет, как живут в доме Александр.

Мама открывает дверь и самый красивый мужчина, да, я сказала мужчина, потому что человек, который стоит в дверях — не мальчик. На нем надет черный костюм с белыми пуговицами и бирюзовый галстук. Я изучаю его с головы до ног, а моя челюсть удобно расположилась на полу. Его волосы покрыты лаком и зачесаны как у моделей Холлистера⁶, мне приходится сдерживать себя, чтобы не промчаться мимо мамы и не наброситься на него.

Он что, пытается мучить меня всей этой сексуальностью?

Вот оно: его обожаемая зубочистка, перекатывающаяся между его пухлыми губами, губами, которые я хочу пососать. Я чувствую, как тепло распространяется по моим щекам, и клянусь, стук сердца отдается в ушах.

— Привет, — говорит он, невинно засовывая руки в карманы.

Сначала он смотрит на меня, затем на маму. Я тут же начинаю бояться. Последнее чего я хочу, так это чтобы мама сказала или сделала что-то глупое, поэтому я обхожу ее и выхожу на крыльцо. Оборачиваюсь и смотрю на маму, прежде чем закрыть дверь.

— Мам, я буду через несколько минут, — говорю я и поворачиваюсь к нему лицом.

— Эм, не могла бы ты представить меня своей маме, Джесс? — безобидно спрашивает он, будто между нами сейчас нет гигантской пропасти. Если бы кто-то из нас сделал неправильный шаг, мы бы оба рухнули туда вниз.

— Поверь мне, тебе не стоит с ней знакомиться сегодня, — наши взгляды встречаются, неловкость между нами ужасно напрягает, — разве ты не должен быть на благотворительной фигне? — спрашиваю я.

— Нет, я там, где должен быть, — отвечает он, приводя меня в жуткое неверие. — Ты уже ужинала?

Я стою там, смотрю на его рот и пытаюсь понять, правильно ли поняла его слова, но его зубочистка отвлекает меня.

— Джесс, ужин — да или нет? — спрашивает он, а я смотрю на него, как по уши влюбленный щенок.

— Нет, — невозмутимо отвечаю я.

— Тогда предупреди маму, что мы едем ужинать. Нам надо поговорить.

Я молчу. Просто киваю. Затем смотрю вниз на свою одежду и снова на него. Я чувствую себя одетой очень скромно, напомню — «Музыка делает меня похотливой» все еще красуется на моей груди.

— Не волнуйся по поводу одежды. Мы поедем в автокафе.

Автокафе? Серьезно?

Ладно, пофиг. Я голодная, как собака, и знаю, что нам надо поговорить, если я хочу сохранить с ним хоть какие-то отношения. Он слишком много значит для меня, чтобы позволить своему извращенному мозгу все испортить.

— Хорошо, я скажу маме и вернусь, — я чувствую, как нарастает паника. Что, если он хочет сказать, что мы больше не можем быть друзьями?

Боже, пожалуйста, не дай ему сказать это.

Я захожу в дом и заворачиваю за угол в гостиную.

— Мам, я поеду с другом перекусить. Скоро вернусь.

Она поднимает свою руку и бормочет:

— Оки-доки, милая, — звучит, будто она сейчас счастливо пьяна. Думаю, это намного лучше, чем беспорядочно навиваться, ну и ладно.

Я беру свой телефон и сумку из своей комнаты и подхожу к его грузовику. Он снял пиджак и развязал галстук. Рукава рубашки расстегнуты и подвернуты к локтям. Первые две пуговицы на рубашке тоже расстегнуты, и он выглядит еще лучше, чем при полном параде пять минут назад. Уголки его губ приподняты в легкой улыбке. Это помогает мне дышать, так как показывает, что он больше не злится.

— Как тебе ДК? — спрашивает он, и я смеюсь.

— Что? «Дэйри Куин» — обалденно. «Steak Finger Country Baskets»(прим.перев. — блюдо из закуской) — отстой, — говорит он, выезжая из моего двора.

— Ничего, просто ты должен быть на модном ужине с роскошной едой, а ты хочешь пойти в «Дэйри Куин». Это забавно, вот и все.

— Модно — не всегда означает хорошо, Джесс. — Его комментарий бессмыслен, но я ничего не говорю ему об этом.

Мы едем в тишине, пока он не вытягивает руку, чтобы включить стерео. Тишина заменяется на тексты песен Staind, а я смотрю в окно, задаваясь вопросом, как закончится вечер. Я сомневаюсь, что если буду с ним честной, все будет хорошо, но ложь тоже не решит эту проблему.

Мы добираемся до «Дэйри Куин», когда песня Staind переходит в одну из песен Hinder. Он подъезжает к автокафе и уменьшает громкость, прежде чем опускает окно.

Он смотрит на меня и спрашивает:

— Что будешь?

Небольшая улыбка растягивается на моем лице.

— Ну, я думаю, после того как ты назвал это дерьмом, я буду палочки стейка «Country Basket». И ванильную колу, пожалуйста. — (Он ухмыляется и заказывает по одному для каждого из нас.) — Ох, и еще я хочу мороженое. Арахисовое слоеное мороженое без арахиса, пожалуйста.

Он поднимает бровь, смущенный моей странно просьбой.

— Ты хочешь арахисовое слоеное мороженое без арахиса? Джесс, какой смысл заказывать что-то с арахисом, если ты не хочешь его там? Это странно.

— Ну, это я. Странная, — говорю я спокойно.

Я не хочу вдаваться в мои странные проблемы с пищей, так что я больше не говорю об этом. Дело в том, что я не люблю то, что хрустит в моей еде. Мне нравится арахис, но не в мороженом. Так же, как я люблю соленые огурцы, но не ем их в бургерах. Кусать что-то и чувствовать хруст внутри этого — пугает меня.

У меня было несколько странностей, которые я скрывала от Джейса. Мне не нравится, когда моей еды касаются на моей тарелке, и я не буду использовать одну и ту же вилку дважды для двух разных блюд. Мне нужны две вилки. К счастью, чтобы есть палочки стейка вилки не нужны.

Я также полностью отвергаю грязную посуду. Когда мне нужно что-то загрузить в

посудомоечную машину, меня неоднократно тошнит. Я совершенно не могу касаться старой, прилипшей еды. Знаю, я могу показаться каким-то странным гермофобом⁷ с ОКР⁸, но, на самом деле, мысль о бактериях или микробах не принимается в расчет. Меня беспокоит только эта высохшая, ужасная пища. Вот такая я.

Я считаю, когда наполняю ванну водой. Это еще одна странная вещь, которую я делаю. Не знаю, почему, но делаю это с тех пор, как была ребенком. Когда вода достигает уровня, которого я хочу, я перестаю считать. Иногда я дохожу до тысячи, иногда до пятисот. Странно, знаю.

Он заказывает арахисовое слоеное мороженое без арахиса, и мы продвигаемся вперед, чтобы получить заказ. Я тянусь в свою сумочку, чтобы достать деньги, но он поднимает руку.

— Ни в коем случае, я уже оплатил, — он протягивает деньги кассиру и даже не оборачивается на меня, пока она дает ему сдачу.

— Джейс, я могу оплатить свою еду. Мы не на свидании или что-то вроде этого.

Я не знаю, почему меня так тянет к грубому обращению, но я просто должна была сказать это, с большим количеством сарказма в голосе. Он гримасничает, прежде чем отворачивается и забирает еду, затем кладет пакет на сиденье между нами и ставит напитки в держатели для стаканов. Последним кассир протягивает ему мороженое.

Он поворачивается и протягивает его мне.

— Вот, твое странное мороженое, — говорит он скучающим голосом.

Он снова зол. Я чувствую, что это полностью моя вина. Мы выезжаем на дорогу и направление, по которому мы едем, подсказывает, что мы едем к нему домой.

Почему мы едем к нему?

— Куда мы едем? — спрашиваю я, несмотря на то, что уже знаю ответ. Я надеюсь, он расскажет, почему.

— Ко мне домой. Моей мамы нет дома, и не будет допоздна, так что нам никто не мешает поговорить, потому что нам правда это нужно, — произносит он.

Боже, он все еще зол, и он все еще хочет поговорить. Это не закончится хорошо. Я чувствую это.

Мы сидим за причудливым уличным столом у его бассейна. Уличное освещение отражается от воды, сверкая, когда звук водопада наполняет воздух.

Это лучше, чем любой ресторан.

Он протягивает мне мою еду и начинает есть. Я съела все свое мороженое еще до того, как мы приехали сюда, но все еще голодна.

— Я не могу поверить, что ты съела свое мороженое перед едой, — говорит он с палочкой

стейка во рту.

— А я не могу поверить, что ты говоришь с едой во рту, — поддразниваю я.

Меня переполняет храбрость, и я просто хочу, чтобы это ужасное ожидание разговора закончилось.

— Джейс, о чем ты хочешь поговорить? — спрашиваю я, но не смотрю ему в глаза.

Трусиха.

— Нет. В первую очередь еда. Во вторую — разговор.

Я поднимаю на него взгляд, когда опускаю палочку стейка в соус.

— Ладно, — соглашаюсь я осторожно.

Мы заканчиваем есть, и он встает, чтобы все выбросить. Затем идет к гаражу и возвращается, держа что-то похожее на пустую пивную бутылку.

Какого черта?

— Эм, для чего это? — спрашиваю я, указывая на бутылку.

— Игра в бутылочку, — говорит он на полном серьезе.

Игра в чертову бутылочку? Правда? Он, должно быть, шутит.

Его выражение лица остается задумчивым, когда он падает обратно в кресло. Он кладет бутылку на середину стола, затем отклоняется, уставившись на меня. Я ничего не могу поделать и смеюсь. Это уже слишком.

— Это не то, о чем ты думаешь. Ты крутишь ее, если она указывает на другого человека, ты задаешь вопрос, любой вопрос, и другой человек должен честно ответить. Если она никуда не указывает, что вероятно, так как нас всего двое, ты должна сказать правду о себе, которую другой человек не знает, — он останавливается, прежде чем хватать бутылку.

Мне уже не нравится эта игра, а мы еще даже не начали. Я думаю, что традиционная игра в бутылочку, как в средней школе, мне нравится больше.

— Вот, дамы вперед, — говорит он, давая мне бутылку. Я кручу бутылочку, и она указывает на пустое кресло рядом со мной.

— Правда, — напоминает он, когда сверлит дыру прямо сквозь меня своими синими глазами.

— Мне жаль, что я тебя сегодня разозлила, — говорю я ему, потому что это самая лучшая правда, которую я могу придумать, и я правда сожалею об этом.

Он ничего не отвечает и тянется, чтобы покрутить бутылку. Теперь она указывает на кресло рядом с ним. У него на лице серьезный, суровый взгляд, который заставляет меня чувствовать себя неудобно.

— Я рад, что ты сожалеешь, но я все еще чертовски зол, — говорит он, а мои губы немного выпячиваются. Моя очередь, поэтому я снова кручу. Его глаза пригвождают меня, когда я

делаю это. Она указывает прямо на него.

— Почему ты все еще зол на меня? — спрашиваю я сразу по существу.

Он выпускает немного раздраженный выдох, наклоняется вперед и кладет локти на стол.

— Я просто не знаю, почему ты взбесилась. И все то дерьмо, которое ты вывалила, было для меня полной неожиданностью. В одну минуту все в порядке, в следующую — ты в ярости и озлоблена. Ты уехала после комментария о сексе, и я стоял там, думая, что, мать вашу, только что произошло?

Он останавливается, открывает рот и снова его закрывает. Я вижу внутреннюю борьбу, которую он ведет, пытаюсь сформировать мысли в слова.

— Я просто собираюсь спросить. Если я захожу слишком далеко, так и скажи, но я должен спросить. Ты хочешь больше, чем дружить со мной, Джесс?

Его вопрос оборачивается вокруг моей шеи и душит меня. Вот оно. Я на распутье. Я могу лгать или могу быть честной, но по какой-то причине оба пути, кажется, кончатся плохо.

Я роняю лицо на руки и борюсь со слезами. Я не хочу, чтобы он видел мою печаль и сломленную сторону меня. Он уже видел ее после того, как меня избили, и я не хочу, чтобы он снова ее видел. Но все, чего я хочу — плакать, потому что чувствую, что все уже разваливается на части. Я облажалась, остро отреагировав, и вот как это всегда начинается для меня. Одна острая реакция ведет к другой и в конечном итоге все хорошее разваливается.

— Джесс, почему ты плачешь? Клянусь, я не пытаюсь быть полной задницей. Я просто думаю, что мы должны понимать друг друга, что бы ни происходило. Пожалуйста, просто поговори со мной, черт побери. Ты никогда ничего не рассказываешь мне, я открыл тебе душу и рассказал тебе больше, чем говорил кому-либо еще. Почему ты не можешь делать то же самое? Ты чертовски меня расстраиваешь.

Я поднимаю свое лицо, и слезы бегут, несмотря на отчаянное желание их сдержать. Когда я смотрю на него, чувствую его расстройство, его злость, но больше всего вижу, что он искренен в том, что хочет исправить все между нами.

— Пожалуйста, не плачь. Черт возьми, к черту все! Это очевидно, что тебе больно. Я могу видеть это в твоих глазах и не только потому, что ты плачешь. Там есть боль, которую я не могу достать, — он делает глубокий вдох и продолжает, теперь уже более мягко: — Ты должна сказать мне что не так или это будет съедать меня изнутри. Что не так, Джесс?

Я всегда чувствовала, будто он может читать меня лучше, чем кто-либо еще. Он прав насчет боли, только не об уровне боли. Проблема в том, что как я могу объяснить это кому-то еще, когда едва могу объяснить это себе? Нет никакого способа сказать ему, что со мной не так, и не быть при этом неуравновешенной, нуждающейся девушкой, которой, я знаю, я являюсь.

Я должна сказать, что чувствую к нему, потому что если не сделаю, то это будет еще одним сожалением, с которым я буду жить. Не имеет значения, что случится между нами в будущем, мне нужно сказать ему, что он заставил меня почувствовать, и насколько больше я хочу от него. Я тянусь глубоко внутрь себя, собирая каждую унцию мужества, которая у меня есть, и говорю то, что хотела сказать неделями.

— Джейс, я сожалею, что вела себя так. Сожалею обо всем этом. Я просто ревновала — ревную

— от мысли, что ты будешь с кем-то еще. Когда ты снова начнешь встречаться, я хочу, чтобы это было со мной. В следующий раз, когда я почувствую чьи-то губы на себе, я хочу чтобы они были твоими, — я делаю паузу, прежде чем продолжить изливать душу. — Ты дал мне больше за прошедшие два месяца, чем кто-либо за всю мою жизнь. Я доверяю тебе. Ты заставляешь меня чувствовать, что я имею значение для тебя. Ты забавный, милый, самоуверенный, сексуальный, восхитительный, и всегда знаешь, как заставить меня улыбаться. Есть вещи, которые ты обо мне не знаешь, которые я еще не совсем готова рассказать, но я собираюсь делать все, что в моих силах, чтобы перестать лгать и тебе и себе о своих чувствах.

Я останавливаюсь, чтобы восстановить дыхание и привести свои нервы в порядок, чтобы закончить то, что хочу высказать.

— Я знаю, ты дал мне ясно понять, что не видишь меня в качестве своей девушки, знаю, что ты не хочешь меня так, как я хочу тебя, так что я, правда, попытаюсь продолжить быть просто твоим другом, потому что иметь кого-то как ты лучше, чем вообще никого не иметь. Я просто не знаю, как контролировать свои чувства и действия, когда думаю о тебе с кем-то еще.

Я втягиваю воздух, пытаюсь восстановить дыхание после того, как выдала все это быстрее, чем он, вероятно, мог успеть понять. Я поднимаю глаза на него, чувствуя себя более незащищенной, чем когда-либо чувствовала себя в жизни. Он понятия не имеет, как тяжело мне было это сказать. Дать ему крошечный намек на степень моего отчаяния — невероятно трудно.

Он откидывается назад, скрещивает руки на груди и поднимает глаза. Одинокая слеза катится по моей щеке, но я не пытаюсь смахнуть ее, потому что эти слезы мне нужны. Я просто позволяю им падать, позволяю ему видеть меня. Я ничего не могу поделать, но мне интересно, всегда ли моя жизнь будет наполнена такими моментами: страхами, печалью и болью.

Смятение и беспокойство заволакивают его глаза. Я опускаю взгляд и смотрю себе на колени.

— Джесс, я знаю, что тебе было тяжело сказать это. По правде говоря, я уже понимал это до того, как ты призналась, но мне просто нужно было убедиться. Во-первых, я не говорю, что не хочу тебя, так что, пожалуйста, не думай, что я слепой, глухой придурок, который не видит прекрасную девушку напротив меня.

Он наклоняется ко мне и кладет локти на стол.

— У тебя нет причины чувствовать себя нежеланной, так что запомни: любой парень в здравом уме будет хотеть тебя, особенно если он узнает ту Джессику, которую знаю я. Кроме твоего тела, твоих невероятных глаз и этого облака блестящих черных волос, ты чертовски забавная, и мне с тобой ужасно весело. Ты понятия не имеешь, сколько раз я хотел схватить тебя в бассейне, закинуть себе на плечо и забрать тебя в свою комнату.

Он останавливается и опускает голову.

Снова посмотрев на меня, он говорит:

— Но то, что меня останавливает — это неизбежность. Подумай об этом, Джесс. Как часто отношения из старшей школы превращаются во что-то длительное? Практически никогда. Как много людей, которые встречались в старшей школе, ссорятся из-за какой-то глупой школьной ерунды и потом никогда не видят друг друга снова? Ответ: почти всегда. Я не хочу так. Не хочу потерять то, что мы уже построили.

Его слова проникают в меня одно за другим, по крупицам укрепляя то, что я уже знала. Джейс отличается от остальных. Он хороший и верный. И очень приятный парень.

— Ты единственная, кому я рассказал про Женевию, поэтому это заставляет меня дорожить нашей дружбой больше, чем моими буйными подростковыми гормонами. Я хочу, чтобы ты была в моей жизни долгие годы, и единственный способ добиться этого — убрать физические романтические отношения из уравнения. Разве ты не видишь, что быть друзьями нам безопаснее, чем быть кем-то еще?

Я знаю, в этом есть смысл. Он такой заботливый, и то, что восемнадцатилетний парень может убрать свои гормоны на задний план для того, что он ценит — говорит о многом. Парни, как правило, ценят все, что основывается на сексуальных отношениях, так что я должна быть счастлива насчет этого, но нет. Я могу думать только о нем с кем-то другим, и не могу смириться с этим. Мысль о том, что он будет встречаться с другой девушкой, разрушает меня. Это пожирает меня, образуя глубокую дыру в моей груди, угрожая всосать меня внутрь и никогда не отпустить.

Понятия не имею что сказать или сделать. Это не работает. Может быть, если бы я была нормальной и умела контролировать свои эмоции, я бы могла согласиться с его словами, но то, что я знаю, что когда-нибудь он ляжет в постель с другой девушкой, омрачает нашу дружбу. И это будет продолжаться до тех пор, пока в один день это не сломается. Я могу уйти от него сейчас и никогда не оглянуться, или могу остаться с ним друзьями, и оставить все как было, прежде чем начался этот ужасный день. Умная девушка уйдет, но отчаянная девушка, которой я являюсь, останется.

— Ладно, Джейс. Я буду стараться сильнее. В любом случае, я не хочу все потерять. Ты важен для меня, так что я попытаюсь прекратить хотеть большего. Просто будь терпеливым со мной, ладно?

Он встает, обходит стол, прежде чем вытягивает руку и хватается меня за руки и тянет к себе. Он обнимает меня, и я роняю голову ему на грудь, обнимая его в ответ. Он крепко меня сжимает и целует в макушку. Это не поцелуй, который я хочу, но я принимаю его.

— Спасибо тебе. Я рад, что не потеряю своего лучшего друга. Плюс, кто будет держать меня в узде, если не ты? — говорит он со смехом в голосе. — Все будет хорошо. Мы с этим разберемся.

Он держит меня еще какое-то мгновение, а я сжимаю его в ответ и понимаю, что у меня не будет много таких объятий, прежде чем я снова все испорчу и потеряю его навсегда.

9 глава

«Помнить. Забывать.

Не уверена, что хуже».

— Келли Армстронг.

Джессика

Шесть лет спустя...

Желая большего

Со спиной, прижатой к двери

Ищу неизвестно что

Надеюсь на что-то

Как белый мелок

Рисующий по белому листу

И не давая результата

Все эти годы

Невидимая...

Куда я шла?

Где я была?

Потеряла себя

Все из-за него

Смягчаюсь

Распаляюсь

Топчусь на одном месте

Погруженная под воду

Задерживаю дыхание

Сдаюсь

Разламываюсь изнутри

Ищу кого-то

Ищу большего

Желая улыбнуться

Желая разобраться

Выдохнуть

Расслабиться

Просто нуждаюсь

Просто хочу

Друга

Место

Где могу быть собой

Быть свободной

Просто быть собой...

Оглядываясь на шесть лет назад, когда я навсегда потеряла Джейса, я понимаю, у меня не было четкой картинки нашего совместного будущего, но я и представить не могла, во что это превратится, или насколько далеко я уйду от нормальности. Я даже представить не могла такое отчаяние и агонию и не думала, что в конечном итоге сделаю Джейсу так же больно, как и себе.

Через несколько недель настанет день, который я никогда не хочу встречать — день, когда наш ребенок должен был родиться. Каждый год наступает этот день, и это разрывает меня в клочья. Столько неправильных решений, столько необдуманных вариантов, и столько ложной любви и ненависти привели меня к тому переломному моменту несколько лет назад.

Когда я думаю о своей жизни в старшей школе, чувствую огромную тяжесть, невыносимую боль, которая калечит меня всеми возможными способами. Я ношу ее на своих плечах каждый божий день, она отражается в каждом моем решении, каждом поступке.

После того как мы согласились остаться друзьями, я изо всех сил старалась сдержать слово. Каждый день я подавляла свои желания. Пыталась спрятать собственнические чувства и ревность. Джейс был тактичен к чувствам, с которыми я боролась, он никогда не переходил на флирт, никогда не упоминал при мне других девушек.

Какое-то время я убеждала себя, что он будет одиноким. Мы все так же проводили много времени вместе, а когда начался плавательный сезон, были практически неразлучны. Мы наблюдали за заплывами друг друга и тренировались в его бассейне. Его мама более-менее терпела меня, но между нами всегда было напряжение. Джейс, наконец, познакомился с моими родителями, и все прошло не так ужасно, как я думала.

Все шло хорошо, несмотря на мое сдерживаемое к нему желание. Он все еще делал меня счастливой и заполнял пустоту внутри меня, и это было тем, в чем я действительно нуждалась.

Учебный год подходил к концу и все искали колледжи. Джейс безумно мечтал попасть в университет Бэйлора, и каждый раз, когда он говорил о нем, во мне будто умирала какая-то маленькая частичка. Все, о чем я могла думать, это то, что он оставит меня. Он несколько раз упоминал, что я тоже должна поступать туда, чтобы мы могли быть вместе, но он знал, как я чувствовала себя в таких местах как школа. Это место, где я больше никогда не хотела оказаться, где бы оно не находилось, здесь или там.

Он ездил в Вако несколько выходных подряд и даже привез мне футболку Бэйлора. Он осматривал территорию и изучал различные программы обучения, но не мог решить, чему

отдать предпочтение, но по-прежнему был рад отъезду. Я не хотела портить его настрой, поэтому держала все в себе.

Следующие выходные после выпуска превратились для меня в ад. Я всегда ждала окончания школы, но то, что произошло в конце, было еще хуже, чем то, что происходило все эти годы. Джейс собирался уезжать в Бэйлор, и я хотела проводить с ним как можно больше времени. Я решила удивить его в пятницу вечером, так как знала, что его мама будет на работе, и мы сможем побыть наедине. В своих извращенных мозгах я считала, что это будет шанс превратить наши отношения во что-то большее, особенно теперь, когда школа окончена. Когда я приехала к нему, кошмар, который я раз за разом проигрывала в своем параноидальном мозгу, стал явью.

Даже сейчас воспоминания преследуют меня.

Я медленно обошла кирпичную стену двухэтажного дома, и увидела то, чего всегда боялась: Джейс и привлекательная брюнетка в бассейне. Он прижал ее к стенке бассейна и целовал. Его руки сжимали ее грудь, которую едва скрывал купальник, оба стонали, пока вода плескалась вокруг них.

Я застыла и стояла на месте.

Знаю, я должна была развернуться и убежать, но не могла. Я стояла там, наблюдала за каждым их движением. Джейс развязал веревочки ее лифчика, освобождая ее грудь, наклонился и начал ласкать ее рот. Ее голова запрокинулась назад, и я слышала, как она что-то бормотала ему, пока пробегалась пальцами по его волосам.

— Боже, Джейс, это восхитительно. После сегодняшнего ты не сможешь добраться в Вако со мной достаточно быстро, малыш.

Сердце билось о грудную клетку, а глаза наполнились слезами. Она была из Вако. Он встретил ее там, но не сказал мне. И он позволил ей приехать сюда — в место, где мы были практически каждый день. Слезы хлынули из глаз, и всхлип вырвался наружу. Мой всхлип, наверное, был довольно громким, потому что Джейс застыл и повернулся. Он увидел меня через забор, и такое ощущение, что мы смотрели друг на друга целую вечность, пока он не начал двигаться.

Он протянул ей купальник и сказал прикрыться, затем в панике быстро вылез из бассейна, его очевидная эрекция была видна сквозь плавки. Он схватил полотенце, обернул вокруг себя и поспешил ко мне. Я даже не пыталась двигаться. Все было кончено, и я знала это.

— Джесс, что... — пробормотал он, пытаясь сформулировать предложение. — Что ты здесь делаешь? — снова попытался он. Я не смотрела на него. Просто стояла перед ним, как беспомощная, бесполезная пустая оболочка. Он наклонился, пытаясь посмотреть мне в глаза.

— Мне жаль, что ты увидела это, — сказал он, касаясь моего лица влажными руками, руками, которые только что мяли сиськи другой девушки. Я оттолкнула его. Мой защитный механизм, наконец, сработал, и я побежала.

Как всегда.

Прежде чем добраться до машины, я развернулась и посмотрела на него, взглядом посылая

в него миллионы кинжалов. Когда я достигала этого уровня боли, каждая эмоция была на полной мощности, и я не могла их остановить.

— Я НЕНАВИЖУ ТЕБЯ, Джейс Коллинз! — закричала я злобно.

Его лицо передернулось от моих ядовитых слов. Он остановился как вкопанный, и я увидела, что его глаза увлажнились, что можно было ошибочно принять за воду из бассейна, если бы я его не знала. Он положил руки на бедра и опустил голову, глядя на землю. Я повернулась к своей машине и дернула дверь так сильно, как могла. Пристегнув ремень, я выплеснула на него еще одну полную ненависти тираду.

— Я бы хотела, чтобы ты никогда не помогал мне той ночью! Я бы хотела, чтобы Элизабет и Хейли забили меня до смерти! Я бы хотела, чтобы той ночью я умерла, это было бы лучше, чем то, что ты вошел в мою жизнь! — выкрикнула я, когда мой голос надорвался.

Я никогда не видела такого страдальческого выражения на лице Джейса, никогда. Это было ужасно, и я была причиной этого.

Дни сменялись днями.

Каждый день он отправлял мне сообщение за сообщением, умоляя поговорить с ним, но я не отвечала. В ночь перед его переездом в Вако он пришел ко мне домой пьяный. Я никогда не забуду, как открыла дверь и увидела его. После того как я не видела его столько дней, он выглядел даже красивее.

— Джейс? Что ты здесь делаешь, и почему от тебя воняет алкоголем?

Он лениво улыбнулся, когда ответил мне:

— Я завтра уезжаю, Джесс. Я просто хотел сказать «прощай» моей лучшей подруге.

Я посмотрела на его все еще заведенный пикап, и поняла, что он, пьяный в задницу, приехал ко мне домой на машине.

— Джейс, ты пьян! Ты не можешь водить в таком состоянии. Ты же убьешь кого-нибудь. Я отвезу тебя домой. А ты можешь попросить кого-то забрать твой пикап утром. Подожди здесь, я возьму свои ключи.

Я взяла ключи, схватила его за руку и повела к своей машине. Он положил голову мне на плечо и громко вздыхал, уткнувшись носом в мои волосы. Моя кожа покрылась мурашками, и желудок сделал сальто из-за его близости ко мне.

— Мне нравятся твои волосы, Джесс. Это самые красивые волосы, которые я когда-либо видел, и они так хорошо пахнут.

— Заткнись, Джейс. Ты пьян и не знаешь, что говоришь, — сказала я, хотя на самом деле хотела услышать каждую пьяную вещь, которую он обо мне говорит.

Даже если я знала, что это не было правдой.

Я впихнула его на пассажирское сиденье и закрыла дверь, и, качая головой, пошла к своей стороне. Я молча села, завела машину и выехала с подъездной дорожки.

— Я еще не готов ехать домой, Джесс. Давай просто поедим вокруг, — прошептал он,

откинув голову на подголовник.

— Джейс, ты должен поехать домой и отоспаться. Завтра у тебя важный день, плюс я не хочу с тобой кататься. Я помогаю тебе только потому, что не могу позволить тебе убить себя, разъезжая в таком состоянии.

Он повернул голову в сторону, чтобы посмотреть на меня с грустью в его налитых кровью глазах.

— Джесс, не ненавижь меня больше.

Я едва сдерживала себя, чтобы не остановить машину на обочине, потянуться и обнять его. Я хотела признаться, как сожалею о том, что сказала, умолять его простить меня, но не сделала этого, потому что яркое изображение его с той девушкой все еще было слишком болезненным. Прощения не даются мне легко. На самом деле, они обычно никогда не даются. После того, как я выбрасываю кого-то из своей жизни, они никогда не возвращаются.

— Мне жаль, что это не могла быть ты, Джесс, — сказал он и потянулся, чтобы заправить мои волосы за ухо. — Что это не ты была в бассейне со мной. Прости меня, не ненавижь меня больше.

Мое сердце заколотилось, а голова закружилась. Я понятия не имела, что сказать на это, потому что тоже хотела бы, чтобы я была той девушкой в бассейне. Я сжала руль крепче. Он потянулся, схватил меня за руку, сжал ее и переплел мои пальцы со своими.

— Моя мама все еще в загородном клубе. Там проходит моя прощальная вечеринка, — сказал он, когда его большой палец потирал кожу на тыльной стороне моей ладони. — Она обычно остается до закрытия. Зайди ко мне. Я просто хочу провести время с тобой, прежде чем уеду, — его рука сжала мою, и он продолжил: — Я чувствую, что как только уеду, никогда снова тебя не увижу.

Его слова, действия, даже само его присутствие — этого всего было слишком много. Его глаза захватили мои, и я почувствовала, как миллион бабочек запорхал у меня в животе. Я знала, что он был пьян, но при этом знала, как сильно хотела побыть с ним, несмотря на мой гнев из-за того, что он ранил меня. Я знала, что он не сделал это умышленно, но это ничего не меняло, боль была все еще настоящей.

— Ладно, — прошептала я, поддаваясь своим желаниям.

Прежде я никогда не была в комнате Джейса. Я всегда думала, что он никогда не просил меня подняться вверх, потому что беспокоился о том, что я хотела от него большего, чем дружбу. Осмотревшись, я заметила, что, как и остальная часть дома, комната была огромной. Большой плазменный экран со всеми возможными игровыми системами висел на стене, напротив него была огромная двуспальная кровать. Спортивные плакаты заполняли всю стену, и повсюду была символика Бэйлорского университета. В углу валялись два огромных кресла-мешка, и стоял стеллаж, заполненный трофеями и медалями за всевозможные спортивные достижения.

Я испугалась, когда телевизор включился на канале музыки. Заиграла «We Belong Together», Гевина Дегро, и Джейс бросил пульт на кровать.

Я подняла взгляд и за синими сапфирами его глаз увидела желание. Моя голова закружилась от этого. Потребность друг в друге была повсюду — наконец-то она была неоспоримой. Он решительно направился ко мне, и когда я стояла там под его взглядом, казалось, что весь воздух в комнате исчез. Я едва могла дышать. Он остановился в дюйме от моего тела и наклонился так, что его губы были дразняще близко к моим, так близко, что я могла почувствовать его теплое дыхание на моем лице и запах мяты, смешанный с виски.

Это было опьяняюще.

— Ты знаешь, как много раз я хотел поцеловать эти губы? — он прошептал, сдерживая себя, делая акцент на каждом слове. Это сводило меня с ума. Я ничего не могла поделать с образами, которые пронеслись в моей голове, о его губах на моих, на моем теле.

Его рот был мучительно близко к моему, но не касался. Я закрыла глаза и попыталась дышать. Я почувствовала головокружение, а мои ноги стали неустойчивыми. Он мучительно медленно протянул руку и потер подушечкой пальцев мою нижнюю губу. Его глаза потемнели и с жадностью переместились от моих глаз к моему рту.

— Сейчас я собираюсь поцеловать тебя, Джесс, — прошептал он так тихо, что я едва могла расслышать его. — Я собираюсь поцеловать тебя так, как никто не целовал тебя прежде.

Боже мой.

Он наклонился вперед и легко коснулся моих губ. Мягкий стон покинул мой рот, и мое дыхание смешалось с его. Но он остановился слишком рано и увлажнил свои губы языком.

— Джесс, после того как я поцелую тебя, а сделаю я это очень скоро, я положу тебя на кровать и буду заниматься с тобой любовью, как никто не делал это прежде.

Шквал безусловного удовольствия от его слов прошел через все мое тело и прямо к моему сердцу, которое говорило остановить его, потому что он был пьян, но эгоистичная часть меня безумно его хотела. Это была сторона Джейса, которую я так давно хотела увидеть. Я всегда любила доброго Джейса-друга, но раскованный, властный, невероятно сексуальный Джейс, который стоял передо мной, разжигал во мне огонь. Тяжело сглотнув, я посмотрела в его глаза и кивнула, закусив свою нижнюю губу и пытаюсь удержать себя от того, чтобы сказать что-то, что разрушит этот момент. Он еще даже не целовал и не трогал меня, но мое тело уже реагировало на него в местах, которым обычно требовалось больше, чем просто контакт глазами.

Он скользнул рукой по задней части моей шеи, крепко схватил, и в этот момент я полностью подчинилась ему. Я хотела почувствовать его губы на своих больше, чем хотела дышать. Он страстно захватил мой рот. Его язык нежно прикоснулся к моим губам, и я открылась для него. Когда наши языки встретились, они переплелись в яростном танце, и сексуальная энергия между нами усиливалась с нашими ускоряющимися движениями, касаниями, похотью. Виски и мята дразнили меня, и я хотела большего, нуждалась в большем от Джейса, но не только физически, я также жаждала любви, которую он предлагал с каждой лаской. Мое сердцебиение ускорило, кожа вспыхнула, и каждая клеточка моего тела была на краю. Этот поцелуй был самым захватывающим сексуальным опытом в моей жизни, но это было гораздо больше. Я была со многими парнями, но этот поцелуй заставил все предыдущие исчезнуть из памяти. Это был не просто поцелуй. Это

было обещание, явная, грубая демонстрация осязаемой любви. Мое сердце это никогда не забудет, и оно уже никогда не будет прежним.

Я наклонилась, желая попробовать больше, но он отстранился, и у меня вырвалось хныканье.

— Джейс, я...

— Шшшш, Джессика, — сказал он тихим голосом. Когда он так произносил мое имя, мой желудок сжимался, а рот наполнялся слюной в ожидании его следующих действий. — Ляг на кровать, Джесс, — приказал он.

Я замерла, как только почувствовала, что уперлась ногами в кровать. Он стоял передо мной с непоколебимой уверенностью, источая тонны мужества. Он нагнулся, запустил пальцы под край своей футболки и потянул ее через голову. Я опустила взгляд на его рельефный пресс, которым всегда восхищалась. Он начал растягивать свои темные джинсы, внутри которых на боксерах мои глаза наткнулись на фразу «Ты счастливица!». Это было довольно правдиво. Он спустил штаны, позволил им упасть вокруг его щиколоток, и все, что на нем осталось — это боксеры «Найк». Они идеально обтягивали его загорелые ноги, ну, и все остальное.

Я сглотнула, пытаясь избавиться от комка в горле, и его голос вырвал меня из моего похотливого разглядывания.

— Ложись, Джесс.

Я молча легла и отползла назад, ближе к спинке кровати. Он медленно подошел к кровати, и холодок распространился по всему моему телу, когда он лег рядом со мной. Он вытянул руку и одним пальцем провел по моей губе, к моему подбородку, к шее, вниз между моими грудями к краю футболки.

Наклонился, едва касаясь губами моего уха, и прошептал:

— Я собираюсь снять твою футболку.

Его слова послали дрожь предвкушения по моему позвоночнику, я закрыла глаза, и зажала одеяло подо мной в кулаках. Нервозность пронеслась в моей голове, и я поняла, что до смерти боялась с кем-то спать. Но Джейс — не просто кто-то. Мой Джейс. Он был другим. Это было по-другому. Мы были другие. И я знала, что это не будет похоже на любой другой секс, который у меня был.

Он, должно быть, почувствовал мою неловкость, потому что наклонился и прижался губами к моей щеке.

— Все в порядке, Джесс. Просто позволь мне заставить тебя почувствовать себя хорошо, позволь мне любить тебя.

Я растаяла от его просьбы. Хотя это было больше, чем просьба, в его словах была невысказанная команда, обещание, что он будет любить меня, заботиться обо мне, заставлять меня и мое тело чувствовать то, что никто другой не заставлял. И тогда я была потеряна, полностью потеряна в Джейсе и его обещаниях. Он мог взять все, что хотел.

Он снимал мою одежду постепенно, с благоговением, которого я никогда не испытывала. Ткань была заменена его губами и кожей на мне — ощущения были везде. Он опустился ниже, чтобы снять мои шорты, прокладывая свой путь поцелуями по моему животу, и я замерла, потому что он мог увидеть мои шрамы. Я глубоко вздохнула и позволила всему идти своим чередом. Было слишком поздно беспокоиться о его реакции. Если шрамы оттолкнут его, тогда так тому и быть, но я не позволю этому остановить меня от наслаждения каждой секундой.

После того как он стянул мои шорты и трусики, я увидела удивление и беспокойство на его лице. Линия ниже моих трусиков выглядела, как зона военных действий, от многолетних порезов. Шрамы, оставленные на моей коже, показывали годы скрытой боли.

Он поднял голову, глядя на меня, когда провел пальцами по поврежденной коже, и я видела вопрос и беспокойство в его глазах. Он не сказал ни слова, но его молчание сказало мне о многом. Он вернул свой взгляд к шрамам, наклонился, касаясь их своими теплыми губами. Мои глаза наполнились слезами, но я подавила их. Он просто поцеловал место, которое всегда напоминало мне, какой разрушенной я была на самом деле. В любом случае, он все еще хотел меня, и за это я любила его еще больше.

Его голова опустилась ниже, и когда он творил свое волшебство, я откинула голову назад в удовольствии. Он делал то, что поднимало меня на уровень безумия, который я никогда прежде не знала. Каждое прикосновение было медленным и обдуманым. Когда он начал прокладывать поцелуи по моему телу, он расслабился на мне, его плоть соприкоснулась с моей. Он с жадностью посмотрел на меня, облизнув губы, и я покраснела, зная, что он попробовал.

— Хорошо, Джесс. Так хорошо.

Я ахнула, когда он опустил свои губы на мои, заявляя права на мои губы еще одним агрессивным поцелуем. Его руки опустились по моему телу, когда он приподнял бедра и снял свои боксеры. Когда его тело снова встретилось с моим, поток теплой энергии распространился между нами. Мое дыхание ускорилось, а моя грудь начала быстро подниматься и опускаться. Он углубил наш поцелуй и протолкнул колено между моих ног, раздвигая их шире. Приподнялся на руках и смотрел на меня сверху вниз, прежде чем задал вопрос, изменивший нашу жизнь.

— Джесс, ты на таблетках?

Миллионы мыслей пронеслись в моей голове... Если я скажу ему правду, он может надеть презерватив, у нас будет секс, и я никогда не увижу его снова. Или у него не будут защиты, и он остановится.

Или я могу забеременеть, и он никогда меня не оставит.

Мой ответ мог изменить наши жизни навсегда.

10 глава

«Твой внешний путь может состоять из миллиона шагов; у твоего внутреннего пути есть только один шаг: шаг, который ты делаешь прямо сейчас».

— Экхарт Толле.

Джессика

Сидеть в комнате ожидания в психиатрической клинике с очень туго затянутыми ранами и быть в панике от того, что мне надо идти на терапию — не так я хотела провести свое утро.

Но это был шаг, который я должна была сделать, у меня просто не было выбора.

Воспоминания о той ночи шесть лет назад, когда у нас с Джейсом был секс в первый и последний раз, проигрывались в моей голове снова и снова. Как только я оказалась в его комнате, он, казалось, мгновенно протрезвел, и взял контроль над моим телом, как будто оно ему принадлежало... Это по-прежнему была самая страстная ночь в моей жизни. Мое ужасное решение испортило ее, при этом превратив то, что могло быть прекрасным, во что-то очень уродливое.

Оглядываясь сейчас назад, я вспоминаю, как плакала всю дорогу до дома, после того как покинула дом Джейса. Я плакала из-за него, из-за себя, из-за того, что солгала. Я хотела забрать свои слова назад, но было слишком поздно, и то, что сделано, то сделано. Джейс кончил в меня, а я не была на таблетках.

Я всегда надеялась на презервативы, потому что никогда не хотела объяснять маме, что мне нужны противозачаточные. Сомневаюсь, что она бы беспокоилась, но я все еще не хотела обсуждать с ней эту тему.

Джейс приехал утром, чтобы забрать свой пикап, и я ужасно нервничала, когда он пришел попрощаться, я не знала, чего ожидать от него после нашей совместной ночи, и была в ужасе, что увижу сожаление на его лице.

Я все помню, как будто это было только вчера.

Открыв дверь, я увидела его в выцветших джинсах, белых «Найках» и футболке с логотипом Бэйлора. Его руки были в карманах, и он смотрел на меня с флиртующей улыбкой на его восхитительном лице. Его «ох-какая-сексуальная» зубочистка была на своем месте, и он не был похож на парня, который о чем-либо сожалеет.

— Привет, — просто сказал он.

Момент был неловким, и факт, что мы спали вместе, повис в воздухе.

— И тебе привет, — ответила я.

— Не хочешь поехать со мной? У меня есть несколько часов, прежде чем я уеду в Вако, — спросил он и протянул мне руку.

Я осмотрела себя, потом взглянула на него, я все еще была в пижаме.

— Джесс, это просто поездка на машине. Кого заботит твоя уродливая пижама? — спросил он, смеясь и качая головой.

Я была в своих черно-оранжевых в клетку пижамных шортах и футболке, на которой была

надпись «Уродство». Она была глупой, но мне нравилась одежда, говорящая странные и забавные вещи. Только, кажется, я носила ее в не очень подходящее время.

Я рассмеялась, но согласилась.

— Конечно, просто дай мне предупредить маму, и я надену какую-нибудь обувь. У меня также есть прощальный подарок для тебя.

Я сказала маме, что вернусь позже, и скользнула в свои шлепки. Мои волосы были распущены и ниспадали вокруг моего лица. Мы забралась в грузовик, и когда выехали с подъездной дорожки, он протянул руку и схватил мою.

— Перебирайся сюда, ты слишком далеко, — сказал он, потянув меня за руку.

Я тут же оказалась рядом с ним и улыбнулась. Мне очень нравился его пикап, особенно в тот момент, поскольку мы могли быть ближе друг к другу. Он притянул мою руку к своим губам и оставил небольшой поцелуй. Он был милый, и в ту секунду я знала, что любила Джейса Коллинза. Я никогда не признавалась себе в этом, потому что не думала, что знала, что такое любовь, но это была настоящая любовь. Поцелуй на моей руке был любовью, и я знала это. Я чувствовала это всеми фибрами своей души.

Я узнала дорогу, когда мы завернули, я мгновенно повернула голову и посмотрела на него в замешательстве.

— Куда мы едем, Джейс? — спросила я, сжимая его руку.

— Не беспокойся. Сейчас раннее утро, так что там никого не будет, — заверил он меня.

Мы подъехали к водонапорной башне, и мое сердце забило немного быстрее. Это место навевало неприятные воспоминания, и я ненавидела здесь находиться. Джейс также это знал и чувствовал мой дискомфорт.

— Джесс, здесь никого нет. Никто не обидит тебя. Только ты и я. Только Джейс и Джесс, ладно? — сказал он, обхватил обе мои щеки и заботливо улыбнулся.

Он наклонился, поцеловал кончик моего носа и прислонился своим лбом к моему, прежде чем сказал:

— Это место не должно содержать для тебя плохие воспоминания. Здесь мы в первый раз на самом деле увидели друг друга. Это место содержит воспоминания нашего второго шанса, — он огляделся, осматривая место, где он помогал мне в ту ужасную ночь.

— Может, у той ночи и не было счастливого конца, но из-за этого мы нашли друг друга. Их неправильные действия привели нас в правильное место, — он был прав. Боже, я любила этого парня. — Я знаю, что ты, вероятно, смущена насчет прошлой ночи, Джесс, но я не сожалею о ней, ни о чем. Я был идиотом, что не сделал этого раньше. Я уже давно должен был поддаться своим чувствам. Я позволил глупым страхам вмешаться, поэтому и отступил. Я сожалею об этом. Прошлая ночь была удивительной, восхитительной и невероятно будоражающей, Джесс. Я завожусь уже только от одной мысли о той ночи, — он остановился и посмотрел на мои губы.

— А эти... — он пробормотал, наклонился и целомудренно поцеловал меня в губы. — Это самые мягкие губы, которые я когда-либо целовал, и на вкус они как конфеты. Я могу

целовать их весь день и совершенно не устать от этого, — он еще раз нежно поцеловал меня.

Я вытащила небольшой сверток из сумки и протянула ему.

— Вот. Я купила ее для тебя в торговом центре. Только не надевай ее перед своей мамой, — засмеялась я.

Он вытащил голубую футболку из пакета и поднял ее. «Музыка делает меня похотливым» было напечатано большими черными буквами.

— Ты сказал, что будешь носить такую, если она не будет розовой, так что вперед, — произнесла я.

— Мне нравится! — сказал он с огромной глупой улыбкой.

— Это голубой Джейса.

— Голубой Джейса?

— Да, это цвет твоих глаз.

Мы оба рассмеялись, и он приложил футболку к груди.

— Мама полюбит эту футболку. Я должен надеть ее, когда она придет навестить меня, просто, чтобы взбесить ее, — засмеялся он.

Он наклонился и поцеловал меня в щеку, снова поблагодарив. Затем притих. Нервно посмотрел на свои колени, а потом снова на меня. Он открыл свой рот, собираясь что-то сказать, но резко закрыл его, как будто это были еще не совсем правильные слова. Между его бровями залегла складка, и он нервно пробежал рукой по волосам.

— Эй, давай сядем на помост водонапорной башни. Там красиво.

Рука об руку мы пошли к башне. Мы забрались по лестнице, и я посмотрела на окружающие нас деревья. С его рукой, комфортно устроившейся вокруг меня, мы сидели, и он задавал сложные вопросы, на ответы на которые мне требовались все мои силы.

— Джесс, что с тобой случилось? Почему у тебя все эти шрамы? — прошептал он, глядя на меня с озабоченностью и беспокойством.

Мое сердце ускорило, и ладони начали потеть. Я знала, что когда-нибудь столкнусь с этим, но не хотела, чтобы это было сегодня. Я просто хотела попроситься на хорошей ноте. По моему напряженному языку тела он увидел, что я была напугана его вопросами. Он вытянул руку и погладил мою щеку, уверяя, что я была в безопасности.

— Эй, все в порядке. Ты можешь рассказать мне. Кто сделал это с тобой? — спросил он. Боль в его голосе разбивала мне сердце. От мысли, что он даже не подумал, что я делала это сама, я стала еще больше бояться сказать ему правду.

Я покачала головой, когда мои глаза наполнились слезами. Он притянул меня в теплые объятия и крепко держал. Я плакала на его плече, пытаюсь понять, как сказать ему правду. Я лгала ему о многих вещах. Мне нужно быть честной насчет этого, даже если он подумает, что я сумасшедшая.

Я отодвинулась и посмотрела на него. Он протянул руку и вытер мои слезы, нежно поцеловав меня в лоб.

— Все в порядке, что бы это ни было. Просто посвяти меня, Джесс. Позволь мне помочь тебе, — сказал он, когда искал мои глаза для ответов.

— Это сделала я, — сказала я стыдливым шепотом и опустила взгляд на свои беспокойные руки. Я не хотела видеть его лицо после моих слов.

Он взял обе мои руки в свои и поднял их к своему рту. Он нежно поцеловал каждую из них, прежде чем притянул меня к себе. Я зарылась лицом в изгиб его шеи, прячась от правды. Он, должно быть, подумал, что я грязная, испорченная, сумасшедшая или хуже — не так хороша для него. Он медленно гладил мои волосы, и мы оба затихли на мгновение, когда он обдумывал, что я сказала.

— Почему, Джесс? Почему ты сделала это со своей прекрасной кожей? Почему ты ранила себя? В этом нет никакого смысла. Я хочу понять, заставь меня понять, — умолял он.

Но я не могла заставить его понять. Я сама едва это понимала. Единственное, что я знала, это то, что я нуждалась в этом, хотела, и мне было необходимо то облегчение, которое оно приносило.

— Ты все еще делаешь это? — спросил он.

— Да, но не так много как раньше, — призналась я быстро, когда ногой ковыряла облупившуюся краску.

— Почему?

— Из-за тебя. С тех пор, как ты вошел в мою жизнь, мне это уже не так нужно. Эти девушки перестали мучить меня, и все стало намного лучше.

— Тогда зачем вообще делать это? Я просто не понимаю. Ты красивая, решительная, забавная, у тебя огромное сердце, и когда ты улыбаешься, твоя улыбка освещает всю комнату, — он вздохнул, и я знала, что ему трудно понять то, что я пыталась объяснить. — Почему ты чувствуешь, что таким способом ты помогаешь себе? Сейчас у тебя есть я, мы есть друг у друга. Ты не должна делать этого, Джесс.

Я так любила его, даже больше, чем в прошлую ночь. Невинная теплота, которая исходила от него, была ощутимой и обернула меня в теплое одеяло безопасности. Я пообещала ему, что перестану резать себя, а он пообещал, что не будет обсуждать это снова, пока я сама не захочу поговорить.

— Сегодня я должен уехать, но Вако — это всего четыре часа езды. Я не буду очень далеко. Обещаю, мы разберемся с этим. Если ты не хочешь поступать, может, сможешь найти работу и переехать ближе, — сказал он, когда поглаживал мою руку. — Я могу часто приезжать домой на выходные и все праздники, пока мы не решим, как это работает. Я хочу быть с тобой, Джесс. Я хочу, чтобы ты была моей девушкой. Я знаю, что всегда говорил

обратное, но я был придурком, — сказал он. Затем он убрал несколько прядей с моего лица и посмотрел на меня выжидающе.

— Скажи что-нибудь, Джесс. Ты заставляешь меня нервничать, — он выдавил небольшой смешок и ждал.

Я посмотрела на него и серьезно сказала, что сделаю все возможное, чтобы мы были вместе. Тогда я еще не знала, что это было пустое обещание, но когда я это говорила, то действительно имела это в виду.

— Я сделаю все, что ты захочешь. Я могу поискать работу, и мы сможем видеться на выходных, как ты и сказал, потому что я тоже хочу быть с тобой, Джейс. Так сильно, что это больно. Я очень хочу быть твоей девушкой, — сказала я, чувствуя надежду, но при этом невероятную уязвимость. Мы ключом нацарапали сердечко сбоку водонапорной башни и написали: «Дж+Дж навсегда вместе, несмотря на расстояние».

*Фото
отсутствует*

Так мило и так памятно.

Он протянул руку и приподнял мою голову вверх. Наши взгляды встретились, и я могла видеть себя в его глазах. Я видела место, которому могла принадлежать, место, которое я могла назвать домом. Джейс был домом для меня, моим безопасным местом.

Несмотря на то, насколько я все испортила, я навсегда сохраню то, что увидела в его глазах.

— Джесс, мы будем в порядке. Ты будешь моей девушкой, я буду твоим парнем, и мы будем одной из тех парочек из старшей школы, что после разрыва не возненавидят друг друга.

Я улыбнулась ему, а он улыбнулся мне, прежде чем мы поцеловались. Я так сильно хотела поверить каждому его слову.

Оглядываясь сейчас назад, это мучение, знать, насколько сильно он имел в виду то, что говорил. Искренность в его словах была безупречной, это было то, кем Джейс и являлся. Слезы угрожают политься каждый раз, когда воспоминания наводняют мою голову.

Мы уехали от водонапорной башни, и он остановился у моего дома.

— Иди внутрь и возьми свой купальник, — сказал он.

— Эээ... хорошо, но зачем? — в замешательстве спросила я.

— Мы вернемся ко мне для еще одного заплыва. Я не могу уехать, зная, что не обыграл тебя, — он подмигнул с игривым выражением на лице. — Или, может, я просто снова хочу увидеть тебя в купальнике. В бассейне я все время должен был сдерживать себя, теперь мне это не нужно, — сказал он и поиграл своими бровями, заставляя мою кожу покрыться мурашками. Я не привыкла к тому, что Джейс флиртует со мной и поняла, как сильно наслаждаюсь этим.

После остановки у моего дома, чтобы я переоделась, мы отправились к нему для нашего решающего раунда.

— Почему ты до сих пор не в плавках? — спросила я его, когда мы подъехали к его дому, и затянула волосы в хвост.

— Я переоденусь. Просто хотел быть здесь и смотреть, как ты выходишь из раздевалки в этом купальнике, — сказал он с ухмылкой на лице.

Мы стояли на краю бассейна, и я подошла ближе, приподнимаясь на носочках, чтобы поцеловать его. Как только он закрыл глаза, я толкнула его в воду. Он упал в бассейн, создал много брызг и мгновение спустя вынырнул шокированным. Я прикрыла рот рукой, пытаюсь сдержать смех, но не получилось. Его выражение лица было бесценным.

— Черт, Джесс, за что это, блин, было? — спросил он, пытаюсь звучать как можно устрашающе, но не получилось.

— Это за тот день, когда ты начал, а затем прервал поцелуй в этом бассейне. Теперь мы в расчете, — четко ответила я.

Он покачал головой, смахивая воду с волос, и затем пригладил их рукой, глядя на меня, как тигр на жертву.

Черт!

— Ты знаешь, что на мне новые «Найки» и новая футболка Бэйлора, женщина? И что мне теперь носить в Вако? — спросил он очень холодным расчетливым голосом, пока выбирался

из бассейна.

Он сделал несколько шлепающих шагов в моем направлении, а я отступила назад.

— Джейс, прости. Не делай то же самое, пожалуйста, — сказала я, оттопырила нижнюю губу и захлопала ресницами.

— Это не поможет, Джесс. Ты получишь сполна. Если бы ты не была так чертовски красива, я бы действительно заставил тебя заплатить за это, — он рассмеялся и стянул свои промокшие кроссовки, затем снял и мокрые носки. Он расстегнул джинсы, снял их и отбросил в кучу мокрых вещей, за ними последовала и футболка. Он стоял лишь в черных боксерах, руки на бедрах, смотрел на меня, будто вызывал на битву, в которой никогда не проиграет. Внезапно, он рванул ко мне, я взвизгнула и побежала от него.

— Нет, Джейс, нет! Я сдаюсь! Я подчинюсь! Клянусь! — кричала я, бегая вокруг бассейна и смеясь, сердце стучало в груди.

— Нет. Джессика Александр, ты искупаешься! — угрожал он, а дистанция между нами сокращалась. Он обернул свои руки вокруг моей талии и закинул меня себе на плечо.

— Ты уверена, маленькая легкая штучка? — он шлепнул меня по попе. — Хотя так будет еще проще бросить тебя в эту прекрасную прохладную утреннюю воду, — он бросил меня прямо в ледяную воду бассейна.

Я вскрикнула, когда вынырнула наружу, каждый дюйм моего тела покрылся гусиной кожей. Он нырнул сразу же после меня, и я поплыла на другую сторону бассейна. Развернувшись, я оглянулась и увидела, что он был у меня на хвосте. Почувствовав, как он схватил меня за ногу, я развернулась под водой, и мы оказались лицом к лицу. Он широко улыбнулся и притянул меня к себе, затем он выдохнул и поцеловал меня под водой. Это было игриво, мило, это был настоящий Джейс.

Он уехал в Вако на следующий день. Это был последний раз, когда я видела его. Несмотря на то, что он хотел приезжать на выходные, он не смог из-за футбольных тренировок. Мы разговаривали каждый день и постоянно переписывались. Мы даже пытались заняться сексом по телефону, хотя это было больше похоже на час смеха, чем на что-то другое. Затем мы перешли на сексемески, которые так же были комичны. Я помню тот день, когда пила воду из бутылки и увидела его сексемеску, из-за чего вода буквально пошла носом.

Джейс: Когда я увижу тебя в следующий раз, я буду вылизывать твои сладкие горячие женские складочки.

Все о чем я могла думать, пока смеялась, что за «сладкие горячие женские складочки», и кто вообще так говорит? Я ответила ему в такой же манере.

Джесс: Ну, после того как ты вылижешь все мои горячие женские складочки, я вылижу твой стальной стержень.

Телефон сразу же зазвенел, это был он. Как только я ответила, сразу же услышала его смех. «Стальной стержень» стал его любимым выражением, когда он говорил о своем

члене.

Следующая неделя стала той, когда я потеряла Джейса навсегда. Я начала чувствовать тошноту, и меня выворачивало каждое утро. Одно утро было особенно ужасным, хуже, чем все остальные, и когда он позвонил, то понял, что что-то не так. Он хотел знать, не заболела ли я, и я ответила, что это всего лишь желудочная инфекция. После нескольких секунд молчания, он задал вопрос, который таился в глубине моего сознания с тех пор, как мы были вместе.

— Джесс, когда ты мне сказала, что принимаешь таблетки, ты ведь не врала? Нет вероятности твоей беременности? Потому что сейчас утро, тебя тошнит, и это пугающая комбинация.

Мое молчание он принял как ответ.

— Джесс, ты принимаешь таблетки? Джесс? Пожалуйста, не говори, что ты солгала мне!

Я сразу же начала рыдать в трубку. Это подтвердило его подозрения, и он продолжил.

— Черт, Джесс! Как ты могла? Как ты могла врать мне о таком? Как ты могла принять решение за меня? — кричал он и продолжил сквозь мои истерические всхлипы. — Мне восемнадцать лет, я учусь в колледже и живу в общежитии. И как я могу стать отцом сейчас? Черт, у тебя тоже ничего нет. Ты до сих пор живешь с родителями. Я не могу поверить, что ты так поступила, — он замолчал, и я слышала его учащенное дыхание.

Он был в ярости, или ему было больно, или все вместе. Я не винила его. Мой поступок был более чем жалким и ненормальным.

— Ты знала, как сильно я хотел в Бэйлор, как упорно я трудился, чтобы получить стипендию. Теперь я должен все это потерять из-за твоей лжи! Боже, я даже не могу разговаривать с тобой. Я слишком зол, и могу сказать какое-нибудь дерьмо, которое не должен, — он замолчал, воцарилась полнейшая тишина, длившаяся будто вечность. Он вздохнул и продолжил: — Я не хочу быть сволочью. Я зол, и мне нужно остыть, чтобы дальше продолжать разговор. Тебе надо сделать тест на беременность. Затем перезвони мне и скажи результаты. Тогда будем думать. Пока, Джесс, я люблю тебя, — сказал он и повесил трубку.

В тот день я плакала, пока не осталось слез. Я хотела порезать себя, но была слишком подавлена, чтобы делать даже это. Я сделала тест на беременность — он был положительным. Когда я перезвонила ему, я сделала свой выбор и снова солгала. Вторая ложь, которая изменила мою жизнь навсегда. Я сказала, что тест отрицательный, и что у меня действительно кишечная инфекция. Он молчал несколько мгновений. Я больше не говорила, не могла. Затем он сказал, что ему нужно время подумать, и мы закончили разговор. Я сделала единственное, что могла. Я не могла испортить эту жизнь. Я не могла быть причиной его отказа от того, ради чего так упорно работал.

Всю дорогу к дому родителей Джейса я была на нервах. Руки так сильно тряслись, что я едва могла вести машину. Его мама никогда тепло не относилась ко мне. Черт, я даже не

знала, сказал ли он ей, что мы были парой или нет. Я подошла к входной двери и нажала трясущейся рукой на дверной звонок. Миссис Коллинз открыла двери и недоброжелательно на меня посмотрела. Мой голос дрожал, когда я говорила.

— Я беременна, и отец — Джейс, — выпалила я. Ее глаза расширились, она отошла в сторону и пригласила войти. Она закрыла дверь и направилась в гостиную.

— Почему ты мне это говоришь, мисс Александр? Очевидно, что Джейса здесь нет. Я уверена, ты знаешь это. Так что же заставило тебя прийти сюда и рассказать мне такую новость? — сказала она холодным тоном, какого я никогда от нее не слышала. Она смотрела на меня, будто я была куском дерьма, который надо было выбросить со вчерашним мусором. Она закинула ногу на ногу и расправила свою дорогую юбку, пока я собиралась с мыслями.

— Миссис Коллинз, знаю, я вам не нравлюсь, но я здесь и говорю это, потому что не хочу, чтобы это испортило жизнь Джейса. Срок всего лишь несколько недель, но у меня нет средств, чтобы разобратся с этим самой. Я прошу вашей помощи, — я глубоко выдохнула и молилась, чтобы она отговорила меня от этого, сказала, что все будет хорошо.

Я пыталась не рассыпаться прямо на этом месте, на глазах у этой ледяной женщины, которая никогда не проявляла ни грамма сострадания ни ко мне, ни к тому, о чем я просила. Она просто встала и пошла по непревзойденному паркету — стук ее каблучков разносился по комнате — и достала кошелек. Она вытащила чековую книжку и ручку и начала писать. Когда она закончила, то повернулась ко мне и протянула чек.

— Здесь достаточно денег, чтобы не дать тебе разрушить светлое будущее моего сына и даже больше. Я с радостью дам тебе эти деньги, если ты пообещаешь больше никогда не встречаться с моим сыном, — чек ощущался довольно тяжелым. Он приравнивался к вычеркиванию всего, что меня связывало с Джейсом. — Ты права, мисс Александр, ты мне не нравишься. Мой Джейс слишком хорош для кого-то вроде тебя. Я никогда не понимала его увлечения тобой, или почему вы проводили так много времени вместе. Поэтому бери эти деньги, и я больше не хочу видеть тебя в своем доме. Ты никому об этом не расскажешь, и Джейс ничего не будет об этом знать. Ты скажешь все, чтобы убедить его, что ты не хочешь больше его видеть, — она направилась к двери. Молча, с чеком в руке я вышла из дома Джейса и его жизни.

На той же неделе я поехала в Даллас и прервала беременность. Я провела ночь в отеле и приехала на следующий день. Я солгала своим родителям и сказала, что поеду к Джейсу в колледж. Когда я вернулась, забралась в постель и проспала несколько часов, обнимая себя за живот, ощущая пустоту и боль от того, что сделала. В эту ночь Джейс позвонил мне после дня молчания. Я ответила, зная, что то, что я должна ему сказать, ломает последнюю кость в моем эмоциональном теле.

— Привет, — нерешительно сказал он.

— Привет, Джейс.

— Чувствуешь себя лучше? — спросил он.

— Я в порядке, — ответила я, еще раз соврав.

Я слышала, как он выдохнул и сказал:

— Джесс, я все еще расстроен из-за того, что ты сделала, и не знаю, смогу ли снова

доверять тебе. Ты была не права, когда обманула меня. Я очень забочусь о тебе и не могу представить свою жизнь без тебя, но, черт, это очень большое дело. Я даже не знаю, что думать. Я не говорю, что не могу принять это, но мне нужно время. Я даже не могу сказать, как чувствую себя. Мне нужно больше времени, чтобы решить, чего я хочу. Я не хочу потерять тебя, но мне нужно доверять тебе.

— Джейс, — начала я, но мой язык и слезы работали против меня. Я должна держать себя в руках, если собиралась пройти через это и заставить его поверить мне. Я сделала глубокий вдох, заставила себя открыть рот и застыла в агонии от потери Джейса, которая грозилась поглотить меня. — Тебе не нужно время, чтобы подумать. Я больше не могу тебя видеть. Мы не можем быть вместе. Я не для тебя, и мой поступок непростителен, — я сильно прикусила губу, чтобы он не услышал рыдания в трубке.

В ответ была тишина, и я продолжила, говоря то, что я всегда хотела сказать:

— Я люблю тебя, Джейс Коллинз. Всегда буду любить, — затем я сбросила вызов, пока он ничего не успел ответить.

В этот день я пыталась покончить с собой. Я четко помню детали.

Я заперла дверь спальни и достала коробку из прикроватной тумбочки. Я думала оставить записку, но передумала. Всем наплевать. На самом деле, некоторые будут даже рады услышать, что я сделала это. Я достала лезвие из коробки, твердо настроенная, хотя в моих мыслях никогда не был такого конца. Миллион эмоций проходил сквозь меня, и я просто хотела, чтобы они ушли. Потеря Джейса, потеря нерожденного ребенка, которого я носила, и невыносимое чувство одиночества прожигали мои мысли. Мне нужно было это прекратить. Все это. Я хотела уйти. Я села на край кровати и сделала глубокий вдох. Слезы катились по моему лицу, и я прикоснулась лезвием к запястью. Только я хотела нажать, как кто-то постучал в мое окно, напугав меня до чертиков. Сердце чуть не выскочило из груди. Я бросила лезвие на пол и подошла к окну. Выглянула и увидела маленькую соседскую девочку. Я не видела ее с того дня, как она дала мне снежинку. Она подергала большим пальцем вверх, показывая, чтобы я открыла окно. Я отперла замок и открыла его.

— Что ты здесь делаешь, Виви? Все в порядке?

— Почему ты плачешь, Джессика? — спросила она.

Я быстро вытерла слезы и покачала головой.

— Просто так. Прости, у меня сейчас не самое лучшее время для разговоров, Виви.

— Почему ты собиралась порезать себя?

Я уставилась на нее, понимая, что она наблюдала за мной через окно.

— Виви, милая. Я не собиралась. Все хорошо. Я в порядке.

— У тебя есть снежинка? — спросила она.

— Эм, да, где-то здесь. Ты хочешь ее забрать?

— Нет, но думаю, сейчас она тебе очень нужна. Ты снова грустная. Очень грустная. Почему

ты снова грустишь? — ее большие глаза, полные беспокойства, смотрели на меня.

— Виви, я не могу сейчас об этом говорить. Спасибо что зашла, но я просто не могу говорить. Хорошо?

— Хорошо, — она разочаровано опустила голову. Я чувствовала себя ужасно.

— Прости, Виви, — сказала я ей.

— Все хорошо. Может, поговорим завтра?

В любой другой день я бы с легкостью ответила на ее вопрос. Но в этот день я планировала, что не будет никакого завтра. Но она так искренне смотрела на меня, что я не могла сказать «нет».

— Конечно, — ответила я. Широкая улыбка появилась на ее маленьком личике, и у меня появилось странное чувство, что я должна сдержать свое слово. На следующий день мы сидели на качелях, и она рассказывала мне истории о своей домашней свинке, школе и о любимых песнях. Она приходила каждый день, даже просто сказать привет. Иногда, когда вспоминаю прошлое, я думаю, что маленькая Виви спасла мне жизнь в тот роковой день.

Несколько дней Джейс звонил и писал мне, но я не отвечала. Спустя несколько недель он стал звонить лишь раз в неделю. Затем, спустя месяц, он полностью перестал звонить. Мысли о самоубийстве приходили ко мне в голову, но никогда я не пускала их настолько далеко, чтобы решиться на это снова.

Я нашла работу официантки в Далласе и там же сняла крошечную квартиру-студию. Хоть я и не хотела уезжать, не попрощавшись с Виви, но когда пришла, у нее дома никого не было. Я оставила для нее записку. Надеюсь, она получила ее. Я часто о ней думаю и все еще храню ее снежинку. Я заблокировала свой старый номер телефона и приобрела новый, чтобы быть уверенной, что Джейс больше никогда меня не найдет. Я провела несколько месяцев в уединении. Я резала себя каждый день и начала пить. Когда заканчивала с работой, я садилась на свое любимое место в баре, и бармен наливал мне пару шотов. Затем подвыпившей я ехала домой. С помощью алкоголя я стала более общительной и вернулась к старому. Клиенты моего и других баров, которые постоянно попадали на меня, пытались меня подцепить, и я частенько принимала их предложения. Меня несколько раз увольняли с разных мест работы.

Бессмысленный секс возвращал меня к жизни. Однажды, когда я возвращалась от какого-то парня, я снова вела машину пьяной. Я свернула с дороги и врезалась в дорожное ограждение, сильно ударившись головой и грудью. Я потеряла сознание, и кто-то вызвал скорую. Меня привезли в больницу, обследовали, и врачи заметили следы моих порезов. В конце концов, мне выдвинули обвинение в езде в нетрезвом виде и приговорили к принудительному лечению, вместо заключения в тюрьму. Мне пришлось заплатить огромный штраф, и у меня отобрали водительские права. Я никогда так низко не падала. Я стала не тем человеком, которым хотела стать. Я не звонила родителям. Как ни странно, я позвонила своему брату Джеффу. Он работал адвокатом в небольшой фирме в Далласе и защищал меня в суде. Мы никогда не были близки, но он сделал все возможное, чтобы помочь мне.

— Джесс, судья не будет благосклонен, если ты не будешь выполнять все предписанные тебе назначения. Пожалуйста, запомни это, — сказал мне Джефф, давая понять, что это не шутки.

— Я буду, обещаю. Спасибо еще раз за помощь. Я очень благодарна, — сказала я, и он ушел.

Сидя здесь, в этой клинике, я знаю, что во время беседы с врачом, должна вывалить все свое дерьмо, рассказать самые потаенные, самые глубокие страхи какому-то незнакомцу, который сидит с кучей бумаг и говорит, что понимает мои чувства. Я не верю, что кто-то может понять, как я себя чувствую, даже не надеюсь, что терапия поможет решить мои проблемы. Я надеюсь получить некоторое успокоение, шаг за шагом. Не думаю, что это может быть хуже, чем я представляю. Во всяком случае, я на это надеюсь.

11 глава

«Прошлое никогда не умирает».

— Уильям Фолкнер.

Джессика

Я практически готова удрать из этого места, если в ближайшее время не назовут мое имя. Я грызу ногти и бездумно листаю идиотские журналы со сплетнями, пока меня это не начинает бесить.

Мы что, не можем это сделать побыстрее, а то я просто сойду с ума.

И только я начинаю закипать от разочарования, как слышу свое имя.

— Мисс Джессика Александр, — говорит полная женщина с папкой в руках, стоящая в дверях кабинета, возможно, ведущих в какое-то подземелье для психов.

— Здравствуйте, я Вероника — ассистент доктора Уорд. Вам нужно заполнить несколько документов. Затем доктор Уорд примет вас, — говорит она и протягивает мне папку с формулярами.

Пока я заполняю страницу за страницей моей личной информации, медицинских показателей и других очень личных вопросов, например, сколько у меня было половых партнеров, то понимаю, что с меня более чем хватит этих проклятых документов. Честно говоря, я понятия не имею, сколько у меня было половых партнеров за всю жизнь. Знаю лишь, что много. Я ставлю приблизительную цифру и оставляю так. Следующий вопрос: была ли я когда-нибудь беременна. И варианты ответов: заполнить дату родов или выбор аборт и выкидыш. Заполнение этого причиняет мне настоящую боль. Я перелистываю следующую страницу, где вопросы с несколькими вариантами ответов от «полностью согласен» до «категорически нет» и разные вариации между ними. Я бегло ее просматриваю и затем читаю каждый вопрос внимательнее. Вопросы странно схожи с моими проблемами. Будто это специальный тест для Джессики.

Как странно.

Я еще раз читаю вопросы и утверждения, прежде чем начинаю на них отвечать. Я отмечаю на

все «полностью согласна», кроме номера семь, потому что не вижу никаких карьерных целей, с которых можно начать. За последний год я работала официанткой в огромном количестве мест, но меня либо увольняли, либо я увольнялась сама из-за конфликтов с начальством или коллегами. Без разницы для чего этот тест, но очевидно, он сделан специально для меня. На самом деле этот опросник заставил меня почувствовать, что я не одна с такими проблемами. Надеюсь, этому есть объяснение или, еще лучше, решение.

— Мисс Александр, доктор Уорд готова вас принять. Пожалуйста, отдайте ей ваши бумаги, когда войдете. Следуйте за мной, — говорит Вероника, прежде чем выходит из кабинета.

— Конечно. Спасибо, — отвечаю я.

Я следую за ней и, завернув за угол, попадаю в большой кабинет. Я ожидала увидеть кушетку, но ее здесь нет. Здесь только два серо-зеленых кресла с высокой спинкой, стоящих друг напротив друга за столом из темного дерева. В углу комнаты находится столик, на котором стоят бутылки воды и кофемашина. Стены выкрашены в нейтральный цвет и украшены абстрактными разноцветными картинами. Комната располагает к расслаблению, что, думаю, хорошо. Также здесь стоит огромный письменный стол из красного дерева, на котором рядом с компьютером располагаются все типичные для психотерапевта аксессуары. Позади стола во всю стену стоит шкаф, заполненный различными книгами, расставленными в идеальном порядке, и чем-то похожим на награды и сертификаты. Я сажусь в одно из кресел и нервно щелкаю своей ручкой снова и снова. Я слышу, как открывается дверь, и входит женщина с темными волосами. Она не выглядит сильно старше меня и обладает какой-то классической красотой. Сизо-серое платье, достигающее до колен, обнажает ее длинные загорелые ноги и идеально на ней сидит. На ней высоченные черные шпильки, ее волосы, убранные в низкий хвост, доходят до середины плеча. У нее темно-карие глаза и загорелая кожа. Ее макияж идеален, и ни один волосок не выбивается из прически.

— Здравствуйте, мисс Александр. Я доктор Уорд, — говорит она и протягивает мне руку.

Мы быстро пожимаем друг другу руки, и я передаю ей бумаги. Она присаживается за свой стол и перелистывает мои ответы, быстро просматривая каждую страницу. Она откладывает бумаги и достает из своего стола какое-то записывающее устройство.

— Мисс Александр, я предпочитаю записывать свои сеансы, а не делать пометки в блокноте, потому что мне нравится смотреть на своих пациентов во время беседы. Если вам так комфортно, я начну запись сейчас. Вас это устраивает? Вам будет присвоен номер пациента при записи, чтобы сохранить вашу анонимность.

Думаю, в этом нет ничего страшного. Если я должна сидеть здесь и говорить обо всем моем дерьме, я хотела бы видеть человека, с которым разговариваю. В противном случае, будет казаться, что меня не слушают.

— Думаю, да, пусть будет так, — бормочу я.

Думаю, мой первый визит был не таким уж плохим. Могло быть и хуже, поэтому я не хочу останавливаться. Доктор Уорд была достаточно милой и, кажется, знала свое дело. Меня поразило, что она так быстро поставила мне диагноз лишь после прочтения моих ответов и нашего разговора.

— После прочтения вашей анкеты я почти уверена, что вы страдаете от пограничного расстройства личности или ПРЛ. Это очень распространенное расстройство, им страдает около миллиона взрослых американцев. ПРЛ даже более распространено, чем биполярное расстройство и шизофрения. Люди с пограничным расстройством личности видят окружающих либо абсолютно хорошими, либо абсолютно плохими, и настроение меняется в мгновение ока. Их страх перед отказом дополняется чувством пустоты и отвращения к себе, что заставляет окружающих постоянно ходить на цыпочках перед ними. Люди, живущие с ПРЛ, страдают и заставляют страдать окружающих.

Каждое гребаное слово описывало меня, каждое. Как я могла прожить двадцать четыре года, большую часть в аду, и даже не знать этого? Я никогда не слышала об этом ПРЛ. Биполярное расстройство? Конечно. Депрессия? Да. Но пограничное расстройство личности? Нет, ни разу не слышала об этом. Почему? Что это вызывает? И как так получилось, что я вляпалась в это убогое дерьмо?

Узнав еще больше, я поняла, хоть и есть несколько препаратов, которые могут устранить некоторые симптомы, такие как депрессия и тревога, ПРЛ невозможно вылечить таблетками. Наиболее эффективное лечение — бихевиоральная терапия. Она включает в себя: раз в неделю сеанс индивидуальной терапии с психиатром, работающим в этом направлении, два с половиной часа в неделю занятий групповой терапии и огромное домашнее задание. Лечение довольно обширное и требует полной отдачи и решительности от пациента, как будто я хотела снова вернуться во время, когда надо делать домашние задания.

Теперь я должна пройти через долбаный процесс лечения, который будет длиться вечно. Почему нет исцеляющих таблеток, как для других расстройств? Это паршиво. Думаю, это место станет моим вторым домом после всей групповой, индивидуальной терапии и этого бихевиорестического дерьма. В этом случае я могу попасть в психиатрическую лечебницу.

— Джессика, вы можете это сделать. Многие люди, страдающие от ПРЛ, после успешного окончания курса терапии ведут очень здоровую и продуктивную жизнь. Вы молоды, у вас вся жизнь впереди. Вы годы жили в темноте, это ваш шанс выбраться из нее. Вы можете претендовать на нормальную жизнь, можете сделать ее своей и взять все в свои руки. Решение за вами. Вы можете постоянно жить с чувством, будто ничего не можете контролировать, но я вас уверяю, прямо сейчас именно вы все контролируете. Но вы должны захотеть. Я могу вас отвести к терапевту по бихевиоральной терапии. Но как я и сказала, выбор за вами. Наша группа поддержки собирается завтра. Я настоятельно рекомендую вам ее посетить.

Это все ужасно давит и приводит в замешательство. Я даже не думала, что все будет так, когда шла сюда. Я представляла, как буду лежать на кушетке, рассказывать все свое дерьмо какому-нибудь пафосному психоаналитику, получу рецепт на «таблетки счастья» и пойду домой. Но все это слишком глубоко и тяжело. Прежде чем я покидаю ее кабинет, она дает мне пиццу для размышлений.

— Джессика, пожалуйста, подумайте об этом. Дайте себе шанс на исцеление. Вы можете получить все, что угодно в этом мире, если захотите. Я предлагаю вам средства достижения, все, что вам надо, — просто использовать их.

Я размышляю над ее словами снова, когда опускаю голову на руки, и годы боли и неуверенности, годы вопросов и обвинений накрывают меня. Лицо Джейса мелькает передо мной, и его слова раздаются эхом, как барабаны надежды, отдаваясь вибрацией в каждом моем нерве.

«Я вижу тебя. Тебе тоже нужно себя увидеть. Если помотришь глубже, то увидишь прекрасную, сильную девушку, которая держит весь мир на ладони».

Я четко помню его слова.

Я лежу на своей кровати, потягивая стакан «151»⁹, и чувствую дикое желание порезать себя, но знаю, что должна сопротивляться. У меня наконец-то есть ответы, кусочки пазла все-таки собрались воедино, и теперь появилось решение, несмотря на усилия, которые мне надо приложить. Есть что-то, что действительно может мне помочь. И все, что мне надо сделать, — взять и хорошенько поработать. Мысли о Джейсе наполняют мою голову. Боль от его потери никогда не уменьшится, она такая же острая, как и в тот день, когда я попрощалась с ним навсегда. Если это лечение поможет наконец-то забыть его, забыть прошлое и то, что я сделала с нашим ребенком, тогда, может, стоит рискнуть. Мне надо узнать, как его отпустить. Мне надо узнать, как простить себя. Прошло шесть лет, и уже пора перестать тосковать по нему, хотеть его, думать, где он и счастлив ли. Тем не менее я все еще надеюсь, что однажды мы встретимся. Эта надежда пуста, знаю, но она есть.

Я скольжу рукой вниз к животу и думаю, возможно ли, что шрамы снаружи могут быть хуже, чем внутренние. Я достаю свой дневник и решаю сделать запись. Я сопротивляюсь другому способу освобождения, но знаю, что и до него дойдет, несмотря на выявленный диагноз. Я касаюсь ручкой бумаги и пишу, думая о Джейсе.

Расстояние

Теперь единственный мой друг.

Оглядываясь назад

Вспоминания о нашем расставании

Высечены в моем сердце

Следы, что ты оставил

Слезы

Печаль

Пустота

Наполнена сожалением

Глаза закрыты

Широко распахнуты

Я все еще вижу тебя там

Я все еще надеюсь.

Я бросаю дневник на прикроватную тумбочку и наливаю еще один стакан бакарди 151, прекрасно осознавая, что после аварии я больше никогда не должна пить. Но этот день был по-настоящему тяжелый для меня. Мне надо расслабиться и успокоиться.

Я думаю позвонить Донни из бара, с которым встречалась пару раз, но он начал привязываться, а я этого не хотела. Он отлично подходил для хорошего времяпрепровождения, но по какой-то странной причине он никогда не цеплял меня, как остальные парни. Последние годы многим парням я говорила, что любила их, но знала, что это не так, но я просто хотела чувствовать любовь и слышать эти слова. Конечно, этот парень никогда не влиял на меня как Джейс.

Без подростковых издевательств я стала более решительной, общительной и менее стеснительной. Я встретила много замечательных парней, но обычно каким-то образом их пугала. Один парень увидел мои шрамы и испугался. Больше я его не видела. Странно то, что большинство их вообще не замечали и не спрашивали о них, что только подтверждало, что они здесь лишь для секса. Райан был единственным, кто дарил нежную теплоту, но я и эти отношения испортила. Он сказал, что я слишком часто ему звонила, и что двигалась слишком быстро. У него был небольшой бизнес и голова на плечах. Я смеюсь, когда думаю о том, как далеко я зашла с ним и с другими. Хорошо, что меня не видела Элизабет Брант. Я взрослая женщина, а не та испуганная девчонка, которой я привыкла быть. Конечно, у меня есть дерьмовые проблемы, и я все еще чувствую глубоко внутри, что сильно налажала, но столько лет возведения стен сделало меня сильнее — не говоря уже о жидком мужестве, которое часто наполняет мой рот.

Я слышу, как звенит дверной звонок, и плетусь по холодному полу к двери, размышляя о том, кто же это может быть.

Донни знает, что ко мне лучше не приходите без звонка, а никто другой сюда никогда не приходит. Мой брат был здесь один раз, а родители никогда меня не навещают. Немного покачиваясь и не обращая внимания на то, что на мне лишь белые мужские шорты и топ без бретелек и лифчика под ним, я открываю дверь и думаю, что кто бы там ни был, он увидит то еще зрелище.

Я выдыхаю и роняю стакан на пол, осколки разлетаются повсюду. Должно быть, мои глаза издеваются надо мной. Алкоголь наконец-то изменил мое чувство реальности. Должно быть, это так. Это не может быть реальностью. После шести лет я стою лицом к лицу с Джейсом Коллинзом.

Мое горло начинает сжиматься. Будто весь кислород в комнате высосали через открытую дверь. Мои глаза широко распахнуты, с шоком и трепетом я смотрю на него снизу вверх. Он все еще прекрасен, но сейчас он гораздо крупнее. Джейс теперь мужчина. Прежде чем начать дышать или говорить, или как-нибудь его поприветствовать, или собрать осколки стакана, я просто стою в абсолютном изумлении.

— Привет Джесс, — говорит он. Его голос грубее, чем я помню. Обволакивающий, сексуальный с хрипотцой. Самый низкий мужской голос, который я когда-либо слышала.

Мои губы начинают двигаться, но не получается сформировать ни слова. Сердце бьется о грудную клетку, а ноги превратились в желе.

— Ты выглядишь так, будто увидела привидение. Ты не хочешь пригласить старого друга в квартиру? — слово «друг» срывается с его языка с некоторой злостью.

Каждый гребаный слог, как пощечина. Но что-то неправильно, очень неправильно. В его прекрасных голубых глазах темнота и жесткость. Его лицо суровое, и, кажется, он напряжен.

Я киваю, все еще находясь в шоке, прежде чем ко мне возвращается голос.

— Эм... Джейс, что ты... то есть, как ты? Почему ты... здесь? — удается мне пробормотать, запинаясь, мой голос хрипит, когда я подбираю слова.

Я смотрю на часы — одиннадцатый час. В моей голове так много вопросов, целый рой.

Почему он здесь? И как он нашел меня?

Эти два я хочу задать первыми.

Он указывает на осколки на полу и говорит:

— Ты собираешь это убрать? Они могут быть опасны, — его голос решителен. Я знаю, что это плохо закончится, но спустя шесть лет, думаю, он уже обо всем забыл.

— Эм, да... Входи. Я возьму совок и кухонное полотенце, — говорю я, нервно отводя взгляд от его пронизательных глаз.

Он переступает через осколки и входит в мою квартиру.

Джейс в моей квартире.

Я хочу ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это не алкогольный бред. У него невероятно опьяняющий одеколон, который преследует меня, пока я в оцепенении иду на кухню. Я тайком делаю вдох и мельком смотрю на него, пока он осматривается. На нем плотно сидящие джинсы и черная, не заправленная в джинсы рубашка, рукава которой, как и в школе, закатаны до локтей. Я хочу дотянуться и коснуться его, чтобы убедиться, что он настоящий.

У него в руках папка, его хватка на ней настолько сильная, что даже костяшки побелели. Я смотрю то на него, то на беспорядок, который убираю. Трясущимися руками быстро заканчиваю и возвращаюсь на кухню, чтобы выбросить мусор. Он наблюдает за каждым моим движением. Я снова чувствую себя той стеснительной, забитой девочкой, но затем возвращаюсь в реальность и понимаю, что на самом деле я больше не та пугливая девчонка. Да, мой разум все еще измучен, но я больше не слабая.

— Что ты здесь делаешь, Джейс? Сейчас десять вечера и мы не виделись... — он не дает закончить предложение.

— Шесть лет. Да, Джессика, я прекрасно знаю, сколько прошло времени с тех пор, как ты бросила меня и даже не позвонила или написала, — на его челюсти заиграли желваки, так сильно он ее сжал, и я на сто процентов уверена, что он не забыл то, что между нами произошло. — Я отчетливо помню, как приехал к тебе и стучал в дверь, и узнал лишь то, что ты уехала и запретила родителям давать твой адрес, — он подходит ближе ко мне, и я замираю. — Я выяснил, что ты выключила телефон и удалила аккаунт на Фейсбуке и везде, где я бы мог найти тебя. Поэтому мне точно не нужно напоминать, сколько времени прошло, — с каждым словом он подходит все ближе и ближе, пока не оказывается со мной нос к носу. Я поднимаю глаза и смотрю в его ярко-голубые глаза, которые я столько раз видела в своих снах, и хотя это все тот же Джейс, для меня он другой. Мои глаза опускаются на его губы, губы, которые я много раз представляла на своем теле. Сейчас эти картинки возникают в моем воображении

снова и накладываются на реального мужчину, стоящего передо мной. Его темно-золотистые волосы выглядят так, будто он весь день приглаживал их рукой. Они короче, чем я помню.

Я делаю шаг назад, увеличивая дистанцию между нами, потому что начинаю осознавать, что он не рад видеть меня. Это причиняет боль, но также и выводит меня из себя. В ловушке эмоций, мы стоим в неловкой тишине. Он намного выше меня, и мне приходится поднимать голову, чтобы на него взглянуть.

— Думаю, ты должна объясниться, Джесс. Почему ты сделала это? Почему ты все закончила, когда это едва началось?

Я начинаю обходить его, потому что из-за его жесткого тона, мне неловко. Он опирается рукой о подлокотник моего дивана, преграждая мне путь.

— В этот раз ты не убежишь. Я заслужил до хрена больше, чем это, от тебя. Ну, расскажи мне, — понижая свой голос до угрожающего шепота, он говорит: — Скажи мне, Джесс. Скажи мне, почему ты убежала.

Я вздрагиваю, и озноб распространяется по моему телу, реагируя на его дыхание возле моего уха. Слезы наполняют мои глаза, и я моргаю, отчаянно пытаюсь их сдержать. Он бросает на кофейный столик папку, и из нее вылетают листы.

— Знаешь что, забей. Я просто хотел, чтобы ты сказала это, но, очевидно, ты собираешься и дальше врать и скрывать секреты. Некоторые привычки не искоренить, — говорит он с усмешкой.

Я никогда не видела отвращение на лице Джейса, но вижу его сейчас.

Я отвожу глаза от его разгневанных глаз, смотрю на папку, и краска медленно заливает мое лицо. Я чувствую, как он сверлит меня взглядом, пока мой разум обдумывает то, что я вижу — все мои бумаги с сеанса терапии. Мое имя написано на папке, а внутри все, что я заполняла этим утром.

Откуда, черт подери, у него моя папка?

12 глава

«Прошлое, ушедшее без разрешения, однажды вас догонит».

— *Кэтрин Перес*

Джессика

— Я не знаю, откуда у тебя мой файл, но я чертовски уверена, что это, мать твою, незаконно, — говорю я, не отрывая глаза от бумаг, разложенных на кофейном столике. Вся моя самая глубокая, темная правда и ложь теперь на обозрении, смотрят на меня и издеваются надо мной.

Он знает...

Джейс знает о беременности, вот почему он здесь. Я всегда надеялась, что мы снова найдем друг друга, но сейчас я определенно хочу противоположного. Отвращение, которое я видела мгновение назад, исчезло, сменилось болезненным выражением, разрывающим мне сердце. Боль в его глазах пробуждает желание вытянуть руку и обнять его так же, как делал он, когда мне было больно.

— Не думаю, что сейчас проблема в том, откуда у меня эта папка. А в том, что внутри нее, — рычит он, нагибается и вытаскивает один из листков. — Вот это, — говорит он, протягивая его мне, — проблема! Это, Джесс, настоящая огромная проблема, потому что если то, что я прочитал здесь, — правда, то ты была беременна шесть чертовых лет назад!

Моя голова опускается на руки, когда ужасная реальность того, что я наделала, снова всплывает и обрушивается на меня. Такое ощущение, будто все, что я делала — это жила арендованной жизнью, и у меня никогда не было собственного выбора, и я не видела его последствий.

— Джессика, пожалуйста, скажи, что ты не лгала мне о том, что была беременна нашим ребенком. Скажи, что ты не делала аборт, — кричит он в отчаянии.

Я опускаюсь на диван и поднимаю взгляд на него. Мое лицо в слезах, а подбородок дрожит, когда я пытаюсь сформулировать некое подобие слов.

— Джейс, мне жаль. Так жаль. Я никогда не хотела сделать тебе больно. Ты никогда не должен был узнать, — шепчу я, потому что ненавижу признавать это вслух.

Облако стыда нависает надо мной, и я не могу даже смотреть на него. Он яростно раскидывает бумаги и бросается через комнату. Мое сердце разрывается снова и снова, когда прошлое окружает и душит меня.

— Нет. Нет. Нет. Это не может быть правдой.

Слезы появляются в уголках его злых голубых глаз. Он яростно пробегает руками по волосам и поворачивается ко мне, опустив голову. Мгновение смотрит на пол, а затем кладет руки на бедра. Он начинает вышагивать назад и вперед по моей гостиной, пока я просто сижу там, объятая ужасом, смотрю на него, пытаюсь держать себя в руках. Он останавливается и смотрит на меня безжизненным взглядом.

— Я, бл*дь, любил тебя. Когда все вокруг говорили мне не делать этого, я все равно влюбился в тебя, — рычит он. — Я делал все, что в моей власти, чтобы перестать чувствовать что-то большее, чем дружеские чувства. Я делал это, потому что знал, какой хрупкой ты была, я просто хотел быть другом. Тем, кто мог поддержать, на кого ты могла рассчитывать, кого у Женевьев никогда не было, — говорит он, качая головой. — Отношения — это беспорядок, они могут изменить людей к худшему. Я не хотел этого для тебя, для нас. Но в любом случае я сделал это. Когда увидел боль в твоих глазах в тот день, когда ты застала меня в бассейне, я понял, что это было неправильно, — он смотрит прямо на меня, и меня убивает страдание на его лице. — Она нравилась мне, но она не была тобой. Она не могла заставить меня смеяться так, как могла ты, она ненавидела мою музыку и не знала мои секреты. Ты, Джесс, ты знала мои секреты. Я рассказал их тебе и знал, что тот день, когда я должен буду дать тебе все, еще впереди, — он останавливается и делает глубокий вдох, и я могу видеть, разрывающую сердце, муку в его глазах.

Мое сердце ускоряется, а желудок скручивает узлом. Меня тошнит и вызванная алкоголем храбрость, которую я чувствовала, уже отступила. Я сделала это с ним, с нами. Одна ложь той ночью, когда он, наконец, отдал мне всего себя, привела к другой лжи по телефону в тот роковой день, который привел нас к сегодняшнему разговору. Я отвратительный, ужасный человек, и сегодня я вижу это более явно, чем прежде. Слезы и сожаление никогда не исправят то, что я сделала с этим прекрасным, отзывчивым мужчиной, который любил меня, когда никто другой этого не делал.

— Я приехал к тебе, Джесс. Я приехал к тебе в ту ночь, чтобы дать тебе больше, чем мои секреты. Я сидел на той проклятой вечеринке, где все желали мне удачи в том, что я начинаю свою жизнь с чистого листа. Я сидел там, и все, о чем я мог думать, была ты, и как я хочу, чтобы ты была там со мной. Я хотел начать свою новую жизнь с тобой. Чем больше я пил, тем больше попадал в дерьмовую бурю мыслей и возможностей, которые все включали тебя, — он продолжает беспокойно вышагивать по комнате. — Я сказал себе, что не должен уезжать на следующее утро, не увидев тебя. Мне нужно было увидеть, что я хочу тебя так же сильно, как ты хотела меня. Когда мы были вместе той ночью, да, я был пьян, но, черт побери, если я не протрезвел в ту минуту, когда ты оказалась в моей постели. Я знал, что ты была со множеством парней, но той ночью... той ночью ты выглядела более невинно и нетронута, чем любая девушка, которую я знал. Я знал, что никто не любил тебя. Это было только для нас: меня и тебя.

Его слова утягивают меня обратно в ту ночь, и реальность того, что у нас с ним было, бьет меня по лицу.

— Ты была безупречной, но идеальной для меня. В своей голове я переживал эту ночь сотни раз. Я был так зол на тебя, когда обнаружил, что ты лгала о противозачаточных. Я был в ярости, потому что ты лгала мне во время чего-то такого особенного, что не должно было быть испорченным. Та ночь отражала все хорошее и прекрасное, что мы, наконец, нашли друг в друге, а ты разрушила это, — говорит он, опускаясь на кресло прямо напротив меня.

Мой разум не может обработать это признание достаточно быстро. Каждое слово, которое он произносит, сокрушает меня дюйм за дюймом. Хотя он прав — я разрушила это. Я разрушила все. Джейс любил меня, а я отбросила это. Сейчас он знает худшее обо мне и, вероятно, будет ненавидеть меня всю оставшуюся жизнь. Я не знаю, что сказать ему — никакие слова не исправят это. Так что на этот раз я просто говорю правду.

— Мне жаль. Я тоже любила тебя. Я все еще люблю, — слезы текут по моим щекам, и я смотрю себе на колени. Боль на его лице слишком сильная, чтобы выдержать.

— Я думаю, что наши с тобой понятия любви совершенно разные, Джессика.

Я поднимаю глаза на него, и его локти опускаются на колени, на лице потерянный взгляд. Несмотря на тяжесть момента между нами, мне все еще нужно знать, как он получил мою папку с файлом и как нашел меня. На ней должно быть имя.

— Как ты получил этот файл, Джейс? Мне нужно знать, — спрашиваю я его.

— Где он? — спрашивает он, игнорируя мой вопрос.

Он? Кто он? О ком, черт побери, он говорит?

— О чем ты говоришь? Кто он?

— Твой муж. Его нет? На работе?

— Что? — я ошеломленно смотрю на него.

Я замужем? Это что, шутка?

— У меня нет мужа, и я никогда не была замужем. У меня даже нет парня. Какого черта ты говоришь об этом?

Он смотрит на меня в замешательстве, потирает бедра своими большими руками, затем встает.

— Да, ты была помолвлена. После месяца самостоятельных поисков, я попросил свою мать нанять частного детектива, чтобы найти тебя, — его глаза ищут мои для ответа. — В отчете, который она дала мне, было сказано, что ты живешь где-то в Далласе с парнем, что вы помолвлены и собираетесь пожениться. Там даже были фото — ты в баре, смеешься и выпиваешь, хорошо проводя с ним время, как будто наши отношения никогда не имели значение, — он пропускает руку через волосы, как он всегда делал. — После того дня я никогда не искал тебя снова. Я потерял себя в спорте и занятиях. После тебя у меня не было отношений долгое время, — по вздоху, который он издает, становится понятно, как мучительно для него это вспоминать. — Я был эмоционально отключен и нырнул в изучение всего о человеческом разуме: что заставляет его работать и что вызывает его нарушения. Я продолжал говорить себе, что если смогу помочь другим людям, которые были разрушены изнутри, как и ты, — это может все компенсировать. Вот тогда я и встретил Викторию, — говорит он, кладя обе руки за голову. Он смотрит в потолок, как будто на нем написаны слова, которые он ищет.

Викторию? Кто такая, черт побери, Виктория?

Ревность мгновенно закипает внутри меня, хотя я даже не имею на нее права.

— Доктор Виктория Уорд. Она моя невеста, — говорит он, отвечая на мой безмолвный вопрос. И мой мир сразу взрывается. Мой желудок скручивает, и думаю, что меня сейчас вырвет. Я подскакиваю с дивана и бегу в ванную, захлопывая за собой дверь и закрывая ее трясущимися руками. Я падаю на колени перед унитазом, чувствуя желчь в горле. В глазах стоят слезы, и все вокруг кажется размытым. Стены начинают вращаться, а мое тело дрожит. Я хватаю свою руку и с силой вонзаю в нее ногти. Я плотно сжимаю глаза, услышав стук в дверь.

— Уходи. Пожалуйста, просто уйди. Оставь меня одну. Ты получил то, за чем пришел сюда. Я убила нашего ребенка, и сейчас, благодаря твоей невесте, ты знаешь, что у меня на самом деле проблемы с психикой. Так что просто оставь меня одну, черт побери! — я рыдаю, крича ему через дверь.

— Просто открой дверь, Джесс.

Злость поднимается во мне, как бушующее пламя.

— Не называй меня Джесс. Не называй меня так больше никогда! Я ненавижу тебя, Джейс Коллинз. Просто уйди и держись подальше от моей жизни. Иди, женись на своей докторше-мозгоправе и будь счастлив своей психически устойчивой жизнью. Тебе больше ничего не нужно от меня, здесь больше нет ответов, — говорю я, притягивая колени к груди. Он не отвечает, и мне не слышны его шаги. Я сижу там, ожидая звука закрывающейся входной двери, но не слышу.

Что он делает? Он роется в моей квартире? Копается, для получения еще большего компромата против меня?

Я опускаю голову на колени и закрываю глаза. Мысли и вопросы нападают на мой мозг, как ураган, пронесшийся через меня.

Он помолвлен. С ней.

Он помолвлен с женщиной, которая знает каждую деталь о моей слабости. Я пытаюсь оттолкнуть мысли и сжать глаза сильнее, так сильно, как получается. Я стискиваю зубы, чтобы продолжать тихо плакать. Я не хочу, чтобы он слышал мои рыдания. Я знаю, он все еще здесь; чувствую его присутствие, но не выхожу из ванной, поэтому ему нужно отказаться от этой игры.

Я могу сфокусироваться только на боли, пробегающей через все мое тело, и вкусе крови во рту. Мягкие руки переворачивают меня, и их тепло окружает меня, а нежные пальцы убирают волосы с моего лица. Я вдыхаю тепло и запах мяты. Мои глаза не могут сфокусироваться, но даже в этом туманном состоянии я чувствую огромное влияние его взгляда на меня. Мое тело хочет, но не может ответить на объятие.

— Эй, открой глаза. Посмотри на меня, Джессика. Я помогу тебе, ладно? Это я, Джейс, — я слышу шепот, когда мой разум начинает выходить на поверхность из глубин темноты. Он тянет меня, поддерживая, когда мои колени слегка сгибаются. — Давай, все в порядке. Я могу нести тебя.

Я чувствую его руки под своими коленями, когда он поднимает меня сильными руками. Моя голова покоится на его груди, я не могу ничего поделать, но стону от боли, от давления на мои ребра. Я вынуждаю свои глаза открыться, поднимаю взгляд и вижу, как он смотрит на меня.

Мои опухшие глаза открываются, когда я выхожу из своего сна, только чтобы понять, что это только частично был сон. Мои ребра не болят, и кровотечения нет, хотя сейчас внутри меня больше свернувшейся крови и грязи от стольких лет депрессии и беспокойства, чем когда-либо было снаружи. И вновь я в руках Джейса, и он снова исправляет мои повреждения, но в этот раз я думаю, что он ранен так же, как и я.

Я поднимаю голову вверх, настолько, чтобы увидеть его сильную линию челюсти и красивое лицо. Я чувствую его нежелание смотреть на меня, поэтому отворачиваюсь. Он ногой открывает дверь спальни и наклоняется, чтобы положить меня на кровать. Я замечаю, что на часах, стоящих на тумбочке, уже полночь. Я жду, что он развернется и уйдет, но он этого не делает. Наоборот, он встает рядом с кроватью достаточно близко, чтобы заставить мое сердце пропускать удары, но при этом и далеко, чтобы сохранить между нами какое-то расстояние. Я понятия не имею, как он попал в мою комнату, но думаю, я рада, что он сделал это.

— Мы должны обо всем поговорить, Джесс. Я не могу уйти без этого.

Взгляд на его лице соответствует его настойчивому тону.

Его глаза умоляют меня.

— Я чувствую, что если выйду за дверь, ты снова уйдешь, а я не могу допустить, чтобы между нами осталась недосказанность. Не в этом случае — не снова, — он опускается рядом с моей кроватью и садится на пол. Его голова падает на мое покрывало в дюйме от моего бедра. Я не знаю, что еще сказать. Он знает все, за исключением той роли, какую сыграла его мать. Эта сука придумала какую-то историю о моей помолвке. Уже от одной мысли об этом я впадаю в бешенство и хочу вернуться домой и надрать ее накачанную ботоксом задницу. Все во мне хочет рассказать правду о ней, но тем не менее, она его мать. Нет причины говорить ему, что она дьявольская сучка. Я и так уже причинила ему достаточно страданий. Он поворачивает голову лицом ко мне, и мне ужасно хочется пробежаться пальцами по его мягким волосам. После всего этого времени его вид все еще захватывает мой дух.

— Почему ты сделала это, Джесс? Почему не захотела нашего ребенка? Это из-за меня, из-за того, что я сказал по телефону в тот день о колледже и моем будущем? Ты сделала это из-за того, каким ужасным я был в тот день? — он выкрикивает вопросы один за другим, и в них я слышу его страдания, как он бьется за прошлое, которое ни один из нас не в силах изменить. — Я просто не могу понять, как ты смогла пройти через это. Знаю, я был таким придурком, но клянусь, я бы никогда не отверг тебя или нашего ребенка. Я любил тебя, и я бы также любил нашего ребенка.

Каждое его слово оборачивается вокруг моего сердца и сжимает его, разрывая меня на части. Я не знаю, что ответить, потому что правда в том, что я боялась испортить ему жизнь. Он был таким злым со мной, и все, о чем я могла думать, как это исправить. Но это не значит, что здесь есть его вина. Я была единственной, кто сделал этот выбор, не он. Вина полностью лежит на мне. Ни на ком больше.

— Это не твоя вина. Ни в чем нет твоей вины. Я приняла решение. Я сделала это.

— Но почему, Джесс? Я думал, что ты тоже любила меня. Как ты могла так поступить? Почему ты убежала и даже не оглянулась назад? Как можно сделать это, если любишь? — спрашивает он, каждое его слово срывает по одному слою с моей решимости.

— Я просто не знаю, как любить кого-то, Джейс, и думаю, не знаю, как позволить кому-то любить меня. Как я могу, когда даже я сама не люблю себя? Я ненавижу девушку, которой была, и женщину, которой стала. Я сожалею обо всем больше, чем ты можешь себе представить, — тяжелая правда выплескивается из меня, но я знаю, что нет слов, которые могут собрать по кусочкам наше прошлое. — Я думала, что любила тебя. Я все еще проживаю каждый день, храня в своем сердце любовь к тебе, но до тех пор, пока я не знаю, что значит любовь на самом деле, я не смогу кому-то в этом признаться. Знаю, что меня принудили к терапии, но этим утром я, наконец, получила представление, почему я такая, какая есть, — я массирую свои виски и пытаюсь продолжить говорить без слез. — Впервые я позволила себе надеяться на изменения. Но теперь это не случится, потому что я больше никогда не вернусь туда. Твоя девушка или невеста, или кто бы она ни была, она знает все мое дерьмо. Зная, что ты принадлежишь ей, я никогда не буду в состоянии пройти через это.

Он поворачивается к кровати и поднимается на колени. Смотрит на меня, и электричество, что всегда было между нами, преследует нас даже спустя шесть лет.

— Джесс, ты должна продолжить терапию. Знаю, что не должен был, но я прочитал твой файл. Я ведь мог потерять свою работу из-за этого. Честно говоря, я не могу поверить, что я здесь.

Он потирает переносицу и закрывает глаза.

— Это все так неправильно. Все это, — бормочет он.

— Тогда уходи. Простой уходи и живи своей жизнью. Не разрушай свою карьеру из-за меня.

Его выражение лица меняется от мученического к злому, и он встает.

— Ты думаешь, я хочу это? Ты оставила меня, Джесс. Ты оставила меня, не сказав ни слова. Ты хотя бы имеешь понятие, как разорвала мое сердце? Я проводил день за днем, скучая по тебе. Я, бл*дь, любил тебя, Джессика!

Это все слишком для меня. Я не могу иметь с этим дело. Меня сокрушает мысль о том, как ему больно.

— Мне так жаль, Джейс. Я просто хотела лучшего для тебя. Беременная девушка не помогла бы твоему будущему.

Он качает головой и вздыхает.

— Ты не должна была делать все по своему усмотрению, Джесс. Мне было тяжело простить тебя за твои поступки, но после прочтения твоей истории, я понял, как ты пришла к таким решениям, хотя я не согласен с твоим выбором, — его голос понижается, и все в нем выглядит печальным и незащищенным. Ему так больно, и это моя вина. — Я знал, что ты сражалась с внутренними демонами, но это не все. Ты не можешь контролировать это сама. Ты должна получить помощь. Ты не можешь оставаться в нашей клинике, потому что будет очевидный конфликт между личными и профессиональными интересами, но ты можешь найти другого терапевта.

Я смотрю на потолок и пытаюсь выдержать все пять миллионов эмоций, что посягают на мои мысли.

Его телефон вибрирует, прерывая наш разговор. Он достает его из кармана, смотрит на экран и хмурится. Это она. Я знаю это, потому что если бы Джейс был моим, и его не было после полуночи, я бы тоже его искала. Он поднимается с пола и выходит из комнаты. Я слышу, как он говорит «привет», но голос исчезает, когда он идет в переднюю часть моей квартиры. Он уходит на минуту, затем возвращается. Джейс выглядит разрывающимся, как будто ему нужно уйти, но он хочет остаться.

— Просто иди домой. Иди к своей невесте. Я буду в порядке, — говорю я, садясь ровно. Я смотрю на тумбочку и замечаю свой дневник, лежащий там. Страх выстреливает через меня, когда я мысленно возвращаюсь к тому, что писала ранее. Я знаю, что не оставляла его здесь. Он уже знает все мое психическое дерьмо, но если он прочтает дневник, то узнает каждый страх, каждую слабость и каждый кусочек счастья, который я когда-либо чувствовала. Моя душа внутри этого дневника. Он прослеживает мой взгляд, и я тут же понимаю, что он читал его. Вот оно! Достаточно на сегодня его проникновения в мою жизнь. Возможно, я и сделала что-то ужасное и страшное шесть лет назад, но у него нет гребаного права читать мои медицинские файлы или личные мысли. Я тянусь, чтобы схватить его, но он не закрыт и страницы разлетаются. Помятый кусок бумаги опускается на пол. Мы одновременно тянемся к нему, но он поднимает его раньше меня. Я встаю, прижимая дневник к своей груди.

— Ты не имел права, Джейс Коллинз, — кричу я, тыкая его в грудь пальцем. — Ты не имел права читать мой медицинский файл и определенно не имел права читать мой личный дневник! Я хочу, чтобы ты ушел. Убирайся из моей квартиры прямо сейчас. Убирайся к черту!

Он холоден и равнодушен к моей тираде, когда изучает листок. Он протягивает руку и включает лампу на моей тумбочке, глядя на листочек.

— Это то, о чем я думаю? — спрашивает он, когда косится на старую рваную бумажку.

— Очевидно, ты не услышал меня. Убирайся сейчас же, — кричу я, вытянув руку, чтобы схватить хрупкий листочек.

— Ты хранишь эту старую бумажку даже после того, как записала мой номер в свой телефон? Ты хранила ее все это время?

Да, придурок. Хранила. Это все, что у меня осталось от тебя, и я не могла выбросить это.

— Да, и что? Теперь проваливай к черту!

Он смотрит на меня, и мой рот автоматически закрывается, потому что это не тот взгляд, какой был у него на протяжении всей ночи. Он смотрит на меня с глубиной шестилетней потери в его лазурных глазах. Взгляд печальный, но нуждающийся. Впервые с тех пор, как он здесь, я чувствую уязвимость своего едва прикрытого тела. Он пробегает глазами по всему моему телу: от моего лица к ногам и обратно к лицу. Делает шаг ближе и вытягивает руку, но я отхожу.

— Джесс, это я. Ты не должна бояться меня, — шепчет он и смотрит на меня с противоречием. У него есть невеста, но все же он смотрит на меня, как будто хочет поглощать меня при каждой возможности. Он смотрит на меня, как Джейс, который любил меня шесть лет назад. Я чувствую, как от его сильного тела исходит тепло, и мое сердце бьется так сильно, что почти вибрирует.

Его голос прорывается сквозь мои воспоминания.

— Я должен идти. Должен выйти за эту чертову дверь и не оглядываться, но... бл*дь! Я не могу. Не могу уйти от тебя без... — он останавливается на полуслове и вытягивает руку, зажимая мое лицо между ладонями, затем он обрушивает свои губы на мои. Его язык врывается в мой рот с таким голодом, какой я не чувствовала никогда прежде. Его правая рука скользит вниз к самому низу моей спины и притягивает меня к себе. Наши тела идеально соединяются вместе, как два потерянных кусочка пазла. Стены, что были построены, рушатся и начинают падать. Я чувствую, как каждая клеточка в теле взрывается фейерверком, а каждый кусочек меня не чувствует ничего, кроме любви к этому мужчине, но я не могу быть уверена, что это происходит на самом деле. Не думаю, что была способна на это. Он начинает прокладывать дорожку из поцелуев от уголка рта к шее, и скользит другой рукой к плечу, опуская лямку. Мурашки распространяются по моему телу, и я начинаю дрожать. Он подталкивает меня спиной к кровати, когда облизывает и ласкает мою ключицу. Я понятия не имею, что мы делаем и почему, но я не могу остановить его. Я хочу его, но что насчет нее? Он принадлежит другой женщине. Я падаю спиной на кровать, и вес его тела следует за мной. На мгновение наши глаза встречаются, и я вижу, как его глаза переполнены желанием.

Он смотрит на меня, как будто я единственная женщина на земле. Но очевидно, что нет.

— Что насчет твоей невесты? — спрашиваю я, затаив дыхание. — Ты принадлежишь другой женщине, — я ненавижу себя, что напоминаю ему об этом. Он наклоняется так близко к моему лицу, что я могу почувствовать его теплое, учащенное дыхание на моих губах. Его рука путешествует по моему боку, едва задевая внешний край моей груди, прежде чем найти лицо. Он нежно берет меня за подбородок и смотрит глубоко в мои глаза.

— Я принадлежу тебе, Джесс. Мое сердце принадлежит тебе с тех пор, как я поднял тебя с земли той ночью шесть лет назад. И это никогда не изменится.

13 глава

«В конце мы лишь сожалеем о тех шансах, которые упустили».

— Аноним

Прошлое

Джейс

Шесть лет назад...

Я делаю еще один глоток пива и осматриваю комнату. Все эти люди здесь ради меня, но я не знаком и с половиной из них. Мама всегда все усложняет, и, очевидно, если ты богат и принадлежишь к высшему сословию, то твои несовершеннолетние дети могут выпивать, особенно если это дорогое импортное пиво и модные коктейли. Эта ночь должна была стать незабываемой. Я должен нервничать из-за завтрашней поездки в Бэйлор, но я могу думать лишь о Джесс. Мне не нравится, что она так расстроена. Было ужасно видеть ее взгляд, когда она застучала меня в гребаном бассейне с Бритни. Я не знаю, что мне ненавистно больше: то, что она меня увидела, или то, что я это сделал. Вот я придурок! Я не могу представить жизнь без нее, и понятия не имею, заговорит ли она со мной когда-нибудь снова. Она была чертовски зла и обижена. Поэтому сейчас я сижу здесь, поглощая столько жидкого мужества, сколько возможно, чтобы поднять свою задницу и пойти к ней извиняться.

Из всех людей, которые могут попасть в мое поле зрения, пока я сижу и думаю о Джесс, мне попадается именно этот мудака Харрисон. Он вальяжно подходит к моему столу, а мне приходится приложить немало усилий, чтобы усидеть на месте. Эти люди мне не друзья. Это мама хочет, чтобы они были мне друзьями.

— Привет, чувак! Все-таки Бэйлор? Бьюсь об заклад, ты в восторге. Уже подцепил каких-нибудь цыпочек там? Держу пари, девчонки из колледжа отлично отсасывают, — говорит Харрисон, похлопывая меня по плечу. Я хочу отмахнуться от него, как от назойливой мухи. Вот же высокомерный мудака.

— Харрисон, знаешь, не каждый парень идет в колледж, чтобы урвать какую-нибудь задницу. Некоторые хотят заниматься спортом, пока получают образование.

Он смеется, отодвигает стул, разворачивая его спинкой к столу, и усаживается на него.

— Джейс, бро, пожалуйста, только не говори, что ты все еще мутишь с этой шлюхой Джессикой Александр? Что ты нашел в этом депрессивном куске дерьма? Это ведь не из-за нее, чувак, потому что она этого не стоит, — говорит он.

Какой он высококлассный ублюдок. Для него в порядке вещей перепихнуться с ней за спиной своей девушки и сейчас думать, что он лучше нее.

— Знаешь что, Харрисон? Ты настоящий сукин сын, — я встаю и смотрю прямо на него. — Ты трахнулся с ней, так? Несколько раз изменил Хейли, и сейчас ты думаешь, что это она ничего не стоит?

Он улыбается, как ублюдок. Я прямо сейчас хочу заехать по его самодовольной роже.

— Ты когда-нибудь задумывался о том, что она считала тебя хорошим парнем, что ты ей действительно нравился? Ты ввязался во все это, зная, что тебе нужна лишь легкодоступная дырка, так что я бы сказал, что это ты дешевка, — я резко ставлю свою бутылку пива на стол и смотрю на него, пытаюсь сдержаться и не надрать его задницу. — То, что ты сделал той ночью, или, я бы сказал, не сделал, когда эти твари избивали Джесс, делает тебя еще большим ублюдком, чем ты есть на самом деле. Так что не подходи и не разговаривай со мной, будто мы с тобой друзья, о той, кого на самом деле не знаешь. Мама пригласила тебя на этот фарс, не я, поэтому иди и тринди с кем-нибудь еще, Харрисон, и избавь, наконец, меня от своего дерьма.

Я разворачиваюсь и ухожу, прежде чем он успевает ответить, потому что, если он скажет хоть одно лишнее слово, уверен, я не смогу сдержать весь гнев, который кипит во мне. Я направляюсь к бару за еще одной бутылкой и вижу Элизабет.

Кто-нибудь, пожалуйста, пристрелите меня и избавьте от мучений.

Она подходит ко мне, виляя бедрами. На ней надето миниатюрное желтое платье, ее светлые волосы струятся по голым плечам. У нее в руках бокал мартини, и она выглядит, как идеальная кандидатка в одно из реалити-шоу для домохозяек. Я так и не понял, что в ней находил.

— Как дела? Ты очень хорошо сегодня выглядишь, Джейс. Ты здесь со своей приятельницей Джессикой? Я не видела ее, прячущуюся где-то здесь. Ты до сих пор играешь в рыцаря в сияющих доспехах с этой деревенской шлюхой? Она, должно быть, действительно хороша в постели, раз ты так долго возле нее отираешься, Джейс, — говорит она, сделав глоток мартини, и хлопает своими длинными искусственными ресницами.

Я закатываю глаза и пытаюсь сдержать все, что хочу ей высказать. Она может быть законченной сукой, но не стоит того, чтобы устраивать сцену. Она дразнит меня, и я знаю это. Я наклоняюсь так близко, чтобы только она могла меня услышать.

— Элизабет, я скажу это один раз и больше повторять не буду. Мне не нужно спать с Джесс, чтобы знать, насколько она хороша, потому что она по-настоящему хороший человек. И забавно то, что я спал с тобой, и все, что я, наконец, понял — внутри ты отвратительная, бессердечная тварь. — Ее улыбка исчезает, уступив место злобному выражению. — Так что можешь продолжать обзывать Джесс всякими гадостями, но прежде чем начать осуждать кого-то, возможно, ты захочешь взглянуть в зеркало для чего-нибудь другого, кроме как подправить губную помаду, — со злостью шепчу я.

Ее глаза широко распахиваются, а челюсть отвисает.

— Спасибо, что пришла, Элизабет. Всегда рад тебя видеть, — шучу я, прежде чем она произносит что-то в ответ. Я оставляю ее шокированную, а сам пробираюсь сквозь толпу.

Эти люди настолько убеждены в своей правоте. Харрисон и Лиз думают, что они намного лучше Джесс. Они просто не знают девушку, которую знаю я. У нее темное прошлое, но по какой-то причине меня это не волнует. Время, проведенное с ней, открыло мне ее с другой стороны. Она производит впечатление сломанной девушки, но когда мы наедине, она другая. Я никогда не забуду, как уверенно она в первый раз нырнула в мой бассейн. Затем она с

легкостью надрала мне зад в заплыве фристайлом. Когда я обставил ее баттерфляем, она сразу же была готова продолжить, чтобы попытаться меня победить.

Я даже помню ее слова: «Джейс, тащи свою баттерфляйную задницу сюда. Мы попробуем снова. Тебе повезло, как новичку. Я немного заржавела для баттерфляя, но ты точно не выиграешь снова». Она стояла на бортике бассейна, положив руки на бедра и изогнув бровь, и кокетливо мне улыбалась. Она так и не обогнала меня, но чертовски упорно старалась.

Она также очень забавная, и все ее смешные футболки заставляют меня смеяться. Хоть она и была с множеством парней, но когда она со мной, она кажется такой невинной и застенчивой. Я ненавижу, что она думает, что я никогда не рассматривал ее больше, чем друга. Если бы она только знала, сколько раз я засматривался на ее попку в этих крошечных шортах, которые она любит носить, или сколько раз я вдыхал запах ее волос, пока мы играли в баскетбол. Как прекрасно ее спутанные волосы ниспадали на лицо, и у нее была самая невероятная улыбка, которую я когда-либо видел. Никто в школе даже не видел эту улыбку. Ей нравятся мои музыкальные пристрастия, и хоть я и знаю, что ее не волнует футбол, мне нравится, как она старается разобраться в нем ради меня. Лиз ненавидела футбол и постоянно ворчала, когда я его смотрел.

— Ты это видел? Судья абсолютно неправ — это точно был блок против правил!— сказала однажды Джесс, когда мы смотрели игру в моей гостиной. Я чуть не подавился содовой, услышав это. Я удивленно взглянул на нее, она пожала плечами и сказала: — Что? Ты же это знаешь!

Я рассмеялся. Она всегда заставляет меня смеяться.

Мне нравится ее естественная красота, и что она не наносит тонны макияжа, как другие девушки. Это оживляет. Надеюсь, что не испорчу все это. Я достаю свой телефон из кармана и хочу позвонить ей, но, скорее всего, она не ответит. Я засовываю его обратно и допиваю свое пиво. Оглядываю толпу в поисках мамы, но нигде ее не нахожу. Решаю написать ей сообщение, чтобы она знала, что я устал и отправился в дом. Я перебираю ключи в кармане и проскальзываю в заднюю дверь, ведущую на парковку. Знаю, что выпил слишком много и не должен садиться за руль, но я хочу ее увидеть. Знаю, что она не ответит на мои звонки, поэтому еду прямо к ней, чтобы она меня выслушала. Хочу, чтобы она знала, что я чувствую на самом деле, а не эту «просто друзья» хрень. Она должна знать, что значит для меня, прежде чем я уеду, и если она позволит, я покажу ей, как именно я хочу ее.

Пока подъезжаю к дому Джесс, в моей голове вертятся миллионы мыслей. Я невероятно зол на себя, что все это время я будто был с закрытыми глазами. Я останавливаюсь на заправке, чтобы взять бутылку воды, так как знаю, что мне нужно протрезветь перед разговором с ней. Я не хочу быть в жопу пьяным, когда скажу то, что должен.

Я стою на ее подъездной дорожке и чертовски нервничаю. Затем выбираюсь из машины и направляюсь к двери, жму в дверной звонок и не дышу, пока дверь не открывается. Это она. И шок на ее лице не вызывает сомнений. На ней короткие джинсовые шорты и широкая белая футболка с изображением кота, который говорит: «Ты что, надо мной сейчас приКОТываешься?». Я чуть ли не в голос начинаю смеяться, когда читаю эту надпись, но я здесь по серьезному поводу, поэтому сдерживаюсь. Я на самом деле люблю ее смешные футболки, и сейчас она выглядит чертовски очаровательно. Она сводит меня с ума.

Почему ты так обворожительно прекрасна, Джесс?

— Джейс, что ты здесь делаешь, и почему от тебя воняет алкоголем? — говорит она, и я сразу же чувствую себя плохо из-за того, что так набрался. Теперь она не воспримет мои слова всерьез.

— Я завтра уезжаю, Джесс. Я просто хотел сказать «прощай» моей лучшей подруге, — говорю я, пытаюсь звучать как можно трезвее.

Она заглядывает через мое плечо и смотрит на грузовик.

— Ты же пьян! Ты не можешь вести в таком состоянии. Ты же убьешь себя или кого-нибудь, — ворчит она. — Я отвезу тебя домой. Утром отправилась кого-нибудь забрать твой пикап. Подожди здесь, я возьму ключи.

Черт! Она рассержена, но, по крайней мере, она будет со мной достаточно долго, чтобы я смог высказаться. Она возвращается, хватая меня за руку и ведет к своей машине. Я кладу голову ей на плечо и шумно вдыхаю, уткнувшись носом в ее ароматные волосы.

— Я люблю твои волосы, Джесс. Самые прекрасные волосы, которые я когда-либо видел, и они так хорошо пахнут, — говорю я. Она теплая и сладкая, и пытается заботиться о моем пьяном туловище. Мне это очень нравится.

— Заткнись, Джейс. Ты пьян и не понимаешь, что говоришь, — отрезает она. Боже, она в ярости. Это или очень хорошо или очень плохо. Она заталкивает меня на пассажирское сиденье и хлопает дверью. Я пока не могу позволить ей отвезти меня домой. Сначала мне нужно с ней поговорить.

— Я еще не готов ехать домой, Джесс. Давай просто поедим вокруг, — говорю я.

— Тебе нужно домой и отоспаться. Завтра у тебя важный день, плюс я не хочу с тобой кататься. Я помогаю тебе лишь потому, что не могу позволить тебе убить кого-то, разъезжая в таком состоянии, — отвечает она очень раздраженно.

Я должен заставить ее услышать и выслушать меня. Я не могу уехать завтра и оставить ее обозленной на меня, и не подозревающую о моих чувствах.

— Джесс, не нужно меня больше ненавидеть, — шепчу я и склоняю голову на бок.

Она сжимает челюсть, и костяшки белеют от того, как сильно она вцепилась в руль. И чем ближе мы подъезжаем к моему дому, тем меньше минут остается.

— Мне жаль, что это не ты, Джесс, была в бассейне со мной, — я наклоняюсь и утыкаюсь в ее прекрасные темные волосы. — Прости меня и не ненавидь меня больше.

Вот я и сказал.

И теперь она знает, что я больше не во френд-зоне. И прежде чем она успевает что-то сказать, я беру ее за руку и смело приглашаю ее войти.

— Мама все еще в загородном клубе. Там проходит моя прощальная вечеринка. Она обычно остается до закрытия. Зайди ко мне. Я лишь хочу провести с тобой время перед отъездом. Я чувствую, что как только уеду, никогда тебя снова не увижу, — говорю я, всматриваясь в ее

ошеломляющие глаза, и переплетаю наши пальцы.

— Хорошо, — отвечает она, и я хочу вскинуть кулак вверх. Я так счастлив.

Как только мы поднимаемся в мою комнату, я включаю какую-то музыку, не растрчивая время попусту. Смотрю на нее, ощущая дикое, изменное желание, будто я никогда такого не испытывал. Я быстро окидываю ее опьянено-возбужденным взглядом, и понимаю, как она красива — идеально-миниатюрная, с изгибами и характером пловца. Она смотрит на меня с невинностью нетронутой девушки, и все, что я вижу — эта девушка моя. Прямо сейчас она кажется такой хрупкой, такой чистой. Я подхожу к ней, и все в комнате меркнет. Только я и она, больше ничего. Сердце стучит, и кровь кипит в венах. Я останавливаюсь в дюйме от нее и прикасаюсь губами к ее полным сочным губам. Я чувствую ее теплое, рваное дыхание. Ничего не может испортить этот момент для меня. Я хотел целовать ее бесчисленное количество раз, не чувствуя вину или беспокойство.

— Ты знаешь, сколько раз я хотел поцеловать эти губы? — шепчу я, не отрывая от нее взгляда.

Она шумно вдыхает и закрывает глаза. Я пальцем касаюсь ее нижней губы, исследуя мягкость кожей и глазами. Мой взгляд задерживается там, пока нужда, которую я ощущаю, не начинает угрожать мне с каждой проходящей секундой. Я должен чувствовать ее губы.

— Я собираюсь поцеловать тебя, Джесс, сейчас, — бормочу я, давая ей понять, что на этот раз я не остановлюсь. — Я собираюсь целовать тебя так, как никто не целовал тебя прежде.

Я наклоняюсь еще ближе, сокращая это крошечное пространство между нами, и едва касаюсь ее губ.

— Джесс, после того как я поцелую тебя, а сделаю я это очень скоро, я положу тебя на кровать и буду заниматься с тобой любовью, как никто не делал это прежде, — говорю я ей, давая понять, насколько чисты мои намерения в том, как сильно я ее хочу.

Ее тело напрягается от моих слов, и на лице появляется волнение. Она закусывает нижнюю губу, и ее зеленые глаза наполняются огнем и страстью. Моя уверенность начинает смешиваться со страхом, потому что я понимаю, что буду заниматься любовью первый раз в жизни. Секс — это одно, но любовь... ну, любовь все переносит на другой уровень. Это одновременно и возбуждающе, и волнующе.

Возьми себя в руки, Джейс.

Не облажайся.

Я скольжу рукой по задней части ее шеи и касаюсь ее губ, наслаждаясь поцелуем, прежде чем он превращается в страстный и жадный. Наши языки скользят и переплетаются, и я чувствую, как дрожит ее тело, когда я притягиваю ее ближе.

Я хочу большего.

Хочу ощущать ее кожу своей кожей. Я хочу касаться ее, запоминая каждый дюйм ее тела, прежде чем уеду завтра. Я ненадолго отстраняюсь и подталкиваю ее к кровати. Она пытается

говорить, но я прерываю ее.

— Шшш, Джессика, — называю я ее полное имя. — Ляг на кровать, — твердо говорю я.

Она стоит напротив кровати, ошеломленная и неуверенная. Я хватаюсь за край своей футболки и стягиваю ее через голову. Медленно расстегиваю джинсы, а она следит за каждым движением. Джинсы падают к лодыжкам, и я снова ей говорю:

— Ложись, Джесс.

Она не произносит ни слова, но делает в точности, как я сказал ей. Ее глаза широко распахнуты, а щеки залиты румянцем. Я вижу, как быстро поднимается и опускается ее грудь, и знаю, что она понимает, что сегодня я не остановлюсь. Заползаю на кровать, нависая над ней, и опираюсь на руки, касаясь своей грудью ее.

Я перекатываюсь на бок, опираясь на локоть, и скольжу пальцем по ее мягким губам, вниз к подбородку, затем по шее, и наконец, медленно между грудей. Моя эрекция болезненно наливаясь, когда я замечаю, как напрягаются соски под тонкой тканью ее футболки. Я хочу почувствовать ее, снять ее забавную футболку и почувствовать ее мягкую кожу подо мной.

Я шепчу ей и слышу, как мои слова наполнены любовью и страстью.

Она зажмуривается, скрывая желание, когда я скольжу рукой под ее футболку и нежно целую ее в щеку.

— Все хорошо, Джесс. Просто позволь мне заставить тебя почувствовать себя хорошо, позволь мне любить тебя, — говорю я. И она расслабляется от моих прикосновений.

Я люблю тебя.

Ты тоже меня любишь, Джессика.

Я скольжу пальцами к верхней части ее лифчика, задевая соски, и ее дыхание учащается. Ее отзывчивость почти разрывает меня на части. Одной рукой я расстегиваю ее лифчик и высвобождаю грудь. Я медленно стягиваю ее футболку через голову, и она хватается за мои плечи, впиваясь ногтями в кожу. Мои руки скользят вниз по ее телу и расстегивают шорты. Я постепенно стягиваю их вниз, освобождая ее мягкую смуглую кожу, которая идеально контрастирует с крохотными белыми трусиками-бикини. От ее вида мое сердце сильнее стучит в груди. Наши взгляды встречаются, и я поддеваю пальцами тонкую белую ткань. Она выглядит взволнованно, даже напугано, и ее тело напряжено. Я не знаю, почему она застыла, и тогда я замечаю шрамы. Ими исполосовано все в области тазовой кости. Я снова смотрю на нее, в поисках ответов на вопросы, которые я даже не знаю, как задать. Я скольжу пальцами по рубцовой ткани, гадая, кто сделал это с ней и почему. Это разрывает мое сердце. Когда я ничего не произношу, она расслабляется. Я наклоняюсь и целую ее теплую кожу, исследуя каждый шрам губами, чтобы показать, как я хотел бы убрать всю боль поцелуями.

Я излечу тебя, Джесс.

Позволь мне сделать лучше.

Я обхватываю ее бедра и скольжу языком по изгибу внутренней части бедра — я больше не могу ждать, чтобы попробовать ее.

Запах ее возбуждения сводит меня с ума, и я припадаю губами к влажности между ее бедер. Руки скользят вверх и вниз по ее телу, касаясь каждого дюйма. Я убираю одну руку и проскальзываю сначала одним, затем и двумя пальцами в нее. Она сжимает их, и это чувствуется так хорошо, слишком хорошо. Черт, я никогда не был так возбужден. Мне нужно быть внутри нее, соединить наши тела и сделать ее своей. Я слегка подгибаю пальцы вверх, подводя ее к грани, прежде чем выскальзываю из нее. Я не хочу, чтобы она кончила от моих пальцев; я хочу, чтобы это случилось, когда я буду глубоко внутри нее. Она хнычет, и я начинаю оставлять дорожку поцелуев вверх по ее телу, медленно, не спеша. Я позволяю своему весу опуститься на нее и слизываю ее со своих губ. Она краснеет, замечая свою влагу на моем лице, я облизываю свои губы снова и улыбаюсь ей.

— Хорошо, Джесс. Так хорошо, — произношу я, прежде чем обрушиваюсь на ее губы. Я вкладываю каждую унцию своего сердца и души в этот поцелуй, стягиваю свои боксеры вниз. Я чувствую, как она вся дрожит от волнения, и не могу больше ждать, чтобы почувствовать ее тепло, обернутое вокруг меня, когда я делаю первый толчок. Я раздвигаю ее ноги шире коленом и понимаю, что презервативы есть только в моем пикапе.

Твою мать! Пожалуйста, пусть она будет на противозачаточных.

— Джесс, ты на таблетках? — спрашиваю я, и всматриваюсь в ее глаза, надеюсь, что она скажет «да», и мне не придется себя останавливать. Она кивает, и облегчение накатывает меня. Я впиваюсь пальцами в ее талию и медленно прижимаюсь между ее бедер.

Невероятно.

Ее стоны, ее жар, ее руки на мне, мои руки на ней, ощущение ее тела — все в этот момент подводит меня к краю. Я наклоняюсь и обхватываю ее сосок губами, покусывая его зубами. Она приподнимает бедра вверх, со стоном ожидая большего.

Девушка... о, боже, эта девушка.

Я смотрю на нее и прошу открыть глаза. Я хочу, чтобы она видела, как я в первый раз занимаюсь с ней любовью. Я хочу, чтобы она чувствовала меня и знала, что это отличается от всех тех, с кем она была раньше.

— Открой глаза, Джесс, — она распахивает глаза и смотрит на меня, между нами словно вспыхивают электрические заряды.

Шелковые, черные волосы рассыпаны вокруг ее лица, и в этот момент она самая сексуальная девушка, которую я когда-либо видел. Смотри на нее, будто она единственная на земле, я погружаюсь в нее медленно, глубоко. Стон срывается с ее губ, и я вращаю бедрами, даря ей еще большее наслаждение, не заботясь о своем. Ее глаза широко распахнуты, но она снова их закрывает. Желание переполняет нас обоих, и я вдалбливаюсь все быстрее, а она запрокидывает голову назад в экстазе. Это сводит меня с ума — мне нужно еще больше. Я наклоняюсь и целую ее, впиваясь зубами в нижнюю губу, посасывая и покусывая ее. Мое тело двигается в безудержном ритме, и она встречает каждый мой толчок. Сдерживаемый вдох и стон срывается с ее губ, и ее дыхание учащается. Ее звуки всегда будут музыкой для меня. Наши обнаженные тела, мокрые от пота, скользят друг по другу, и все в моем разуме становится размытым, когда она туго сжимается вокруг меня. Она близка к оргазму. Зная это, зная, что лишь я один доставляю ей такое удовольствие, я все ближе и ближе к освобождению. Мягкость ее кожи и твердость сосков, касающихся моей груди, обостряет все мои чувства, заставляя меня дрожать. Сердце бешено стучит в грудной клетке, пока я вколачиваюсь в нее.

Ее ноги обхватывают меня за талию, и она кончает подо мной, выкрикивая мое имя. Наблюдать, как она теряет контроль, самое прекрасное и захватывающее зрелище, которое я когда-либо видел.

— Джейс... О боже, Джейс.

Я много раз занимался сексом, но этот раз другой. Я наблюдаю, как она кончает, и это полностью освобождает желание сделать ее своей, растекающееся вдоль моего позвоночника. Я смотрю вниз на нее, выгибающуюся подо мной, и понимаю, что потерял, полностью потерял в ней. Я принадлежу ей в этот момент, и во все последующие. Я падаю всем весом на нее и погружаюсь глубже, зарываюсь лицом в ее волосы и вдыхаю аромат ее шампуня, страсти и любви — аромат Джейс. Наконец, мое тело находит освобождение, и я поглощен, полностью и бесповоротно поглощен Джейсикой Александр.

14 глава

«Боль от потери любимого человека никогда не проходит. Те, кто говорят, что она проходит, никогда по-настоящему не любили».

— Кэтрин Перес

Прошлое

Джейс

Было ужасно слышать боль в ее голосе, когда она кладет трубку. Я чувствую, будто моя грудная клетка разрывается, а сердце падает вниз, куда-то к моим ногам. Прошло два дня с того телефонного звонка, с тех пор как я был с ней полным придурком. Не могу поверить, что она прекратила все вот так просто. Это не имеет никакого гребаного смысла. Я звонил ей раз сто, отправлял огромное количество сообщений и... ничего. Ближайшие две недели я не могу приехать домой и все из-за этого дурацкого футбольного лагеря, но когда приеду, то планирую пойти к ней домой, я буду умолять ее простить меня и принять обратно. Я так чертовски сильно скучаю по ней. Мяч неожиданно ударяет меня в грудь, вырывая из грез.

— Эй, мужик, ты все еще страдаешь по своей девушке? Сегодня большая вечеринка в братстве. Ты пойдешь или будешь хандрить? — спрашивает мой сосед по комнате.

Трент — большой, грузный парень. Он полузащитник в команде, и славный парень с большими, широкими плечами и огромной задницей. Он практически живет в спортзале.

— Нет, бро. Я еще не готов идти на вечеринку. Я просто позависаю здесь.

— Наплевать, мужик. Твоя потеря. Это единственные студенческие годы, которые у тебя будут. Если хочешь, можешь их просрать. Девчонки не стоят этого. Вот почему я один. Я сразу же даю им знать, что не ищу ничего серьезного. Ты, возможно, захочешь делать то же самое. В противном случае, через некоторое время эта комната станет чертовски скучной.

— Я люблю ее. Я не могу просто отпустить это. Я облажался и сейчас должен исправить это. Мне не поможет, если я пойду веселиться и напиваться. Она злится, но скоро изменит свое мнение. Она должна.

— Поступай, как считаешь нужным, чувак.

Он уходит на вечеринку, в то время как я сижу здесь и схожу с ума. Я отправил ей еще одно сообщение, хотя знаю, что это бессмысленно, но прямо сейчас это моя единственная связь с ней.

Джейс: Пожалуйста, позвони мне. Я ненавижу это. Пожалуйста, поговори со мной. Я вернусь домой через две недели и приду, чтобы поговорить с тобой, и мы решим эту проблему. Я сожалею, что был такой задницей. Пожалуйста, не бросай меня. Я скучаю по тебе, Джесс.

Я жду ее ответа, но как обычно — ничего. Я со злостью кидаю мяч через комнату и хватаю iPod. Вставляю наушники и включаю музыку так громко, как это возможно. Я лежу так, кажется, целую вечность, пока не засыпаю. Просыпаюсь от грохота и шума и вижу, что пьяный Трент вваливается через дверь с такой же пьяной девушкой на руках.

Великолепно, теперь я должен слушать, как они лапают друг друга.

Да пошло все, я уйду отсюда, пока он с ней не закончит.

— Комната твоя, мужик. Просто держись подальше от моей кровати. Это все, о чем я прошу, — говорю я ему и хватаю бейсболку и телефон.

Я прохожу через коридор общежития, мимо нескольких групп людей, которые очевидно проводят время лучше, чем я. Иду к своему грузовику, хотя без понятия, куда я собираюсь. Я просто хочу перемотать время вперед на две недели, чтобы я мог поехать домой.

Я просыпаюсь, наполненный нервным ожиданием, так как сегодня еду домой. Я знаю, это будет нелегко, но я должен убедить Джесс простить меня.

— Успокойся, мужик. Удачи тебе с твоей девушкой. Хотя я все еще думаю, что ты должен переосмыслить все это дерьмо об отношениях.

— Спасибо, мужик. Когда я вернусь, мое настроение будет лучше. Я, может, даже пойду с тобой на одну из этих вечеринок. Возможно, Джесс сможет приехать и пойти с нами.

— Конечно мужик. Как скажешь. Поезжай осторожно.

Такое ощущение, что я еду несколько тысяч часов. Когда я въезжаю в город, то направляюсь прямо к дому Джесс, даже не заезжая к себе домой. Ее машины нет на подъездной дорожке.

Дерьмо!

Тем не менее, я выхожу из машины и иду к двери, чтобы ее мама сказала ей, что я здесь. Она поймет, что я серьезен и позовет ее. Я стучу, и ее мама открывает дверь. Она одета в пижаму в середине дня и выглядит ужасно.

— Здравствуйте, миссис Александр. Джессика скоро будет дома?

— Она уехала, милый, — бормочет она, и ее слова, смешанные с запахом алкоголя, ударяют меня, как тонна кирпичей.

— Да, мэм. Я не вижу ее машину здесь. Когда она вернется?

— Она не вернется, милый. Не могу сказать, куда она уехала. Моя дочь никогда не просила меня о многом, но она взяла с меня обещание, не говорить ни слова о том, где она, если ее придет искать хорошо выглядящий молодой человек, такой как ты. Все что я могу сказать тебе, это то, что она уехала два дня назад.

Я качаю головой в неверии. Это не может быть правдой, она бы никогда не уехала, ни сказав мне.

— Почему? Почему она не хочет, чтобы я знал, куда она уехала? — спрашиваю я удрученно. — В этом нет никакого смысла.

— Я не знаю, что сказать тебе. Все что я знаю, что она торопилась отсюда уехать. Мне правда жаль, но я не могу сказать тебе, куда она направилась. Я пообещала и сдержу свое обещание, — говорит она с печальной улыбкой на лице и пожимает плечами. Затем закрывает дверь.

Я стою там, уставившись на закрытую дверь как дурак. Ни что из этого не имеет смысла. Я достаю телефон из кармана, когда иду обратно к своему грузовику. Я нажимаю на ее номер, чтобы снова ей позвонить. Если я должен оставить миллион голосовых сообщений и отправить тысячи текстовых, то я это сделаю. Звучит один гудок, затем я слышу запись, что телефон отключен.

— Черт побери! — я швыряю телефон через кабину своего грузовика. Он падает и разбивается, когда я ударяю руками по рулю.

Когда я еду к родительскому дому, моя кровь бурлит. Я хочу только кричать. Не могу поверить, что это случилось. Она просто уехала! Я должен найти ее. Я найду ее. Все это моя вина, из-за противозачаточных я вел себя с ней по телефону как придурок, и она полностью отстранилась от меня. В голове я проигрываю каждый сценарий, как ее найти, когда внезапно понимаю, что делать. Я подъезжаю к своему дому, и практически отрываю дверную ручку, когда захожу. Вхожу внутрь и зову маму.

— Милый, почему ты такой безумный? Иди сюда, обними свою маму. Такое чувство, что я не видела тебя годами. Я сказала Бернадетт, приготовить твоё самое любимое, так как знала, что ты приедешь. Что, черт возьми, случилось, Джейс? Ты выглядишь бледным. Ты заболел? — говорит она, осматривая меня.

— Мам, мне нужна твоя помощь. Мне нужен частный сыщик. Ты можешь нанять его для меня? — спрашиваю я, надеясь, что она не подумает, что я сошел с ума.

— Сын, почему ты решил, что тебе нужен частный сыщик? Что все это значит? — спрашивает она нетерпеливо. — Пойдем сядем со мной на террасе и немного поедим. — Она поворачивается и начинает уходить от меня. Я следую за ней без промедления.

— Я не голоден, мам. Мне нужно найти Джесс. Она уехала. — Эти слова убивают меня.

Уехала.

— Она переехала, и ее мама не говорит мне куда. Мне нужно найти ее. Я знаю, что ты знакома

с людьми, которые занимаются этим. Можешь, пожалуйста, помочь мне найти ее или заплатить кому-нибудь, чтобы это сделать? — говорю я отчаянно, смотря на нее неотразимым взглядом, которому я знаю, она не сможет сказать нет.

— Джейс, милый, что такого в этой девушке, что ты так очарован? Вы с Элизабет были великолепной парой. Я всегда представляла, что однажды вы двое поженитесь. — Она спокойно дает мне тарелку с едой, а я только раздраженно качаю головой. — Затем появляется эта девушка, и ты уходишь от отношений, которые тебе подходили. Из того, что я понимаю, Джессика не очень хорошая девушка. — Она достает стакан из шкафчика и начинает наливать мне чай. — Может, будет лучше — не искать ее. Сейчас ты в колледже и только начинаешь свою жизнь. Ты просто должен сосредоточиться на учебе и футболе, — говорит она, протягивая мне полный стакан.

Я знал, что она будет спорить, но, черт побери, я должен убедить ее. Если я не попытаюсь, знаю, что не прощу себя. Это будет преследовать меня вечно.

— Мам, пожалуйста. Я не прошу тебя о многом, но прошу об этом.

Мама берет стакан холодного чая и медленно отпивает. Она убивает меня этим тревожным ожиданием, но мама никогда не делает ничего, не взвесив сначала все варианты и возможные исходы.

— Конечно, милый. Давай посмотрим, что я могу сделать. Просто напиши все, что может помочь, и я отправлю это Джейсону. Хотя это может занять некоторое время, так что не жди быстрых результатов.

— Спасибо, мам. Спасибо тебе огромное. Я люблю тебя. Ты лучшая. Джессика хорошая девушка, мам. Она не такая, как все о ней говорят. Она хороший человек, и она важна для меня.

Я ставлю стакан, даже не сделав глоток, и крепко ее обнимаю в первый раз с момента, как приехал домой. Облегчение накатывает на меня. Все еще чувствую тиски, сжимающие мое горло, но теперь мне стало немного легче дышать, чем было, когда я чувствовал, что у меня не было никаких вариантов.

— Эй, мужик, как долго ты собираешься проторчать у этой штуки сегодня? Твои глаза еще не кровоточат? — Трент развалился на кровати и по большей части был тих, пока я продолжаю свои поиски Джессики.

Где же ты, Джесс?

— Нет, они не кровоточат. Она удалила свой аккаунт на Фейсбуке, но она же должна быть в какой-то сети. Я знаю, что если продолжу искать, то как-нибудь на нее наткнуся. Просто Джессика Александр — чертовски распространенное имя. Я просматриваю одну Джессику за другой уже, кажется, целую вечность.

Я потираю виски и выдыхаю все раздражение, когда наклоняюсь над своим столом.

— Я думал, что твоя мама наняла частного детектива или кого-то еще. Почему бы просто не

подождать, пока он что-нибудь нароет, вместо того, чтобы сводить себя с ума, уставившись в этот чертов монитор? — в его словах был смысл.

— Потому что это чертовски неправильно — сидеть здесь, ничего не делая, чтобы найти ее. Несмотря на то, что она даже не знает, что я пытаюсь, мне нужно знать, что я делаю это. Когда-нибудь, когда ты полюбишь, возможно, ты поймешь это. Я не могу объяснить это дерьмо, я просто знаю, что не могу отказаться.

Я закрываю лэптоп и тру свои уже ничего не видящие глаза.

— Прошло слишком много времени с тех пор, как я говорил с ней в последний раз. Чем больше времени проходит, тем дальше она ускользает от меня. Я чувствую это. Я потеряю ее даже прежде, чем найду.

— Чувак, мне жаль. Это хреново. Надеюсь, я никогда не влюблюсь, потому что то, что я вижу — это отстой, — говорит Трент, когда кладет руки за голову, как будто он рассматривает обоснованность его «любовь-отстой» заявления. Я знаю, он пытается помочь, но прямо сейчас я не могу иметь с ним дело.

— Любить кого-то — не отстой. Потерять человека, которого ты любишь — вот что отстой, — я хватаю свои ключи и спортивную сумку и иду к двери. Мне нужно выйти отсюда и подумать, избавиться от агрессии, прежде чем я взорвусь. — Я собираюсь в зал на беговую дорожку. Вернусь позже.

Я не мог поверить, как много прошло времени. Прошел месяц с тех пор, как мама сказала, что она попросит друга поискать Джесс. Я ненавидел досаждать ей, но ожидание было мучительно болезненным. Я подъехал к спортзалу и вытащил свою сумку. Мне нужно бежать — резко и быстро. Во мне было так много сдерживаемых разочарования и гнева, которые пожирали меня изнутри. Это моя вина. Я сделал это. В тот день мне нужно было быть помягче с ней по поводу ее лжи, возможно, сейчас все было бы по-другому. Я всегда видел ее сильным человеком, каким не видел никто, но может, она не была сильной. Может, в тот момент жестокие слова разрушили что-то внутри нее. Она боролась с огромным количеством боли, огромным количеством демонов внутри. Эти шрамы доказывали это. Я должен был сделать все по-другому. Я, похоже, оттолкнул ее слишком далеко. Теперь, я, возможно, никогда не получу шанса сказать, что сожалею.

Сегодняшняя тренировка была жесткой, и мое тело болит с головы до пят. Я вижу, что перед дверью моей комнаты лежит посылка, и внезапно забываю обо всей боли, которую сейчас чувствую. Это от маминого частного детектива! Я открываю дверь так быстро как могу, и вскрываю огромный конверт. Документ и несколько фотографий высыпаются на мою кровать. Мои глаза и мозг не могут воспринять все это сразу. Я просматриваю фотографии, и все что я сначала вижу — это ее лицо, ее улыбку. Все что я вижу — мою Джесс. Затем моя грудь открывается и все внутри меня вырывается. На фотографиях она не одна. Фото за фото демонстрируют ее и какого-то парня зависающими, смеющимися, целующимися. Я пролистываю их снова и снова, только чтобы убедиться, что мои глаза не играют со мной. Я пролистываю последнюю, и она смотрит в его глаза, ее руки на его плечах, и она улыбается ему.

Это моя улыбка.

Она улыбается моей улыбкой для кого-то еще.

— Бл*дь! — кричу я и разбрасываю пачку фотографий по комнате.

Я падаю на кровать и поднимаю документ, вынуждая себя сдерживать слезы злости. Я читаю каждую строчку. Единственный адрес, по которому ее нашли, оказался пустым. Нет ни телефона, ни электронной почты и не указан запасной адрес. Информация гласит, что она помолвлена. Я бросаю бумагу на стол и падаю на кровать. Провожу руками по волосам, крепко хватая их, и с силой сжимаю глаза. Я хочу плакать, кричать, хочу выбить из кого-нибудь дерьмо, но я не делаю ничего из этого, потому что едва могу дышать. Больно. Больно. Так. Чертовски. Плохо. Она ушла навсегда, она уже с кем-то другим, как будто мы никогда не имели значение.

Почему, Джесс?

*Бл*дь, почему?*

Дверь открывается и входит Трент. Он резко останавливается, осматривая беспорядочно разбросанные по всей комнате фотографии.

— Какого черта, бро? — спрашивает он.

— Все кончено. Она двигается дальше, — я прочищаю горло и прикладываю руку к лицу, прежде чем продолжить: — Прости за беспорядок. Я просто не могу больше смотреть на них прямо сейчас.

— Черт, чувак. Сожалею, что это не сработало. Ты хочешь, чтобы я выбросил их?

Хотел ли я?

Я не хочу видеть ее с каким-то придурком, но и не хочу выбрасывать их. Она выглядит прекрасно, даже если она с кем-то другим.

— Нет, я соберу их, — говорю я. Я делаю глубокий вдох, прежде чем встать с кровати и убрать беспорядок, который я устроил.

— Мужик, ты не можешь сохранить ее фотографии с каким-то ублюдком. Это немного странно, ты так не думаешь? — спрашивает Трент скептически.

Я хватаю их одну за другой, и изображения выжигаются в моем мозгу навсегда, чтобы постоянно проигрываться, как какой-то ужасный фильм.

— Я не знаю, что собираюсь с ними делать. Я просто не могу выбросить их прямо сейчас, — говорю я, засовывая их в ящик своего стола.

— Она помолвлена, — шепчу я себе, пытаюсь укоренить в голове мысль о завершении того, что это значит на самом деле.

— Ладно, достаточно этого плаксивого дерьма. Ты идешь со мной сегодня, напьешься и на некоторое время забудешь все об этой девушке. Поднимай свою депрессивную задницу, иди в душ и переодевайся.

Я правда не чувствую себя готовым идти, но прямо сейчас мне нравится идея о том, чтобы забыться, потому что помнить — это дьявольски больно.

Да, необходимо забытья.

Я сижу за баром и смотрю, как люди практически занимаются сексом на танцполе. Стробоскоп светится и мигает, и запах дыма почти заставляет меня поперхнуться. Клубная сцена никогда не была привлекательна для меня, и сегодняшний день ничем не отличается. Люди толпятся вокруг бара, пытаюсь получить напитки, поэтому я двигаюсь и нахожу столик сзади, вдали от всего ажиотажа. Трент находит меня и вкладывает еще один напиток мне в руку.

— Напейся, мужик. Расслабься немного, — говорит он.

Я просто киваю и беру напиток. Это уже третий по счету, что бы это ни было, но он действительно сильный. Я уже чувствую подходящее опьянение. Я кручу соломинку внутри стакана, когда к моему столу подходит девушка. Она улыбается и смотрит на меня своими большими глазами. Длинные черные прямые волосы спадают ей на плечи. Это напоминает мне о Джессике, потому что я всегда любил ее волосы. Я не могу разглядеть цвет ее глаз из-за мигающего цвета, но когда она улыбается, меня удивляет сумасшедшая белизна ее зубов. Она выглядит старше, и это поражает меня.

— Что ты делаешь здесь один? Такой привлекательный парень как ты, должен быть с такой же привлекательной девушкой. — Она поднимает одну бровь, источая ауру уверенности. Она кажется самоуверенной, но не суккой. «Интересная» — это слово, которое приходит на ум.

— Я не один. Я здесь со своим соседом по комнате, который сейчас дергается где-то на танцполе. Но такое ощущение, что ты здесь тоже одна, как и я, — говорю я, смотря на нее. Она хорошенькая, но она не Джесс. Слишком элегантная, слишком правильная.

— Ты не возражаешь, если я исправлю нашу взаимную проблему? Можно я сяду здесь с тобой?
— она снова мурлычет своим самоуверенным тоном.

— Конечно, почему нет?

Я жестом показываю на стул рядом с собой.

Она наклоняется, выставляя ложбинку между груди на обозрение, когда ставит свой напиток и вытаскивает стул.

— Я Виктория, а ты...? — спрашивает она, протягивая мне руку.

Я вытягиваю руку и кратко пожимаю.

— Джейс.

— Приятно познакомиться, Джейс. — Она улыбается мне, как будто выиграла в лотерею.

Неловкость возникает между нами, и я понятия не имею, что сказать этой девушке. Она привлекательная, очевидно хорошо ухаживает за собой, и кажется достаточно милой, но я просто не заинтересован. Я только что понял, что потерял Джесс навсегда. В моем списке приоритетов сейчас нет пункта «Зациклиться на другой девушке».

Я скучаю по тебе, Джесс.

— Почему такой грустный? Некоторые девушки, должно быть, на самом деле увлечены тобой.

— Она небрежно откидывается в своем кресле и скрещивает ноги.

— Что заставляет тебя думать, что я грустный?

— Твои глаза. У тебя ужасная печаль в глазах. Они заставляют меня задаваться вопросом, кого ты мог любить настолько, что это заставляет тебя так грустить. Почему бы тебе не рассказать мне об этом? У меня есть вся ночь. Мне говорили, что я хороший слушатель.

— Это был долгий день, долгий плохой день. Если честно, я не хочу говорить об этом. Просто скажу, что не ищу серьезных отношений на долгий период времени, — бормочу я и делаю глоток своего напитка.

— Достаточно честно! Что насчет веселья? У тебя есть какая-либо неприязнь к веселью? — спрашивает она, и улыбается мне небольшой, дразнящей улыбкой.

— Думаю, с весельем все в порядке.

— Великолепно. Тогда вставай и пойдем танцевать. У меня есть некоторые движения, и они все своего рода веселые, — смеется она, когда встает, покачивая бедрами из стороны в сторону.

Какого черта? Я почти пьян, Джессика собирается выйти замуж, и я чувствую себя так, будто кто-то вырвал мое сердце из груди и ударил по нему молотком. Я полагаю, что немного веселья и танцев не помешает.

15 глава

«Настоящая любовь всегда найдет путь назад».

Автор неизвестен

Джессика

Он просто сказал мне, что его сердце принадлежит мне. Я хочу в это верить, но тот факт, что он помолвлен, убивает все. Внезапно, тепло его тела чувствуется слишком обжигающим, неправильным. Я могу отключать свои эмоции с другими парнями, но не с Джейсом. Я не могу, не сейчас, не так. Я упираюсь ладонями в его грудь и толкаю его.

— Нет. Твое сердце не принадлежит мне. Ты отдал его кому-то другому, я не могу закрыть на это глаза. — Я выскальзываю из-под него и поднимаюсь в постели. Поправляю бретельки и хочу прикрыть себя чем-то, поэтому тянусь за халатом.

— Почему с нами всегда случается нечто подобное? То ты хочешь, то не хочешь. Не важно, что я делаю, никогда не узнаю причину, — говорит он и садится на кровати.

— Может, тебе стоит прекратить попытки понять меня, Джейс. Я о том, что ты стучишься в дверь поздно ночью спустя шесть лет и обрушиваешь эту бомбу о твоей помолвке с моим психотерапевтом! Ты приходишь вооруженный моими личными, очень интимными данными,

достать которые, я более чем уверена, не законно, и ожидаешь, что я запрыгну с тобой в койку? Такое ощущение, будто не у меня одной тут поехала крыша.

Он опускает голову.

— Я не планировал затащить тебя в постель. Прости, что это так показалось. — Он выдыхает и с отчаянием потирает переносицу.

— Так происходит, когда я обнимаю тебя, я не могу ничего поделать, поэтому мыслями вернулся в прошлое. Потерять тебя было слишком тяжело. Я долго не мог принять тот факт, что ты больше не будешь частью моей жизни, — он останавливается, будто подбирая нужные слова. — Затем, найдя этот файл, найдя тебя, я пришел сюда, и меня переполняли миллионы эмоций. Я долго думал, мечтал о том, как встречу тебя снова. И когда ты наконец была у меня в руках, вся моя решительность рассыпалась.

Он смотрит на меня, и я крепко обнимаю себя за плечи. Я понятия не имею, что с нами будет дальше, но как бы то ни было, он должен уйти. Я не могу думать, когда он так близко, и чем дольше он здесь, тем больше мне наплевать на его невесту.

— Ты должен уйти. Ты не должен здесь быть. Ты хотел лично узнать о беременности и узнал. Больше, чем прости, я сказать не могу, так же как и изменить прошлое. Ты должен жить дальше своей жизнью, со своей невестой и забыть обо всем, забыть меня.

Стены спальни будто начали давить на меня, поэтому я ухожу из комнаты, подальше от Джейса. Я слышу его шаги позади себя, и каждый шаг заставляет сердце биться чаще. Говоря в этот раз «пока», я почувствовала всю обреченность, которую до этого никогда не ощущала. Я тянусь к дверной ручке, убеждаясь, что он понял намек. Ощущаю его руку на своем плече и вздрагиваю.

— Джессика, правильно это или неправильно, но мы всегда будем друг у друга под кожей. Все эти шесть лет я скрывал это. И этот файл выпустил все на поверхность, и сейчас я уверен, что не смогу снова скрывать это. Все, что было заперто внутри меня все эти годы, выплескивается наружу. Если я уйду и больше никогда не вернусь, все это навсегда будет гореть синим пламенем в моей памяти.

С каждым произнесенным им словом, я все выше и выше возвожу защитную стену. Он помолвлен, помолвлен с успешным врачом — потрясающим, красивым, успешным врачом. Я не могу соперничать с ней, и не буду. Прошло слишком много времени, слишком много мостов сожжено, и я недостаточно стабильна, чтобы справиться с этим. Не важно, как сильно я хочу его, это неправильно. Раньше, когда я была с Джейсом, это чувствовалось правильно, но сегодня это не так, даже стоять рядом с ним мне не хочется. К тому же, я думаю, он все еще думает, что я та же застенчивая, слабая девочка, которую надо исправить.

— Я не хочу сейчас с этим разбираться. Сегодня я узнала, что у меня серьезное психическое заболевание. По решению суда, я должна пройти курс терапии из-за вождения в нетрезвом виде. В больнице заметили, чего мне стоили все эти годы, и судья сжалился надо мной. И теперь я должна найти нового врача, потому что больше никогда не пойду к доктору Уорд, так как она помолвлена с единственным, кого я когда-либо любила. — Реальность происходящего очень глубоко меня ранит. И произнесенные слова обжигают горло. — И в тот же день, после долгих шести лет ко мне приходит парень, и вываливает тонну эмоционального дерьма. Мы больше не подростки. Надо мной не издеваются, и я больше не избитая девочка, которую ты каждый раз поднимаешь после падения, — говорю я, распрямив плечи и пытаюсь выглядеть

сильной.

— Ты не смог меня исправить тогда, и не сможешь сейчас. Я так же сломана, как и тогда, только теперь я пытаюсь найти силы в своей боли. — Он с жалостью смотрит на меня, и я ненавижу это. — Тогда я старалась быть невидимой; я пряталась ото всех и от всего. Сейчас же, все видят мою боль, и мне наплевать на то, что они думают. Я взрослая женщина, и даже если заблуждаюсь насчет многих вещей в своей жизни, у меня достаточно самоуважения, чтобы не прыгать в постель или делать что-либо еще с помолвленным мужчиной. Даже если этот мужчина ты. Пожалуйста, просто уходи. — Слезы заполняют глаза, но я сдерживаю их. Я не могу позволить ему увидеть мою слабость. Он раздраженно выдыхает, и я вижу годы сожаления в его ярко-голубых глазах.

— Я не пытаюсь исправить тебя. Даже если психиатр во мне хочет этого, это не то, что я пытаюсь сделать. Я лишь... Черт, я не знаю, чего хочу или что делаю. Я лишь знаю то, что чувствую. Я люблю тебя, Джессика. И никогда не переставал любить. Я думал, что больше никогда не буду с тобой, поэтому убедил себя попробовать полюбить другую, даже если и другим видом любви. — Мы стоим друг перед другом, осмысливая эти слова, и я делаю все возможное, чтобы он не проник сквозь мою защиту. Но чем больше он говорит, тем больше я слабею.

— Джессика, поверь, если бы тогда была кнопка, которую я мог нажать и выключить все чувства к тебе, скорее всего я бы так и сделал, но ее не было. Все что я мог сделать, это запрятать их подальше вглубь себя, будто ничего и не было, — сказал он, нахмутив брови и опустив голову. — Я возвел крепость вокруг любви к тебе и прятал ее, потому что только так я мог жить дальше. — Он снова смотрит на меня. Его глаза красные, и темные круги под глазами показывают, насколько изматывающим это было для него.

— Но видеть тебя, знать, где ты, что ты так близко... Я больше не хочу это скрывать. Это будет ложью. И теперь, когда я знаю, где ты, у меня не такой уж и большой выбор. Только потому, что я не знал, где ты, думал, что ты счастлива замужем, только так я мог убедить себя, что нам больше не суждено быть вместе. — Он протягивает руку ко мне и медленно поворачивает мою голову за подбородок. — Я люблю тебя, Джесс, и я знаю, ты тоже меня любишь. Не было ни единственного дня за эти шесть лет, когда я не любил тебя. В этот раз я тебя не отпущу. Я не смогу.

Я тоже люблю его, по крайней мере, я так чувствую. Я не знаю, что он хочет услышать в ответ. Он помолвлен. Эта мысль снова и снова возникает у меня в голове.

— Ты помолвлен. Ты хочешь сказать, что собираешься сегодня разорвать помолвку с доктором Уорд и быть со мной? Ты мне это хочешь сказать? — он молча слушает мою ругань. Крохотный эгоистичный кусочек меня отчаянно хочет, чтобы он сказал «да», что он бросит ее, но я знаю, что это неправильно. — Ты даже меня не знаешь! Говорю тебе еще раз, я не та девочка, которую ты знал. Зачем тебе разрушать что-то настолько серьезное как помолвка, ради того, кого абсолютно не знаешь, кого не видел шесть лет? Это совершенно бессмысленно.

Разочарование и поражение написано на его лице, когда он опускает голову и качает головой.

— Я не знаю, — отвечает он, и снова смотрит на меня. Он так смотрит, будто ищет какой-то волшебный выход из этой ситуации.

— Свадьба через четыре недели, — бормочет он.

— Что?

— Мы должны пожениться через четыре недели. Они с мамой спланировали каждую гребаную мелочь.

Женат. Мысль о женитьбе Джейса на ком-то другом, вдребезги разбивает мою защиту. Больно, я пытаюсь проглотить ком в горле, но он словно кислотой выжигает все на своем пути.

— Ну, тогда, ты через четыре недели должен жениться. Купить огромный роскошный дом и ходить на благотворительный ужины со своей женой и мамой. У тебя будет белый заборчик и все такое. Звучит, будто они жили долго и счастливо, Джейс. Не бросай это все ради какой-то сломленной девчонки, с которой ты однажды переспал. — Я пытаюсь ужалить его как можно больнее. Я хочу, чтобы он остался; мне нужно, чтобы он ушел. Противоречивые мысли кружат в голове как стервятники.

— Джессика, любовь не всегда заканчивается «жили долго и счастливо». Это происходит лишь в книгах и фильмах. А это жизнь, и она реальна. У жизни нет сценария, нет плана. Мы давным-давно нарушили все правила любви. Единственное, в чем я уверен, что с тобой никакие правила не работают.

Прежде чем уйти, он останавливается и снова смотрит на меня.

— И ты не какая-то девчонка, с которой я переспал. Ты девушка, которую я любил — всегда. — А затем он ушел.

На следующее утро я просыпаюсь с адской головной болью. Я массирую виски и начинаю воспроизводить все, что произошло прошлой ночью. Телефон громко пищит, и я тянусь за ним, даже не открывая глаз, чтобы посмотреть кто это.

— Алло?

— Привет.

— Откуда у тебя этот номер? Вообще-то, не важно, не отвечай. Файл, так?

— Да, файл. Как ты себя чувствуешь этим утром?

Да что с ним такое? Неужели все, что произошло вчера, вылетело из его странной головы.

— Нормально, я нормально. Превосходно даже! — отвечаю я.

— Нет, не нормально. Я слышу это по твоему голосу. Ты врешь.

— Джейс, сейчас еще слишком рано для всего этого. Что ты хочешь?

Я зла — в ярости, вообще-то, он ведет себя, будто ничего не случилось, и мы можем начать с того момента, когда мы расстались шесть лет назад. Он же собирается жениться через четыре недели!

— Я забыл файл у тебя. Он мне нужен до того как Вик, то есть доктор Уорд поймет, что он исчез.

Какого черта? Он совсем чокнулся! Будто мне есть дело до его проблем с этой мозгоправкой, а в будущем его женушкой!

— Это не моя проблема. Погоди-ка, она знает обо мне, и о том, что ты приходил ко мне? Как ты узнал о файле, если она тебе его не давала, Джейс?

— Я взял его. Мы уезжали из клиники, и она оставила ключи в кабинете. Я сказал ей, что схожу за ними. Они лежали на столе, я взял их и увидел твое имя на папке, которая лежала на столе. Файл даже не должен был так лежать. Это ее оплошность, — говорит он и в конце замолкает.

Вау! Эта докторша даже не знает обо мне. Интересный поворот событий.

— Я сама верну файл в клинику. Все равно сегодня собиралась на групповое занятие, — говорю я, заставляя его замолчать. Пусть переварит это немного. Она, может, и первая выходит замуж за него, но он был у меня раньше, и пусть она об этом знает.

— Джесс, не делай этого, — предостерегает он. — Она не та, которая будет играть в бирюльки.

— Вау. Кто бы говорил, Джейс! Это ты помолвлен, и это ты играешься, играешь с огнем. Может, тебе стоит быть с ней честным, это же все-таки ты женишься на ней. Не думаешь, что лучше бы начинать все с чистого листа? — говорю я, как сука, переполненная сарказмом.

— Хватит. Хватит говорить о моей свадьбе, будто все в порядке, будто тебе наплевать.

Но мне не наплевать, я ненавижу это. Каждый раз, как только это слово срывается с моего языка, меня начинает тошнить. Если, чтобы не вводить себя в заблуждение мыслью о «счастливом конце» с Джейсом, я должна напоминать себе, что это реальность, тогда именно это я и буду делать. Он никогда не видел эту сторону меня. Он знал лишь скромную, слабую Джесс, не злую, холодную, забивающую на все, отъявленную суку Джессику.

— Я в порядке. Я в идеальном порядке из-за того, что ты собираешься жениться. Настолько в порядке, что даже куплю вам свадебный подарок, — рявкаю я.

— Что с тобой, Джесс? Ты не стерва. Ты не такая. Почему ты так поступаешь?

Сегодня я такая. Завтра я могу быть другой, но сегодня, да, я сука. И через час я, возможно, свернусь клубочком на кровати и буду плакать, или топить печаль в стакане 151, или буду истекать кровью от боли, но сейчас, я каменная стена, которую ничто не проймет.

— Я сказала тебе, я уже не та, что была когда-то. Смирись.

Я потратила годы, чтобы никогда не терпеть издевательства людей. Я больше не буду девочкой для битья. Если это значит быть ледяной сукой, значит я буду именно такой. Такой уж у меня защитный механизм, и он работает, независимо от метода.

— В какую группу ты пойдешь? — спрашивает он, игнорируя мои предыдущие тирады.

— То есть ты не узнал это из моего файла, когда нарушил закон и влез в мою личную информацию? — говорю я, повышая голос.

— Просто скажи название этой гребаной группы, Джессика, — рявкает он.

— Я не знаю. Для самовредителей или что-то типа того. Для таких же долбанутых людей как и

я. Какая блин разница?

— Это именно тот тип группы, в которую ты должна пойти, но как я и сказал, ты должна найти другую. Я могу помочь тебе с правильным выбором, если захочешь.

О боже, он снова говорит, словно хочет меня исправить.

— Мне плевать, Джейс. Мы закончили?

— Нет. Мне правда нужно вернуть файл, Джесс. — Его голос настойчив, но будь я проклята, если отдам ему его прямо сейчас.

— Ты его не получишь. Будешь давить на меня, и я донесу на тебя, что ты взял его, и на твою невесту, что она позволила этому случиться.

— Ладно, Джесс, делай по-своему. Но ссора с Викторией ничего не решит, поверь мне, — фыркает он. Я улыбаюсь и жду, когда он завершит разговор. — Прощай, Джессика, — говорит он и вешает трубку.

Каждый раз, когда он называет меня полным именем, мурашки бегут по спине, но я вздрагиваю и бросаю телефон на кровать. Я встаю и включаю душ, жду, пока польется горячая вода, прежде зайти внутрь. Я стою под струями воды, закрыв глаза; воспоминания, как он прикасался ко мне, целовал в последнюю ночь, наполняют мою голову. Эти мысли пытаются разорвать ту силу, за которую я так отчаянно хватаюсь. Мне нужно. Отпустить. Его. Я должна.

С печально известной папкой в руке, я захожу в клинику. Переполненная притворной решимостью, у стойки регистратуры спрашиваю о докторе Уорд. На мне пара темных джинсов и черные ботинки, а очень узкий черный топ выставляет все прелести напоказ. Еще я завила волосы в крупные локоны. Они ниспадают на мою грудь, я почти надеялась, что Джейс увидит меня — ему всегда нравились мои волосы. Прошлой ночью я выглядела как кусок дерьма. Сегодня же я нанесла макияж и выглядела привлекательной. Единственное что я всегда знала наверняка — я не уродина. И с возрастом, моя уверенность в себе росла, и я всю этим пользовалась.

— Простите, мне нужно увидеть доктора Уорд. Мне нужно кое-что вернуть ей, — говорю я приземистой женщине за стеклянным окном.

— У вас назначена встреча с доктором Уорд? — отвечает она.

— Нет. Мне нужно вернуть ей кое-что, вот и все. Это возможно?

Она осматривает меня поверх своих очков и набирает номер на телефоне.

— Доктор, у нас молодая девушка говорит, что ей нужно что-то вам вернуть. У вас есть время, или ей назначить встречу? — она кажется удовлетворенной ответом, прежде чем кладет рубку и смотрит на меня. — Она сказала направить вас к ней. У нее есть несколько минут перед следующим пациентом.

— Спасибо.

Я иду по извилистым коридорам, пока не дохожу к двери. Сердце бьется так быстро, что вены едва сдерживают кровь. Я глубоко вдыхаю и стучу в дверь.

Дверь открывается и вот она, вся такая элегантная докторша, одетая в ослепительно-белый брючный костюм. Она что, не знает, что сегодня следующий день после Дня труда? (прим. имеется в виду американский праздник День труда, который отмечается в первый понедельник сентября. По традиции на следующий день после праздника нельзя надевать белое)

— Оу, здравствуйте мисс Александр, Чем могу помочь? — спрашивает она с вежливой улыбкой на лице.

Я протягиваю папку и осознанно смотрю ей в глаза, чтобы не обращать внимания на огромное кольцо на ее пальце — это кольцо должно было быть на моей руке.

— Думаю, это нужно вам вернуть, — спокойно говорю я.

Она сначала смотрит на папку, а затем с замешательством на меня.

— Откуда это у вас?

Ответ на этот стоящий миллион долларов вопрос собьет правильную докторшу с ее тощей, привилегированной задницы. Она зачесала волосы наверх, в идеальный французский пучок, а я хотела взъерошить ее. Она напоминает мне маму Джейса, чопорную и идеальную.

Искусственную!

— Вы должны спросить об этом мистера Коллинза. Я здесь лишь для того, чтобы вернуть ее, — отвечаю я, пытаюсь сохранить самообладание.

— Простите? Мистера Коллинза? О чем вы говорите? — спрашивает она, и я вижу, как возрастает ее оборона, и она сужает глаза.

Должна признаться, это довольно забавно.

— Это о вашем женихе, моем бывшем парне, который украл этот файл из вашего кабинета прошлой ночью. Затем он нашел мою квартиру, — говорю я, сбрасывая бомбу на ее безупречную голову.

В первый раз с тех пор как я познакомилась с ней, она выглядит опешившей и безмолвной.

— О чем вы говорите? Простите меня за это, мисс Александр, но нет никакого шанса, что мужчина, с которым я помолвлена, был вчера в вашей квартире, — парирует она.

Сучка!

Я знала это. С самого начала я знала, что она была грязной сучкой. Нет никакого шанса, что человек одетый таким образом, не будет сучкой. Она была типичной представительницей тех женщин, что больше заботятся о своем социальном статусе, чем о чем-нибудь еще. Джейс женится на двойнике своей матери.

С этой мыслью я пытаюсь побороть сильное желание рвоты. Так же, как она мысленно натачивает свои коготки, я легко справлюсь с ней. Я профессионал с такими сучками как она. Я могу предвосхитить ее следующий ход прежде, чем она даже о нем подумает. Думаю, за это я должна быть благодарна Элизабет Брант: за столько лет она дала мне 101 тренировку для

борьбы с такими Сучками.

— Вы, вероятно, правы, доктор. У меня, должно быть, бред, и я все это придумала. Джейса никогда не было в моей квартире, он никогда не засовывал свой язык ко мне в рот и никогда не говорил мне, что все еще любит меня. Ничего из этого, вероятно, не случилось, я просто пограничная личность, имеющая психическое расстройство, верно?

Я перекидываю свою черную гриву через плечо и разворачиваюсь, чтобы уйти. Прежде чем я это делаю, я даю ей еще один, последний повод для размышления.

— О, и доктор, когда Джейс скажет «согласен» через несколько недель, просто знайте, что в своей голове он на самом деле думает «не согласен».

16 глава

«Да, сердца разбиваются, но, даже будучи разбитыми, продолжают жить».

— Лорд Байрон

Прошлое

Джейс

Я понятия не имею, что делаю в клубе и в особенности, почему я на чертовом танцполе. Эта девушка сказала, что она нормально относится к тому, чтобы просто хорошо провести время, но я не думаю, что встречал девушку, которая в конце концов не захочет большего. Ее руки на моих плечах, и она улыбается как Чеширский кот. Хотя я и не могу отрицать, что она великолепна, но также не могу отрицать, что она не Джесс. Песня заканчивается, и когда она начинает переходить в другую, я отстраняюсь, проложив значительное расстояние между нашими телами.

— Ну, думаю, я собираюсь пойти домой. Спасибо за танец, — говорю я, одаривая ее неуверенной улыбкой.

— Хорошо, тебе же хуже. Может, как-нибудь я увижу тебя в кампусе. И может, в следующий раз, когда я увижу тебя, в этих глазах не будет столько печали.

Я просто вежливо киваю ей и иду через толпу потных тел, пока не нахожу Трента. Он находится между двумя блондинками, которые потираются об его тело. Ухмылка на его лице становится шире, когда он видит мое приближение. Он держит свой напиток в ликующем жесте, очевидно получая удовольствие от ситуации, в которой находится. Я просто качаю головой.

— Я ухожу, мужик, — говорю я ему.

— Ну, как видишь, я немного занят в данный момент, так что встретимся позже, бро. Ты уверен, что не хочешь присоединиться? Мейси или Стейси будут более, чем счастливы, — смеется он.

Я смотрю на Стейси и Мейси, неуверенный и особо не заботящийся, кто их них кто.

— Нет, мужик, веселись. Я вернусь в комнату и завалюсь в кровать.

— Как хочешь, Джейс.

Я машу ему на прощание, когда разворачиваюсь и ухожу. Прежде чем выйти, я вижу, что Виктория вернулась к бару и болтает с каким-то парнем. Она поворачивается, подмигивает мне и слегка машет. Я машу в ответ и ухожу.

Что со мной не так?

Мне девятнадцать, я в колледже, а я даже не могу сходить в бар и хорошо провести время.

Зимние каникулы проносились с молниеносной скоростью. Я делал все, что в моих силах, чтобы избежать мест, напоминающих мне о Джесс, но это было нелегко. Я даже проезжал мимо ее дома несколько раз, на всякий случай, вдруг ее машина будет на подъездной дорожке. Удача не улыбнулась мне. Она по-прежнему в моей голове, и мне приходится прилагать большие усилия, чтобы жить настоящим, а не прошлым с ней.

Сейчас первый день весеннего семестра, и я немного нервничаю. Я еще не определился с профилирующей дисциплиной, но записался в класс по психологии, потому что, чем больше я думаю о том, что случилось с Женевьев, и как мучилась Джессика, тем больше задумываюсь о том, что могу захотеть заниматься в той области, где смогу помогать людям. Я могу получить степень социального консультанта через четыре года. Я все еще не уверен, но узнаю, понравится мне это или нет.

После посещения нескольких основных классов, таких как математика и естественные науки, я отправляюсь на «Психологию 101». Нахожу себе место и вытаскиваю тетрадь. Другие студенты заполняют помещение, и я вижу, как входит профессор. Он высокий, худой мужчина, в очках с тонкой оправой и в стереотипном свитере-безрукавке в стиле обычного профессора. Он включает интерактивную доску, и на ней возникает программа обучения. Когда все студенты рассаживаются, я вижу, как входит женщина, которая держит портфель в руке, а через плечо перекинута сумка с ноутбуком. Она выглядит знакомо, но я не могу точно понять, потому что вижу ее только в профиль. Она протягивает профессору несколько папок из своего портфеля, и они обмениваются репликами. Она выглядит так, будто является профессором или ассистентом кафедры. Может, поэтому я узнал ее. Худой профессор выходит вперед, в центр комнаты и представляет себя.

— Добрый день всем. Меня зовут профессор Эндрюс, а это мой ассистент, Виктория Уорд. Добро пожаловать на курс «Психология 101».

Виктория Уорд!

Колокольчики звенят в моей голове, когда она улыбается во время того как он представляет ее, и меня осеняет. Черт побери, это девушка из клуба, в который я ходил в прошлом семестре. Она выглядит полностью по-другому, но это точно она. На ней надеты классические брюки и рубашка на пуговицах. Ее волосы подняты в высокий хвост, а на губах блеск для губ. Она продолжает помогать профессору с тем, что он готовит для занятия, затем он передает ей

стопку бумаг, и она уходит. Мои глаза следуют за ней, когда она выходит за дверь.

Профессор объясняет программу обучения, и к тому времени как занятие заканчивается, я уже полностью перегружен информацией. После одного дня занятий, у меня домашних заданий больше, чем я мог себе представить. Я беру еду для перекуса и направляюсь в библиотеку. Через два часа я должен быть в спортзале, поэтому использую время наилучшим образом.

Наше первое задание для мистера Эндрюса — психология в истории. Я делаю раздраженный вдох и открываю тетрадь. Я глубоко погружен в свои мысли и читаю текст, когда стул рядом со мной выдвигают. Поднимаю взгляд и вижу Викторию. Наши взгляды встречаются на краткое мгновение, и я прочищаю горло, прежде чем снова опускаю взгляд в книгу. Она, скорее всего, даже не помнит меня, что к лучшему. Хотя с другой стороны, вокруг так много пустых столов, так почему она села за стол со мной?

— Привет.

Я смотрю на нее, на моем лице небольшая улыбка.

— Здравствуй, Виктория, — отвечаю я. Затем я пренебрежительно возвращаю взгляд к своей домашней работе.

— Вау. Ты помнишь мое имя. Я впечатлена. Как тебе Бэйлор? — спрашивает она, как будто не хочет, чтобы разговор прерывался.

— Хорошо, не жалуюсь.

Она садится и смотрит на меня, как я считаю, в замешательстве. Она выглядит так, как будто ожидала, что я окажу ей больше внимания, но я не делаю это.

— Ты в классе по психологии мистера Эндрюса, верно? — подталкивает она меня.

— Да, похоже на это.

Она изучает меня еще несколько секунд, переводя взгляд на мое лицо, прежде чем снова вернуться к глазам. Из-за отсутствия зрительного контакта и моего очевидного незаинтересованного отношения, кажется, что она отступает.

— И ты еще несчастен, мистер Коллинз?

Я фыркаю и одариваю ее быстрым взглядом, прежде чем снова сосредоточиться на книге.

— Я в порядке, мисс Уорд. Все хорошо.

Печальный я все еще или нет — это не имеет значения. Джесс двигается дальше, и в конечном итоге я должен сделать то же самое. К сожалению, я все еще не заинтересован начинать отношения с кем-нибудь другим.

— Ну, приятно слышать. Не хочешь позже выпить кофе? — спрашивает она с ноткой уверенности, что привлекает мое внимание. Она не боится добиваться того, чего хочет, это

точно. Она заметно старше меня, и хотя это не пугает меня, но это говорит мне, что она женщина, которая рано или поздно захочет большего. На ее ушах жемчужные серьги, а ее черный хвост перекинут через левое плечо.

Определенно женщина, которая хочет большего.

Престижная работа, роскошный дом, идеальные дети и декоративная собачка — вероятно, это все в ее списке. Я «Форд F-150», эта девушка — «Мерседес». Мы не совместимы. Хотя, возможно, она полностью совместима с моей матерью.

— Извини, но я не особо люблю кофе, — говорю я небрежно, когда, избегая ее взгляда, перелистываю страницы моей книги. Она очень старается заполучить мое внимание, пытается оставаться хладнокровной и скрытной в одно и то же время. Это не работает.

— Ну, тогда ладно. Если тебе понадобится помощь с психологией, то дай мне знать. — Она толкает обрывок бумаги по столу, затем указывает на него жестом и уходит в противоположном направлении, покачивая своей узкой задницей и бедрами с хорошими изгибами.

Они словно говорят: «Да, у тебя могло это быть, но ты чертов дурак». Насмехаясь надо мной, они исчезают из поля видимости. Я мотаю головой, чтобы стряхнуть искушение и возвращаю внимание к своей домашней работе.

Женщины злые, злые существа!

Я проверяю время и понимаю, что мне уже нужно идти в спортзал, чтобы встретиться с парнями на тренировке. Я складываю книги и номер, который дала мне Виктория, в сумку и покидаю библиотеку. Вижу Трента и какую-то девчонку, прижатую к моему грузовику, и закатываю глаза. Этот парень самый большой игрок, которого я когда-либо встречал. Я не могу поверить, что девчонки ведутся на это дерьмо. Почему у нас, хороших парней, все заканчивается так дерьмово, в то время как у парней как Трент, повсюду куча возлюбленных? Они должны знать, что его член был внутри половины женского населения колледжа. Либо они просто не заботятся об этом, либо отрицают этот факт. Когда я подхожу ближе, то вижу, что девушка, с которой он стоит, не такая уж радостная. На самом деле она выглядит взбешенной. Она маленького роста и у нее блестящие, темные волосы до плеч, она в хорошей форме, загорелая, и у нее пухлые губы. Симпатичная, не блондинка с большой грудью, как большинство девушек, которые ошиваются рядом с Трентом.

— Эй, как дела, мужик? Что происходит?

— Эй, Джей, ничего особенного, просто Бри капризничает, вот и все, — говорит он с дерьмовой ухмылкой, растянутой на его лице.

Она толкает его в грудь и возражает:

— Я капризничая. Ты придурок и потаскун. Я не собираюсь больше иметь с тобой дело! Ты понимаешь меня, Трент Бейли? Никогда больше! — кричит она, сжимает кулаки и топает своей маленькой ножкой, как будто подчеркивает свои слова. — Я не шлюха и ни одна из этих поклонниц футбольной команды. Ты нравился мне, но потом я слышу от Челли, что ты трахал ее соседку по комнате прошлой ночью. Что, черт побери, это? Я больше не играю в твои чертовы игры, — кричит она, а затем ныряет под его большую руку и уходит, на ходу выкрикивая проклятья. Я поднимаю бровь и качаю головой.

— Выглядит так, что твоя жизнь бьет ключом. Тебе нужно начать следить, с кем и в какой комнате ты проводишь время, если хочешь продолжить такой образ жизни. В противном случае, возле нашей комнаты в общежитии соберется толпа разозленных девчонок с вилами, готовая жестоко расправиться с твоей огромной тупой задницей.

— Да, да, да. Плевать, чувак. Она успокоится. На самом деле, я чувствую себя немного плохо из-за того, что она узнала. Бри нравится мне, она не глупая, не действует мне на нервы, когда я рядом с ней дольше, чем десять минут. — На мгновение я вижу вспышку сожаления на лице Трента, но это проходит так же быстро, как и появилось. — Плюс она не дала мне пройти даже вторую базу. Это оживляет, когда я думаю об этом. Я люблю вызовы. — Он смеется и кидает свою сумку в кузов моего грузовика.

— Ты отстой, мужик. Это хреново, воспринимать ее просто как дырку для секса. Ты должен попытаться узнать ее. Ты, возможно, даже насладишься компанией противоположного пола, — говорю я ему, когда мы идем к спорткомплексу.

— Я не хочу быть тобой, мужик, поэтому думаю, буду придерживаться того, что знаю. Наблюдать, как ты хандришь все это время — было удручающим дерьмом, — говорит он, пот стекает по его лбу. — Тебе девятнадцать лет, а ты как гребаный отшельник, всегда сидишь в комнате в плохом настроении. Как долго ты собираешься позволять этой цыпочке иметь над тобой полный контроль? Я не говорю, что ты должен идти и трахаться каждую неделю, но черт, разве ты не хочешь расслабиться? У тебя есть потребности, ты же знаешь, что твоя левая и правая рука не могут справляться с этим вечно.

Я сердито смотрю на него.

— Пошел ты! Я не ты, у меня есть хоть какое-то уважение к женщинам. Я не собираюсь спать с кем-то до тех пор, пока не смогу дать больше, чем это. Не хочу ничего с этим делать — есть потребности или нет. Поэтому отвали от меня. Я буду двигаться дальше, когда буду, черт побери, готов двигаться дальше.

— Ты гребаный дурак, Джей. Я надеюсь, что никогда не позволю никакой девчонке так взять меня за яйца! Ни одна киска не может быть настолько хороша, чувак. — Трент пожимает плечами, и я закатываю глаза.

— Как скажешь, мужик. Ты просто не понимаешь этого.

Хоть я бы и хотел, чтобы это было не так, я все еще люблю ее. Я ненавижу это, и с каждым прошедшим днем это не исчезает. У меня есть ощущение, что я никогда не перестану скучать по ней. Надеюсь, скоро проснусь и пойму, что многие люди могут остаться в твоём сердце, но не в твоей жизни.

В последнее время командные тренировки не были слишком тяжелыми, но эта была жесткой, и я весь в поту. Трент остался, чтобы еще позаниматься, но я отказался. Я истощен. Вытираю пот со своего лба и иду по парковке. Я поднимаю взгляд и вижу, что, прислонившись к моему грузовику, стоит Виктория, ее руки в карманах коротких джинсовых шорт. На ней надета футболка университета Бэйлор и очки-авиаторы. Она расслаблена, ее лодыжки скрещены, и она смотрит на меня с кокетливой ухмылкой на лице. Что с этой девушкой? Каждый раз, когда я вижу ее, она выглядит по-разному. В клубе она была горячеей и источала сексуальные

флюиды, ассистент кафедры Виктория — умная и ведет себя как профессионал, в библиотеке она была холодной и сдержанной. Девушка, небрежно прислонившаяся к моему Форду, милая и беззаботная. Она выглядит как девочка, а не как взрослая женщина.

— Выглядишь так, будто у тебя была изнурительная тренировка сегодня, — мурлычет она.

Я прохожу мимо нее и бросаю сумку в кузов грузовика. Когда я прохожу, запах ее парфюма просачивается через мой не-так-хорошо-выстроенный-барьер. Она хорошо пахнет, слишком хорошо. Эта девушка собирается свести меня с ума, я уже чувствую это. Она не понимает намеков, и почему она должна так хорошо пахнуть?

Дерьмо!

— Они всегда очень изнурительные, но мне нравится это. Что я могу сделать для тебя? Кажется, будто ты преследуешь меня.

— Никаких преследований просто упорство, — насмехается она, и уголок моего рта слегка приподнимается. Она поджимает свои сверкающие губы, а затем кусает нижнюю. Да, на этой девушке так и светится табличка «опасность». Большие, желтые предупреждающие огни мигают вокруг ее подтянутого стройного тела, мои глаза, как у похотливого подростка, не могут перестать осматривать ее.

Не делай этого, Джейс, просто уходи.

— Какая-то девушка серьезно заняла твою голову, ха?

Я хотел вытянуть руку и открыть дверь, но она прислонилась к ней своей задницей. Ни в коем случае я не вытяну свою руку рядом с ней. Поэтому просто стою и пытаюсь понять эту девушку.

— Да, что-то вроде того, — говорю я, шаркая по гравию ногой, когда смотрю в землю.

— Ну, как долго ты планируешь позволять ей делать тебя несчастным? Просто, чтобы я знала сроки.

Я поднимаю взгляд на нее и замечаю, как солнце отражается от ее кожи, как легкий ветерок развеивает ее блестящие, черные волосы. Кожа на ее шее кремово-белая и гладкая, и первый раз за долгое время, я чувствую, что в моих штанах что-то дергается.

Я должен уходить к чертям собачьим от этой девушки, как вчера.

— Тебе нужны сроки, зачем? — спрашиваю я, когда вытаскиваю ключи. Я нажимаю кнопку автоматической разблокировки двери, прежде чем она отвечает, надеясь, что это станет для нее подсказкой, отодвинуть свою задницу от моей двери.

— Ох, просто мне нужно иметь общее представление, когда ты пригласишь меня на свидание. Чтобы я была полностью готова.

Я поднимаю бровь на ее самоуверенность. Она дарит мне милую, дерзкую улыбку, и я качаю головой, улыбаясь в ответ, немного посмеиваясь. Она определенно заслуживает уважения за свою самоуверенность. Это сексуально. Она уверенная, но не ведет себя как сука. Не как Лиз. Лиз была сукой, потому что была закомплексованной, я всегда знал это о ней. Мистер Брант обращался с ней как с дрессированным пуделем, всегда оскорбляя ее, говоря, что она

недостаточно хороша, что ей нужно быть идеальной. Поэтому Лиз создала этот образ, чтобы закрываться от комплексов, которые ощущала от обстановки дома. В школе она хотела быть королевой, к сожалению, она вела себя совсем неправильно. Виктория казалась искренне уверенной в себе.

— Ты очень самоуверенная, не так ли, мисс Уорд? Кто сказал, что я собираюсь звать тебя на свидание? Ты наш ассистент кафедры, я уверен, что к этому отнесутся с неодобрением. Разве ты не должна отшивать младшекурсников и старшекурсников?

Она наклоняется вперед.

— Я не всегда буду твоим ассистентом кафедры, — шепчет она. Я ощущаю ее дыхание на своей коже, и должен быть мертвым, чтобы не реагировать на ее близость и обещание в ее словах. Слава богу, она снова выпрямляется, давая мне пространство, чтобы дышать. — К тому же, я не отношу тебя к парням, которые боятся женщин постарше, мистер Коллинз. Но, может, я ошибаюсь в своих предположениях о тебе. — Она отталкивается от моего грузовика и опускает свои очки немного вниз, смотря на меня глазами цвета шоколада. Я моргаю несколько раз, чтобы вернуться в реальность.

— У тебя есть мой номер. Когда перестанешьлизывать свои раны, позвони мне. Ты можешь кое-чему научиться от женщины постарше. И кто знает? Может, ты даже насладишься обучением, — говорит она насмешливо. Затем, не оглядываясь, она идет по парковке. Я провожу рукой по лицу, затем прислоняюсь к грузовику и смотрю на небо.

Черт!

17 глава

«Единственное невозможное путешествие то, которое ты не начал».

Тони Роббинс

Джессика

После немного оскорбительного комментария Виктории, я ответила ей тем же. Я больше не в школе, и какой-то высокообразованной, задиристой докторше не позволено меня унижать. Спустя шесть лет я готова сразиться с этой буйной сукой, и мне не стыдно за это. Шесть лет выстраивания обороны, эмоциональных стен, которые штурмом не возьмет даже эта докторша. Внутри я чувствовала себя отвратительно, когда стояла в ее кабинете, украшенном ее престижными достижениями, но она никогда не узнает мои чувства. Никогда! Мои слова были эмоциональны и импульсивны, но так я поставила ее на место. Не самый тактичный способ, но, опять же, тактичность не была моим коньком. Мой последний начальник сказал, что мне нужен фильтр на рот, и я тактично попросила его отвалить. Это был мой последний день на той работе. Мой гневный механизм защиты всегда проявлял себя. Каждый раз, когда кто-то пытается наброситься на меня или причинить боль, я отвечаю соответственно — слишком бурно реагирую.

Белое и черное — никаких полутонов серого между ними.

В одно мгновение я могла закипеть. Мужчина, с которым я встречалась, и который не был моим парнем, говорит, что я эмоционально нестабильна. Я не могу не согласиться с Донни. Сдерживать свои эмоции на групповой терапии будет настоящим испытанием.

Я захожу в зал для групповой терапии и думаю лишь о том, как плохо все закончится, если кто-нибудь скажет мне что-то не то. Я могу уйти отсюда прежде, чем что-нибудь будет сделано или сказано. Весь этот процесс пугает и уstraшает. В центре комнаты полукругом расположены стулья, а один стул стоит напротив остальных. С краю стоит стол с водой, кофе и миской с фруктами. В комнате уже сидят несколько человек, и, очевидно, они друг друга знают, так как о чем-то болтают. Входят еще несколько человек, а я иду взять бутылку воды. Во рту, словно в пустыне, и я чувствую нервозность, пытающуюся поселиться в моем теле.

— Привет. Ты, должно быть, новенькая, — говорит чей-то голос. Я поворачиваюсь и вижу миниатюрную девушку со светлыми волосами длиной до плеч, кончики которых окрашены в черный цвет. Она одета в крошечную мини-юбку и белый топ. На ней больше браслетов и ожерелий, чем в моей коробке с украшениями. В ее веснушчатом носу сверкает алмазный пирсинг, а в ухе небольшой черный тоннель.

Зашибись. Я в панковой готичной группе.

— Да, сегодня мой первый день, — отвечаю я без энтузиазма.

— Ну, а я Мерседес. И я здесь не первый день. Вообще-то двести шестьдесят седьмой, но кто их считает?

Я таращусь на нее, пытаюсь понять, какого хрена она здесь делает так долго и почему.

— Вау. Эм... достаточно долго. Паршивенько.

Она беззастенчиво улыбается и говорит:

— Нет, не совсем. То есть, да, поначалу я ненавидела это, сопротивлялась на каждом шагу, но затем встретила людей, которые приняли меня и поняли, откуда я пришла. Никто из группы не ведется на ту чушь, которую я могу впихнуть окружающим в своей жизни. Мисс Робин и другие в этой группе никогда не отворачивались от меня, не бросали или отказывали, как остальные. Поэтому я продолжаю ходить. — Она пожимает плечами, затем поворачивается, чтобы налить кофе в большой стакан. — К тому же здесь бесплатный кофе.

Я удивлена ее открытостью, и это немного расслабляет мои нервы. Может, я не буду казаться здесь таким уродом.

— Меня зовут Джессика. И буду честна, я здесь не по собственной воле, и совсем не рада по этому поводу. Но, тем не менее, я здесь, — вздыхаю я.

— Клево. У всех всегда такие ощущения. Так что у тебя? Переедание, очищаешь желудок, трахаешься, голодаешь, режешь, тратишь деньги или все вместе? — боже, она говорит об этом, словно выбирает между кофе с кофеином или без. Она так просто спрашивает настолько интимные вопросы, словно в этом нет ничего страшного. Должна признать, я очень удивлена. Я поднимаю обе брови, но отвожу глаза, бесцельно покручивая крышку бутылки. — Оу, да

ладно! Это группа, наносящих повреждения самим себе. Если ты здесь, то мы все знаем почему. Здесь это не секрет, как для остальных в наших жизнях. Так что говори. — Черт, эта девчонка не промах. Беспощадная.

— Порезы, — тихо произношу я.

— Видишь, и совсем не сложно, да? Теперь, пошли, я представлю тебя остальным психам, — шутит она. Я хмурюсь от ее не-такого-уж-и-смешного замечания, и она хватает меня за руку. — Не будь такой недотрогой. Мы все немного чокнутые! Если все, так называемые, нормальные люди пришли бы сюда и выложили все свои скелеты из шкафов, я тебя уверяю, ты бы поняла, что они тоже немного сумасшедшие! Во всяком случае, мы можем шутить и откровенно говорить об этом.

Я не отвечаю, но должна признать, что в своей дерзкой причудливой манере, она была офигенно права. Большинство людей способно весьма успешно скрывать уродство в своей жизни. Я столько времени пыталась спрятать свои, но с треском провалилась.словно я писала белым карандашом по белой бумаге всю свою жизнь. Никаких результатов, ничего, чем я могла бы доказать свои усилия. Мы подходим к своим местам, и она представляет меня некоторым членам группы.

— Джессика, это Эйми и Крис. Дамы, это Джессика. Сегодня у нее первый день, и она немного в панике, так что простите ее. — Обе девушки смотрят на меня и искренне улыбаются.

Девушка с темно-рыжими волосами вынимает наушники и протягивает мне руку.

— Приятно познакомиться, Джессика! Я Крис. Первый день всегда самый тяжелый, но потом будет легче. Обещаю. — Она опять вставляет наушник в одно ухо и расслабляется на ближайшем стуле.

— Я Эйми, — говорит миниатюрная девушка, заправляя прядь огненно красных волос за ухо. — На самом деле все не так плохо. Просто попытайся. — Она снова улыбается, и я чувствую от ее слов тепло и утешение.

— Давай, ты можешь посидеть с нами. Робин скоро придет, — говорит Мерседес и указывает на стулья.

Я сажусь между Крис, которая погружена в свою читалку, пока слушает музыку, и Мерседес, которая достает исписанный блокнот из сумки.

— Мисс Робин всегда дает домашнее задание, к тому же она подбирает цитату к каждому сеансу или что-то типа того. Я цитатоголик и все их записываю.

Я ничего не взяла с собой, кроме сумочки, и в ней я обычно не ношу блокнот. Думаю, что сегодня буду лишь слушать. Еще несколько человек садятся в полукруг, и хоть я и не знаю, но чувствую, что они все смотрят на меня. Невысокая, женщина средних лет входит в комнату, держа в руках мольберт, несколько папок и блокнот. За ее левым ухом торчит ручка, а на носу очки в красной оправе. От нее веет спокойствием, которое заполняет комнату. Она располагает свои вещи на полу рядом со стулом по центру, устанавливает мольберт и ставит на него белую доску. Достает маркер из кармана и пишет на белой доске: «Ошибка не считается ошибкой, пока ты не отказываешься исправлять ее!» Мои глаза скользят по словам еще раз, и я пытаюсь понять, какое отношение они имеют к моей жизни.

— Добрый день, всем. Надеюсь у вас все хорошо. Мы начнем через несколько минут,

пожалуйста, присаживайтесь.

Краем глаза я замечаю высокого парня и немного поворачиваю голову на бок, чтобы лучше рассмотреть его. Выцветшие джинсы с низкой посадкой, болтающиеся у него не бедрах, и серая растянутая рубашка на широкой груди. На нем черные ботинки ДокМартинсы и черная шапочка на голове. Несколько каштановых прядей торчат из-под нее, ниспадая на его густые брови. Светлые веснушки рассыпаны по носу и его невероятно сильной челюсти, которая сжата так сильно, будто он напряжен.

Внезапно, его темно-голубые глаза поворачиваются ко мне. Очень недовольное выражение появляется на его идеальном загорелом лице, и я быстро отвожу взгляд, останавливая его на коленях. Я нервно заправляю выбившуюся прядь за ухо и думаю, какого черта он так посмотрел на меня. Словно в прошлой жизни я его взбесила. Он мне совсем не знаком, но смотрел так, будто знал меня, и это знакомство не было радостным. Это был взгляд презрения.

Я пытаюсь сосредоточиться на чем-нибудь другом. Слышу скрежет ножек стула, и он садится слева от меня. Я чувствую, как он прожигает меня взглядом, и использую всю свою выдержку и силу, чтобы не повернуться к нему. Держа голову опущенной, я перевожу взгляд в сторону, чтобы убедиться, что я не параноик. Нет, не параноик. Он смотрит прямо на меня, вытянув свои длинные ноги и скрестив их в лодыжках, повторяя скрещенные руки на его груди. Его выражение жестокое, и губы сжаты в твердую линию.

— Это Кингсли Аррингтон. Он почти новичок, — говорит Мерседес, по-видимому, чтобы разбить странное напряжение в воздухе. — Он пришел где-то месяц назад, но до сих пор не участвовал ни в одной из наших дискуссий. Он не произнес ни одного слова. Только сидит вон там, весь такой загадочно задумчивый и хмурый, затем встает и уходит.

— Оу, я даже и не заметила его, — вру я.

— Конечно, нет. Подруга, может, я и предпочитаю девушек, но не слепая, когда вижу привлекательного мужчину. И, очевидно, ты тоже. — Я смотрю на нее, удивляясь ее комментарию, и она смеется. — Пожалуйста, не говори мне, что я твоя первая знакомая лесбиянка. Ты посмотрела на меня так, будто у меня рога выросли на голове.

— О боже, нет! То есть, ну, да, первая, но я не хотела так смотреть на тебя. У меня никогда не было друзей-женщин — никогда, ни лесбиянок, ни натуралок. И ты не похожа на лесбиянку, — она смеется немного громче.

— И как по-твоему выглядят геи? — спрашивает она, откидываясь на спинку и поднимая бровь.

— Эм, не знаю. Думаю, я представляла, что лесбиянки более мужественны. Как-то так, а на тебе больше косметики и украшений сегодня, чем у меня вообще есть.

— Клише.

— Прости, я...

— Нет, правда, все круто. К слову, ты не в моем вкусе, так что не переживай, что я буду тебя клеить. Расслабься. Я просто девушка, как и ты — только у меня девушка вместо парня, — говорит она, не беспокоясь о моей реакции.

Слава Богу. Я ничего не имею против нее, или того, что у нее есть девушка. Я только удивлена, и все. Она очень милая и относится ко мне, как к нормальной. Она смешная и совершенно без

предрассудков — ничего из того, что я видела в других людях на своем жизненном пути.

Кроме Джейса.

Я вытряхиваю его имя из своих мыслей и сосредотачиваюсь на помещении. Я все еще ощущаю взгляд Кингсли на мне и хочу повернуться к нему и закричать: «Что?», но не могу этого сделать. Я понятия не имею, что именно со мной не так, и это начинает раздражать.

— Ладно, народ, давайте начнем. У нас сегодня несколько новеньких, которых я хотела бы представить, а остальных хочу поблагодарить за то, что продолжаете ходить. Мы сегодня поговорим об импульсивности — что ее вызывает и как она приводит к ошибкам в суждениях.

Я делаю глубокий вдох и немного потираю кончик носа. Это будет совсем не просто для меня. Разговоры перед незнакомцами меня совсем не привлекают. Я терзаю бутылку с водой и разрываю этикетку на тонкие полоски.

Мерседес наклоняется и шепчет:

— Не нервничай. Ты не обязана говорить, если не хочешь. Только ты решаешь, поделиться или нет. — Я расслабляюсь в кресле и думаю, что ее слова самые милые за сегодняшний день.

Слава Богу!

— Крис, я была бы признательна, если бы ты убрала свои наушники, — говорит мисс Робин, обаятельно улыбаясь. Крис быстро их вытаскивает и запикивает вместе с читалкой в сумку.

— Извините, мисс Робин.

— Ладно, кто мне может сказать, что для него значит слово импульсивность? — спрашивает мисс Робинсон, выжидающе оглядывая комнату. Я делаю все, что могу, чтобы избежать с ней зрительного контакта. Я не хочу отвечать на вопрос.

Мерседес двигается рядом со мной и кричит:

— Я могу, мисс Робин. — Я опускаюсь ниже на своем стуле, когда все глаза устремляются в нашем направлении.

— Хорошо. Спасибо, Мерседес. Продолжай, дорогая.

— Для меня импульсивность — это магнит, который тянет нас в направлении, в которое мы бы сами никогда не отправились. Понимаете, как для меня, я вижу ведро мороженого в морозилке и знаю, что не должна брать его и есть целиком только потому, что у меня был плохой день или Лейла взбесила меня, но какая-то сила толкает меня сделать это. После этого я злюсь и бегу в ванную, засовываю пальцы в рот, чтобы вызвать рвоту. Я думаю, что это чувствуется рефлексивно.

— Великолепно, спасибо тебе большое, Мерседес. Кто-нибудь еще хочет поделиться? Как насчет тебя, Кингсли? Ты бы хотел поделиться на этой неделе? — мои глаза мгновенно следуют в его направлении, и я проклинаяю их за то, что они такие предатели.

— Нет, — говорит он бесстрастно, пока не наклоняет голову в сторону и смотрит на меня. Презрение возвращается, и я уже начинаю комплексовать. Я выгляжу сегодня ужасно или что-то подобное? У меня огромный прыщ на лице, о котором я не знаю? Что? Я понятия не имею,

почему этот придурок так смотрит на меня.

— Ладно, Кингсли. Простой знай, что ты можешь безопасно говорить здесь в любое время. — Он кивает и возвращается к своим раздумьям.

На удивление час пролетает очень быстро, и мисс Робин уже собирает вещи.

— Ладно. Я бы хотела поблагодарить всех вас за участие в нашем сегодняшнем обсуждении. Ваше домашнее задание — описать время, когда в течение следующей недели вы будете чувствовать себя импульсивными. Написать, почему вы себя так чувствуете и затем попытаться использовать некоторые навыки преодоления стресса, которые мы изучили сегодня. Помните, метод саморелаксации, отвлечения, извлечения выгоды и думайте о плюсах и минусах выбора, с которым вы столкнулись. Запишите, считаете ли вы успешным или нет использование этих методов. Мы обсудим возможные проблемы на следующем занятии. — Я вытаскиваю свой телефон, открываю заметки и записываю домашнее задание. Если я буду записывать каждый раз, когда буду чувствовать себя импульсивной, то мне понадобится большая тетрадь.

— Видишь, не так плохо, а? — говорит Мерседес.

Я киваю.

— Нет, не так плохо, я полагаю.

— Ладно, тогда увидимся на следующей группе?

— Да, я буду здесь как штык, — саркастично замечаю я. Она смеется и сует мне листок бумаги.

— Вот мой номер. Звони в любое время. Нам всем нужна система поддержки, иногда друг — это все что нужно, чтобы преодолеть трудный участок пути. — Улыбается она.

Друг.

Единственный друг, который у меня был — Джейс и это все обернулось полнейшей катастрофой. Мне нравится Мерседес, но иметь друга — это непривычно для меня.

— Конечно, — киваю я. — И спасибо, Мерседес, спасибо за то, что ты такая классная. — Она улыбается и выходит из комнаты, немного подпрыгивая. Я беру свою сумочку. Боковым зрением вижу, что кто-то заходит через дверь, и инстинктивно поднимаю голову.

Джейс.

Конечно, это Джейс. Он в черных брюках и светло-голубой рубашке, которая идеально подчеркивает его голубые глаза. Мое горло сжимается, как будто меня кто-то душит, и я стискиваю челюсть. Его глаза прикованы ко мне, а я вожусь со своей пустой бутылкой воды и обрываю этикетку с нее, мысленно проклиная себя, что мусорю, потому что теперь мне понадобится время, чтобы все убрать, вместо того, чтобы бежать отсюда. Схватив пригоршню маленьких обрывков, я встаю, и наши взгляды встречаются.

Боже, он все еще такой красивый.

Он засовывает руки в карманы, когда приближается ко мне. Затем, прежде чем он что-нибудь говорит, мимо нас проходит Кингсли, повернув голову и смотря в моем направлении. Я моргаю и кусаю нижнюю губу, чувствуя себя так, будто я попала в стрессовую ситуацию, наполненную горячими парнями и тревогой. Небольшой обмен взглядами не скрылся от Джейса. Он поднимает бровь и поворачивается в направлении Кингсли.

— Ты знаешь его? — спрашивает он.

Это что, ревность у него на лице?

У него есть гребаная невеста, и он задает мне такие вопросы. Что за мудака! Сексуальный мудака, но все же мудака. Он бесит меня своей самодовольной позой и тоном, этой небольшой усмешкой, приподнятым краешком губы и этой любимой зубочисткой — этот образ возвращается, чтобы преследовать меня. Как хорошо. Боже.

— Знаю я его или нет — это совершенно не твое дело, не так ли? — сарказм срывается с моего языка, но он просто улыбается в ответ.

— Нет, я так полагаю, — он поднимает руку, почесывая голову. Кажется, что он не знает, что сказать, но стоит здесь, загораживая мне дорогу.

— Чего ты хочешь, Джейс? Разве ты не должен выбирать салфетки для свадьбы или что-то подобное со своим хорошим доктором?

Сука.

Я такая сука. Он вздрагивает от моих слов и вздыхает.

— Почему ты вернулась сюда? Я сказал тебе найти новую клинику. Я также знаю, что ты ходила к Виктории. Ты вызвала настоящий переполох, Джессика.

Я? Я вызвала настоящий переполох? Он серьезно? Он тот, кто украл мой файл!

Я наклоняюсь ближе, так что мой голос не может быть услышан никем, кроме него, и смотрю ему в глаза. Аромат его одеколona захватывает мое внимание, заставляя меня замереть на мгновение, прежде чем я начинаю говорить:

— Послушай меня, — я говорю, используя свой самый низкий, наиболее опасный голос. — Ты взял мой файл из ее кабинета. Ты тот, кто вызвал переполох, не я. Я могу обеспечить вам обоим серьезные проблемы, если захочу, но я не собираюсь причинять тебе боль, Джейс. — Я делаю глубокий вдох и выпрямляюсь. — Джейс, оставь меня в покое. Женись на своей докторше и, черт побери, оставь меня в покое. Я не могу бросить эти групповые занятия, иначе у меня будут проблемы с судом. Я поищу новую клинику сегодня. Просто оставь меня в покое, ладно? — каждое слово, словно лезвие, режет мое сердце, и боль от этих слов заставляет мое горло гореть.

— Ты не имеешь это в виду, и ты знаешь это, — шепчет он яростно, и его интенсивность слишком давит. — Я не куплюсь на твое шоу, Джесс. Я. Вижу. Тебя. Всегда видел и буду это делать. Не имеет значения, как сильно ты пытаешься прятаться внутри себя, я всегда буду видеть тебя. У тебя могут быть возведены стены, но я вижу сквозь них, — заканчивает он. Затем разворачивается и уходит.

Моя грудь поднимается и опускается в быстром темпе, когда я пытаюсь успокоить свое

дыхание. Перекидываю сумку через плечо и прохожу через дверь на выход, затаив дыхание. Я не должна позволять Джейсу Коллинзу так сильно влиять на меня. Он как наркотик, каждый раз, когда я рядом с ним, я будто непроизвольно пьянею. Я такая жалкая.

Я подхожу к парковке и вижу большой Харли Дэвидсон, стоящий в стороне от всех других, с Кингсли оседлавшим его.

Великолепно.

Он ждал, что я приду? Он собирается похитить меня и начать резать на мелкие кусочки? Какого черта? Я поворачиваюсь в противоположном направлении, в сторону моей автобусной остановки. Затем внезапно слышу шаги по гравию позади себя. Я ускоряю темп, и мое сердце стучит быстрее. Затем я резко останавливаюсь. Я не позволю ему пугать меня. Мысль об издевательствах в старшей школе заполняет мой разум, и гнев струится по моим венам. Я разворачиваюсь и встаю лицом к нему.

— Что с тобой? Какого черта ты преследуешь меня и что, черт побери, я вообще сделала тебе? Почему ты провел последний час, смотря на меня, как будто я грязь на подошве твоего ботинка? — в спешке выпаливаю я, практически задыхаясь к тому времени как заканчиваю свою тираду. Он хмурится и снимает свою шапочку. Он проводит рукой по своим растрепанным волосам, когда его глаза мечутся между землей и мной.

— Извини. — У него самый сексуальный и хриплый голос, который я когда-либо слышала у парня. Он ходячий секс.

— Лаааадно. Спасибо за извинение, и прости, что сказала это, но ты испугал меня там и испугал здесь, — говорю я, когда оборонительно скрещиваю руки на груди.

— Ты просто напоминаешь мне кое-кого вот и все. Это своего рода приводит меня в замешательство, понимаешь? Я не хотел взбесить тебя, — говорит он недружелюбно. Хотя его голос и грубоват, но его поза говорит, что он извиняется, и его глаза тоже, хотя он не встречается со мной взглядом, но эти глаза отражают истину. — Просто... — начинает он, и я признаю это, я заинтригована его словами, мне любопытно, что он собирается сказать. — Знаешь что? Неважно. Я просто хотел извиниться и на этом все. — Он снова смотрит на меня, и я вижу что-то другое, вместо презрения в его глазах. Я вижу печаль, боль, что так знакома мне.

— Все в порядке. Уже забыла, — говорю я. Чего я не говорю так это то, что, несмотря на то, что я понятия не имею, что мучает его — я знаю. Я понимаю. Чувствую.

Он просто кивает и натягивает шапочку на голову. Я смотрю, как он идет к своему байку, надевает шлем, садится на него, затем смотрит в моем направлении еще раз, прежде чем заводит его и уезжает. Я чувствую, что в этом парне есть намного больше, чем кажется на первый взгляд.

Кто такой Кингсли Аррингтон?

И кого я напоминаю ему?

18 глава

«Единственный верный способ любить — это понимать, что можешь это потерять».

— Гилберт Честертон

Джейс

Я сижу за столом и бесцельно пролистываю бумаги. Я потерялся в мыслях, думая о Джесс. Знаю, что в любую минуту может войти Виктория с вопросами, на которые я должен дать ответы.

Я никогда не рассказывал ее о Джесс все в деталях. Всегда держал все в себе. Виктория знает, что я пережил тяжелое расставание, но когда она начинала расспрашивать, я менял тему разговора.

Однажды, год назад, когда она осталась у меня ночевать, она взяла футболку из комода. Это была синяя футболка с надписью «Музыка делает меня похотливым», которую дала мне Джесс.

— Ты не можешь ее носить, — сказал я ей.

Она посмотрела на футболку и рассмеялась.

— Эмм, почему? Она забавная, и теперь, когда я знаю немного ценной информации о тебе, каждый раз находясь рядом с тобой, я удостоверюсь, что играет музыка.

— Сними футболку, Вик, — сказал я, чеканя слова.

— Хорошо, успокойся. Все равно это ребячество, — сказала она, очевидно раздраженная, и сняла ее.

Позже она спросила у меня, в чем моя проблема, и я сказал, что совершенно не хочу это обсуждать. Я все еще не хочу разговаривать об этом, но теперь это неизбежно.

Поэтому я сижу здесь и просто жду.

Дверная ручка начинает поворачиваться, и я подбадриваю себя. Виктория входит в кабинет, и я замечаю ярость на ее лице.

— Нам нужно поговорить. Я отменила все свои встречи на сегодня, — она садится в кресло напротив моего стола и закидывает ногу на ногу. — Кто такая Джессика Александр? И откуда она знает, что у нас свадьба через четыре недели? — я откидываюсь на спинку кресла, сцепляю руки на затылке и смотрю в потолок.

— Ну, выкладывай, Джейс, — рывкает она. — Объясни, пожалуйста, почему мой пациент утром пришел в мой кабинет с личным делом в руках — и по ее словам я должна спросить об этом тебя. Она также утверждает, что вчера ты был у нее в квартире. Поэтому ты не пришел? Ты соврал о том, где ты был, когда я тебе звонила? — ее голос повышается, и, хотя Виктория никогда не впадает в истерики, сейчас она как никогда близка к ней. — Пожалуйста, скажи мне, что эта ненормальная шлюха, не та девушка из твоего прошлого, по которой ты так страдал. — Ее голос звучит снисходительно и покровительственно.

Я кладу руки на стол и наклоняюсь вперед, разозленный. За последние пару дней я совершил много неправильных поступков — взял файл, соврал Виктории, поцеловал Джесс прошлой

ночью, несмотря на то, что помолвлен — и во всем виноват я. Будь я проклят, если продолжу молча сидеть и позволю ей говорить так о Джессике. Я смотрю на нее, сидящую передо мной, и ничего не могу поделать с собой, но в ее позе вижу Элизабет, слышу Элизабет в ее осуждающих словах, которые пропитаны превосходством. Как она может говорить нечто подобное и работать по этой специальности? Я знаю, что этот случай особенный, но я никогда не слышал, чтобы она говорила о своих пациентах с таким отвращением в голосе.

— Не нужно, Вик, — предупреждаю я.

— Не нужно, что? Не спрашивать своего жениха, где он был прошлой ночью? Не спрашивать, почему какая-то психически неуравновешенная шлюха утверждает, что ты не хочешь жениться на мне? Не нужно что, Джейс? — говорит она, и ее голос снова поднимается.

— Она так сказала? — спрашиваю я, сосредотачиваясь на том, что еще могла ей сказать Джесс. Я прав. Джесс не все равно. Вик смотрит на меня, и я замечаю, что она кипит. Я вздыхаю и решаю, что настало время выложить все карты на стол. В любом случае я ужасный врун, и в довершении ко всему, она заслуживает знать правду.

— Да, она та самая девушка. Но, несмотря на твое мнение, сложившееся после того как ты провела с ней несколько часов, она не так, кем ты ее считаешь, — говорю я, перебивая ее прежде, чем она успевает возразить. — И тебе должно быть стыдно за то, что ты так говоришь о своем пациенте. Ты ведешь себя так, словно ты лучше ее, сильнее ее, но Вик, сильные люди не унижают окружающих. Они им помогают. — Я холоден, все еще в ярости за то, что она оскорбила Джесс.

Она фыркает и откидывается на спинку кресла.

— Ну, спасибо за твое медицинское заключение, доктор Коллинз. Я вынесу его на консилиум. Оу, точно, ты же не доктор, — снисходительно говорит она. — Ты мне говоришь, чтобы я постыдилась, но это ты прошлой ночью был в квартире у другой женщины! Думаю, это тебе нужно постыдиться. Или ты хочешь мне сказать, что не был у нее?

— Нет, я этого не скажу, потому что это будет ложью, я там был, — признаюсь я. Я чувствую себя ужасно за то, что признался, но должен быть с нею честен. — Когда ты попросила меня взять твои ключи, я увидел ее имя на папке и взял ее. Я придумал причину не оставаться у тебя и поехал к ней. Я оступился, взяв папку, и был не прав, когда солгал тебе, но у меня не было выбора. Я должен был увидеть ее. Ты просто не понимаешь, Вик, да и не поймешь.

— Ты спал с ней? Ты мне изменил? — спрашивает она, прищурившись и немного выпрямившись в кресле.

— И нет, и да. — Ее глаза горят, пока она смотрит на меня, а рот открыт от изумления, но я продолжаю: — Нет, я не спал с ней, но это почти произошло. Это бы случилось, если бы она меня не остановила. — Может, и не стоило добавлять последнюю часть, я заметил, как она расстроилась, но и не мог сейчас отрицать мои чувства к Джесс, после того как она вернулась в мою жизнь.

Она резко встает, ее взгляд холоден и жесток.

— Я больше не могу сидеть и все это выслушивать. К твоему сведению, я не потеряю лицензию или свой бизнес только потому, что ты взял этот файл, и у тебя сорвало крышу. Тебе нужно собраться сейчас же, Джейс Коллинз. Ты взрослый мужчина. Ты больше не в школе, и она не твоя возлюбленная.

Она направляется к двери, затем разворачивается, посылая взглядом в меня крошечные кинжалы.

— Она ушла от тебя, двигайся дальше, уйди и покончи со всем этим. Покончи с ней. Я не для того проводила бесчисленные часы за свадебными приготовлениями и рассылала приглашения, чтобы какая-то раздражительная, психически нездоровая девушка из твоего прошлого все испортила. Ты больше не влюблен в нее. Ты любишь меня! Ты со мной, и что бы это ни было, ты должен устранить это. Мое будущее не испортит какая-то твоя старая школьная любовь.

Я сморю в ярости на нее и рычу:

— Не говори о ней так.

— Прочему, Джейс? Так тяжело слышать правду? Она ушла от тебя. Девушка психически больна. И она та еще сука. Даже не понимаю, что ты в ней нашел. Она даже не симпатичная. Разберись с этим, Джейс, и верни голову на плечи, потому что эта свадьба состоится, — говорит она. Затем вылетает из кабинета.

Я запираю свой кабинет и направляюсь к машине. Виктория так и не пришла ко мне. У меня три пропущенных звонка от мамы, но я ей не перезваниваю. Она очень близка с Викторией, поэтому уверен, что они уже поговорили, но я ее знаю и сейчас просто не готов к третьему раунду. Ей никогда не нравилась Джесс, и я уверен, что она не будет рада этому повороту событий.

Я сажусь в машину, обдумывая, что же делать. Самое ужасное, что я не чувствую себя виноватым за то, что признался Викторией. Мне совестно за то, что я не чувствую вины. Увидев Джесс прошлой ночью, во мне щелкнул некий старый переключатель, и я не уверен, смогу ли его выключить. Не уверен, хочу ли я его выключать.

Я достаю свой телефон и набираю номер. С каждым гудком сердце начинает биться немного быстрее, и я практически решаю повесить трубку.

Она отвечает.

— Почему ты мне звонишь, Джейс?

Я вздыхаю.

— Могу я тебя увидеть? — спрашиваю я. Не знаю, на что я надеюсь, или чего хочу вообще. Лишь знаю, что снова хочу ее увидеть.

— Почему? Нам больше не о чем разговаривать. Ты...

Я прерываю ее, не желая выслушивать это снова.

— Хватит о том, что я собираюсь жениться. Я помолвлен, но это случилось до того, как я снова тебя нашел, и я еще не женат. Ну, так могу я тебя увидеть или нет?

— Ты поговорил со своим хорошим доктором? Она не против того, что ты встречаешься со

мной? — дразнит она.

— Прекрати этот детский сад, Джесс, — требую я. Она ехидничает, и мне это не нравится. Это не та Джесс, которую я знал.

— Вау, отличный способ убедить меня встретиться с тобой, — отвечает она. Я хочу сказать, что она мне должна, что она должна понять, как сильно я страдал все эти годы без нее, но не буду. Я так сильно скучаю по ней, что не рискую повесить трубку.

— Джесс, пожалуйста, прекрати вести себя как сука, перестань отгораживаться и поговори со мной. Тебе не нужно себя так вести со мной. Ты дома?

— Джейс, просто...

— Да или нет, Джесс?

— Да, я дома, но...

— Буду через двадцать минут.

Я стою перед ее дверью, в руках две ванильные колы. Раньше она любила ванильную колу от «Дэйри Куин», пила ее литрами. Я жму на дверной звонок и задерживаю дыхание. Несколько секунд спустя, которые ощущаются бесконечными минутами, дверь открывается. Джесс стоит в мешковатых серых спортивных штанах и в зеленой футболке с надписью «Я думаю, а значит между нами нет ничего общего». Ее длинные блестящие черные волосы струятся по ее плечам.

Она прекрасна.

Я смеюсь над ее футболкой.

— Некоторые вещи никогда не меняются. Ты ее специально для меня надела? — я протягиваю ей огромный стакан с напитком, словно это жест примирения. Она смотрит на напиток, а затем на меня. Крошечный намек на улыбку появляется на ее губах, и понимаю что, заполучил ее.

— Это ванильная кола? — спрашивает она.

— И ничего другого.

— Хорошо, ладно, ты можешь войти, но только потому, что ты принес ванильную колу, — отвечает она, открывая дверь для меня. Я вхожу и ощущаю аромат, тянущийся из кухни.

— Пахнет хорошо. Ты готовишь? — она выпускает огромный смешок и говорит: — Конечно, нет! Это китайская кухня на вынос. Я не готовлю, никогда, и поверь мне, ты не захочешь ничего съесть из того, что я попытаюсь приготовить. Я ужасна в этом.

— Я сомневаюсь в этом. Уверен, что ты просто отлично готовишь.

Она идет на кухню и делает большой глоток своего напитка. Тянется рукой в шкафчик, чтобы достать тарелку, и ее футболка немного поднимается, обнажая мягкую кожу ее живота. Я

машинально чувствую потребность привести себя в порядок.

Черт побери! Джейс, выкини эти мысли из своей головы

Но она чертовски сексуальна, я могу думать только о том, как провести языком по ее нежной коже.

— Джейс? Хочешь лапшу или хочешь продолжить трахать меня глазами?

Я резко выхожу из своего транса и понимаю, что она поймала меня за подглядыванием.

Дерьмо!

Я придурок. Жалкий, снедаемый любовью, озабоченный придурок.

— Эм... черт. Мне жаль, но ты просто... ты выглядишь чертовски сексуально, Джесс, и эта крошечная футболка не достаточно длинная, чтобы ты тянулась в шкаф, — говорю я ей, и я уверен, что она слышит желание в моем голосе.

— Почему ты пришел сюда? — спрашивает она раздраженно. Не тот ответ, на который я надеялся. — Если ты пришел сюда с надеждой, что сможешь закончить то, что начал прошлой ночью, ты ошибаешься. К тому же, у меня свидание через два часа, поэтому я не нуждаюсь в том, чтобы ты разбирался с моими женскими потребностями. Донни в состоянии позаботиться об этом. — Мои кулаки немедленно сжимаются.

Донни? Кто такой, черт побери, Донни?

Ревность и обида всплывают на поверхность, а также желание вернуть ее и сделать своей поднимается с мощной силой. Ревность — это не то, с чем я обычно боролся, но сейчас я просто хочу, чтобы она вся была моей. У меня была только одна ночь с ней. Одна ночь. Я ненавижу думать обо всех других, кто был с ней. Собственный инстинкт побеждает в моей внутренней битве, и я напряженно пялюсь на нее. Я стискиваю зубы и пытаюсь выразить всю серьезность ситуации, когда она ставит тарелку на стол и оглядывается на меня. Надеюсь, что мое выражение лица не оставит никаких сомнений, что я здесь больше не для того, чтобы говорить.

Донни не будет удовлетворять ее потребности сегодня или в любую из других ночей. К черту это, к черту его. Я не знаю, кто этот парень, и мне почти плевать. Я забочусь только о том, как показать Джессике, что все она все еще любит меня так же сильно, как я ее. Она не хочет слушать моих слов, поэтому я покажу ей это действиями.

— Почему ты так смотришь на меня? — спрашивает она, искренне недоумевающая. Затем ее осеняет. — Не говори мне, что ты ревнуешь. Это не я помолвлена, и да, я продолжу говорить это, потому что это правда. Ты. Помолвлен!

Я медленно ставлю свой напиток и решительно обхожу стол. Ее глаза расширяются, когда я вхожу в кухню, и она противостоит моему появлению, делая шаг назад. Она рассеянно облизывает губы, и я подавляю усмешку, зная, что она понятия не имеет, что сейчас делает. Ее слова могут ставить препятствия между нами, но ее тело говорит совершенно по-другому. Мое тело излучает сексуально напряжение, и я могу чувствовать свой пульс, стучащий в шее. Я останавливаюсь перед ней и мгновение ее осматриваю.

— Я не хочу ее, я хочу тебя! Ты была той, кого я хотел на протяжении шести лет, и это не

изменилось. Прямо сейчас я хочу тебя так сильно, что едва могу дышать, — говорю я низким, гортанным голосом. Последствия пусть будут прокляты, прямо сейчас меня больше ничего не заботит.

Она встает, держа свой напиток, и я делаю еще один шаг ближе. Я вытягиваю руку, чтобы выхватить его из ее руки, наши пальцы соприкасаются. Электричество проскальзывает между нами, и она делает резкий вдох. Связь все еще есть, и она тоже ее чувствует.

Это завершило дело.

Наши глаза встречаются, когда я наклоняюсь, сокращая последний остаток пространства между нами. Я обхватываю ее лицо руками, и она упирается назад в гранитную столешницу. Мои брюки натягиваются, когда я крепко прижимаю себя к ее теплomu телу. Боже, как я скучал по ней. Она прикусывает губу, и хныкает, когда я провожу руками по ее длинным сексуальным волосам. Наконец, я ловлю ее рот, с голодом, который сдерживал в себе шесть лет. Она отвечает мне, и я знаю, что с каждой секундой, что мои губы находятся на ее, ее решимость немного рушится. Я притягиваю ее за затылок и всасываю ее нижнюю губу в рот, слегка прикусив ее губами. Она стонет, когда прижимает свои руки к моей груди. Я двигаюсь от ее рта к шее, и затем прокладываю путь поцелуями к мочке ее уха. Я кусаю и всасываю ее, прежде чем шепчу ей в ухо:

— Я все еще люблю тебя, Джесс. Позволь мне любить тебя. — Я продолжаю целовать ее и позволяю своим рукам блуждать по ее телу. — Не отталкивай меня, не снова. — Ее дыхание становится более учащенным, и я признаюсь во всем, о чем думал с тех пор, как увидел ее прошлой ночью. — Я хочу сорвать каждый долбаный кусочек одежды с твоего тела и погрузиться в тебя. Я хочу сделать это и никогда не покидать тебя. — Ее ногти впиваются в мою грудь, и она начинает говорить:

— Джейс, — говорит она, затаив дыхание. Прежде чем она успевает сказать что-нибудь еще, я все еще держу ее и шепчу:

— Скажи «да», Джесс. Скажи, что хочешь меня так же сильно, как и я тебя. Скажи, что все еще любишь меня.

Я отстраняюсь от нее и смотрю глубоко в ее глаза. Она краснеет, и ее грудь тяжело вздымается. Ее соски твердеют и просвечиваются через тонкую ткань футболки, дразня меня. Боже, я так сильно хочу ее. Я хочу ощутить ее голую грудь, прижатой к моей, ее гладкий живот возле моего. Я ищу ее взгляд для ответа, а ее глаза бегают между моими глазами и руками, что держат ее в ловушке между мной и столешницей. Уверен, она думает о побеге, но я не позволю этому произойти.

Я наклоняюсь и снова накрываю ее рот своим. Я вытягиваю руки, кладу на ее бедра и затем скольжу руками, чтобы обхватить ее задницу. Она открывает свой рот для меня, и в то время как наши языки кружатся в яростном, возбужденном танце, ее руки сцепляются у меня на шее. Я быстро хватаю ее ноги и располагаю себя так, чтобы она обхватила ими меня. Придерживая ее спину одной рукой, я разворачиваюсь и несу ее в гостиную. Я врезаюсь в столик у дивана, и лампа падает на пол. Движение пугает ее, и она ахает, но мне плевать — к черту лампу! Я куплю ей новую. Кладу ее на диван, и мое тело следует за ее. И вот когда я понимаю, что пробился. Она взволнованно целует меня в ответ, яростно выгибая свои бедра ко мне, и ищет моих прикосновений. Как будто она нуждается во мне так же, как я нуждаюсь в ней.

Я касаюсь своим языком ее верхней губы и оставляю дорожку из теплых поцелуев по ее щеке,

вниз к ее шее. Она практически задыхается, и я так тверд, что это причиняет боль. Я хочу, чтобы каждый мой сантиметр был внутри нее. Она проводит руками по моему телу, оставляя мурашки после них. Мое тело в огне, и мне чертовски сильно нужно сделать ее своей. Я никогда не чувствовал себя таким дикарем.

Наши руки, рты и ноги переплетены, скручены и связаны вместе. Годы желания и потребности наполняют пространство вокруг нас. Я вытягиваю руку и скольжу рукой под край ее футболки, потянув ее вверх, чтобы обнажить ее голую грудь. Без колебаний, я всасываю ее твердый сосок в свой рот.

Она хныкает, и это сводит меня с ума.

Я нежно кружу языком по ее твердому камушку и затем зажимаю его между зубами, смешивая удовольствие с болью. Она начинает возиться с моим ремнем, и я без сомнения знаю, что контроль над ситуацией теперь у ее чувств. Я перемещаюсь к ее животу и убираю руки с моей талии. Целую чуть ниже пупка и смотрю на нее. Она возбужденная, прекрасная, и ее грудь быстро вздымается и опускается, когда дыхание покидает ее полные, пухлые губы.

— Ты моя, Джесс, а я твой. Я люблю тебя так сильно, но прямо сейчас собираюсь заниматься с тобой любовью. Я планирую заниматься с тобой любовью снова и снова, пока не встанет солнце. Поэтому тебе нужно покончить с этим Донни.

Она втягивает в рот нижнюю губу и кивает.

Я тяну завязку ее тренировочных штанов, и узелок легко развязывается. Быстро стягиваю их вниз, и она инстинктивно протягивает руку вниз, пытаясь скрыть свои шрамы. Их так много, больше, чем было раньше. Беспокойство стреляет прямо в мое сердце, но я отмахиваюсь от него на какое-то время.

Я поднимаю взгляд на нее и вижу страх в ее глазах. Они сверкают, как будто она готова заплакать, я быстро избавляюсь от ее трусиков и целую шрамы, один за другим.

Я шепчу у ее израненной кожи:

— Я люблю тебя, Джесс. Всю тебя: твое хорошее, твое плохое и несовершенное. Я люблю все.

Она могла быть безупречной, но она была всем, что я хотел. Я еще раз целую ее шрамы, потираю ее внутреннюю часть бедра своими пальцами, прежде чем скользнуть ими между ее ногами. Она истекает влажностью от потребности, и я хочу попробовать ее. Моя голова опускается, и ее ноги напрягаются в ответ. Ее пальцы запутываются в моих волосах, и она стонет, извиваясь у моего лица.

Гораздо лучше, чем я помню.

Звук того, как она задыхается и стонет от удовольствия, нарастающее напряжение между нами — было осязаемым больше, чем я мог принять за одну секунду. Я расстегиваю ремень, сбрасывая свои брюки и боксеры на пол. Она вытягивает руку и хватается мою рубашку, начиная возиться с пуговицами. Ей удается расстегнуть три, когда я стягиваю рубашку через голову, не беспокоясь о других пуговицах, что оторвались в ответ.

Я перемещаюсь и накрываю ее тело своим. Страстно целую ее, выливая всю любовь, гнев, печаль и одиночество, что я чувствовал все эти годы, в этот один простой поцелуй.

— Я на таблетках. Правда. Рецепт в ванной, если хочешь увидеть, но боже, если ты не поторопишься, я умру. Ты мне нужен внутри меня.

Глубокий гортанный стон вырывается из моего горла, когда я смотрю в эти прекрасные миндалевидные глаза. Я любил эту женщину всем, что у меня было. Было бессмысленно пытаться подавить, изменить это, воздействовать на это все прошедшие годы.

Я живу во лжи.

Больше никакой лжи.

Я позволяю весу своего тела опуститься на нее, и тепло ее кожи сливается с моим. Кусочки пазла, что были потеряны, наконец собраны. Я толкаюсь в нее одним жестким и быстрым движением. Она запрокидывает голову назад и выкрикивает мое имя, и это самый сладкий звук, какой я слышал за последние шесть лет. Ее гладкое тело обволакивает каждый мой дюйм, и я оказываюсь в нирване, когда зарываюсь лицом в ее шею, вдыхая запах ее волос. Она открывается для меня, когда я двигаюсь жестче и быстрее, пока наши тела целиком и полностью не сливаются в одно. Это то, где я должен быть. Здесь, с ней.

То, что я чувствую — это необъяснимо, почти болезненно от своей интенсивности. Мое сердце стучит, когда мы двигаемся в унисон, что-то меняется между нами. Как будто годы, когда мы были потеряны — исчезли, и пространство не заполнено ничем, кроме любви.

19 глава

«Не ложь разрушает отношения, а правда».

Автор неизвестен

Джессика

Я задыхаюсь и едва дышу. Сердце бешено стучит, и я чувствую легкое головокружение. После долгих шести лет, у нас с Джейсом снова был секс. Столько эмоций проносится в моей голове, и ни одна не имеет смысла. Джейс так искренне смотрит на меня, и в его глазах отражаются голые эмоции.

У меня нет слов.

— Я так сильно люблю тебя, — шепчет он, когда нежно целует мою шею.

Я хочу ответить ему, но слова буквально застревают в горле. И как только последняя моя защитная стена рушится, и я хочу сказать, что тоже его люблю, кто-то стучит в мою дверь, возвращая нас из тумана страсти. Тяжесть того, что мы только что натворили, начинает давить в груди, и я собираю свою одежду, пытаюсь взять себя в руки.

— Понятия не имею, кто это может быть. Разве что... вот черт, зуб даю это Донни! — восклицаю я. Джейс выглядит раздраженным, и более чем готовым послать Донни ко всем чертям. Здорово, именно этого мне и не хватает. Зашибись как неловко.

Я натягиваю футболку и тренажерные штаны, пока Джейс тоже одевается. Мы обмениваемся неловкими взглядами, и я иду к двери, пытаюсь немного привести взъерошенные волосы в порядок. Я тянусь к двери и открываю ее, соображая на ходу, что сказать Донни.

Но это не Донни. Я бы и в жизни не подумала, что увижу на своем пороге доктора Уорд. Сердце ухает в пятки.

Твою мать!

— Как я и думала! — подначивает Виктория, обе руки уперты в ее бедра. Она смотрит на Джейса поверх моего плеча. Температура в комнате упала на пять миллионов градусов. Она проскальзывает мимо меня в квартиру, словно она здесь хозяйка.

— Я знала, что ты будешь здесь. Ты такой предсказуемый, Джейс. Ты уже разобрался с этим? А? Я более чем уверена, что да!

Вау, эта женщина та еще штучка.

Не могу поверить, что она так спокойна. Она ведет себя так, словно он пришел одолжить яиц или еще чего-то. Но по покрасневшему лицу Джейса и растрепанной одежде, которая, я уверена, такая же как моя, очевидно, мы здесь занимались не выпечкой. Она должна понять, что у нас только что был секс. Наполовину я чувствую вину, на другую половину, удовольствие от того, как она смотрит на Джейса. Я бы сошла с ума, будь на ее месте, но она так сдержана. Эта женщина не любит его. Если бы любила, она бы прямо сейчас выдавила бы мне глаза.

— Вик, что ты здесь делаешь? — спрашивает Джейс, нервно проводя рукой по румянному лицу.

— Ну, думаю, я могла бы задать тот же вопрос, но и так ясно, для чего ты здесь, — говорит она, с презрением смотря на меня, и продолжает: — Если бы ты включил свой телефон, ты бы узнал, что мы с твоей матерью пытались связаться с тобой весь вечер. Ей очень плохо, и ее доставили в больницу. Мы должны попасть туда как можно быстрее, поэтому твоя маленькая интрижка с бывшей школьной подружкой должна закончиться. Сейчас же.

Ну и противная маленькая стерва. Конечно, Джейс никуда не пойдет с этой женщиной после того, что произошло между нами.

Джейс с паникой смотрит на Викторию, словно упоминание о болезни матери заставляет его забыть обо мне и обо всем, что мы разделили.

— Что с ней? Почему она в больнице? — нервно спрашивает он.

— Они не знают. Она упала в обморок, и горничная вызвала скорую. Сейчас они ее обследуют, поэтому нам нужно ехать, — настаивает она.

Он вздыхает, глядя на меня с поражением в глазах.

Боже. Он собирается уйти с ней.

Я чувствую, как начинаю отдаляться от него, от ситуации, от себя. Не могу поверить, что это все снова происходит. Я теряю его, но в этот раз, это его выбор.

— Вик, дай мне минутку, пожалуйста. Встретимся снаружи.

— Ладно, у тебя ровно пять минут, ни минутой больше. Скажи то, что нужно сказать, и

попрощайся с ней, Джейс, — я тихо слушаю, сдерживая в себе то, что закипает во мне, когда она так им командует, словно маленьким ребенком. Я задумываюсь, как же такой сильный и уверенный в себе мужчина, которого я когда-то знала, связался с такой женщиной. — Мы собираемся пожениться, и ты должен прекратить вести себя как ребенок. Мы взрослые, больше не школьники, — выплевывает она, затем направляется к двери в своем дизайнерском костюме и шпильках.

Он смотрит на меня, но я поворачиваюсь к нему спиной, чтобы он не видел, как мне больно. Он никак не поправил ее, не сказал, что я не какая-то подружка. Не сказал, насколько я важна для него, что я не какая-то проблема, с которой он должен разобраться. Он не кричал и не вопил, он лишь стоял, выслушивал и принял то, насколько ничтожными она сделала наши отношения.

Я не могу смотреть на него. Слезы, которые я отказываюсь показывать ему, застилают мои глаза. Я чувствую руку на своем плече и вздрагиваю.

— Джесс, мне чертовски жаль. Если мама больна, я должен увидеть ее. Пожалуйста, пойми это.

Я напрягаюсь от его прикосновения и убираю его руку, продолжая стоять спиной к нему.

— Просто уходи. Этого вообще не должно было произойти. Очевидно, ты не понимаешь, чего сам хочешь. Сегодня мы размыли грани, но теперь я все четко вижу. Ты оставляешь меня, чтобы уйти с ней, с женщиной, охарактеризовавшей меня как проблему, с которой надо разобраться. И ты ее даже не исправил, — я нервно усмехаюсь, но ситуация совсем не комична. — Ты запросто можешь сам навестить свою маму, но не станешь. И это говорит о многом, но я не буду сидеть сложа руки и быть какой-то дыркой на стороне. Так что, пожалуйста, уходи. Я покончила с этим, с тобой, с нами.

Боль.

Утрата.

Отрешись от всего этого, Джесс.

Онемение.

— Джесс, пожалуйста, не делай этого, — умоляет он. — Мне нужно немного времени, и все. Я не хочу снова терять тебя и хочу быть рядом с тобой во время твоей терапии. Не отталкивай меня снова. Я люблю тебя, правда. И это никогда не изменится.

Моя кровь закипает, и я сжимаю руки в кулаки, медленно поворачиваюсь к нему лицом. Я смотрю на него ледяным взглядом.

— Это не важно! Это не было важно шесть долбанных лет, и неважно сейчас, — выкрикиваю я, и ярость подхватывает меня, как волна серфера. — Все, что у нас была потеряно, ушло. Ты можешь смотреть мне в глаза и обещать все, что захочешь, но это не изменит реальную ситуацию. Ты любишь меня, но тебе нужно больше времени. Ты любишь меня, но ты хочешь исправить меня. Так вот, мне теперь пофиг на то, что ты хочешь! Я должна сама себя исправить, полюбить себя, Джейс, и ты никак не можешь ускорить этот процесс. Не важно, как глубоко мы проникли друг к другу под кожу, у нас ничего не выйдет, потому что мы сломаны.

Я успокаиваю свой голос, но тревога внутри меня возрастает.

— Иногда тебе лишь остается принять тот факт, что некоторые вещи нельзя исправить, и я не о том, что было разбито, а о том, что следует принять то, что ушло, — грустно говорю я, и надеюсь, что он понимает, что это прощание. — Так что, пожалуйста, просто уйди и оставь все, как и было. Я устала скучать по тебе. Устала искать то, чего никогда не будет. Я искала это на острие лезвия и на дне бутылки. Оно не там. Это просто... ушло.

Его глаза темнеют, в них появляется уныние, и плечи опускаются. Он молча поворачивается и идет к двери.

— Я не буду навязываться, Джесс, но произошедшее сегодня реально. Я не могу это игнорировать, и ты тоже. Я позвоню, как узнаю о состоянии мамы, — говорит он. Затем я наблюдаю, как он поворачивает дверную ручку и уходит из моей жизни. Снова.

Должна признать, это никогда не сработает, потому что никто не может быть любимым, пока не полюбит себя, и я не знаю, смогу ли я когда-нибудь. Я прямиком направляюсь в свою комнату и достаю дневник, отчаянно пишу и изливаю свои эмоции на бумагу.

Назад в пустоту

Вот мой стакан, наполняю

Наливаю сполна

Налей чего-то покрепче

Не хочу чувствовать

Больше ничего...

Утопите меня, я больше не могу никого видеть

Удерживай

Глотай все

Просто налей чего-то крепче меня

Этого было достаточно

Как только я вижу,

Принесенный мне

На волнах

Голубоглазого моря

Я выдохнула

Я увидела

Я почувствовала

Для меня, незабываемые воспоминания

К морю, уже забыты

Поворачивая ключ

Снова, закрываясь ото всего

Я шагаю назад

К бару жизни

Общество и реальность развлекают меня

Удерживают от стакана

Я говорю...

Просто налейте чего-то крепче меня...

Мои глаза опухшие, все тело болит. Проснувшись, я надеюсь, что последняя ночь была жутким ночным кошмаром, но я знаю, что это не так. Джейс ушел прямо к ней. Должно быть, он унес с собой мое сердце, потому что сейчас я ощущаю лишь зияющую дыру. Все что осталось, это боль, страх и уязвимость. Я не знаю, буду ли когда-нибудь чувствовать себя хорошо. Годы терапии не исправят все, что со мной не так.

Я снова сглатываю боль от потери Джейса. Она на вкус как морфий с кислотой. Обжигает, но в то же время я ощущаю онемение.

Сегодня у меня опять групповая терапия, и я не уверена, что вообще хочу идти, может, стоит прислушаться к предупреждению Джейса и найти другого терапевта и клинику. Хотя я должна пройти испытательный срок. С другой стороны, это мой последний раз в этой группе. Надеюсь, мой запрос на новое место был доставлен, и вскоре меня переведут.

Я вытягиваю себя из кровати, принимаю душ и одеваюсь. Стоя перед зеркалом, я смотрю на себя и думаю: «И это все, что есть? И это все, что я из себя представляю? Все, кем я буду?»

Мое лицо бледное, и круги под глазами еще более заметны в эти дни. Я беру косметичку и делаю все, чтобы скрыть видимые недостатки. После того как высушиваю волосы, в последний раз смотрю на себя в зеркало и вижу жалкую, потерянную личность в несовершенном женском теле — теле, испещренном видимыми и невидимыми шрамами.

Боль в груди постоянна и совсем не уменьшается. Я знаю, что должна отпустить его, но иногда думаю, что забыть того, кто так затронул сердце, невозможно, как и попытаться вспомнить того, кого ты никогда не встречал. Двигаться дальше просто, но оставлять кого-то позади чертовски сложно.

Хотела бы я знать, как жить без этой дыры внутри себя, без этой пустоты, которая, кажется,

никогда не исчезнет. Только когда я была с Джейсом, я не чувствовала эту дыру, но теперь думаю, а реально ли это было. Я не знаю, чем заполнить ее, и даже как заполнить. Все время, что я себя помню, я ощущала пустоту, словно внутри чего-то не хватало, что-то не складывалось. Когда Джейс появился в моей жизни, я ощутила, как дыра стала меньше, но каждый раз, когда я теряла его, эта дыра становилась больше, шире, и намного глубже. Словно вся моя жизнь состояла в том, чтобы заполнить ее.

Входя в группу, я чувствую себя менее встревоженной в попытках обрести себя. После вчерашнего, меня вообще мало что беспокоит. Я знаю, где Джейс, и с кем он, и это все, о чем я думаю сейчас. Иногда мои навязчивые мысли настолько интенсивны, что поглощают все, чем я занимаюсь.

Я сажусь на металлический стул и тереблю свои рукава, пока остальные заполняют помещение, болтая между собой. У меня появилось мрачное ощущение того, что на мои плечи наваливается тяжесть, и я хочу лишь встать, отправиться домой, выпить, заснуть или же порезать себя. Вместо этого, я должна быть здесь и выслушивать, почему я так облажалась, почему у всех этих больных людей тоже поехала крыша, и что нам надо, чтобы исправить себя. Это очень похоже на группы для алкоголиков. Все эти пороки, пути исправления.

— Эй, Джессика! Рада, что ты вернулась. Я думала, рискнешь ли ты вернуться к нам, психам, или нет, — щебечет Мерседес.

На ней снова тонна косметики и украшений, и ее белые зубы и эта счастливая улыбка, как с коробки завтраков «Lucky Charms» сегодня работает на полную. Как кто-то из этой группы может быть настолько счастлив, этого я так и не узнаю.

— Эй, Мерседес. Да, я вернулась, но это не мой выбор, поверь мне, — бормочу я, закатывая глаза, и вздыхаю.

— Ой, ну не все же так плохо! Дай нам шанс, чика.

Она садится рядом со мной и роется в своей огромной сумке, доставая блокнот и ручку. Мисс Робин появляется, в то время как еще больше людей занимают свои места. И краем глаза я вижу его.

Кингсли.

На нем снова шапочка, и из-под нее торчат кончики волос, простые серые Дики и черная облегающая футболка. Он сидит в дальнем конце комнаты и смотрит в моем направлении, бегло встречаясь со мной взглядом. Уголки его великолепных губ приподняты в улыбке, я быстро отвожу взгляд, так как слишком эмоционально измотана, чтобы встречаться с ним. Но все же...

Он правда хорошо выглядит.

Я пытаюсь вернуться в свои мысли прежде, чем они ускользнут от меня. Последнее что мне нужно, так это еще больше усложнять свое и так катастрофичное эмоциональное положение, увлекаясь каким-то сексуальным парнем из группы самовредителей.

Я ощущаю его взгляд, и, несмотря на внутреннюю угрозу, все-таки смотрю на него снова. Он наклоняется вперед, упирается локтями на колени, и в таком положении выпуклости его бицепсов становятся еще более явными.

Боже, он сексуален по всем параметрам, о которых девушки только мечтают. Он обладает этой небрежной порочностью. И его глаза. Они не просто голубые, нет. Они насыщенного кобальтового цвета, и они затягивают тебя, хочешь ты того или нет.

Я понимаю, что плясую на него, и когда он снова дерзко улыбается мне, понимаю, что краснею. Я перевожу внимание на центр помещения и изо всех сил стараюсь дышать как можно медленнее.

Мисс Робин начинает занятие с приветствия и рассказывает, какая тема будет сегодня. Я достаю свою ручку и хватаю блокнот, хотя делать пометки бессмысленно, так как я сюда не вернусь. Но я могу сделать вид, что прилагаю усилия.

— Ну что же, ребята. Если вы готовы, я начну. Сегодня мы поговорим о чувстве вины. Существует множество форм вины. Многие из нас винят себя, а кто-то возлагает ее на других. Независимо от того, какую вину вы испытываете, вина — это отрицательное осуждение себя или кого-то еще.

Я вздыхаю и готовлю себя к следующему болезненному и медленному часу лекции.

— Мы все должны перестать оправдывать себя и остальных. Мы должны понять, что, обвиняя себя или других за наши ошибки, мы ни к чему не приходим. Это лишь возвращает нас назад, туда, где мы не хотим двигаться вперед. Вина лишь иная форма оправдания. Когда вы оправдываетесь, вы избегаете ответственности и переносите вину на кого-то еще. Может ли мне кто-нибудь сказать, когда он понял, что сам виновен в неправильном выборе, но вместо этого возложил вину на кого-то другого? — спрашивает мисс Робин.

Я ненавижу, когда она так бросает нам вопросы. Я словно под светом прожектора, хотя и не сижу здесь одна. Тем не менее, это ощущение неприятное. Крис поднимает руку и отвечает. Я притворяюсь, что слушаю, но единственное, о чем могу думать, это о Кингсли и его темно-голубых глазах, которые пытаются встретиться с моими.

— Вижу мистер Сексуальный и Загадочный продолжает сверлить тебя взглядом. Что у тебя с ним? — шепчет Мерседес и пихает меня локтем. Я поворачиваюсь и замечаю ее ухмылку.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — вру я.

— Конееечно, не понимаешь. Ага, потому что ты вообще не видишь, что парень тарачится на тебя при каждой возможности, — она тихо смеется.

Я закатываю глаза и снова смотрю на него. Он снова улыбается и смотрит вперед. Я чувствую, как тепло распространяется по телу.

Что за чертовщина со мной творится?

Должно быть, из-за дерьма, произошедшего с Джейсом. Я постоянно нервничала от мужского внимания, но в этот раз ощущение немного другое.

Он продолжает смотреть на меня, и я все так же перевожу на него взгляд. Каждый раз я испытываю это странное чувство узнавания, магнетизм, который я не могу объяснить. Это

притяжение, да, но здесь и нечто большее. Я не могу это описать, но чувствую себя комфортно, даже привычно.

— Между вами двумя нехилые вибрации. Я ощущаю любовь в воздухе, — хохочет Мерседес.

— Ой, нет, ты не права! Я и любовь не существуем в одном предложении, уж поверь мне, — твердо говорю я.

— Ну, может, ты еще не встретила правильного парня. Ты об этом вообще думала? — шепчет она, пока мисс Робин гудит на заднем плане.

Я киваю головой и снова закатываю глаза. Она не понимает, о чем говорит, или кому это говорит. Я не в том состоянии, чтобы влюбляться — во всяком случае, не в ближайшем будущем.

Эта фигня с Джейсом перевернула все внутри меня, и последнее, что мне нужно в жизни, это еще одни эмоционально напряженные отношения. Если бы она знала мою историю с мужчиной, она бы никогда не предложила связаться в еще одну.

— Мерседес, я клянусь, мне совершенно точно не нужен еще один парень, выворачивающий мои чувства и голову. Парни хороши лишь для секса. Эмоциональное дерьмо лучше держать подальше, как можно дальше от меня.

— Ну, так используй его для секса. То есть, черт, ты только посмотри на его «я оттрахаю тебя до беспамятства» вид, — говорит она, игриво подмигивая мне. — Он весь такой дерзкий и жесткий. Эти самые лучше, я права?

— Да, нет. Я так не думаю. Интрижка с каким-то чуваком из группы с психическими расстройствами немного безумно для меня, извини за невольный каламбур, — тихо отвечаю я.

Встреча подходит к концу, а его глаза продолжают преследовать меня. Я собираю свои вещи, пока Мерседес продолжает метать взгляд между мной и Кингсли. Я чувствую, что сейчас она начнет сватать нас. Она действительно не понимает, насколько это плохая идея.

— Мерседес, я серьезно. Он мне не интересен.

— Хорошо. Как скажешь, чика! — говорит она, закатывая глаза, словно не верит моим словам.
— Кажется, он идет сюда, поэтому тебе бы подготовить свой отказ.

Кингсли приближается к нам, и мои нервы, кажется, сходят с ума. Я не понимаю, почему он так действует на меня. Обычно с парнями, я наслаждаюсь их вниманием, словно изголодавшаяся, я нуждаюсь в заполнении постоянной пустоты внутри меня, хотя и знаю, что это временное средство. Но даже со всеми этим смешанными эмоциями, я редко беспокоюсь об этом.

— Эй, — говорит он своим низким, хриловатым голосом. Уровень неловкости между нами практически невыносим. Или дело лишь во мне?

— Привет, — отвечаю я, и наши взгляды встречаются. Это странное, но знакомое ощущение возвращается. Я разворачиваюсь и нервно отправляюсь на выход.

— Увидимся в следующий раз, чика. И напиши мне свой номер, когда выпадет шанс, — кричит Мерседес, и я понимаю, что она хочет узнать все грязные детали происходящего между мной и Кингсли. Впервые я думаю о том, что иметь подругу может быть даже забавно. Я поворачиваюсь и машу ей, так как решила дать ей шанс и написать позже.

Кингсли догоняет меня.

— Эмм, привет. Не хочешь выпить по чашечке кофе со мной? — спрашивает он с этой милой игривой улыбкой на лице.

Он чертовски милый в своей небрежности. Он не такой собранный или лощеный как Джейс. У него, по меньшей мере, недельная щетина, и одет так, словно ему все равно, что думают другие. Может, он и выглядит небрежно, но он источает секс и уверенность в каждом своем движении и в каждом произнесенном слове. Я знаю, что мне не стоит идти с ним после всего дерьма, произошедшего с Джейсом.

— Я приму твое молчание как нежелание, — говорит он и придерживает дверь, ведущую на стоянку.

Я смотрю на него, проходя мимо, и эти глаза на секунду затягивают меня, но я быстро отвожу взгляд и вырываюсь из опасного транса.

— Не то чтобы я не хочу. Все сложно. Я сложная, поверь мне, ты не хочешь знать меня. У меня много проблем, — отгораживаюсь я, избегая его взгляда.

— Хорошо. Тогда у нас уже есть что-то общее. Это просто кофе, — продолжает он. — Насколько сложным может быть кофе? — спрашивает он.

Прежде чем я успеваю ответить ему «нет», мой телефон звонит, и я смотрю на экран. Это Джейс. Я нажимаю кнопку «Игнорировать» и смотрю на Кингсли с улыбкой.

— Конечно, почему бы и нет? Я выпью с тобой кофе.

К черту Джейса Коллинза.

Больше ни минуты не буду тосковать по этому человеку.

— Отлично. Как ты относишься к мотоциклам, или это будет проблемой?

— Нет, у меня нет проблем с мотоциклами. Особенно их нет с Харлеем. Но у меня есть проблема, если ты безумный водила, — смеюсь я. Честно говоря, идея поездки на Хари-Дэвидсоне позади мужчины, который выглядит как Кингсли Аррингтон, конечно же не вызывает у меня отвращения, независимо от его водительских навыков.

— Я отличный водитель. Не волнуйся, со мной ты в безопасности, — говорит он и протягивает мне свой шлем. По какой-то причине его слова отдаются на более глубоком уровне, чем я могу понять. Я смотрю на шлем, затем на него.

— Эмм, твоя голова потела в этом шлеме. Я не надену его. Поеду без него. Если ты водишь так хорошо, как говоришь, он ведь мне не понадобится? — я игриво ему улыбаюсь и обратно протягиваю ему шлем.

— Послушай, ты упрямая женщина, дело не в моих водительских навыках. На дороге есть еще

и другие придурки. Ты не сядешь на мой байк без шлема на этой симпатичной головке, так что хватит быть принцессой и надевай эту хреновину, — с этими словами он снова протягивает мне шлем.

Ого! Откуда это в нем? Кингсли только что поставил меня в рамки, и он даже не знает меня. Если он пытается впечатлить меня таким галантным способом, он паршиво это делает.

— Боже, не обязательно вести себя как засранец! Ты всегда так общаешься с леди?

Он медленно осматривает меня, словно пытается сделать какой-то вывод. Затем смотрит мне прямо в глаза.

— По какой-то причине у меня стойкое ощущение, что ты очень далека от леди. Могу сказать, что ты смелая и упрямая как черт, и, не задумываясь, скажу, что ты жесткая, поэтому я очень сильно сомневаюсь, что ты обиделась на парочку ругательств. Ты не пугливая лань. Так что заткнись, надевай потный шлем и забирайся на байк. Пожалуйста. — Широкая улыбка появляется на его сексуальном лице, и вся моя решимость рушится.

Со мной парни так еще не разговаривали. Конечно, со мной грубо обращались, даже унижали, но сейчас что-то иное. Он агрессивный, но не оскорбляет. Скорее по делу, и даже немного игриво. Словно он смотрит сквозь мое дерьмо и вытягивает меня оттуда. Это что-то новенькое и, должна признать, невероятно заводит. Думаю, Кингсли может командовать мною, как ему вздумается.

— Ладно, придурок. Я надена шлем, и тебе же будет лучше, если мои волосы не будут вонять, — шучу я и откидываю волосы назад.

Он смеется, наслаждаясь своей маленькой победой.

— Ты всегда так разговариваешь с парнями? Я очень чуткий, Джессика. Я ранен. Правда, — паясничает он.

— Ха-ха! Конееечно, — говорю я и защелкиваю шлем. — У тебя на лбу светится надпись «чуткий». Как и на мне «леди».

Он поднимает байк и заводит его. Раздается безошибочный звук рева двигателя Харли, громкий и волнующий. Я перебрасываю ногу над задним сиденьем и устраиваюсь поудобнее. Тепло тела Кингсли сочетается с моим, когда он хватает мои руки одну за одной, располагая их на своей талии. Я чувствую твердость его пресса, и жар заливает мои щеки, заставляя меня краснеть. Он поворачивает голову и чертовски сексуально улыбается.

— Готова? — спрашивает он.

— Думаю, да. Ты уже запихнул меня в свой вонючий шлем, и я на байке. Я не могу быть еще более готовой.

— Ну, тогда держись крепче. Поехали.

Он выезжает с парковки на главную дорогу. Как только набирает скорость, теплый ветер ударяет меня в лицо. Я переплетаю пальцы на его талии и держусь за свою жизнь. Он опускает одну руку, чтобы накрыть мои ладони. Странное наблюдение: ты летишь по дороге на Харли, держась за невероятно подтянутое тело парня, которого только что встретила, и ветер развеивает твои волосы, но его кожа ощущается жесткой и теплой одновременно. Это

удивительный контраст, к которому я привыкаю. После нежного сжатия он убирает руку на руль, и мы беззаботно мчимся по дороге.

Ветер в моих волосах и палящее тexasское солнце ощущаются идеально. Это свобода, чувство которое я очень давно не испытывала. В конце концов, идея сесть с ним на байк была не такой уж и плохой.

Кингсли заезжает на специальное парковочное место «Старбакса». Он уже выставил подножку, когда я понимаю, что все еще крепко держусь за него. Я быстро убираю руки и начинаю снимать шлем.

— Ну как? Не плохо, да? — спрашивает он.

— Нет, совсем не дурно. Хотя это я могла бы сделать и без шлема, — шучу я и протягиваю ему.

Он вешает шлем на байк и указывает на вход.

— Не леди вперед, — поддевает он.

— Ты такой умник. Думаю, у нас будет все просто отлично, — говорю я, выгибаю бровь и озорно улыбаюсь ему.

— Думаю, ты можешь оказаться правой.

20 глава

«Рано или поздно мы все должны отпустить наше прошлое».

— Дэн Браун

Кингсли

Я понятия не имею, почему она передумала, похоже, с этим как-то связан телефонный звонок, но я рад этому. С тех пор, как я увидел эту девушку, я понял, что должен познакомиться с ней. Да, конечно, изначально причиной, по которой я заметил ее, было то, что она так похожа на мою Лили, теми же чернильно-черными волосами. Это превосходно. Она красивая. Я не могу насмотреться на нее и почему-то чувствую, что она должна быть в моей жизни. Как бы безумно и нелепо это не звучало, я знаю, что эта девушка именно та, кого я действительно хочу узнать.

Как же удивительно чувствовать ее руки вокруг меня. Мы приближаемся к «Старбаксу», и ее прикосновение исчезает, я чувствую, как через меня проходит боль от одиночества. Я давно не прикасался к женщине, почти целый год. Вот сколько времени прошло с тех пор, как Лили забрала свою жизнь, унеся с собой нашего нерожденного сына.

Независимо от того, сколько месяцев прошло, острая боль, страдание и ужас того дня никогда не утихнут. Не думаю, что я когда-либо буду в состоянии окончательно примириться с тем, как она могла быть такой эгоисткой. Я никогда не пойму, как кто-то может упасть так глубоко в пучину безнадежности, чтобы покончить со своей жизнью.

Я любил ее, заботился о ней, и я был хорошим мужем для нее. Почему она не пришла ко мне, или не сказала, что она чувствовала, потому что сам я никогда не пойму.

Я иду, чтобы открыть дверь для нее, но она хватается за меня раньше меня и входит в помещение. Это похоже на то, что она слишком сильно старается, словно пытается что-то доказать мне или себе, или обоим. Есть такие внешне жестокие девушки, но она вызывает у меня впечатление, что за этим фасадом скрывается нечто гораздо более глубокое.

Мои глаза перемещаются на ее упругую маленькую попку, и я заставляю их вернуться обратно вверх. Я не могу туда пойти с этой девушкой. Я не могу общаться с ней, как с телкой, которую только что встретил в баре или где-нибудь еще. Я видел боль в ее глазах в группе, когда она думала, что никто не смотрит, и я чувствую напряжение, которое постоянно накатывает с нее. Я, конечно, не хочу причинять ей еще больше боли, так что должен держать свои гормоны в узде.

— Хочешь занять нам столик, пока я возьму напитки? Что бы вы хотели, мисс Джессика?

— О нет, я могу сама купить себе напиток, спасибо. Это не свидание. У меня есть свои деньги, никаких проблем.

Ага, вот она: госпожа Крутая, «я смогу постоять за себя», независимая женщина.

— Как скажешь, я просто предложил.

— Спасибо, но я справлюсь. Не страшно.

Она шагает к прилавку и заказывает, твердо заявляя о своей самостоятельности. Боже, она милая.

— Я бы хотела холодный чай, пожалуйста, с сахаром.

— Ах, ты не любишь кофе? — спрашиваю я.

— Не особенно. Моя мама всегда пила кофе по утрам, и она любила разбавлять его выпивкой. Это разрушило для меня любовь к кофе, но мне здесь очень нравятся их чай Тазо.

Тон ее голоса резко меняется, когда она упоминает свою мать, и она становится еще более жесткой, чем была раньше.

— О, ну, это имеет смысл. Я не пью никакой кофе. Мне просто нравится здесь их сладкий, замороженный напиток. — Я смеюсь, чувствуя всю нелепость этого напитка.

Она хихикает и немного отходит в сторону, чтобы я мог заказать. Внезапно, я чувствую себя застенчивым в своем выборе.

— Эм, да. Я возьму холодный кофе с шоколадной крошкой и со взбитыми сливками, — говорю я тихо.

Я смотрю на нее, и на ее лице появляется большая улыбка. Это фантастически реальная улыбка, которая затрагивает ее глаза. Она такая красивая; улыбка, которая никогда не должна

покидать ее лицо. Я надеюсь, что смогу удержать ее на ее лице. Может быть, это будет моей новой целью каждый раз, когда я буду рядом с ней.

Она просто об этом еще не знает.

Мы садимся за угловой столик, и хотя она все еще внешне невозмутима, я вижу, что она слишком нервничает.

— Я заставляю тебя нервничать? — спрашиваю я ее прямо в лоб. Я невероятно прямолинейный. Я не знаю, как быть в такой ситуации.

Мой вопрос, кажется, выводит ее из равновесия, и мне это нравится. Ей нужно немного расслабиться.

— Эм, нет, не ты. Почему ты спрашиваешь меня об этом? Я выгляжу нервной для тебя? Или ты просто настолько высокомерен, что думаешь, будто меня нервируешь?

Я не могу сдержать смеха. К сожалению, она очень злится на мою реакцию.

— Ну, если быть до конца честным, то да. Ты выглядишь нервной, и нет, я не высокомерный. В этом теле совсем нет высокомерности. Посмотри на меня, разве я похож на парня, который влюблен в себя? — говорю я, двигаю бровями и жестами показываю на свое тело. — Я ношу рубашки за десять долларов из «Волмарт» и штаны Дики. Я совершенно далек от высокомерности или эгоцентричности.

Она просто понятия не имеет, кто я.

— Просто ты ведешь себя грубо. Я не нервничаю. Ты не заставляешь меня нервничать. Я спокойна, никаких нервов здесь нет, — отвечает она, и то, как она скрещивает руки, подтверждает тот факт, что она нервничает.

— Итак, скажи мне, почему ты в этой группе. Какова твоя история, мисс Джессика?

Сейчас она меня ненавидит. Выражение ее лица бесценно. Я ничего не могу поделать; я изо всех сил стараюсь сдержать смех.

— Ты не можешь быть снисходительным? Это чертовски личный вопрос, Кингсли. Почему бы тебе не сказать мне, почему ты находишься в группе, и мы сможем уйти отсюда.

Очевидно, я знал, что мои вопросы в итоге приведут к этому вопросу, но реальность оказалась совершенно ужасающей. Я никому не говорил о Лили, поскольку она умерла. Я никогда не посещал психологические консультации, и я никогда не говорил об этом на собраниях группы. До этого момента, я действительно не имел дело с причинами моего поведения. Я смотрю на нее и знаю, что она может видеть страх, кружащийся в моих глазах, растерянность на моем лице и чувство неуверенности в себе, повисшее в воздухе между нами.

— Не бери в голову. Давай не будем говорить о том, почему мы находимся в этой группе, — говорит она, и это спасает меня от демона моего прошлого. Еще один раз я в состоянии подавить и сдвинуть его назад в безопасное место в своем сознании. Я еще не готов с этим бороться. Скоро, но не сейчас.

— Ладно, — говорю я ей, и не могу скрыть облегчение, которое так очевидно в моем голосе. Думаю, я действительно не могу ждать от нее, что она поделится своими проблемами, если я

сам не готов рассказать о своих собственных.

— Хорошо, позволь мне тогда задать менее личный вопрос. Чем ты занимаешься? Откуда родом, и как ты развлекаешься?

Маленькая улыбка растягивается на ее лице, когда она заправляет небольшую блестящую черную прядь волос за ухо.

— Это больше, чем один вопрос, — говорит она, наклонив голову набок, глядя на меня такими грустными глазами. Ее глаза меняются редко, но в те редкие моменты, что они оживают, на это стоит посмотреть. Все-таки я хочу знать, почему она такая грустная. По некоторым причинам, я действительно чувствую необходимость дотянуться до нее, чтобы быть рядом с ней.

— Я думаю, ты права. Это больше, чем один вопрос, — соглашаюсь я. — Я могу быть первым, если хочешь. Хотя мои ответы не все интересны. Я довольно скучный чувак, — говорю я ей.

— Кингсли, я серьезно сомневаюсь, что ты скучный. Ты не кажешься скучным чуваком!

Она думает, что все выяснила обо мне: наглый плохой парень, который грубо разговаривает с женщинами. Вот, что она думает обо мне, но она не далека от истины.

— Хорошо, позволь мне просветить тебя обо всех моих занятиях. Днем я сварщик, а по вечерам и на выходных провожу персональные тренировки. — Она немного улыбается, и мне нравится это. — Я тренируюсь больше как хобби, чем что-либо еще. Мне нравится помогать людям быть здоровыми, и я люблю находиться в тренажерном зале. Это беспроблемная ситуация для меня. Я пишу и играю на акустической гитаре в свое удовольствие. Я не хороший певец, но все же. Собственно говоря, я отстой. Но я действительно люблю играть, это расслабляет меня и писать песни — очень хорошее терапевтическое средство. Кроме этого я довольно много держу в себе. Я не шатаюсь по барам или вечеринкам. Я простой чувак, живущий своей жизнью, это лучшее, что я могу. — Я беру соломинку из своего напитка, прежде чем сказать: — Как я уже сказал, ооочень интересно!

Ее улыбка вернулась, и мне это чертовски нравится.

*Бл*дь, возьми себя в руки, Кингсли.*

— Для меня все это звучит довольно интересно. Похоже, у тебя на самом деле есть жизнь. Это больше, чем я могу сказать о себе, — говорит она, но ее слова сводят улыбку на нет, когда она смотрит вниз на свой чай. Она вертит соломинку, и я могу почти видеть сквозь ее стену, которую она сама построила.

— Почему ты так говоришь? Почему говоришь, что у тебя нет жизни? Я уверен, у тебя есть хобби. У каждого есть что-то, чем ему нравится заниматься.

Она не поднимает взгляда, но немного пожимает плечами.

— Мне тоже нравится писать. Стихи. Думаю, это мое хобби, даже если оно не кажется настоящим хобби для меня. Это просто строчки в дневнике. Ничего особенного.

Она смотрит на меня, как будто ждет подтверждения или чего-то еще, но это ни хрена не произойдет.

— Умм, ты шутишь? Писательство — это вид искусства, будь то музыку, романы, стихи, статьи или новости. В любое время ты начинаешь с чистого листа или холста и создаешь нечто из ничего — это искусство, и это красиво. Конечно, не все согласятся, потому что всем нам нравится разное, но это все-таки искусство. Это твое искусство, и ты должна гордиться этим, даже если твои произведения никогда не увидят свет. Так что не смей говорить, что это ничего особенного. Дерьмов так говорить.

Она пристально на меня смотрит, как будто пытается сформулировать жесткий для девушки ответ.

— Кингсли, это просто дневник и некоторые слова. Это не искусство. Ты принимаешь то, что я сказала, слишком серьезно. Ничего художественного, правда. Уверю тебя.

— Ты всегда играешь в эти жалкие игры, или это только для меня? Ты всегда ведешь себя как упрямая женщина, которая может бросить вызов всему миру, но сейчас ты сидишь здесь и выглядишь побежденной, когда говоришь о своей поэзии. — Я наклоняюсь в ее сторону, не обращая внимания на ее хмурое выражение лица. — Ты думаешь, что, заявив, что это отстой, я скажу тебе «нет»? Ты хочешь, чтобы кто-то сказал тебе, что твоя писанина имеет ценность или, что тебя оценят, если ты себя принизишь? Потому что если это так, я на это не куплюсь. — Я раздражен тем, что она отказывается верить в свои собственные силы. Я знаю, что испытываю ее терпение, но не буду нянчиться с ней. — Ладно, твои стихи — говно. В своей жизни ты больше не должна писать стихи, ни одного. Так, полегчало? — говорю я, глядя прямо на нее.

Да, это грубо, но, по какой-то чертовой причине, я чувствую, что кто-то должен поднять руку и щелкнуть пальцами перед ее лицом, сказать все, как есть, и запретить ей вести себя так.

— Знаешь, что? Пошел ты! Я не собираюсь молча сидеть здесь, чтобы парень, которого я едва знаю, так со мной разговаривал. Кем, черт возьми, ты возомнил себя? Позволь мне рассказать тебе кое-что: я потратила огромную часть своей жизни, чтобы научиться не позволять людям говорить со мной так, будто я — говно, поэтому больше я этого не потерплю. Это, — она оживленно жестикулирует между нами, — закончено! В этой маленькой кофейне разговор окончен. Я собираюсь сесть на автобус, а ты можешь поцеловать меня в задницу. Ты полный придурок, Кингсли!

Она раздражается и пыхтит, пока хватает свою сумку.

Я не двигаюсь из своего расслабленного положения на стуле. Я ухмыляюсь и наклоняюсь немного назад. Она так разозлена, но все, что я хочу сделать, это смеяться. Это было слишком просто. Она, возможно, была в состоянии скрыть ото всех всю жизнь, но я не слепой к тому, что под этой внешней стеной она нуждается в самопознании.

Я прятался внутри себя в течение года. Я знаю, как выглядят люди, которые притворяются, что все хорошо, и она сейчас выглядит именно так.

— Ты действительно собираешься там сидеть с самодовольной улыбкой на лице после того, как разозлил меня и проявил ко мне неуважение? — шипит она, когда встает из-за стола.

— Да, я такой. Я думаю, ты совершенно очаровательна, когда злишься. Я не могу помочь, но улыбнись прямо сейчас. Нужно просто успокоиться, черт возьми, не воспринимать все так серьезно, и вообще, научись принимать комплименты. Твой гнев здесь не к месту. И не надо никуда убегать. Я могу подвезти тебя домой. — Я спокойно жду, пока она обдумает мои слова.

Она закатывает глаза и резко выдыхает, когда снова опускается на стул.

— Без разницы, — говорит она, скрещивая руки на груди, — думаю, я позволю тебе отвезти меня домой, но не жди, что я приглашу тебя, когда мы доберемся. И я по-прежнему считаю тебя сволочью, — фыркает она.

— О, я никогда бы не ожидал. Я бы даже не попросил, — говорю ей, поднимая обе руки в воздух, сдаваясь.

— Ладно, ну давай, потом. Я устала, и сегодня вечером должна работать. — Она все еще немного недовольна, но я вижу, что ее истерика прошла. Должен признать, я рад, что она не просто ушла. В течение минуты я не был в этом так уверен.

— Ах, да? А где ты работаешь? — прежде чем спросить, я потягиваю остатки своего напитка.

— Я работаю в центре в спорт-баре «Rookies».

— Я знаю «Rookies». Бывал там раз или два, но никогда не видел тебя там.

— Да, я долго там не была. На самом деле, в большинстве случаев я не торчу на рабочем месте слишком долго.

Мы выходим на стоянку, я хватаю шлем и отдаю ей. Морщась, она хватается за него.

— О, успокойся и надень его.

— Ты всегда такой властный? — спрашивает она.

— Да, довольно часто. Не волнуйся, с тобой это будет только расти, — говорю с ухмылкой.

Она закатывает глаза, и я очень стараюсь не улыбнуться.

Довожу ее до дома и выключаю двигатель. Я могу сказать, что она беспокоится о том, что я захочу подняться.

— Ну, надеюсь, я не отпугнул тебя слишком сильно. Мы должны снова встретиться в ближайшее время, — говорю я, не отходя от мотоцикла. — Могу ли я получить твой номер телефона?

Она смотрит мне в глаза, ее взгляд опускается вниз на мой телефон, который я держу в руках.

— Думаю, да. — Она берет мой телефон, набирает на нем номер, прежде чем передать его обратно ко мне.

— Ты действительно не собираешься зайти? — говорит она, выглядя недоуменной.

— Нет. Ты сказала, что не собираешься приглашать меня. Все нормально, не беспокойся, — говорю я, надевая шлем. Она все равно не знает, что я на самом деле еще к этому не готов.

Она стоит там, смотрит на меня, как будто понятия не имеет, что сказать.

— У меня никогда не было парня, который не хотел бы зайти. Это впервые.

Я закрепляю ремешок шлема под подбородком и хихикаю:

— Ну, все бывает в первый раз.

Я отъезжаю на своем байке и выезжаю на дорогу. Оглядываюсь назад, и она по-прежнему стоит там, просто смотря на меня. Мне нравится, что я удивил ее, застал врасплох, и показал ей, что не все парни предсказуемые. Есть намного большее, чем просто Джессика, и в первый раз, после того как Лили умерла, я чувствую желание познакомиться с другим человеком. Ощущение мне чуждое, но не все так плохо. На самом деле, это своего рода волнующе. Мы встречаем людей не случайно. Они предназначены, чтобы пересечь наш путь по какой-то причине. В глубине души я знаю, что она пересекла мой путь по какой-то важной причине, и я решил выяснить по какой именно.

21 глава

«Мне нужен кто-то, кому я мог бы отдать всего себя — всё свое свободное время, всё свое внимание и заботу. Кто-то зависимый от меня».

— Чак Паланик

Джессика

Кингсли — это чрезвычайно непонятный ублюдок. Я понятия не имею, что думать о парне. Я бросаю ключи на столешницу и ложусь на диван. Смотрю в потолок и думаю про наш совместный день. Одну минуту он был милый и чертовски сексуальный, в следующую вел себя как сволочь.

Фу, мужчины так чертовски запутаны.

Я смотрю на телефон в тысячный раз. Сама на себя злюсь за то, что сразу не ответила на телефонный звонок Джейса, потому что теперь буду мучиться в ожидании его звонка. Я знаю, что сказала, что все кончено, и я действительно имела это в виду, но решаю идти напролом и все равно ему написать.

Потому что я слаба.

Я: Джейс, прости, что пропустила твой звонок. Я хочу с тобой поговорить. Пожалуйста, позвони мне, если сможешь. Надеюсь, твоя мама в порядке.

Лгунья.

Честно говоря, я не могу беспокоиться о его матери еще меньше. Я ненавижу эту женщину и все ее высокомерие. Я смотрю на телефон так, будто чем больше я пялюсь, тем быстрее заставлю его реагировать.

Да поможет мне Бог.

Я решаю написать что-нибудь в дневнике, чтобы удержать свой разум от него и этого странного дня с Кингсли. Клянусь, я понятия не имею, почему так сильно нуждаюсь в мужчинах. Они ничего не делают, но меня это злит и пугает.

Я встаю, иду в свою спальню, включаю лампу и достаю дневник из тумбочки. Включаю свой iPod и выбираю Пинк в плейлисте. Музыка заполняет тишину моей квартиры, наполняя меня энергией и вдохновляя. Я плюхаюсь на кровать, вынимаю ручку из ящика, пролистываю страницы своего дневника и начинаю писать.

Мимолетные моменты

Кровавый смех

Между строк греха

Продувают мою душу изнутри

Отогнала все это прочь

Дала ему все

Свободу

Ясность

Воздух...

Вдыхаешь его.

Мимолетные моменты

Захватили лишь на короткое время

Никогда не может быть навсегда

Но могли всегда оставаться хорошими

Мимолетные моменты

Сейчас уплывают

На крыльях горьких прощаний

Почему?

Заблуждение, оплошности

Размытые линии

Недостатки у моих ног

Он заслуживает лучшего, чем я

Утром я продолжаю пялиться в экран своего телефона, задаваясь вопросом, ответит ли Джейс на мое сообщение, или это на самом деле конец для нас. Я знаю, что сказала ему идти жить своей жизнью, но на самом деле я скучаю по нему. Он постоянно у меня на уме. Здравый смысл кричит мне, просто отпустить его. Слишком много лет нас отделяют, многие мосты были сожжены, и теперь у него есть Виктория.

Но он первая мысль в моей голове, когда я просыпаюсь каждый день, и последняя каждую ночь, когда я закрываю глаза. Каким-то образом, после всех этих лет, он вернулся в мою жизнь. Неспроста он чувствует, что мы снова нашли друг друга. Словно мы действительно были предназначены друг для друга.

В то же время я знаю, что прямо сейчас я действительно не в состоянии любить кого-то. Моя жизнь перевернулась с ног на голову. Я не могу сказать, что хотя бы знаю, как правильно любить другого человека. Я знаю, как вешаться на кого-то, как манипулировать кем-то, как лгать и обманывать.

Но любить их? Нет.

Каждый раз, когда я смотрю в глаза этому человеку, я вижу все, кем была, все, кем являюсь, и все, кем могу быть. Это так трудно отпустить. Ты не можешь повернуть выключатель, не можешь нажать на кнопку и изгнать любовь, которую испытываешь к кому-то.

Мой телефон пищит, и я сразу чувствую укол волнения в груди. Я смотрю на экран и вижу незнакомый мне номер. Прежде чем открываю текст сообщения, я слышу стук в мою дверь и подрываюсь, забываю про телефон и подбегаю к глазку. Это Кингсли.

Какого черта он здесь делает?

Я действительно просто ненавижу таких людей. Это так грубо! Я открываю дверь и хмуро смотрю на него, давая ему понять, что не рада этому нежданному визиту.

— Что ты здесь делаешь, Кингсли? — скалюсь я. Его непринужденный, беспечный настрой вызывает желание кричать.

— Ну, тебе тоже доброе утро, милая.

Милая?

— Не называй меня «милая»! Повторюсь, что ты здесь делаешь?

Он одет в спортивные штаны, рубашку, изготовленную по технологии dri Fit и кроссовки. Похоже, он горяч, неважно как одет.

— Я здесь, чтобы забрать тебя, — говорит он уверенно.

— Когда ты решил забрать меня этим утром? Я не помню, чтобы мы это обсуждали, — говорю я ему, совершенно не готовая и застигнутая врасплох таким поворотом событий.

— Я написал тебе.

Его улыбка становится шире, и это все, что я получаю от него. Я решила держать этого парня

на безопасном расстоянии, потому что, хоть и чувствую влечение к нему, он все равно пугает меня до чертиков. Я всегда могу предсказать поведение парней. Когда они все хотят одного и того же, это не трудно сделать. И я уже привыкла не общаться с теми парнями, с которыми зависала. Но Кингсли отличается от них. Он забирается под мою кожу, а последний человек, который забирался под мою кожу был...

Я обрываю эту мысль прежде, чем могу завершить ее, и спрашиваю:

— Разве ты не должен быть на работе или где-то еще?

— Нет, сегодня суббота. Я не работаю в магазине по выходным, и у меня нет клиентов в тренажерном зале до конца сегодняшнего дня.

— Ладно, так почему ты здесь? — я не хочу быть грубой, но он просто появился без предупреждения на моем пороге.

— Я здесь, чтобы взять тебя с собой для своей утренней тренировки. Так что иди надень одежду для тренировки и спускайся!

Я ничего не могу с собой поделаться и смеюсь. Должно быть, его мозг переделали инопланетяне в течение ночи. Я не хожу в тренажерный зал. Тренажерный зал — это увеличительное стекло для недостатков. Я никогда не была ни в одном, там я чувствую себя, словно на показе по сравнению с другими женщинами.

— Ты шутишь? Я ни за что не пойду в этот ад, я не хожу в тренажерный зал. Почему бы тебе не предположить пойти позаниматься с тобой на улице? А не в тренажерном зале, полном других девушек, Кингсли. Это не для меня.

Он скрещивает руки на широкой груди и улыбается, черт, эта улыбка убивает меня каждый раз. Клянусь, я просто хочу сососать эти полные губы на его щетинистом лице!

— Джессика, у меня создается впечатление, что ты это-все-не-для-меня тип девушки. Мне кажется, что ты редко пробуешь что-то новое, и я думаю, что в твоей жизни много стресса. Тренировки — это единственное, наиболее эффективное средство для снятия напряжения. Просто пойдем со мной. Если тебе не понравится, мы уйдем. Я обещаю.

— Кингсли, я работала до двух часов ночи, и устала. Последнее, что я хочу делать — это тренироваться, — ною я. Он просто стоит и в ожидании смотрит на меня. — Есть ли у тебя привычка появляться у девочек дома и тащить их в спортзал? Почему ты думаешь, что я буду в этом участвовать?

Как бы сильно я не ненавидела признаваться себе в этом, но на самом деле я заинтригована идеей провести с ним утро. Но этот чертов спортзал? Тьфу. Я действительно не хочу. Но он так чертовски убедителен, и сидеть внутри этой квартиры весь день, находясь в депрессии из-за Джейса, звучит не очень привлекательно. Вдруг до меня доходит, что я, наверное, похожа на черта. Я стараюсь, но безуспешно, выпрямить волосы своими руками так, чтобы не заметил Кингсли.

— Ох, кого волнует, как выглядят твои волосы? Пойди надень треники, футболку, кепку и пойдем. Ты отлично выглядишь такой, какая ты есть.

Он серьезно!

Я выгляжу как дерьмо, и мне нужно время, чтобы привести себя в порядок. Я знаю, что у меня темные круги под глазами, и я могу только вообразить, насколько бледно я выгляжу сейчас без макияжа.

— Я похожа на задницу. Я не могу выйти в таком виде. Я должна нанести немного макияжа. — Вот так!

Ну, видимо, не так, ведь он просто входит в мою квартиру, как будто он живет здесь, и начинает командовать мною!

— Что я только что сказал, Джесс? Мы теряем время, — говорит он мне, и тон его голоса звучит так, будто в прошлой жизни он был сержантом. — Иди надень треники, футболку, расчеши волосы и пойдём. Тебе не нужен дурацкий макияж. Я в любом случае ненавижу это дерьмо. Женщины должны просто принять свое естественное состояние. Во всем этом дерьме нет необходимости. Ты прекрасна — *ты* — а не то, что ты втираешь в лицо. Теперь шевелись. — Говорит он, прогоняя меня в сторону моей комнаты своими руками.

Этот парень, бл*дь, невероятен. Он просто прислоняется к моей стене, скрестив большие, очень загорелые бицепсы на большой груди, и смотрит на меня.

— Ну, чего ты ждешь? Иди!

— Ладно, ладно! Блин, я собираюсь, собираюсь! Не понимаю, что ты так меня подгоняешь, — говорю я нахально, поворачивая свою задницу.

Он смеется на мой комментарий, и я ловлю его улыбку в зеркале, пока иду в свою комнату. Клянусь Иисусом, у этого человека самые здоровые, белоснежные зубы, выглядывающие из самого сексуального, который я когда-либо видела.

Боже, я в беде. Грядут большие неприятности!

Он открывает для меня дверь в зал, и я едва могу заставить себя зайти внутрь. Я чувствую себя совершенно беззащитной и уязвимой, когда переступаю через порог в слегка мускусный и влажный воздух.

— Эмм, разве у меня не должно быть членство или что-то в этом роде, чтобы быть здесь? — спрашиваю я, в надежде, что есть хоть какой-то способ выбраться отсюда.

— Нет, сегодня ты — мой гость, — говорит он, пока протискивается к стойке.

За стойкой стоит великолепная миниатюрная блондинка, которая дарит ему свой лучший «трахни меня» взгляд, пока сканирует его пропуск и затем возвращает обратно.

— Хорошей тренировки, мистер Аррингтон, — говорит она с восторгом.

Я закатываю глаза и вздыхаю.

Да, это именно то место, где я не хочу быть, как я сказала, НИКОГДА.

— Вот поэтому тебе нравится сюда ходить? Потому что все женщины замирают перед тобой и

смотрят на тебя с обожанием?

— О чем ты говоришь? — спрашивает он, пока я следую за ним по залу через море тренажеров для спины.

— Та цыпочка совершенно точно раздевала тебя глазами. Ты не можешь действительно сказать мне, что не заметишь это все время.

Он распахивает дверь в другую комнату.

— На самом деле, нет, не замечаю. В то время когда я здесь, я не обращаю внимания ни на что, кроме тренировки.

Я смотрю вокруг и погружаюсь в зеркальные стены, которые просто фантастические! Они действительно так далеки от фантастических, что я даже не могу придумать подходящее слово. Есть еще одно слово, которое я хотела бы сказать, но я промолчу. Это место для меня — маленькая комната ужасов.

Я замечаю большие веревки, концы которых свешиваются вниз. Ага, совсем небольшая комната с очень ужасным на вид дерьмом. Я понятия не имею, почему мы здесь, но думаю, что мне здесь ничего не понравится. Сейчас уже, все те тренажеры по другую сторону этой двери, кажутся более привлекательными.

Он роняет свою спортивную сумку, вытаскивает iPod и подключает его к стерео системе. Музыка наполняет воздух. Metallica. Улыбка распространяется по моему лицу.

По крайней мере, здесь есть хоть что-то хорошее.

— Ладно, нам нужно, чтобы ты разогрелась, поэтому побегай на беговой дорожке в течение примерно пятнадцати минут. Затем возвращайся сюда.

Я смотрю на него так, словно он сумасшедший.

— Это не подходит, ты бросаешь меня на растерзание, так что, нет. Я не пойду туда одна, чтобы быть на виду у всех как уродина. Почему? Потому что я не могу заниматься на беговой дорожке, когда не знаю, как она работает, при этом рядом с людьми, которых я не знаю. Не вариант.

Теперь он закатывает глаза. Он хватает меня за руку и выходит в главный зал спортзала, шагая к тому месту, где я полагаю, должна быть кардиозона.

— Слушай, тебе надо немного расслабиться. Этих людей не заботит, что ты тут делаешь. Посмотри вокруг, что ты видишь? Они все слушают музыку в наушниках, смотрят телевизор или читают. Они не обращают на тебя никакого внимания.

Я смотрю по сторонам. Он прав. Никто даже и не смотрит в нашу сторону. Он подводит меня к пустой беговой дорожке, нажимает несколько кнопок и указывает мне, чтобы я начинала.

— Прямо здесь, — он указывает на несколько кнопок, — ты можешь контролировать скорость, если хочешь. И здесь, — он жестом указывает на большую красную кнопку, — ты можешь нажать, чтобы остановиться. Ты не должна бежать очень быстро. Просто пусть твой пульс немного увеличится, и держи его таким около пятнадцати минут. Когда закончишь, возвращайся в комнату для занятий. Ты справишься, я знаю. — Он дарит мне ободряющую

улыбку и уходит.

Я смотрю вниз на беговую дорожку, включаю и регулирую эту чертову штуку. Я устанавливаю ее на скорость, с которой могу справиться без разрыва грудной клетки, и начинаю бежать.

Эти пятнадцать минут длились больше, чем пятнадцать часов. Я потею, и мое сердце подкакивает, как будто я на скорости. Я действительно только сейчас поняла, насколько я не в форме!

— Кингсли, я всё. Ты надрал мне задницу. Я не в форме и могу поклясться тебе, что у тебя нет ни единого шанса заставить меня сделать что-то еще, — говорю я, когда он начинает демонстрировать, как использовать эти огромные пыточные веревки.

— Уверен, что сможешь. Ты просто должна перебороть себя. Расширить свои пределы. Я знаю, что ты можешь больше, чем пятнадцать минут. Просто позанимайся здесь, и потом ты можешь попить немного воды и сделать перерыв, если хочешь. Не будь такой размазней.

Я бью себя по лбу и смотрю на него.

— Ты идиот, ты знаешь это? Я не в форме. Я не размазня, это долбаное отсутствие формы!

— Все равно. В любом случае, ты жалуешься. Хватит, блин, ныть и притащи свою задницу сюда, я покажу тебе, как это делать. Единственный способ, чтобы не быть не в форме, нужно войти в форму. Так что заткнись и давай приводить тебя в форму. Ты молода, худа, и ты не можешь развалиться от пятнадцати минут на беговой дорожке. В твоём возрасте ты должна быть в состоянии сделать гораздо больше. Так давай изменим это.

Я вздыхаю и закатываю глаза. Он такой властный, это так неприятно. Но странным образом мне это нравится. Я не могу толком объяснить почему, но знаю, что чувствую себя сильнее, даже просто находясь в его присутствии. Он чувствует себя хорошо, даже если он хитрюга большую часть времени.

Я наклоняюсь, чтобы поднять гигантские канаты, когда мой телефон начинает вибрировать в кармане. Я быстро его вытаскиваю, и мой желудок трепещет, когда я вижу, что мне написал Джейс.

Джейс: Джесс, мне жаль, что пришлось сбежать. Мама очень больна, и я собираюсь остаться здесь, пока мы не выясним, что с ней случилось.

Я перечитываю текст сообщения несколько раз, заикливаясь на одном слове: МЫ.

Я: *Делай все, что тебе нужно, Джейс. Ты не должен мне ничего объяснять.*

Джейс: *Джесс, не будь такой. У нас есть, о чем поговорить. Это просто очень неудачное время. То, что произошло между нами, действительно случилось, и мы не можем делать вид, что ничего не произошло. Моя мама нуждается во мне. Пожалуйста, не отталкивай меня просто потому, что я не могу быть там с тобой.*

Я: Ты издеваешься? Это не связано с тем, где ты: со мной или нет. Это о том, с кем ты там! Это про то, что ты сначала трахаешься со мной, а потом уезжаешь вместе с ней!

Джейс: Джесс, пожалуйста, постарайся понять, что мама должна оставаться спокойной. Она любит Викторию, и я не могу просто так сбросить все это на нее, пока она больна. Я знаю, я должен выяснить, что делать с моей помолвкой, но сейчас не время. Мама так настроилась на эту свадьбу, и я не могу сказать ей, пока она лежит на больничной койке, что я нашел тебя или, что все еще люблю тебя, а не ту женщину, которую она видит рядом со мной в будущем.

— Эй, давай шевелись. Оставь свой чертов телефон, женщина, и иди уже сюда, — говорит Кингсли, и я смутно замечаю улыбку в его голосе.

Мне жарко, и мой пульс ускоряется. Джейс всегда заботится о других и делает так, чтобы все остальные были счастливы. Но он не позаботился о моих чувствах. Он просто трахнул меня и ушел с этой сучкой без задней мысли. Он настолько озабочен своей матерью, если бы он только знал, на что эта женщина способна!

Конечно, она любит Викторию. Виктория — ее мини-версия. Джейс нашел женщину и женится на ней, потому что она копия его высокомерной матери. Мать, у которой не было никаких раздумий по поводу оплаты смерти будущего ребенка ее сына, и она никогда не оглядывалась назад.

Не делай этого, Джесс. Не причиняй ему боль, только чтобы досадить ему. Просто отпусти ситуацию и сохрани тайну, которую ты всегда хранила. Храни тайну, потому что это раздавит единственного мужчину, которого ты когда-либо любила.

Но я сделаю это. Я раздавлю Джейс одним сообщением.

Я: Почему бы тебе не спросить у своей дорогой матери, как она чувствовала себя, когда откупалась от матери своего нерожденного внука? Почему бы тебе не спросить у своей мамы, каково это смотреть, как ты скучаешь по мне и ищешь меня? Почему бы тебе не спросить у твоей мамы, была ли у нее когда-нибудь хоть одна гребаная мысль, каково это молодой, растерянной, находящейся в ужасе восемнадцатилетней девушке лежать в клинике аборт, наблюдая, как ее ребенка высасывают машинами? Спроси ее об этом, Джейс! Держу пари, она будет ненавистно, что ты все еще любишь эту девушку, несмотря на все проблемы, через которые она прошла, чтобы разлучить нас! Так что, да, ты прав. Она никогда бы не смогла справиться с этим, зная, что ты нашел меня снова!

Я нажимаю на кнопку отправки. Понимаю, что намеренно причинила ему боль, потому что знала, что смогу ударить его в самое больное место.

Теперь он знает, что его родная мать предала его.

Я запикиваю телефон обратно в карман и сдерживаю слезы. Решительно иду к Кингсли, и он протягивает мне канат.

— Что случилось, Джессика? Ты выглядишь так, будто сейчас заплачешь. Что происходит? — спрашивает он. От беспокойства вокруг его глаз и на лбу появляются морщинки, но я игнорирую его вопросы.

— Просто покажи мне, что делать. Я не хочу говорить об этом.

— Мне нужно надрать кому-нибудь задницу за тебя? Потому что я могу. — Я не смотрю на него, но слышу убежденность в его словах. — Кто бы ни был в твоём телефоне, ты внезапно расстроилась. Ты уверена, что все хорошо? Потому что ты не выглядишь, будто все в порядке.

— Кингсли, я сказала, что не хочу об этом говорить. Я в порядке. Давай просто покончим с этим, ладно?

— Ладно, как скажешь, крутая. Ты знаешь, однажды это все вокруг тебя может рухнуть. Ты не можешь всегда быть такой жесткой. Это нормально разрушить стены.

Он обходит меня и обхватывает каждую мою руку, обвязав мои руки веревками. Он наклоняется, и я могу чувствовать тепло его дыхания на моей шее возле уха.

— Ты не обманешь меня, Джессика. Я знаю эту игру, я играл в нее каждый день в течение долгого времени. Просто знай, что можешь поговорить со мной, когда захочешь выпустить все наружу. Не позволяй беспорядку в голове контролировать тебя. Все страхи только в наших головах, если мы позволяем им там находиться. Монстры не живут под кроватями, где они действительно находятся, так это в наших головах. Помни это.

Я просто киваю, не имея ни малейшего представления, как реагировать. Он не знает, что мои монстры заразили мой разум так давно, что я больше не знаю, где заканчиваются они, и где начинаюсь я.

— Ты должна просто слегка держать их натянутыми и приседай. Затем, поднимай или опускай веревки, от плавных движений происходит своеобразный волновой эффект. Каждый раз, когда ты опускаешь веревки вниз, ты приседаешь. Затем ты поднимаешь спину вверх, и веревки поднимаются вверх. Если ты хочешь, можешь швырнуть веревки вниз к земле так сильно, как сможешь.

Он прижимается сзади к моей спине и руководит моими движениями. Я чувствую его дыхание, когда он объясняет каждую часть упражнения, и хотя меня тянет к нему, все, о чем я могу думать, это Джейс.

Это выводит меня из себя!

У меня есть этот горячий, отличный парень, но я не могу перестать думать об этом ублюдке, мои мысли запутались. Кингсли может не знать, о чем или о ком я думаю, но он точно знает, что мне нужно услышать.

— Просто подумай о чем-то или о ком-то, что ты ненавидишь, и представь это перед собой. Раздави его этими веревками, — говорит он.

Теперь есть замысел, с которым я могу работать!

Он пятится от меня, я поднимаю веревки и опускаю, я их очень сильно бью. Я хлопаю их об пол и чувствую себя чертовски здорово! Я делаю это снова и снова. От каждого шлепка веревок, я представляю Викторию, эту суку, миссис Коллинз, и всех девушек в школе, которые мучили меня годами.

Я бью их за ужас.

Я бью их за грусть.

Я бью их за страх.

Я бью их за боль.

Так. Много. Боли.

Слезы начинают течь вниз по моим щекам, когда я представляю Джейса, и, наконец, себя. Я ненавижу себя больше всего, потому что неважно, насколько сильно стараюсь, я знаю правду. Я слаба. Я, черт возьми, грязная. Я вся выжата. И ни один мужчина не будет любить меня, потому что я ненавижу себя.

Что я только ни делала, чтобы Джейс видел доказательства того, что я страшный, ужасный человек. Я сделала ему больно, потому что чувствовала боль.

Око за око, я действую прежде, чем думаю. Я гребаная импульсивная, иррациональная бомба замедленного действия, которая никогда полностью не учитывает последствия своих действий.

Вдруг я чувствую руки вокруг себя и дрожу. Мои руки падают, а ноги дрожат.

— Эй, эй... это хорошо. Просто отбрось их. Присядь и выпей воды. Все в порядке, Джесс. Все будет хорошо.

Я хотела бы верить ему.

Ветер в моих волосах и звук двигателя Харли ревет у меня в ушах. Мои руки обвиты вокруг Кингсли, а голова покоится на его спине. Прошло две недели с того дня, как я сломалась в тренажерном зале перед ним. Он не настаивал, чтобы я рассказала ему, что случилось, и он больше не поднимал эту тему. Как ни странно, за последние две недели мы провели много времени вместе в спортзале, и ни разу еще Кингсли не приставал ко мне. Я жду, когда это случится, но он ничего не предпринимает. В некотором смысле, я чувствую облегчение.

Думаю, Джейс все еще с мамой и Викторией, я не слышала ни одного словечка от него. Последнее общение между нами — тот обидный текст, что я послала ему. Он так и не ответил. Так и не позвонил.

Просто ничего.

Его молчание оглушает. Я знаю, что разрушила любой шанс быть с ним. Я пыталась занять себя, но все еще думаю о нем каждый день. Потерять его снова больно, но мало-помалу собираю себя по крупицам. Я работаю в ночную смену в баре и продолжаю утренние, субботние тренировки с Кингсли. К моему глубочайшему удивлению и изумлению, я действительно с удовольствием занимаюсь с ним. Мы с Мерседес переписываемся и планируем в ближайшее время собраться и выпить. Я избегала поисков другой группы и доктора, но знаю, что все равно вскоре придется их поменять.

Мы доезжаем до моего дома, он заглушает байк и спрашивает:

— Ты работаешь сегодня вечером?

— Да, субботы всегда урожайны на чаевые. — Говорю я ему, свешиваю свои ноги и отхожу от мотоцикла.

— А завтра вечером? — я беру его шлем, по поводу которого я даже больше с ним не спорю, и отдаю ему в руки.

— Умм, нет, обычно я не работаю по воскресеньям. А что?

— Ну, я знаю, ты сказала мне, что никогда не готовила, поэтому ты так и не научилась. Я думал, может, ты придешь ко мне, и мы могли бы вместе приготовить ужин. Я могу показать тебе, как сделать кое-что. Мы можем поесть и поболтать. Может, посмотрим фильм или что-нибудь еще. Если ты за, то давай.

Смех ускользает от меня, когда я смотрю на него снизу вверх.

Он серьезно!

— Ты смешной. Ты хочешь, чтобы я сожгла твой дом дотла? Я клянусь тебе, что не смогу научиться готовить за вечер. Я не могу даже сварить яйца, Кингсли!

Волосы падают на мои глаза, и он тут же протягивает руку, чтобы убрать их в сторону. Я чувствую тепло от его руки, и дрожь пробегает вниз по всему моему телу. Я прогоняю чувства прочь и смотрю на него, улыбаясь, и убираю свои волосы назад.

— Мои волосы — это бардак, — говорю я, внезапно чувствуя себя немного застенчивой.

— Мне нравится. Они выглядят превосходно, даже когда растрепаны.

— Ээм, спасибо. — Мгновение мы вместе смеемся. У нас было много таких моментов в последнее время: легко, беззаботно, комфортно.

— Итак, это свидание! Приходи завтра вечером, около шести часов, и мы сделаем что-нибудь простое. Трудно испортить спагетти. Я обещаю, все будет в порядке. Я скину тебе мой адрес.

Я никогда не была у него дома. Он никогда не приглашал меня. Он был своего рода закрыт, когда речь заходила о его личной жизни вне тренажерного зала или моей квартиры.

— Звучит хорошо. Тогда увидимся. То есть если я смогу ходить, — говорю я иронично. — Это было так уж необходимо делать столько прыжков сегодня утром? Боже, ты такая задница! Ты знаешь, как я ненавижу эти вещи.

Он смеется, пока заводит свой байк, и двигатель делает пару оборотов. Он протягивает руку к уху, как будто пытается услышать меня.

— Извини, не слышу тебя. Надеюсь, ты провела хорошую тренировку. Я знаю, как сильно ты любуешься прыгать! — затем он улыбается чертовски сексуальной улыбкой и отъезжает.

Он такой плохой! Но я должна признать, думаю, мне это нравится.

22 глава

«Они говорят, что монстры живут под кроватями. Но они не правы, потому что на самом

деле монстры живут в наших головах».

— *Кэтрин Перес*

Кингсли

Стоя перед дверью, я смотрю на ручку и пытаюсь восстановить дыхание. Я смотрю на нее и опять ухожу, уже в сотый раз?

Я не был в этой комнате после смерти Лили. Это было слишком больно, поэтому я шел дальше по жизни, как будто ничего не произошло, заталкивая все это глубже и держа все в себе.

Но эта чертова девчонка снова заставляет меня чувствовать, и это чертовски пугает меня!

Я вижу себя в ее глазах: испуганный парень пытается удержать все это вместе, пытается быть сильным, храбрым, пытается одурачить мир вокруг себя. Я смотрю на нее и вижу силу, завернутую в боль. Мне хочется сказать ей, чтобы она отпустила все, выпустить боль наружу, но я не знаю, хочу ли я, чтобы она сделала это, или хочу этого для себя.

Я не знаю, какая у нее история, или откуда происходит ее боль, но одно я знаю точно, что боль — это боль, печаль — печаль, и боль одинакова для каждого человека, какими бы разными мы ни были. Знаю то, что боль может подтолкнуть некоторых людей к краю, но надеюсь, что Джессика не такая. Я надеюсь, что она никогда не доберется до этого места. Я слишком хорошо знаю, что может произойти, когда боль достигает точки невозврата.

Медленно я протягиваю руку, поворачиваю ручку и толкаю дверь. Полуденное солнце потоками освещает потревоженные частицы пыли, которые в испуге прыгают в воздухе. Я сосредотачиваюсь на них в последней отчаянной попытке задержать лавину эмоций, которые готовы похоронить меня. Наконец-то я осматриваюсь и просматриваю глазами каждую деталь комнаты.

Ее мольберт стоит в углу комнаты возле окна, и тот любимый старый розовый свитер, забрызганный краской, который, как она сказала, был таким мягким и теплым — по-прежнему накинут на кресло. Он висит там, ожидая, когда она снова скользнет в него.

Но она больше никогда этого не сделает.

Ее масляные краски выстроились на столе в идеальном порядке. Кисти ждут ее руки, чтобы она взяла их.

Но она больше никогда этого не сделает.

Я подхожу и провожу пальцами по ее большому дубовому столу. Он холодный на ощупь, и, хотя мои пальцы в мозолях, я чувствую тонкие рубцы дерева под ними. Я закрываю глаза и совершенно идеально вижу ее в своей голове, когда она сидела здесь, смешивая краски, счастливая, улыбающаяся, погруженная в свое искусство. Ее улыбка была такой яркой, но она, кажется, никогда не достигала ее глаз. Я знаю это сейчас, но почему я не смог увидеть тогда? Теперь я знаю, как выглядит боль. Но сейчас уже слишком поздно.

Если бы я только знал, что она страдает...

Если бы я только знал, что ее боль была так глубоко...

Я, возможно, сумел бы спасти ее.

Почему я не смог увидеть, что даже когда она была здесь, она уже ушла?

Я беру свитер и подношу его к своему носу. Глубоко вдыхаю, пытаюсь захватить все следы ее запаха, но он исчез. Так же как и она. Я падаю вниз в свое кресло, вцепившись руками в свитер, слезы заполняют мои глаза, и я резко опускаю лицо. Слезы, которые не были пролиты, наконец-то вырываются на свободу. Я никогда не плакал из-за нее, но сегодня буду. Пора.

Время столкнуться с потерей.

Время осознать, что моя жена выбрала смерть вместо жизни, потому что она чувствовала, что у нее нет другого выбора.

Время признать, что она не достучалась до меня.

Время признать, что я никогда не узнаю почему.

Время перестать игнорировать ее смерть.

Время столкнуться с реальностью самоубийства.

Я думаю о ней все время, но никогда не думаю о ее смерти. Я не был в состоянии посмотреть правде в глаза. Лили всегда в моей голове, и мои мысли не могут сдвинуться с места, не натываясь на что-то связанное с ней.

Я плачу за ту жизнь, которой она жила.

Я плачу за жизнь, что она бросила.

Я плачу за нашего ребенка, который никогда не будет рожден.

Я плачу за женщину, которую любил и потерял.

Я наконец-то оплакиваю мою Лили.

Я врал себе так долго, что ложь становится правдой, а правда ложью.

Я смотрю сквозь слезы на холст перед собой и пробегаю пальцами по уже нарисованной половине. Так же как и ее жизнь, картина полна цвета, но в то же время так темна, жива только наполовину.

Я медленно встаю и кладу ее свитер обратно на кресло. Подхожу к ее столу, просматриваю лежащие там документы. Розовая надпись, выглядывающая из-под маленькой кипы бумаг и конвертов, бросается мне в глаза. Я раздвигаю бумаги в сторону, открываю конверт с моим именем, написанным на нем вьющимся, темно-розовым почерком. Мое сердце замирает, а потом начинается сильно биться.

Все это время я всегда чувствовал себя очень грустным, что у меня нет настоящего объяснения, нет окончательного слова, ничего, кроме пустого дома и сердца. Именно поэтому я начал ходить на групповую терапию. Я просто хотел понять, что такое депрессия, самоубийство, нанесение себе повреждений. Я не мог понять, как Лили могла сделать это сама. Я подумал, что если бы смог выслушать других, кто сталкивался с этим, то, возможно, я мог бы понять и внести некоторую ясность. Но вот я, смотрю на письмо, которое вполне может

вместить все ответы на вопросы, которые я никогда не задавал, пока она была жива.

Дрожащими пальцами я беру конверт, а страх перед неизвестным ползает внутри моей головы. Я перебираю мысли и переживания, спрашивая себя, действительно ли я хочу узнать. Действительно ли хочу видеть последние слова, которые она написала мне? Смогу ли я справиться с правдой? Более того, смогу я справиться с ее правдой? Я медленно открываю конверт и достаю письмо.

К,

Слова кажутся недостаточными, любовь моя, но я знаю тебя и знаю, что ты никогда не успокоишься, пока у тебя не будет ответа на этот огромный вопросительный знак, который ты поставил перед собой. Я не могу начать это письмо, без того, чтобы не выразить, как сильно я тебя люблю. Во-первых, ты должен знать, что я никогда не переставала любить тебя, и ты не должен винить себя в моей смерти. Я вела безнадежную борьбу слишком долго. Единственное, в чем я уверена, что ты не сможешь понять. Если ты не живешь в депрессии, ты никогда не сможешь полностью меня понять. Она забирает мои дни и мои ночи, преследуя меня. И я устала, Кингсли. Так устала.

Я знаю, ты спрашиваешь себя, почему я не пришла к тебе, и могу сказать только то, что чувствую вину. Вину за то, что не стала лучше для тебя, для нас, для нашего будущего ребенка. Для меня стало переломным моментом, когда я узнала, что беременна. Я с трудом держала себя в руках, поэтому совсем не могла заботиться о ребенке.

Я стала мастером в маскировке, носила маску перед тобой и перед нашими семьями, пытаюсь делать вид, что этот яд не разъедает меня. Я резала себя, чтобы облегчить свою боль, чтобы контролировать свой мир, поэтому я всегда удостоверюсь, чтобы свет был выключен, когда мы были в постели. Я сделала все, чтобы скрыть свою боль. Мысль, что я сделаю тебе больно, была мучительнее, чем причинение боли себе. Ты хороший человек, К, и ты проявлял заботу обо мне. Никогда не сомневайтесь в этом. Внутри меня что-то сломалось, и это уже никогда не сможет быть починено. Это глубоко и темно. Небытие, что пожирает меня каждый день, жжжет и переполняет меня до точки, где я с трудом могу вынести еще одну минуту. Это темное облако нависает надо мной постоянно. Но я, наконец, готова принять его, потому что оно стало слишком большим бременем на моих плечах.

Я знаю, я улыбалась для тебя, и знаю, что ты смущен этим. Но я улыбалась для мира, потому что моя улыбка — это моя защита. Она скрывает мою боль, она скрывает мою печаль и мой страх. Моя улыбка дает утешение, а тебе дает уверенность, что все в порядке. Это мой ежедневный подарок для тебя, потому что ты заслуживаешь все мои улыбки, а не печали. Эта инфекция влезла в мое тело, влезла в мою голову, но я клянусь тебе, что это никогда не влезало в мое сердце.

Мое сердце навсегда будет твоим.

Я хочу так много всего для тебя, К. Пожалуйста, не трать свои дни на траур. Пожалуйста, не потеряй себя только потому, что я никак не смогла найти себя. Полюби снова, снова веселись, и создай семью. Ты заслуживаешь все то, что я украла у тебя. Я потратила так много времени и энергии, пытаюсь защитить тебя от моей боли, что в конце концов, все, что я сделала, это причинила тебе столько боли, сколько никто никогда не причинял. Я вечно буду извиняться за это. Я эгоистка, и знаю это. Я трусиха и обманщица. Я обманывала тебя всю жизнь и ненавижу себя за это. Я надеюсь, что в один прекрасный

день, ты сможешь простить меня. Пожалуйста, не позволяй прошлому испортить твое будущее. Не позволяй моей болезни испортить твое будущее счастье. Просто знай, что мне больше не больно и больше не страшно. Живи своей жизнью для себя и никогда не переставай быть прекрасным, необычным, уверенным в себе, удивительным человеком. Живи моментом — я знаю, что у тебя будет много красивых моментов.

Закрой эту главу своей жизни и начни новую. Переверни страницу и пиши свою собственную историю, потому что эта жизнь — твой холст, Кингсли. Так было всегда. Пожалуйста, живи...

~ Л.

Я прочитал письмо один раз. Два раза. Три раза, но не важно, как бы сильно я не старался соединить все это, слова просто не впитываются в полной мере. Гнев и печаль проходят через меня, и я просто хочу кого-нибудь ударить, сломать что-нибудь, хочу навредить кому-нибудь, хоть что-то! Она не имела права принимать это решение за всех нас. Я так злюсь на нее, на себя, на все это. Я не плакал и не чувствовал гнева или боли, поскольку она умерла, потому что я не хочу с этим смириться.

Вот почему! Я чувствую себя беспомощным и, бл*дь, чувствую абсолютную ненависть и злость, это так больно. Я не хочу ее ненавидеть, я не хочу злиться на нее. Она забрала мое сердце с собой, и я хочу ее вернуть, я хочу, чтобы моя Лили вернулась обратно! Я смотрю на часы и понимаю, что просидел здесь дольше, чем думал. Джессика приезжает на ужин и вот я здесь — чертова развалина. Мне нужно собраться. Я медленно складываю письмо, желая, чтобы мои руки перестали трястись, и кладу его обратно в конверт. Я не могу больше на него смотреть, поэтому кладу его в ящик стола. Я выхожу из комнаты и закрываю дверь, закрываю комнату, на которой держится вся моя злость и потеря.

После быстрого душа, я надеваю джинсы и свое любимое ожерелье. Я ношу его всегда. Лили подарила мне его, и я снимаю его только чтобы принять душ. Хоть я и злюсь на нее, я продолжаю носить его. Я немного прибираюсь и проверяю свою кладовую, чтобы убедиться, что там есть все продукты для ужина, затем хватаю телефон и быстро отправляю Джесс текст с моим адресом. Сейчас только пять часов, так что у меня есть около часа, прежде чем она будет здесь.

Почему я так нервничаю?

Это не школа. Я не подросток, кончающий на себя из-за девушки. Это просто ужин, ничего особенного.

Но это большое дело.

В этом доме не было женщины с момента смерти Лили. Я ни с кем не встречался, и я даже отдаленно не думал о свиданиях, пока не встретил Джессику.

Я осматриваюсь, чтобы убедиться, что все в порядке. Конечно, здесь все красиво и чисто. Лили была перфекционистом, и дом был всегда безупречным. После ее смерти, я вроде как превратился в помешанного на чистоте человека, желая оставить все так, как бы она хотела этого.

Я беру свою гитару и решаю поиграть на ней некоторое время, чтобы успокоить свои нервы. Игра на гитаре всегда помогала мне сосредоточиться, когда мне нужно отдохнуть.

23 глава

«Новые начинания могут залечить старые раны».

— *Кэтрин Перес*

Джессика

Я слышу красивые аккорды акустической гитары, исходящие из квартиры Кингсли. Окна открыты, и вечерний бриз мягко дует на прозрачные белые занавески, заставляя их раскачиваться взад и вперед. Его дом выглядит не так, как я ожидала. Он небольшой, но необычный. Перед входом находятся кормушки для колибри, и причудливый перезвон ветра раскачивает на крыльце белые качели. Я бы никогда не предположила, что это дом холостяка. Здесь чувствуется женская рука.

Может, ему помогает его мама или кто-то еще.

Когда я подхожу ближе к крыльцу и начинаю подниматься по ступенькам, легкий ветерок раздувает занавески в сторону, и я вижу его. Он сидит без рубашки на диване, играя на гитаре. На нем висит серебряный медальон на черной цепочке, на котором что-то изображено. Его лохматые волосы спадают на лицо, глаза закрыты, пока он перебирает гитарные струны. Он настолько увлечен музыкой, что выглядит так, словно находится в другом месте, не в своей гостиной. Легкость, с которой он играет, успокаивает и невероятно возбуждает. Я наблюдаю, как его пальцы шустро поглаживают струны, я удивляюсь их ловкости.

Я быстро меняю направление своих мыслей и пытаюсь стряхнуть с себя сексуальное влечение, прежде чем нажать на дверной звонок. Музыка резко останавливается, и я слышу его шаги, когда он приближается.

Дверь распахивается, и я вижу, как Кингсли натягивает футболку, мой взгляд сразу же падает на штаны, которые так низко висят на его талии. Эта V-образная линия, которая у него ярко очерчена, практически умоляет меня протянуть руку и отследить ее моими пальцами. Вены на его мускулистом теле выглядят как «Дорожная карта» в райское местечко, которое я хотела бы исследовать. Прежде чем мои мысли могут умчаться прочь, он запахивает свою рубашку, чему я очень признательна.

Дерьмо! Успокойся, Джесс.

— Эй, ты здесь! — он усмехается. — Заходи, — говорит он, предлагая мне войти.

Я быстро просматриваю комнату. Опять же, я удивлена. Я в восторге от того, как здесь безупречно чисто, и комната так хорошо оформлена! Очень вычурно. Кингсли продолжает удивлять до чертиков.

— Хорошее место. Здесь действительно здорово.

— Ох, спасибо. Да, мне это нравится. Здесь тихо и хорошие соседи.

Неловкость маячит между нами, пока мы стоим в его гостиной. Я не знаю, что сказать или сделать в этот момент. К счастью, Кингсли спасает меня, ломая напряжение в комнате.

— Ну, давай. Пришло время научиться готовить! — он тянется к моей руке. Я скептически смотрю на него снизу вверх и обратно.

— Ой, да ладно! Я клянусь, все будет в порядке. Ты не сможешь сжечь дом дотла, это просто спагетти. — Смеясь, он хватается за руку и буквально тащит на кухню.

— Позволь мне забрать твою очень большую сумочку.

— Эй, я люблю свою сумку. Отстань от нее! — говорю я игриво.

— Да, но ты не можешь готовить, держи эту штуку, дуреха.

Я протягиваю ему сумку, и он вешает ее на небольшую дверцу шкафа в коридоре. Он идет к док-станции для iPod в кухне и включает его.

— Музыка всегда делает все лучше, — говорит он, подмигнув.

Начинает играть One Republic, и он идет в кладовую за ингредиентами. Он выглядит так уютно на кухне, когда кружится, вынимая горшки и кастрюли.

— Ладно, возьми эту кастрюлю и заполни ее водой, примерно наполовину, — говорит он, вручая мне большую кастрюлю.

— Это я могу сделать. Видишь, если мы продолжим в том же духе, думаю, мы сможем даже съесть то, что приготовим, — шучу я.

— Черт, нет! Ты приготовишь это сегодня. Я же обещал научить тебя готовить что-то, и именно это я собираюсь сделать. Ты не отвертись от этого, дорогая.

Дорогая? Какого черта?

Он никогда не говорил мне этого раньше. Я думаю, что мне это нравится. Нет, я думаю, я люблю это!

— Ладно, доводим воду до кипения и переходим к мясу. Лично я предпочитаю молотые итальянские колбаски в спагетти, поэтому будем использовать их. Иди, бери их, кроши в эту кастрюлю, и поставь ее на маленький огонь. — На кухне он ведет себя так уверенно, в то время как я, словно олень в свете фар.

Я смотрю на него, а затем вниз на колбасу.

Насколько это сложно испортить? Надо ведь просто положить в кастрюлю, верно?

— Чудненько, посмотрим, смогу ли я это сделать без поджога, — бормочу я.

Он качает головой, пока вытаскивает спагетти из коробки.

— Ты такая глупышка, Джессика. Это не ракетостроение. Будь уверенней! Это же просто гребаная кухня. Скажи себе, что ты собираешься сделать чертовски классные спагетти, а

затем гордись тем, что ты сделала это.

Как ни странно, все еще в порядке! Колбаса поджарена, спагетти будут скоро готовы, и все что мы должны сделать сейчас, это добавить мясо в соус. Чесночный хлеб в духовке пахнет изумительно. Я понятия не имела, что делать чесночный хлеб настолько просто! Прямо сейчас я чувствую себя чертовски суперкулинарно. И да, такое слово есть. Я просто придумала его, спасибо большое.

— Вот, хочешь попробовать? — спрашивает он, когда окунает ложку в соус и протягивает ее мне.

Я смотрю на ложку, и какое-то странное ощущение проносится через меня. Его попытка накормить меня чувствуются очень личной, очень чувственной. Наклоняюсь к нему и открываю немного рот. Он кладет кончик ложки мне в рот, и я чувствую вкус соуса. В тот самый момент — из всех вещей, что могло случиться — я чихаю! Соус разлетается повсюду! Он везде: на нем и на мне! Я подавлена. Закрываю рот руками, желая провалиться сквозь землю.

— Боже мой, Кингсли. Мне так жаль! Мне так, так жаль!

Я смотрю на него, ожидая гнева или досады, но он улыбается этой огромной, глупой улыбкой, его лицо все покрыто соусом. Он начинает смеяться, по-настоящему, и я начинаю смеяться тоже. Я смеюсь сильнее, чем когда-либо за последнее время. Он протягивает руку и собирает немного соуса с моей щеки и облизывает палец.

— Довольно хорошая штука, дорогая. Я не ожидал, что наш ужин закончится этим, но эй, это лучше, чем сжечь дом. Я думаю, что ты запомнишь наш первый опыт в кулинарии.

Я все еще улыбаюсь и смеюсь как идиотка, когда протягиваю руку и копирую его движение. Я подношу палец к своему рту и пробую вкусный соус, закрываю глаза, чтобы посмаковать его. Когда я вновь открываю их, наши взгляды встречаются. Вдруг наш смех успокаивается, и что-то необычное заполняет пространство между нами. Я облизываю свои губы, и он делает шаг в мою сторону.

— Джессика, я знаю, я никогда не пытался ухаживать за тобой, но прямо сейчас собираюсь поцеловать тебя, если это нормально, — говорит он, пристально глядя в мои глаза.

Какого черта я должна на это сказать?

Я не совсем уверена, поэтому ничего не говорю. Просто киваю. Это может быть огромной ошибкой, очень большой, но я закрываю глаза и позволяю ему себя поцеловать.

Кингсли целует меня, целует так, как никто раньше меня не целовал. Это больше, чем поцелуй, он как будто изголодался по мне, словно ему нужен этот поцелуй больше, чем он нуждается в воздухе. Он запускает руки в мои волосы, удерживая мою голову, направляя каждое движение, наши губы сплетаются в медленном, контролируемом темпе. Это самый страстный поцелуй, который у меня когда-либо был. Я позволяю своему телу расслабиться в его руках и позволяю ему целовать меня, и я люблю каждую секунду этого. Это чувство удивительно, и в этот момент я знаю, что все меняется, двигается в лучшую сторону. Что-то очень важное происходит между нами, и я знаю, что наша дружба никогда не будет прежней.

Он отпускает меня, и поцелуй медленно заканчивается. Я не готова к странному после-первого-поцелуя моменту.

— Черт, просто черт! — шепчет он, слегка качая головой.

Я смотрю на него и чувствую, как тепло ползет по моему лицу. Я знаю, что я краснею и ничего не могу сделать, чтобы скрыть это. Он видит, что я стесняюсь.

— Ты такая очаровательная. — Он улыбается, хватая полотенце и очищает мое лицо. Жест нежный и такой милый, что я не двигаюсь. Я просто позволяю ему сделать это. И это чувствуется так хорошо.

Действительно хорошо.

— Это Руффино Кьянти, — говорит он, указывая на вино в своих руках. — Оно отлично сочетается с итальянской едой, но, наверное, надо было вспомнить об этом в то время как мы ели, — говорит он, наливая мне бокал вина.

— Да ладно. Я не любитель вина. Думала, что ты тоже, — говорю я.

Он поднимает брови и широко улыбается.

— Я полон сюрпризов, ты не знала? Я чертовски крутой! Но я не отставляю мизинчик, пока пью. Всему должен быть предел.

Мы оба хохочем, и я наслаждаюсь моментом, чувствуя себя свободнее, чем в любое другое время. Находясь вместе с ним, прямо здесь и сейчас, чувствую себя очень естественно и уютно. Как в старой футболке, которую я носила всю свою жизнь. Она полна дыр и слез, но это самая удобная вещь, что у меня есть. Я думаю, что Кингсли — это моя новая любимая старая футболка.

Я беру бокал вина, и он садится рядом со мной на диван.

— Так ты... эмм, ты в порядке с тем, что здесь произошло? — спрашивает он.

Дерьмо! Почему он спросил? Зачем сделал все это странным?

— Э, да это было хорошо, — говорю я застенчиво.

— Просто хорошо? — спрашивает он с поднятыми бровями.

Я закатываю глаза.

Мужчины!

— Я имею в виду тот факт, что ты поцеловал меня. Сам поцелуй был гораздо лучше, чем просто хорошо, Кингсли, но не я пойду на поводу и не помогу раздуть твое эго, — отвечаю я сухо.

Он ухмыляется, протягивает руку и ставит свой бокал на столик. Затем он хватается за гитару и ставит ее к себе на колени.

— Вот что мне в тебе нравится. Ты просто говоришь все, как есть, — он наигрывает несколько строк и перемещает свой взгляд назад ко мне.

— Ты когда-нибудь пробовала играть? — спрашивает он.

— Нет, я понятия не имею, как играть ни на одном музыкальном инструменте, — признаюсь я. Хотя и люблю музыку, я никогда не думала, что смогу хорошо научиться играть.

— Это не так сложно. Держу пари, у тебя быстро получится. Ты любишь писать стихи, и я думаю, ты сможешь написать песню.

Я качаю головой и отпиваю глоток вина.

— Нет, я так не думаю.

— Позволь мне показать тебе несколько аккордов, увидишь, как тебе это понравится.

— Серьезно, сначала готовка, сейчас гитара? Мои навыки в обучении не так развиты.

— Ох, заткнись! Вот, возьми ее. Просто поставь ее на коленях и удерживай левой рукой. Сейчас протяни руку так, чтобы твои пальцы были на струнах. Теперь нажми на первую струну безымянным пальцем, здесь, сразу за третьей, маленькой металлической меткой — она называется лад. Теперь свой средний палец поставь на второй лад пятой струны, и свой указательный на третий лад нижней струны, так же, как безымянный палец.

Он, наверное, шутит! Он направляет, указывает и показывает, пока вкладывает все эти музыкальные знания в меня, но нет абсолютно никакого шанса, что я справлюсь со всем этим. Он, похоже, почувствовал мою растерянность, потому что придвигается ближе и кладет свою руку поверх моих, показывая мне, как именно это делать. Его тело теплое, и я напряглась немного от ощущения его кожи на моей.

— Позволь мне показать тебе, — тихо говорит он.

Он начинает играть, точнее, мы начинаем играть, и это самая сладкая, самая удивительно эротическая вещь, которую я когда-либо испытывала. Я чувствую вибрацию струн, слышу красивый звук акустической гитары. Чувствую все, в том числе, как невероятно он прижимается ко мне. Это очень страстный момент. У меня перехватывает дыхание, и я чувствую, как мой пульс начинает подниматься. Когда мое сердце начинает гонку, он откидывается назад. Музыка обрывается, и мое тело почти кричит от его отсутствия.

— Извини, я сделала что-то не так? — спрашиваю я.

Он выглядит расстроенным, но в то же время и грустным.

— Нет, ты не сделала ничего плохого.

Он опускает голову и не отвечает на мой взгляд. Я понятия не имею, что происходит, но знаю, что заставляет большинство парней почувствовать себя лучше. Тут же всплывает моя потребность удовлетворять, и я раздумываю, как моя старая автоматическая реакция может пригодиться прямо сейчас. До сих пор я была в состоянии держать себя в узде с Кингсли, но сегодня чувствую себя по-другому.

Без задней мысли, я протягиваю руку и нежно глажу его ногу. Я чувствую, как он напряжен,

так что двигаю руку дальше в сторону середины его бедра. Он инстинктивно шевелит рукой и накрывает мою своей. Он коротко сжимает мою руку и поворачивает голову так, что мы смотрим друг другу в глаза.

— Позволь мне сделать тебе очень хорошо, Кингсли. Ты был так добр ко мне, это меньшее, что я могу сделать для тебя.

Я наклоняюсь к нему для поцелуя, но он внезапно встает.

Меня жалит горькая пощечина отторжения.

— Что с тобой? Ты целуешь меня, как будто это последний поцелуй в твоей жизни, а сейчас даже не хочешь, чтобы я прикоснулась к тебе? — все чувства, которые я пыталась подавить к Джейсу, сразу начинают метаться: сомнение, страх, никчемность, стыд.

Он выпускает огромный вздох, прежде чем отвечает:

— Джессика, это сложно. Прошла уже очень много времени с тех пор как я был с девушкой, очень много.

— Это просто секс, Кингсли. Это как езда на велосипеде, ты не забыл, что нужно делать, и, после того поцелуя я практически уверена, что ты знаешь, что делаешь.

Он смотрит на меня ошарашено.

— Просто секс? Вот так ты на это смотришь? Что произошло в твоей жизни, что ты смотришь на самый личный акт между двумя людьми как на «просто секс»? — его слова застают меня врасплох, это были не слова обвинения, а просто искренняя забота. Я не знаю, как реагировать, поэтому останавливаюсь на возмущении.

— Да, просто секс. Каждый парень хочет его. Девочки делают так, потому что мы знаем, что только так вас получим. Это работает только так, — говорю я, выплескивая весь сарказм.

Он качает головой и смотрит на меня пристально.

— Вау, не могу поверить, что ты только что сказала это. Если ты действительно в это веришь, то ты никогда не была в настоящих отношениях. Ты получаешь парня не сексом, Джессика. Отдавая свое тело, ты ничего не выиграешь, ты получишь парня только тогда, когда отдашь свое сердце, — говорит он, и я вижу сочувствие на его лице, которое злит меня еще больше.

— Да? Ну, я пробовала один раз, и это не дало мне ничего, кроме боли. Так что, к черту, — говорю я сердито.

Он подходит, опускается вниз, кладет руки на мои плечи и смотрит прямо на меня.

— Я не знаю, что ты пережила или что привело тебя к групповой терапии. Я не знаю, какую боль всегда вижу в твоих глазах, я понятия не имею, с какими внутренними сражениями ты сталкиваешься ежедневно. Я знаю, ты стоишь гораздо больше, чем «просто секс», — его искренность почти разрывает меня.

Я роняю голову, чувствуя слезы готовые заполнить мои глаза, но я борюсь с ними и пытаюсь заставить их высохнуть. Я отказываюсь быть слабой сейчас. Он кладет свой указательный палец под мой подбородок и поднимает мою голову вверх так, что я на него смотрю.

— Послушай меня прямо сейчас. Ты заслуживаешь человека, который влюбится в твой ум и будет любить каждую твою мысль. Ты заслуживаешь человека, который хочет видеть, как ты постепенно будешь разрушать стены, которые возвела вокруг себя. Ты заслуживаешь мужчину, который будет усердно работать для тебя, пока ты позволишь ему находиться в своем сердце.

Такое ощущение, будто каждое его слово, высасывает весь воздух из моих легких. Я едва могу дышать, и сейчас у меня сильнейшее желание бежать. Я хочу уйти и никогда не вернуться, но в то же время хочу протянуть руку и обнять его. Обнять его сильно, чтобы он не говорил все эти красивые слова в мой адрес. Вместо этого я стою здесь со страдальческим выражением на лице. Он наклоняется вперед и целует меня в лоб. Его губы теплые и мягкие. Очень медленно, он отстраняется и убирает волосы с моего лица.

— Поговори со мной, Джессика. Скажи мне, что это, кто это. Откуда взялась эта боль в твоих красивых и грустных глазах?

Что, все так плохо? Так очевидно, что он может это увидеть?

Я не могу справиться с этим. Это слишком большой, слишком тяжелый груз, и я не могу это сделать. Я должна выбраться отсюда.

— Мне нужно идти, Кингли. Эм, я просто... извини. Я просто должна идти. Я вызову такси, — говорю я и встаю, стараясь собраться с мыслями.

— Ты не должна уходить. Это я должен извиниться. Я поцеловал тебя на кухне, потому что хотел, и, поверь мне, я хочу большего, но не все так просто. Это большой шаг для меня, чтобы снова ввязаться в отношения с кем-нибудь. Это не имеет ничего общего с тобой, — я слышу его, но на самом деле не услышала его. Я слишком занята, так как сосредоточена на том, чтобы убраться отсюда.

— Ничего страшного, я понимаю. Я все еще думаю, что мне следует уйти, — я иду туда, где висит моя сумка, и перекидываю ее через плечо, выходя за дверь.

— Пожалуйста, не уходи. Останься, — его хриплый голос ломается, когда он говорит «останься», и я наконец-то могу посмотреть на него.

Он стоит перед дверью, засунув руки в карманы. Его голова немного наклонена, и он выглядит как грустный маленький мальчик. Он такой сильный и мужественный, но сейчас похож на парня, который не хочет быть в одиночестве, на парня, который страдает от боли. Я знаю этот взгляд слишком хорошо. Тот же, что я вижу каждый раз, когда смотрю в зеркало. Он видит мою боль, а я вижу его. Если я останусь, мы можем посидеть вместе в нашей боли и быть наедине вместе, а не отдельно и обособленно. Я делаю глубокий очищающий вдох.

Я останусь.

Я кладу свою сумку на пол у двери, опускаю руки по сторонам и смотрю на него снизу вверх. Он бросает взгляд на мою сумку, а затем обратно ко мне. Неловкое молчание вращается вокруг нас, пока мы оба берем себя в руки.

— Спасибо, — шепчет он. Протягивает руку ко мне и дарит маленькую улыбку, а я протягиваю свою руку и вкладываю в его. Он немного сжимает ее и ведет меня к двери, мы выходим на крыльцо.

— Давайте посидим.

Мы усаживаемся на белые деревянные качели, и он вытягивает одну руку за моей спиной, другую вокруг меня, и это ощущается очень комфортно. Мы в первый раз ничего не говорим и все нормально. Это хорошо просто быть рядом друг с другом в разгар очень громкой войны, которая происходит у нас обоих в сознании.

— Я рад, что ты осталась, — говорит он.

— Я тоже, — я кладу голову на его плечо.

— Это приятно, — говорит он через несколько минут.

— Да, это действительно так.

— Итак, ты хочешь поговорить? Расскажешь мне, почему ты в группе? — спрашивает он нерешительно.

Я вздыхаю.

— Я подумаю, — говорю я ему.

Теперь он убежит и убежит далеко после того, как увидит то, каким фриком я являюсь на самом деле.

24 глава

«Быть честным с другими дает вам возможность быть честным с самим собой».

— *Кэтрин Перес.*

Джессика

Я не могу поверить, что так легко все ему рассказала. Каждое чертово слово просто вылетало, словно во мне прорвало плотину. О Джейсе, моих родителях, что у меня есть ПРЛ. Я выложила все карты на стол. Не думаю, что я вообще успевала переводить дыхание. Мое сердце колотится в моей груди, и мои ладони потные.

— Эй, все в порядке, дорогая. Да, в твоей жизни было много дерьма. Блин, я так жалею обо всем это. Это тяжело. Ты сильная, ты не сдаешься и не даешь этому сломить тебя.

Он мягко сжимает мое плечо, и я качаю головой.

— Нет, это просто моя жизнь. Я позволила этому сбить себя. Я взрослая женщина, но у меня нет ничего, за что можно бороться. У меня дерьмовая работа, живу в маленькой дерьмовой квартире, без машины и без спутника в моей жизни. У меня нет друзей, чтобы говорить обо всем, потому что все плохие вещи в моей жизни определяют мой путь. Если вдруг в мою жизнь входит что-то хорошее, я обязательно все порчу. Вот только я не знаю, что мне с этим делать. Как будто я не могу жить без драмы, словно мне нужно кормить мой импульсивный изнуренный разум. Это просто порочный круг, который играет в режиме повтора. Я позволяю

парням использовать меня, и цепляюсь за них изо всех сил, требуя внимания. Затем вторая моя не самая лучшая сторона — я облажаюсь. То я хочу их, то не хочу. Они были нужны мне как нуждающемуся в пище и воде, а затем я хочу, чтобы они оставили меня в покое. Это ужасный я-ненавижу-тебя-не-оставляй-меня круг. Я не могу сохранить работу, потому что не могу поладить с начальством. Опять же дерьмовый круг. Все или ничего. Вот как работает моя голова. Я ненавижу это, и хотя я знаю, почему выбрала этот путь, когда мне поставили диагноз, от этого не легче, я все равно прохожу через это каждый день.

А что насчет терапии и консультаций? Ты сказала, что они предложили тебе специальное лечение: бихевиоральную терапию Ты ходишь туда? — спрашивает он, кажется, искренне заинтересованно.

— Нет, не хожу. Когда все это дерьмо всплыло, и я узнала, что врач-сука на самом деле невеста Джейса, я не стала возвращаться к ее консультациям. Я запросила нового психиатра, потому что Джейс сказал, что, если я останусь, то это будет конфликт интересов, но мне все еще не назначили нового, поэтому, пока нет. Я должна получить какое-то письмо или что-то такое с именем нового врача, — говорю я ему, хотя на самом деле просто боюсь возвращаться к индивидуальным занятиям.

— Ох, я понял. Ну, ты собираешься это делать?

— Я предполагаю, что да. Хотя, знаешь, это очень страшно? Эта бихевиоральная терапия — штука напряженная. Я не уверена, что смогу сделать это.

— Конечно, ты можешь. Ты можешь сделать что угодно, ты просто должна сделать выбор. Все упирается в твой выбор.

Если бы все было так просто.

— Я не знаю. Большинство поступков не влияют на выбор в моей жизни. Это чувствуется как то, что обязательно должно произойти. Поступки, как правило, негативные. Непроизвольная реакция с длительными последствиями. Так, а ты когда-нибудь расскажешь мне свою историю?

Он вздыхает.

— Мне кажется, что я должен сделать это сейчас, да?

— Да, но если ты не готов, это нормально, — говорю я ему, и я не шучу.

— Ладно, как насчет того, чтобы приехать снова в следующие выходные? Мы что-нибудь приготовим, и я расскажу тебе мою историю, — говорит он.

Становится поздно и немного прохладно снаружи. Я потираю свои руки сверху вниз и чувствую холод.

— Тебе холодно? Хочешь зайти внутрь? — спрашивает он.

— Да, думаю, да. Но я действительно должна идти как можно скорее, — говорю я.

— Нет, ночь только началась. Давай допьем Кьянти и поиграем в монополию. Давай сделаем все, чтобы избавиться от депрессивного состояния.

Я просто рассказала ему все мое глубокое, темное дерьмо, а он хочет сыграть в монополию?

Серьезно?

— Ты хочешь играть в настольную игру, которая включает серьезные стратегии, попивая?

— Конечно, звучит весело! — смеется он.

— Ты полон сюрпризов, Кингсли. Не ожидала, что в эту ночь буду играть в Boardwalk и Park Place.

— Ты вырвалась вперед, собрала двести долларов, и ты офигенно надрала мне задницу, женщина.

Мы оба смеемся, и когда я отпиваю самый последний глоток вина, понимаю, что мы прикончили всю бутылку.

— Да, похоже, я сделала все правильно. Мне нужно в ванную. Где она? — спрашиваю я.

— По коридору и мимо шкафа, где висит твоя сумка.

— Хорошо, сейчас вернусь.

Я иду по коридору, мимо шкафа и там три двери. Я понятия не имею, какая из них является ванной комнатой, поэтому просто открываю сначала одну и щелкаю выключателем на стене. Немедленно я осознаю, что это не туалет. Похоже на кабинет или изостудию. Стены украшают красивые работы, и меня притягивают летящие везде брызги цвета. Я делаю шаг, чтобы поближе посмотреть, и вижу на полке фотографии Кингсли и красивой черноволосой женщины. На одной они держат друг друга в объятиях, на другой он целует ее в щеку.

Множество их фотографий украшает стены, стол, полки; каждый уголок в комнате наполнен их изображениями, их любовью. Мои глаза останавливаются на одном фото, где Кингсли целует ее живот, обхватив ее так, что я могу описать это только как поклонение. Ее живот выглядит нормального размера, но по тому, как он касается и целует его, можно предполагать, что изображает эта картина. Я вдруг смущена, подавлена и знаю, что должна выбраться из этой комнаты. Я не понимаю, какого черта только что видела, но знаю, что мне нужно убираться отсюда, сейчас же. Я поворачиваюсь, чтобы дойти до двери и уйти, но сталкиваюсь лицом к лицу с Кингсли.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает он коротко.

— Умм, прости. Я не знала, какая дверь была в ванную. Я открыла...

— Поэтому, когда ты видишь, что это не туалет, ты просто заходишь и начинаешь копать в моих личных вещах? — спрашивает он, пронзая меня своим взглядом.

Он с ума сошел? Я не шпионю. Я не пошла сюда специально. Просто увидела проклятые фотографии.

— Я не копалась здесь, Кингсли. Не будь засранцем. Это была просто ошибка. Ради Бога, это просто комната.

Я вижу, как его кулаки сжимаются, и быстро понимаю, что нужно сделать все, что в моих силах, чтобы разрядить обстановку, и понимаю, что сказала что-то неправильное. Он действительно расстроен. Я обдумываю все варианты у себя в голове — кто она, где она сейчас, и что могло случиться, — но моя голова опустошена перед лицом его гнева.

— Это не просто комната! Это студия моей жены. Студия моей покойной жены! — кричит он на меня. И в его крике я слышу не только гнев, но и поражение, потерю.

Его покойная жена?

Ох. Мой. Бог.

— Кингсли, Я... Я... Я не знаю что сказать. Мне так жаль.

Не заботясь о том, что мне нужно пойти в ванную, я проскальзываю мимо него и иду к входной двери так быстро, как могу. Я быстро хватаю сумочку и берусь за ручку передней двери. Достая свой телефон и прокручиваю список компаний такси.

— Джессика, подожди, извини. Не уходи так. Пожалуйста, позволь мне объяснить, — кричит он, пока спускается вниз за мной со своего крыльца.

Я не поворачиваюсь. Просто продолжаю ставить одну ногу впереди другой.

— Джессика, пожалуйста! Ты не можешь уйти расстроенной. Мне жаль, что я отреагировал так сильно. — Я слышу его ближе, он сейчас за мной, и даже если я хочу убежать от него, от своего бардака в эмоциях, из этой запутанной ситуации, меня что-то останавливает. Вот что я всегда делаю — я убегаю. Даже если у нас с Кингсли все закончится до того, как началось, я в долгу перед собой и придерживаюсь этого. Это мой выбор, как ранее сказал Кингсли. Более того, он слышал меня, когда я вывалила все свое дерьмо на него, самое малое, что я могу сделать, это дать ему шанс сделать то же самое.

Я останавливаюсь и делаю глубокий вдох, прежде чем поворачиваюсь к нему.

— Кингсли, ты не должен мне ничего объяснять. Это не мое дело. Я не расстраиваюсь, ладно? Я просто думаю, что мне пора уйти.

Он продолжает подходить ко мне до тех пор, пока не останавливается прямо у моих ног. Он такой красавчик, но даже его привлекательная внешность не может отвлечь меня от неудобного поворота этой ночи.

— Нет, я хочу объяснить. Я хочу рассказать тебе о ней, — он делает паузу, — о Лили.

Святой ад, это какое-то безумное, тяжелое дерьмо.

Я действительно готова к этому?

Вино ударяет в голову, вызывая головокружение, и мои эмоции врезаются друг в друга на бешеной скорости, а я пытаюсь выяснить, в какую сторону идти.

— Я не знаю. Я понятия не имела, что ты был женат, или что у тебя была семья в этом доме. Я просто чувствую себя неправильно или странно. Я не знаю, — снова говорю я, нервно теребя свою сумку.

— Ты не должна чувствовать себя так. Я никогда никому не говорил о ней или о том, что

случилось. Я, наконец, столкнулся с этим сегодня утром, прежде чем ты пришла, и, честно говоря, ты причина этого.

Удивленно я смотрю на него снизу вверх.

— Я причина того, что ты с этим столкнулся? Что значит причина во мне?

— Послушай, это чертовски сложная и долгая история, но то, что я проводил время с тобой на протяжении последних нескольких недель, заставило меня снова почувствовать себя живым. Я не смеялся, не чувствовал ничего, после смерти Лили. Как будто я жил жизнью, но смотрел на нее со стороны. Словно она проходила мимо меня. Потом я встретил тебя, и мы прекрасно провели время. По некоторым причинам меня тянет к тебе. Я чувствую, что у нас есть много общего. Я вижу твою боль и то, как ты возвела все эти оборонительные стены вокруг себя — это именно то, что я делаю, — его руки опущены вдоль тела, и он пожимает плечами, рассеянно покусывая нижнюю губу, прежде чем спокойно продолжить: — Сегодня я зашел в комнату Лили впервые с тех пор, как она умерла. Я оплакивал ее сегодня в первый раз, впервые оплакивал нашего будущего ребенка. Я, наконец, опустил все свои стены и позволил себе прочувствовать то, что произошло, — говорит он и смотрит на меня с печалью в своих голубых глазах.

Мои глаза наполняются слезами и все, что я хочу сделать, это обнять его. Именно это я и делаю. Я просто протягиваю руку и обнимаю его.

Мы возвращаемся внутрь и сидим на диване. Он только что рассказал мне все о Лили. О ее самоубийстве, о записке, что нашел сегодня, и как он искал ответы в группе. Мое сердце разбито от его потери. Он целый час рассказывал мне все о ней и их совместной жизни. Они дружили со школы. Он рассказал мне про письмо, и сказал, как винит себя в ее смерти, и как зол на то, что она сама приняла такое серьезное решение для него и их ребенка. Всегда, когда я думала о самоубийстве, я не брала никого в расчет, только себя. Когда я вижу, как сломан и расстроен Кингсли, и как растерянно он чувствует себя... ну, мне очень трудно осознать, как сильно ваше решение прервать собственную жизнь влияет на жизнь других людей.

— Я думаю, что мы сами даем нашему разуму власть, чтобы поработить нас. Мы должны научиться контролировать его, чтобы не давать ему возможность бросить нас в пучину горя и сожаления. Лили позволила своему разуму взять верх, а он в свою очередь забрал ее жизнь. Я просто хотел бы иметь возможность предотвратить все это, — вздыхает он.

Он так глубоко мыслит. Все, что он только что сказал, правда. Я думаю, картина в целом заключается в том, что ты просто не можешь недооценивать всю боль в человеке, потому что, честно говоря, каждый борется с чем-то. Некоторые люди просто лучше это скрывают, чем другие. Но так тяжело отказаться от соблазна погрузиться в темноту, когда ты потерялся в своей депрессии и психических заболеваниях. Вот чего он не понимает. Пока ты не испытал депрессию, ты никогда не можешь действительно знать, как сильно она контролирует тебя.

— Я знаю, ты злишься на нее и злишься на себя, но ты должен позволить этому гневу уйти. Он будет отравлять тебя. Я могу сказать тебе не понаслышке, что Лили чувствовала, будто у нее нет другого выбора. Я много раз была на ее месте. Там темно, глубоко, и там ты не чувствуешь никакой симпатии к кому-либо. Это как с одеялом, наброшенным на тебя, оно обволакивает тебя мраком и отчаянием. Это черная дыра из боли и беспомощности, — я не уверена, что мои

слова принесут ему комфорт, но он должен услышать их, чтобы понять, что с ней происходило.

— Эту тяжелую, мучительную боль трудно даже передать словами. Вот почему я режу себя. Это мой единственный выход. Я знаю, ты не можешь действительно понять это, но уверяю тебя, Лили чувствовала, что у нее нет другого выбора.

Я протягиваю руку и кладу ее на его, глядя на него с состраданием.

— Ее боль была настолько велика, что единственное, что она могла делать, это искать хотя бы одну зацепку в этом мире, но она знала, что ее больше не существует. Это не твой собственный выбор. Она была больна, и ее болезнь убила ее. Как онкобольной погибает от рака, Лили была убита психическим заболеванием.

Он вздыхает, как будто пытается проглотить тяжесть моих слов.

— Боже, это так утешительно слышать твое объяснение всему этому. Я всегда хотел иметь возможность забраться к ней в голову и выяснить, что могло заставить ее сделать что-то настолько ужасное. Все это время я чувствовал себя ответственным за ее смерть, — говорит он, роняя голову на руки.

— Я знаю. Тебе нужно отпустить ее. Пусть чувство вины уйдет, потому что это не твоя вина. Она любила тебя больше всего, и хотя это трудно понять, она чувствовала, что, совершая это, помогает тебе. Ты не в ответе за ее смерть, Кингсли, — он не сможет поверить сегодня, но думаю, что это время вскоре наступит. Боже, надеюсь, что так и будет.

Он смотрит на меня, и его глаза блестят от слез.

— Спасибо. Спасибо, что слушаешь меня, слышишь меня и помогаешь мне понять, почему она сделала это. Я предполагаю, что просто не мог понять это, потому что моя голова никогда не работала таким образом. Даже имея дело с ее смертью и всей болью, что пришла с ней, я никогда не доходил до точки, где чувствовал, что хочу умереть.

— Я понимаю. Я сделаю все, чтобы моя голова начала работать так, как твоя, — говорю я ему, чуть улыбаясь.

— Ну, у тебя есть ответ, Джессика. Вот почему ты должна пройти бихевиоральную терапию и остаться в терапии. Ты смелая и твой разум намного сильнее, чем ты думаешь. Ты прекрасна внутри и снаружи. Просто позволь себе сверкать и посмотри, куда это приведет тебя. Ты должна сделать это, Джессика. Просто обязана, — говорит он, и я чувствую, что его слова звучат как заявление и призыв.

Он притягивает меня к себе, и я кладу голову ему на плечо. Я ничего не говорю, потому что знаю, что он прав. Я знаю, что надо делать, но знать и делать — две очень разные вещи. Делать — самое трудное.

25 глава

«В каждом из нас есть семена саморазрушения, которые принесут только несчастье, если позволишь им прорасти».

Дороти Бранде

Джессика

Листая свою почту этим утром, я нахожу письмо из клиники. Я открываю его и читаю письмо о том, что мне назначили нового психиатра, доктора Дженис. Похоже, у меня будет моя первая встреча с новой докторшей на следующей неделе. Следующий конверт — большой и тяжелый и сделан из красивой бумаги. Обратного адреса нет, просто большие серебряные инициалы «Д» и «В» наклеены на закрывающем клапане конверта. Мгновенно моя голова кружится. Это свадебное приглашение, я знаю это. Я быстро открываю конверт, доставая замысловатое, но элегантное приглашение. Серебряные буквы на пергаменте, напечатанные на фоне лавандового цвета. Потрясающие и классические

Это совсем не в моем стиле.

Виктория Лорен Уорд и Джейс Шон Коллинз вместе с их родителями сердечно приглашают Вас разделить с ними день их супружества.

Я не могу продолжать читать это. Мои глаза наполняются слезами, и мой желудок скручивает тошнотой. Боль и сожаление заполняет каждый дюйм моего сердца. Я хочу прекратить это, остановить.

Я направляюсь прямо в свою комнату и, дернув, открываю прикроватную тумбочку. Мои руки нервно шарят по коробке с моей свободой. Свет от фонаря проходит через окно и отражается от лезвия, пока мой пульс бьется. Мне нужно это облегчение, облегчение, которое существует только тогда, когда я режу себя. Блестящий, холодный металл, зажатый между кончиками пальцев, чувствуется как анестетик, облегчающий боль, которая скрывается внутри меня. Когда лезвие разрывает тонкую кожу, я чувствую укусы жжения.

Вдох.

Выдох.

Вдох.

Выдох.

Чем глубже я ввожу, тем тяжелее мое дыхание. Кровь сочится алой струей, и наконец, мое тело парит. Это мое, все мое, и я контролирую ситуацию. Я контролирую длину разреза, глубину и уровень боли. Я оставляю неизгладимый след доказательств моих страданий на свою кожу, пытаюсь уничтожить агонию, что гноится внутри.

Я нажимаю на страницу Джейса в Фейсбук и прокручиваю вниз. Нажимаю на каждую их фотографию, мучая себя. Каждая фотография выглядит настолько надуманной, как подделка. Это не он, не тот Джейс, которого я знаю. Он обманывает сам себя. Я нажимаю на имя Виктории и прокручиваю ее страницу. Она воплощение всего, что я презираю, она такая чопорная. Глядя на ее жизнь, меня сразу тянет блевать. Ее раздел «обо мне» показывает «кто есть кто». Мне попадает ее фотография, где рядом с ней Джейс в шапочке и мантии, это его выпускной в Бэйлоре. Я смотрю на нее долгое время. Вот зачем я ушла от него, чтобы у него

был этот день. Это был день, когда я отдала его ей. Я резко закрываю ноутбук и опрокидываю стакан виски в себя. Всего лишь полдень, а во мне уже три рюмки Джим Бима.

Хрен с ним, мне плевать.

Мне просто наплевать. Моя жизнь такая, какая есть. Нет смысла пытаться остановить неизбежное. Мне не нужно работать сегодня, так что я ухожу. Мне нужно выпустить и перестать упиваться ревностью и горечью.

К черту Джейса Коллинза.

Я не нужна ему. Я не нужна никому.

Я захожу в спорт-бар «Rookies», надев свое узкое, соблазнительное платье. Каждый раз головы поворачиваются на мое облегающее красное платье, которое акцентирует внимание на моих густых черных волосах. Темно-красная помада подчеркивает мои полные губы, и сегодня вечером я готова найти им хорошее применение, чтобы держать свои мысли подальше от Джейса. Я пила с перерывами, но с самого утра. Это не займет много времени, чтобы сегодня вечером я чувствовала себя отлично.

Кингсли весь день писал мне сообщения, но я не отвечала. Я не могу. Он слишком хорош для меня. Плюс ко всему, парень даже не хочет заниматься со мной сексом. Как он может быть заинтересован во мне и не хотеть большего? Я просто не могу купиться на дерьмо: нет-секса-так-как-я-забочусь-о-тебе. Мужчины так не действуют. Они просто не могут. Я нахожу место в баре и скольжу на табурет.

— Эй, Джессика, что будешь сегодня вечером? — спрашивает бармен Кевин. Я когда-то здесь работала, но сегодня я отрываюсь. «Rookies» — это то место, где я была в ночь моего пьяного ДТП.

— Хм, «151», думаю, Кев. Порази меня жестким напитком и держись подальше.

Он выгибает брови и дарит мне «О, черт» взгляд.

— Ты не выучила свой недавний урок, женщина? Ты найдешь себе гораздо больше неприятностей, если не будешь осторожна, — я смотрю, как он наливает напиток и размышляю над его словами, но недолго.

— Я не за рулем. Я буду хорошей девочкой. Я взяла такси, — он пододвигает мне рюмку, и я быстро опрокидываю ее в себя. Я люблю горечь, пока алкоголь течет вниз по моему горлу, и тепло, которое распространяется по всем моим внутренностям. Это еще один вид кайфа, другая форма замораживания моего дерьма.

— Ладно, кукла, просто будь уверена, что возьмешь такси для возвращения домой.

— Будет сделано, Кев. Теперь удиви меня снова.

Я выпила слишком много стопок и съела слишком мало еды вечером. Я выдохлась и не чувствую ни черта. Это блаженство.

— Джессика? — я слышу знакомый голос. Поворачиваю голову в довольно медленном пьяном движении и вижу лицо Джейса. Я поворачиваю свое тело на стуле и начинаю громко смеяться. Я понятия не имею почему, но это просто вырывается прямо из моего рта. Он смотрит на меня, блуждает взглядом вверх и вниз по моему телу с явно недовольным выражением лица.

— Ну, хорошо, не это ли бывшая звезда футбола, защитник из старшей школы Дженсона, выпускник Бэйлора, и скоро-будет-женат Джейс Коллинз! Как повезло, что мы здесь в баре, ты украшаешь его своим присутствием, — мой голос становится громче и громче с каждым словом, — Привет всем, — кричу я, — это Джейс, он мой бывший парень. Я просто трахалась с ним недавно, прямо перед тем, как его прекрасная невеста-врач объявилась в то время, пока его сперма все еще была внутри меня. Давайте все налетайте на Джейса. Он чертовски богат, он может себе это позволить! — я поднимаю свой бокал и смеюсь, пока он пышит гневом. Я вижу, как его кулаки сжимаются по бокам, и мне действительно насрать на его безумный вид.

— Какого черта ты делаешь, Джесс? Ты пьяна. Я отвезу тебя домой.

Я не могу удержаться от смеха. Слезы наворачиваются в уголках моих глаз, вот как сильно я хохочу.

— Конечно, Джейс. Конечно, я пойду с тобой домой! Как ты вообще узнал, что я здесь? Ты знаешь, что я получила сегодня? Не бери в голову, не пытайся думать об этом, я скажу тебе. Я получила твое приглашение на великолепную свадьбу, — я опрокидываю свою рюмку и проливаю часть жидкости на пол прежде, чем делаю глоток и продолжаю: — Как мило с твоей стороны пригласить твой маленький грязный секрет на этот особенный день.

— Черт! — он запускает обе руки в свои волосы, качая головой назад и вперед. — Черт, прости. Я не знаю, почему она это сделала. Просто позволь мне отвезти тебя домой. Ты пьяна и одета как проститутка, тебе небезопасно здесь находиться.

— Ха! небезопасно? Проститутка? — я снова смеюсь. — Ты не ответил на мой вопрос, Джейс. Как ты узнал, что я здесь? Может быть, мне небезопасно быть с тобой, — издеваюсь я, делая это специально, чтобы позлить его. Вот в таком настроении я сегодня.

Он фыркает, прежде чем ответить:

— Я пошел к тебе, но тебя не было дома, поэтому решил попробовать прийти на твою работу. Я рад, что пришел сюда, Джесс. Тебе действительно нужно идти домой.

— Она никуда с тобой не поедет. Она едет со мной, так что иди к черту, — я наклоняюсь в сторону и вижу очень большого Кингсли в своей фирменной шапочке с большей щетиной, чем обычно. Он протягивает мне руку. — Джессика, давай. Давай вытащим тебя отсюда. Мой мотоцикл у входа.

Боже, у меня что GPS на заднице, и эти двое подключены к ней?

Джейс смотрит на меня, затем на Кингсли, а затем снова на меня.

— Это тот, с кем ты сейчас? Ты издеваешься надо мной, Джесс?

Какого черта это должно значить?

— Да, собственно говоря, я с ним. В чем проблема? Он недостаточно опрятный, недостаточно чисто выбрит или недостаточно, черт побери, крутой для тебя? Посмотри на него. Посмотри внимательным взглядом, потому что вот так должен выглядеть мужчина! Плюс у тебя нет права расспрашивать, с кем я сплю или не сплю. Ты скоро женишься. Иди домой, Джейс, иди трахай свою суку-невесту, — я бросаю деньги на стойку. — Я ухожу отсюда, Кев. Увидимся в следующий раз, — я спрыгиваю вниз со стула, пытаюсь сохранить равновесие на своих черных, высоких каблуках. Это нелегко после нескольких стопок «151».

— Вот, возьми мою руку. Тебе нужно добраться домой и уснуть, — Кингсли берет мою руку и крепко прижимает меня к своему телу, оборачивая свою руку вокруг моей талии и бережно помогая мне идти. Я смотрю на Джейса и показываю ему самую противную ехидную улыбку, которую могу изобразить.

— Нет, Кингсли, детка, я не буду спать, когда мы туда доберемся, не буду спать вообще, не с такой секси-задницей как твоя. Мы поиграем, — мои слова звучат как оскорбление, и хотя я сама себе неприятна, меня это просто не волнует. Глаза Джейса сказали все, что не сказали губы. Я вижу, как мои слова жалят и причиняют ему боль. Мне должно быть стыдно, но нет.

Я уничтожаю все хорошее в своей жизни, одним импульсивным выбором.

Кингсли поворачивается к Джейсу в последний раз и говорит:

— Оставь ее в покое. Ты не можешь больше так с ней играть. Я не позволю тебе. Ты сделал свой выбор, мужик. Иди домой к своей женщине. Джессика больше не твоя, она моя.

Я?

Джейс смотрит на Кингсли, изучая его внимательно, и я вижу гнев и боль в его глазах, вся его поза излучает это. Я должна чувствовать себя плохо из-за него, но прямо сейчас все, что я чувствую — это злость. Он движется в сторону Кингсли, и я вдруг чувствую страх, так как пространство между ними наполнено тестостероном.

— Нет, тут ты не прав, мужик. Она не твоя. Она, бл*дь, не имущество. Но я скажу тебе, что я ее люблю, всегда любил. Ты можешь претендовать на нее, если хочешь, но ты ничего не сможешь сделать, чтобы стереть тот факт, что она любит меня.

Он переводит свой взгляд на меня и до моего разума доходит смысл его слов. Словно весь алкоголь бежит по моим венам.

— Я пришел сюда, чтобы сказать тебе, что я выбираю тебя. Я люблю тебя, Джесс, и хочу быть с тобой. Я пришел сюда, чтобы сказать тебе, что я разрываю помолвку с Викторией, и сказать лично, что я даже на минуту не переставал желать, чтобы ты была моей женщиной.

Мой рот непроизвольно раскрывается.

— Пойдем, Джессика. Он просто над тобой издевается, и ты это знаешь. Давай просто уйдем.

Я смотрю на Кингсли, и я в замешательстве, так как все еще перевариваю то, что только что сказал Джейс.

— Я ухожу, Джесс. Ты можешь пойти со мной или с ним, если ты действительно этого хочешь, но когда ты проснешься завтра и вспомнишь этот вечер, просто знай, я действительно имел в виду то, что сказал. Все, что тебе нужно сделать, это сказать слово, и я буду тут. Мы можем

разобраться во всем и попробовать исправить то, что сломали, — говорит Джейс. Я хочу верить ему. Он хочет верить себе в это время.

Кингсли берет меня за руку.

— Давай, пошли.

Я просто киваю и иду рядом с Кингсли, пока он направляет меня. Я оглядываюсь на Джейса, но ничего не говорю. Мне нечего сказать прямо сейчас. Я не верю его обещаниям.

В голове стучит, когда я открываю глаза, и свет, мерцающий сквозь окна, почти ослепляет меня. Я стону, сжимая закрытые глаза, и переворачиваюсь в позу эмбриона. Во рту такое ощущение, будто я жевала ватные шарики, а в моем горле как в пустыне сахара.

— Ой, смотрите, кто проснулся. Проснись и пой, пьянчужка, — говорит он слишком громко, и я просто хочу вернуться в сон.

— Уходи, Кингсли. Мне нужно еще поспать.

— Ни за что, поднимай свою задницу. Уже почти полдень, а мы должны кое-где быть через час, — он раздвигает шторы, что делает эту чертову комнату еще светлее. — Иди прими холодный душ, а я приготовлю тебе что-нибудь поесть. Никаких отговорок, особенно после той гадости, что я занимался с тобой прошлой ночью. Ты, похоже, худшая пьяная женщина, которую я когда-либо встречал, настоящая заноза в заднице.

У меня кружится голова, когда я пытаюсь вспомнить все, что произошло прошлой ночью. Я помню бар, Джейса, Кингсли и меня, выставляющую себя полной дурой. После этого я помню только то, как я изо всех сил держалась за Кингсли, пока он мчался по темным улицам города ко мне домой.

Дерьмо! Я не помню, что случилось, когда мы попали сюда.

— Что я сделала? Боже, я почти боюсь услышать ответ. Мы занимались сексом? Было ли это ужасно? Я блевала? Что? — спрашиваю я отчаянно.

Смех наполняет комнату, гремя в моей больной голове, и я смотрю на него в упор. Он стоит у подножия моей кровати в той же одежде что и вчера вечером, только без шапочки. Его волосы в беспорядке, и если он не побреется в ближайшее время, у него появится борода. Из-за щетины едва можно увидеть его большие ямочки.

— Что смешного? Прекрати смеяться надо мной, — дуюсь я.

— Ты действительно не помнишь?

Я осторожно качаю головой из стороны в сторону и подтягиваю колени ближе к груди, обнимая их.

— Ты заблевала все вокруг себя, весь подол передней части этого распутного красного платья. Ну и скатертью дорожка. Я просто выбросил его.

— Что ты сделал? Боже мой, Кингсли! Мне нравится это платье.

Вдруг, до меня доходит, что я нахожусь в одной из моих футболок и паре трусов. Я смотрю вниз и вижу надпись «Er Mher Gherd», украшающую мою старую футболку. Я осматриваю пол и вижу рядом свои каблуки и черные кружевные стринги, в которых я вчера была...

— Ты меня раздевал? Ты снял мои трусики? Что за черт, Кингсли! Как неловко! — я чувствую, как краска стыда окрашивает мое лицо.

Что еще, черт побери, случилось прошлой ночью?

Он скрещивает руки на своей широкой груди и говорит с ухмылкой Чеширского кота:

— Собственно говоря, ты сама сняла их с себя. Чтобы быть более конкретным, ты попыталась станцевать небольшой стриптиз для меня, хотя едва ли могла стоять в этих нелепых туфлях, — он выгибает бровь, и я затихаю. — Ты сняла туфли, нагнулась спиной ко мне прямо в этом платье, все время двигая попкой, и сняла стринги. Ты крутила их на кончике пальца, а затем продолжила блевать перед собой.

О, боже.

Если мне было плохо до этого, то теперь мне в сто раз хуже. Если бы сейчас была возможность провалиться сквозь землю, я бы с радостью прыгнула прямо туда. Я в ужасе натягиваю одеяло на лицо.

— Ох, черт, нет, ты не спрячешься от этого. Я убирал за тобой, раздел тебя и уложил в кровать. Что есть, то есть. Смирись с этим. Я спал на диване. Так что, отвечая на твой вопрос, нет, секса у нас не было, и если бы он у нас был, то могу обещать тебе, это не было бы ужасно. Теперь вставай, иди в душ и оденься, женщина.

Я слышу, как закрывается дверь моей спальни, и переворачиваюсь и начинаю бить ногами, как ребенок, впавший в истерику.

Этот мужчина невозможен.

Я закрываю глаза и выдыхаю. Лицо Джейса мелькает перед моим мысленным взором. Я медленно сажусь и добираюсь до своего телефона. Четыре сообщения от него. Я боюсь их читать, но все равно провожу пальцем по экрану.

Джейс: *Ты всегда так делаешь. Ты не даешь никакого шанса для искупления. Почему? Почему ты всегда так поступаешь? Это ничем не отличается от средней школы.*

Джейс: *Я полагаю, ты не собираешься отвечать, так как ты с той обезьяной. Я не могу принять этого, Джесс. Моя решительность трещит по швам. Почему ты просто не пошла со мной прошлой ночью? Мы могли бы быть вместе прямо сейчас...*

Джейс: Я люблю тебя, Джесс. Я всегда был и всегда буду рядом. Дело в том, что ты отказываешься принимать любовь от кого-либо. Я знаю, что облажался той ночью в твоей квартире, и я знаю, что я должен был порвать с Вик с самого начала, но у меня не хватило смелости. Я допустил ошибку. Вот почему я пришел к тебе прошлой ночью, чтобы извиниться, сказать, что я порвал с ней. Но после твоей сцены и, увидев то разрушение, которое происходит внутри тебя, я понимаю, что мы никогда не сможем быть вместе. Ты

отказываешься от любви. Ты ее уничтожаешь. Пока ты не получишь помощь для своего расстройства, никогда не сможешь измениться. Так же как алкоголик никогда не сможет остановиться, пока не получит помощь, ты никогда не сможешь прекратить вредить себе физически и эмоционально, и ты будешь делать больно тем, кто вокруг тебя. Я отказываюсь ходить на цыпочках вокруг тебя. Ты бомба замедленного действия. Прими помощь, Джесс. Сделайте это для себя — не для него или меня, для себя. Я не буду больше появляться в твоей жизни.

Джейс: *Прощай, Джесс.*

Правда причиняет боль.

Я читаю последние слова и бросаю телефон через комнату. Он ударяется о стену и разлетается на пол. Моя дверь распахивается, и Кингсли врывается в комнату.

— Что, черт возьми, это было? — он смотрит вниз и видит, что осталось от моего телефона. — Почему ты просто его не выключила? — спрашивает он осторожно.

— Я не хочу говорить об этом, — мое лицо как камень. Я отказываюсь проливать хоть одну слезинку над Джейсом Коллинзом когда-либо снова. Эмоции сжигают мои глаза, но я борюсь с ними.

— Ты в порядке? — он толкает меня. — Ты выглядишь странно. Что происходит, дорогая?

— Я сказала, что не хочу говорить об этом. Я встаю, ладно? Встаю и иду в душ, как ты и просил. Пожалуйста, не подталкивай меня к этому. Это просто телефон. Кого это волнует? — и с этими словами, я встаю и иду в свою ванную, закрывая дверь от Джейса и его самодовольных текстовых сообщений.

Как бы я ни хотела, мне пришлось встать и собраться. Я взяла купальник, по просьбе Кингсли, но понятия не имею, куда мы направляемся. Надеюсь, мы не собираемся слишком далеко, езда на этом проклятом байке с похмелья не очень приятный опыт.

— Мне надо переодеться, так что мы ненадолго остановимся у моего дома, — кричит он через плечо.

Еще несколько километров, и мы у него дома. Я выбираю посидеть на крыльце и ждать, пока он переоденется. Я просто не чувствую себя там комфортно, зная, что это дом, в котором он жил с женой. Дверь открывается, выводя меня из моих мечтаний.

— Ладно, поехали, — он одет в тренировочный костюм, и я мгновенно начинаю возражать. Я не буду тренироваться с похмелья.

— Куда мы идем, Кингсли? Пожалуйста, не говори мне, что ты ждешь, что я пойду в тренажерный зал, я ведь чувствую себя хреново.

— Нет, мы не собираемся в тренажерный зал. Пойдем. Кончай ныть.

— Живот сильно болит. Я просто хочу спать, Кингсли. Зачем ты тянешь меня, когда я чувствую

себя так ужасно? Это моя расплата?

— Боже мой, женщина, перестать ныть. Ты сама впустую потратила вчера свой вечер, теперь прими последствия. Мне не жаль тебя. Я вчера написал несколько раз, пытаюсь договориться на сегодняшний день, но вместо этого ты решила пойти и уничтожить свою печень. Я хочу, чтобы сегодня ты позанималась волонтерской деятельностью.

— Какой волонтерской деятельностью? — спрашиваю я озадаченно.

— В «УМСА»¹⁰ с детьми. Они действительно хорошие. Я хожу сюда пару раз в месяц. Лили учила их рисовать. После того, как она умерла, я стал волонтером по спортивным программам. Я люблю их и хочу взять тебя с собой. Я думаю, тебе тоже понравится. Дети просто удивительные.

Кингсли постоянно удивляет меня. У меня нет никакого опыта с детьми, так что я понятия не имею, как я могу чем-то помочь.

— Я ничего не знаю о детях, Кингсли.

— Тебе и не надо. Ты просто следуй их примеру. Взрослые могут научиться от детей большему, чем дети научатся от нас. Я думаю, это будет хорошо для тебя. Дети всегда хорошие и невинные. Они действительно могут помочь в развитии человека. Каждый раз, когда я оттуда выхожу, я чувствую себя лучшим человеком с более ярким взглядом на жизнь.

Он протягивает руку и смотрит на меня в ожидании. Я протягиваю ему руку и беру его. Мне тепло и комфортно, как и ему. Я смотрю на него, и он улыбается, притягивая меня ближе к своему телу. Он обхватывает меня своими сильными руками и сжимает. Мы вместе делаем глубокий вдох и одновременно выдыхаем, пока его голова покоится на верхушке моей головы. Я чувствую себя расслабленно, поскольку все мысли покинули мой разум. Все, кроме одной: я так благодарна этому человеку.

— Просто доверься мне, ладно? — шепчет он. Я киваю ему в грудь и удивляюсь, как мне так повезло. Я не заслуживаю его. Джейс прав, я уничтожу и его тоже, я испорчу отношения с Кингсли так же, как я делаю это со всеми, кого встречаю.

— Я знаю, метание телефона было как-то связано с ним. Я не буду вмешиваться, но ты должна двигаться дальше, Джесс. Эта ситуация держит тебя в заложниках. Ты не можешь всегда оставаться на этой карусели. Прошло уже шесть лет, это слишком долго.

Он прав, и я знаю это. Я не могу удержать свою школьную любовь навсегда.

— Я попытаюсь, — это все, что я говорю. И снова я благодарна ему, потому что он больше ничего не говорит.

26 глава

«Поплачь. Прости. Выучи урок. Двигайся дальше».

Стив Мараболли

Кингсли

— Правда, мне не нужно, чтобы ты отвозил меня на встречу. Очень мило с твоей стороны предложить мне, но мне нужно сделать это самой. Давай просто надеяться, что этот новый терапевт не превратится в катастрофу, как получилось с первым.

Я разочарован, но при этом счастлив, что она старается и чувствует себя сильной настолько, чтобы идти в одиночку. Наблюдать за ней с детьми в «УМСА» было восхитительно. Я мог видеть, что внутри нее что-то изменилось в течение этих нескольких часов. Я знал, что внутри нее есть эта женщина. В воде она была естественной, и дети мгновенно ее полюбили. Она была с ними очень терпелива и все время улыбалась.

— На что ты там ухмыляешься? — спрашивает она, надевая обувь.

— На тебя, — отвечаю я.

— Меня, почему? — она дарит мне кривоватую улыбку, и я ничего не могу поделать, но хочу взять ее лицо в руки и поцеловать ее прямо здесь и сейчас. Моя потребность в ней не ослабевает. И с каждым мгновением, которое мы проводим вместе, она только растет. Я должен сдерживать себя. Она не готова. Она по-прежнему любит его, и я вполне уверен, что если бы прямо сейчас он прибежал обратно к ней, она бы позволила ему. Я не хочу половину ее сердца. Я хочу все полностью.

— Я просто думал о твоей помощи с детьми, — говорю я ей. — Ты действительно поразила меня. Ты проделала хорошую работу, и было приятно видеть, что ты счастлива.

Она встает и теребит свой рукав. Она делает это, когда нервничает. А она всегда нервничает, когда получает комплименты. Джессика так привыкла быть подавленной, что комплименты чужды ей. Самое печальное заключается в том, что я думаю, что она сама свой злейший враг. Я думаю, что она сама принижает себя сильнее, чем другие люди.

— Эй, прими комплимент. Ты была великолепна. Прими это дерьмо и гордись собой.

Она краснеет.

Черт! Почему она это делает?

Смахнув несколько прядей волос с ее лица, мои пальцы нежно касаются ее шеи. Она немного напрягается, отзываясь на мои прикосновения, и между нами вибрирует сексуальное напряжение. Я хочу ее и знаю, что она хочет меня. Я хочу гораздо больше, чем просто касаться ее волос. Я хочу больше этой женщины, гораздо больше. Я хочу навсегда стереть этого парня из ее памяти и прочно войти в ее сердце.

— Тебе нужно побриться, — бормочет она, а потом нервно поворачивается и идет в сторону кухни. Я трогаю подбородок, чувствуя щетину. Она права, мне нужно побриться в ближайшее время.

Она хватает бутылку воды из холодильника и кладет ее в сумочку.

— Мне нужно идти.

— Могу я хотя бы подвезти тебя до автобусной остановки?

Она улыбается, когда говорит:

— Конечно.

— Отлично. Как насчет ужина сегодня вечером, у меня дома? — я вижу, как она меняется в лице, и я знаю почему. — Ты не можешь продолжать вести себя странно по поводу прихода в мой дом. Это нормально. Ты бы понравилась Лили. Я знаю это. Нет ничего плохого в том, что у меня есть друг. Мы можем снова приготовить что-нибудь, — я подмигиваю и улыбаюсь ей, пытаюсь поднять настроение.

Она смотрит на меня тем взглядом, что хочет сказать «да», но она чувствует, что правильный ответ «нет».

— Скажи да, Джессика, — подталкиваю я ее.

— Ладно, но только если я не должна буду готовить ничего сложного, — она перекидывает сумочку через плечо и открывает дверь для нас.

— Как насчет завтрака на ужин? Я могу научить тебя делать яичницу! — мы оба смеемся, и я впитываю этот момент. Как же хорошо смеяться.

Мне нравится это чувствовать.

Часть вторая

Восстановление

27 глава

«Я сама себе проблема, но я же и решение».

— Автор неизвестен.

Джессика

Стоя возле клиники, я делаю глубокий вдох. Огромная вывеска «Клиника психического здоровья» заставляет меня чувствовать, что я должна замаскироваться, если войду туда. Она просто кричит: «Сумасшедший человек заходит внутрь».

Я вхожу, записываюсь и жду. Ожидание всегда ужасно в таких местах. Пока сижу, я сканирую комнату, глядя на других, которые ждут, и осуждаю их. Они осуждают меня еще сильнее. Это негласная истина.

Минут пятнадцать проходит, прежде чем называют мое имя:

— Мисс Александр, вы можете пройти на прием, — объявляет секретарша.

Я вхожу в небольшой кабинет и, осматриваясь вокруг, быстро понимаю, что этот терапевт и доктор Уорд совсем не похожи. Книжные полки полны книг, стоящих в беспорядке, и везде я вижу беспорядок. На стенах ничего не висит, кроме часов и плаката с цитатой, расположенного над дверью. Она гласит «*Говори с собой, как с тем, кого ты любишь*». Я едва

могу увидеть в рамке диплом, прислоненный к стене на ее столе, поскольку все файлы сложены перед ним. Я сажусь на синюю клетчатую софу и делаю вдох. Дверь открывается и входит низкая, средних лет дама с начесом на красных волосах, и воткнутом за ухом карандашом. В одной руке она держит колу, а в другой пилочку. На ней надеты джинсы и футболка. Мои глаза опускаются вниз, и я вижу ярко-розовые каблукки. Интересно. Не то, что я ожидала увидеть.

— Здравствуй! Ты, должно быть, Джессика. Я Дженис, твой новый доктор, — говорит она в дружелюбным, оптимистичным тоном. Она протягивает руку, и я протягиваю ей свою, чтобы пожать ее, прежде чем она занимает место за своим столом. Вытащив очки из ящика стола, она надевает их и открывает файл, чтобы быстро пролистать.

— Я просмотрела твой файл и записи из предыдущей клиники, а также твои посещения больницы, — она закрывает файл и кладет его на стол. Снимает очки и откидывается в своем кресле, небрежно скрестив ноги. — Главное, что я прочитала в нем, нет необходимости возвращаться к этой информации. Я не собираюсь давать тебе никаких диагностических опросников или сидеть здесь и задавать тебе кучу вопросов из учебника. У тебя пограничное расстройство личности. Это довольно ясно из всей информации, которую ты дала доктору Уорд. Так, мы знаем, в чем проблема. Но меня не интересует проблема. Меня интересует решение. Я задам тебе один очень важный вопрос. Твой ответ определит, подходим ли мы друг другу, чтобы помочь тебе.

Она очень прямая, но от нее не исходит угроза. Язык ее тела и тон голоса являются приветствием, почти приглашением к общению. У нее добрые глаза и, почему-то, я не чувствую себя такой напряженной, как была раньше.

— Хорошо, — отвечаю я.

— Ну, хорошо. Не отвечай быстро. Обдумай хорошенько мой вопрос, а затем дай ответ. Мы можем сидеть здесь столько, сколько тебе нужно. Мне нужно знать, действительно ли ты хочешь поправиться? Не: «Да, я хочу поправиться, потому что я должна, или потому что кто-то говорит, что мне это нужно». Я хочу знать, хочешь ли ты, Джессика Александр, стать лучше для себя, потому что ты и только ты, можешь захотеть жить более счастливой и здоровой жизнью. Потому что, если бы судья сказал, что ты можешь перестать приходить завтра, выбрала бы ты все еще находиться здесь. Это должен быть твой выбор, твое решение и ничье другое. Просто знай, что все в нашей жизни является отражением выбора, который мы сделали. Если мы хотим получить другие результаты, мы должны сделать другой выбор.

«Выбор. У всех нас есть выбор», — когда-то сказал Кингсли.

Я стараюсь впитывать все, что она сказала. Я смотрю на свои колени и оцениваю свои мысли. Резкий звук пугает меня, когда она открывает колу. Я устраиваюсь поудобнее на диванчике и продолжаю. Я знаю, что не могу продолжать так жить. Знаю, что хочу быть счастливой. Мне просто так страшно, что я не в состоянии сделать это. Я щипаю свою переносицу и делаю вдох, затем выдох. Я смотрю на нее, мысленно формулируя свой ответ, прежде чем начинаю говорить.

— Я хочу поправиться. Я хочу этого для себя и это правда. Дело в том, что я боюсь, что не смогу добиться успеха с этим пограничным расстройством личности. Это кажется настолько пугающим, и я действительно никогда не сделала в своей жизни ничего успешного. Я думаю лучший вопрос: «могу ли я поправиться?»

Улыбка растягивается по ее лицу, и меня это смущает. Я думаю, что мой ответ не был достаточно хорош, но она выглядит удовлетворенной.

— Джессика, тебе дали эту жизнь, потому ты достаточно сильна, чтобы прожить ее. Я не сомневаюсь в этом. Неуверенность в себе может искалечить человека быстрее, чем какой-нибудь страх. Неуверенность в себе может убить мечты и забрать тебя от твоего будущего, — я нервно слушаю и стараюсь нормально дышать. — Одна из самых важных вещей, которые я хочу вбить в твою голову, что так, как ты говоришь себе — это ключевой фактор в твоём успехе. Наш мозг — большая мышца. Чем больше ты работаешь, тем сильнее он становится. Поначалу это будет тяжело. Ты будешь падать, будешь совершать ошибки, и ты будешь бороться. Это нормально, — она улыбается, и я чувствую желание ей доверять. — Самое главное заключается в том, что ты не сдашься. Ты будешь продолжать приходить сюда, и мы будем бороться вместе. Я буду бросать тебе вызов, толкать тебя, буду ставить лицом перед зеркалом, заставляя тебя открыть самые глубокие и темные места внутри себя. Ты будешь ненавидеть меня несколько дней, и это нормально. Я ожидаю этого. Жесткая любовь — это мой конек. Просто знай, что все, что я делаю, всегда в твоих интересах. Ты можешь сделать это. Все дело в том, как сильно ты этого хочешь.

Я не знаю, как реагировать. Она выглядит так уверенно по поводу того, в чем я совершенно не уверена. Я смотрю глубоко внутрь себя, вызывая каждую унцию мужества, что я когда-либо имела, и делаю свой выбор.

— Ладно, я хочу сделать это.

Слова отражаются от стен моего разума, и я решаю сделать это, как бы тяжело и страшно это ни было. Я хочу счастья, хочу любить ту, кем я стану.

— Хорошо, — она улыбается мне, — я рада это слышать. В неделю у нас будет одно индивидуальное занятие и одно групповое занятие. Если хочешь, можешь сходить на последнее занятие в старой группе на этой неделе. Начиная со следующей недели, ты будешь ходить на все сеансы терапии сюда. Я пришлю необходимые документы судье.

— Спасибо, — говорю я.

— Добро пожаловать, дорогая. Будь уверена, что скоро похвалишь себя. Это решение полностью лежит на тебе. Это твоя первая победа, и их будет еще больше.

Я смотрю на нее и улыбаюсь. Впервые в жизни я чувствую небольшую гордость за свой выбор, который только что сделала.

28 глава

«Иногда жизнь бросает на тебя все сразу. Ты можешь либо поймать все, либо дотянуться до того, что более важно».

— Кэтрин Перес

Джейс

— У нее опухоль мозга и очень агрессивная, мистер Коллинз. Мы собираемся провести

операцию, но опухоль расположена возле чувствительной области мозга, что делает процедуру очень рискованной. Мы можем удалить только часть опухоли, но она может помочь уменьшить признаки и симптомы. Затем мы можем попробовать лучевую терапию на оставшиеся клетки опухоли.

Виктория сжимает мою руку, и я вздрагиваю. Я не нашел подходящего момента, чтобы сказать ей, что свадьбы не будет. Я поворачиваюсь к ней сейчас и вижу, как ее глаза потускнели от слез. Она была очень близка с моей мамой и ей действительно сейчас тяжело. Я делаю глубокий вдох прежде, чем говорю:

— Когда вы будете оперировать ее, доктор?

— Сегодня, мистер Коллинз. Ваша мама уже подписала все документы. Она хотела увидеть вас обоих до того, как мы подготовим ее к операции.

— Ладно, мы пойдем сейчас к ней, если все в порядке.

— Абсолютно. Мы еще не перевезли ее в операционное отделение. Она все еще в своей комнате.

Мама тихо лежит в постели и читает журнал, когда мы входим. В комнате веет холодом, но цветы от ее друзей сверкают ярче, чем в загородном клубе, украшая каждый уголок палаты. Она укрыта одеялом за восемьсот долларов из меха альпака, что подарила ей Виктория. Она даже не моргнула глазом, оплатив это одеяло и много другое для моей мамы.

— Миссис Коллинз, я надеюсь, что одеяло вас греет. В комнате слегка прохладно, — говорит Виктория.

— О, это само совершенство, моя дорогая. У тебя безупречный вкус, Виктория.

Мама улыбается и приглашает нас сесть.

— Сядьте, пожалуйста, вы оба. Я хотела поговорить с вами, прежде чем они повезут меня на операцию. И прежде чем ты начнешь спорить со мной, Джейс Коллинз, просто посиди и послушай маму. Ладно?

Я киваю, соглашаясь, но здесь что-то не так, и дело не только в том, что мама болеет.

— Вполне возможно, что во время операции могут быть осложнения, потому что опухоль находится в опасном месте, — начинает она. Я должен сосредоточиться на ее словах, с некоторой долей отстраненности, иначе я не смогу пройти через это. — Я была у своего адвокат, и все документы на мое имущество будут находиться у него. Ты знаешь, дорогой, что я хочу для тебя всего самого лучшего, чтобы ты жил счастливой и плодотворной жизнью с хорошей женой. Виктория оказалась преданной женщиной, и я обожаю ее. Она тебя очень любит, и у нее есть свои интересы в глубине души, как и у меня. В соответствии с требованиями моей воли, тебе будет предоставлена вся моя недвижимость, после завершения первого года брака с Викторией. И тогда ты получишь все имущество, — говорит она невозмутимым голосом.

Что-то внутри меня начинает ослабевать. Я смотрю на свою мать, женщину, которая вырастила меня, женщину, которой я простил все, потому что сын любит свою мать безоговорочно. Во мне происходит борьба, чтобы не поднять тему аборта. Ее выступление сейчас просто не должно меня шокировать. Больше всего обидно, потому что неважно, насколько сильно я стараюсь контролировать себя, чтобы не обвинить свою мать в эгоистичности, она никогда не перестает тыкать мне это прямо в лицо. Я смотрю на Викторию, и она улыбается. Это злит меня еще сильнее, и я решаю больше не сдерживаться.

— Ты действительно находишь это забавным, Вик? Моя мама ставит мне ультиматум, основанный на любви всей моей жизни, а ты улыбаешься? — я спрашиваю недоверчиво.

— Джейс Коллинз, не оскорбляй свою невесту. Она просто поддерживает законное решение твоей матери. Почему это плохо?

— Мама, пожалуйста, не говори о плохих вещах и не спрашивай меня. Мне искренне жаль, что ты больна, и я буду молиться каждую секунду, пока ты находишься в операционной. Но ты должна понимать, что твое здоровье не будет определяющим фактором в моей личной жизни. Этого просто не будет. Если ты считаешь, что имущество должно перейти мне на основании твоего решения о моей личной жизни, а не того факта, что я твой сын, то я не хочу этого.

Я делаю паузу. На самом деле мне хочется накричать на нее, но я не могу заставить себя сделать это, когда она больна и лежит в больнице.

— Мне не нужны твои деньги, мама, и я не позволю тебе навязывать мне кого-либо. Я люблю тебя и хочу, чтобы у тебя было все хорошо, но я должен подвести черту. Я не жалею о принятом решении. — Стоять перед ней тяжело, ведь я ненавижу конфликты, когда она расстраивается, но уже хватит. Ее лицо застывает, и я готовлюсь к худшему.

— Разве ты не видишь, что я пытаюсь сделать только лучшее для будущего этой семьи? В чем проблема, Джейс? Ты помолвлен с чудесной женщиной, и ты скоро женишься. Почему бы тебе не принять мои условия, которые направлены в вашу пользу? Это все из-за той проститутки из выпускного класса? — шипит она.

Вот и все, хватит.

— Мама, Виктория, прошу извинить меня. Я буду здесь, когда ты придешь в себя после операции, но прямо сейчас я должен идти. Если я останусь, то буду жалеть о своих последующих словах.

Я встаю с кресла и смотрю на Викторию, потому что знаю, что она рассказала маме о Джессике, и это выводит меня из себя к чертям собачьим. Меня бы не удивило, если Виктория была замешана в этом дерьме с недвижимостью. Я иду по коридору и выхожу на стоянку. Я почти подхожу к своей машине, когда мой телефон завибрировал. Это Виктория.

Выключить.

У меня нет желания говорить с ней прямо сейчас, поэтому я сажусь в машину и просто уезжаю.

Конечно это то место, где все началось. Она по-прежнему выглядит точно так же, как это было всегда. Водонапорная башня немного ржавее, но все остальное такое же. Я выхожу из машины и иду пешком через пыльный гравий на лестницу. Когда я поднимаюсь, то делаю все возможное, чтобы отключить все и сосредоточиться только на переставлении рук и ног. Я достигаю платформы и осматриваю место, где Джесс когда-то писала. Блеклую и едва заметную, я вижу там надпись: «Дж+Дж навсегда вместе, несмотря на расстояние». В тот день, когда я уехал в колледж, она выцарапала это на башне и нарисовала большое сердце вокруг надписи. Я пробегаюсь пальцами вдоль надписи и возвращаюсь в тот день. Она была счастлива, мы были счастливы. Я скучаю по ней, я скучаю по моей надежде на то, что мы могли бы быть вместе. Почему говорят, что время лечит, что со временем становится легче? Время — это всего лишь пластырь. Он прикрывает рану, но рана должна зажить самостоятельно.

Я постоянно о ней мечтаю, она преследует меня в моих снах, когда я сплю. Бывают моменты, когда я скучаю по ней так сильно, что мечтаю просто вырвать воспоминания из моих снов и переживать их снова и снова. Найти и увидеть ее снова, немедленно вернуть все те давно забытые или проигнорированные чувства, которые я почувствовал вместе с болью, когда она ушла от меня. Должна ли любовь приносить такую боль? Кто знает? Может быть, мы разбиты, может быть, мы не принадлежим друг другу, и возможно, мы никогда не принадлежали.

Думая над всем этим сейчас, я стараюсь подумать над тем, чем меня привлекла Джессика Александр в первую очередь. Я увидел в ней Женевьев? Часть меня осознает, что я всегда хотел спасти ее от самой себя, от других людей, от судьбы, как у Женевьев. Но что бы я ни сделал для Джесс, это бы не смогло ослабить мою вину перед младшей сестренкой. И, если быть честным, я ничего не сделал, чтобы помочь девушке, которая шесть лет назад забрала мое сердце с собой. Ничего. Иногда мне кажется, что я на самом деле сделал ее жизнь хуже. Но я влюбился в нее.

Как, черт возьми, я дошел до такого состояния?

Как я попал к этому месту в моей жизни, где каждый выбор, что я сделал и каждое решение, которое принял, кажется таким неправильным? Сколько минут или часов прошло, я не знаю, и неважно, сколькими способами я пытаюсь увидеть свое будущее, больше Викторией я в нем не вижу. Буду я с Джесс или нет, но я знаю, что не люблю Викторию. А Джессика?

Джессика всегда будет моим самым большим «что, если».

Мой телефон вибрирует снова, и я отвечаю на него, зная, что, если не отвечу ей, она так и будет названивать.

— Чего ты хочешь, Виктория? — огрызаюсь я.

— Джейс, твоя мама. Было осложнение во время операции, и я считаю, что это плохо. Ты должен вернуться сейчас же.

— Скоро буду, — я кладу трубку и иду к своей машине так быстро, как могу. Думаю, я нарушил много правил, пока ехал в больницу. — Не умирай, не умирай, черт возьми, — шепчу я. Слезы горят в моих глазах, и я виню себя снова и снова из-за той ссоры, что была у нас перед моим отъездом. Она моя мама, независимо от того, насколько злой она бывает.

Боже, пожалуйста, не дай ей умереть.

Я влетаю на больничную парковку, выпрыгиваю из машины в мгновение ока и бегу внутрь,

чтобы найти Викторию.

— Джейс, сюда, — кричит Виктория.

— Что происходит?

— Я не уверена. Куча врачей и медсестер ворвались в палату, но они мне ничего не скажут.

Я подхожу к посту, чтобы выяснить, как обстоят дела.

— Извините, не могли бы вы сказать мне, в каком состоянии Ариана Коллинз? Она моя мать.

Медсестра не смотрит на меня. Она просто продолжает копаться в стопке бумаг и отвечает:

— Сэр, врач выйдет, как только сможет, и все вам сообщит. Пожалуйста, будьте терпеливы.

Мои манеры и достаточно спокойное поведение просто вылетают в окно.

— Я хочу знать прямо сейчас, что происходит с моей мамой. Я требую, чтобы вы нашли кого-то, кто знает, или кто может узнать! Вы меня слышите?

Она смотрит на меня, поднимая брови.

— Сэр, вам нужно успокоиться. Как зовут вашу маму?

— Ариана Коллинз.

— Дайте мне одну минуту, но если вы выйдете из-под контроля здесь, вы в любой момент будете удалены. Пожалуйста, постарайтесь сохранить спокойствие.

Она уходит по коридору, а я потираю виски, тяжело выдохнув. Я чувствую руку на своем плече и вздрагиваю от прикосновения. Я оборачиваюсь, вижу Викторию, человека, к которому я потерял всякую привязанность.

— Джейс, милый, мне так жаль. Я уверена, она будет в порядке. Мы просто должны держаться за эту надежду, — она знает, что я злюсь на нее, и в последнее время я понятия не имею, когда ее слова или намерения искренние.

— Вик, оставь меня в покое, ладно? Спасибо, что ты здесь для мамы, но я просто не могу разобраться с тем, что я чувствую к тебе сейчас.

Ее брови образуют высокие дуги, и я вижу, как она сжимает свою челюсть.

— В чем твоя проблема? Ты был невыносимым в последнее время. Ты оскорблял меня, смущал, и ты меня обидел. Разве это приемлемо? Я скоро стану твоей женой. Нельзя так относиться к любимой женщине

Ее выражения не смягчаются, и с каждым словом, которое она произносит, я удивляюсь, как я вообще умудрился быть с ней в серьезных отношениях. Она не такая как я. У нас нет почти ничего общего, и ее комплекс превосходства отвратителен. Я считал, что она просто уверенная в себе женщина, но затем уверенность превратилась в дерзость, и она начала смотреть на людей свысока. Я не знаю, изменилась ли она или она всегда была такой, а я просто никогда не видел этого.

— Виктория, мы не можем пожениться, — говорю я ей. — Я отменяю свадьбу. Ты заслуживаешь моей честности. Я не люблю тебя. Ты права, мужчина не относится так к женщине, которую любит. Прости. Я должен был сделать это давным-давно.

Все краски сходят с ее лица и чистая, неподдельная ярость бушует в ее глазах. Я готовлюсь к словесной перепалке, которую она собирается устроить, но возвращается медсестра.

— Мистер Коллинз, ваша мама в порядке. У них были некоторые проблемы во время операции, но сейчас она стабильна. Врачи имеют все шансы для успешной операции. Вы скоро сможете ее увидеть. — Наступает облегчение, и я говорю немое «спасибо». Это хорошая новость никак не влияет на свирепый взгляд Виктории.

— Я собираюсь навестить твою мать, и потом я уезжаю. Ты, Джейс Коллинз, совершаешь серьезную ошибку. Ты никогда не найдешь другую женщину, такую же верную, успешную или более преданную, чем я. Я бы продолжила наследие твоей семьи с честью и достоинством. Ты пожалеешь об этом. Попомни мои слова. Ты дурак!

Она поворачивается и уходит по коридору, и я просто отпускаю ее. Я знаю, что это правильное решение. В глубине души, сможет она когда-нибудь признать это или нет, но она тоже знает это.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я. Мама выглядит усталой и слабой. Лежа здесь, в этой больничной койке, она совершенно не похожа на ту упрямую, волевою женщину, которую я знаю.

— Я чувствую себя прекрасно, сынок. Хотя я очень расстроена тем, что ты сделал с этой бедной Викторией. У нее разбито сердце, сынок. Ты должен пойти к ней и все исправить.

Я качаю головой в недоумении.

Она просто не позволит ее отпустить.

— Мама, пожалуйста, ты можешь сосредоточиться на выздоровлении? Пожалуйста, перестань вкладывать столько энергии в мою личную жизнь.

— Джейс, я действительно не хочу делать этого, и это может быть ошибкой, но я чувствую обязанность перед тобой и нашей семьей сказать тебе.

— Что? Просто знай, что бы ты мне не сказала, меня это не переубедит.

— Сомневаюсь в этом. Виктория беременна.

Внезапно, у меня внутри все переворачивается с ног на голову, и мои мысли начинают метаться на рекордных скоростях.

Чувствую себя так, будто меня сейчас вырвет.

— Джейс, с тобой все в порядке? Дорогой, не смотри так испуганно. Ты будешь замечательным отцом, как твой отец, — она улыбается и хлопает меня по руке успокаивающе.

— Мама, откуда ты знаешь это? Почему она не рассказала мне? В этом нет никакого смысла. Я не понимаю, — я продолжаю терзать свой мозг, пытаюсь вспомнить, были ли какие-либо признаки ее беременности, или она что-то скрывала от меня, но все пусто. — Это сумасшествие. Она бы мне сказала. Я просто отменил свадьбу. Почему она не сказала мне тогда? Все это не имеет смысла, черт возьми.

— Джейс, нет необходимости использовать нецензурную лексику. Она не говорила, потому что хотела выйти за тебя замуж, зная, что ты это делаешь, потому что тебе хочется, а не потому, что ты чувствуешь, что должен. Теперь она собирается уйти и растить ребенка одна. Ты этого хочешь для своего ребенка? — спрашивает она, и мой мозг работает так быстро, что я даже не могу сформировать ответ. — Я знаю, что мысль стать родителем в первый раз страшна, но ты хороший человек, и все будет в порядке. Я не хочу, чтобы мой внук воспитывался матерью-одиночкой. Нужно согласиться на свадьбу, Джейс. Поступить правильно для твоего ребенка.

При упоминании ее внука во мне что-то щелкает.

— Действительно, мама? Сейчас ты беспокоишься о благополучии своего внука? Шесть лет назад ты ничего не сделала для жизни своего внука. Ты ни минуты не волновалась насчет моего нерожденного ребенка. Ни минуты!

Выражение ее лица никогда не меняется. Она даже не в шоке от моего обвинения.

— Я знаю, что ты сделала, и знаю, как далеко ты зашла, чтобы покрыть свои мерзкие поступки. Ей было восемнадцать, мама. Восемнадцать! — кричу я. — Она была одинока и напугана. Ты была взрослой и, когда она балансировала на краю этой скалы, ты охотно и с радостью толкнула ее. Поэтому, пожалуйста, не говори мне о том, что лучше. Ты заблуждаешься. Я так рад, что папы здесь нет, что он не видит те вещи, которые ты сделала.

Выражение ее лица сейчас холодное. Нет никаких угрызений совести, просто ничего. Она спокойно убирает прядь волос себе за ухо и отвечает:

— Я сделала то, что, в первую очередь, было лучшим для моего сына. Я ничего не пожалею для защиты твоего будущего. Это все уже в прошлом. Ты пойдешь и помирись с Викторией. Не говори ей, что знаешь, потому что, если ты это сделаешь, она откажется от свадьбы. Ты заставишь ее поверить, что ты совершил ошибку, и ты согласен на эту свадьбу. Вы будете растить своего ребенка в любящем доме и делать то, что должен делать Коллинз. Держи голову высоко и гордись собой за все, что у тебя есть. — Она говорит все это так, как если бы она перечисляла список дел для одной из ее вечеринок, а не обсуждала план моей жизни.

Я встаю без ответа и покидаю комнату. Мне больше нечего ей сказать. Она совершенно не видит, как ужасно она поступила с молодой девушкой, и насколько сильно это ранило меня и Джесс. Она никогда не увидит свою ошибку. Пытаться спорить с ней — пустая трата времени.

— Джейс, я люблю тебя, сын. Пожалуйста, поступи правильно, — говорит она, когда я закрываю дверь.

Я должен увидеть Джесс и потом мне надо поговорить с Викторией.

29 глава

«Если вы достаточно смелы, чтобы сказать «прощай», жизнь наградит тебя новым

«привет»».

— Пауло Чьело

Джессика

Прежде чем постучать в дверь, я делаю глубокий вдох. Поднимаю кулак, чтобы постучать и прямо перед тем, как мои костяшки пальцев касаются двери, она распахивается. В дверях стоит один из самых красивых парней, которых я когда-либо видела, с огромной улыбкой на лице.

— Ты немного побрился, — замечаю я. — Ты сделал это только ради меня?

Он чешет подбородок и усмехается.

— Да, немного. Тебе нравится?

— Нравится.

— Ну, у меня есть для тебя сюрприз, так что я надеюсь, что тебе это очень понравится. — Он играет своими бровями вверх-вниз, и его кокетливая улыбка меня просто убивает. В нем сочетается смесь крутого, очаровательного и хорошего парня — это так чертовски сексуально.

— Какой сюрприз? Я думала, что мы снова будем готовить.

— Сегодня я дам тебе передышку, я уже все приготовил.

Я шагаю в дом, и мои чувства подвергаются нападению упоительных ароматов. Корица, специи, банан и карамель кружатся в воздухе, и мой рот моментально наполняется слюной. Как только я вижу одеяло для пикника на полу, я встаю как вкопанная.

— Это пикник. Завтрак на ужин на полу в гостиной. Супер классно, да?

Мои глаза стараются принять все это сразу, но не могут. Красивое место располагает посидеть на красно-белом клетчатом пледе, по всей комнате расставлены свечи, букет цветов в центре на одеяле, и самые вкусные на вид вафли, которые я когда-либо видела, размещены на белоснежной тарелке, увенчанной бананами и соусом. Все это выглядит так необычно. Я никогда не знала, что завтрак может выглядеть так элегантно.

Я смотрю на Кингсли, потеряв дар речи.

— Это слишком много? Я просто хотел сделать тебе сюрприз, и я хочу, чтобы тебе понравилось. Если здесь слишком темно, мы можем включить свет и переместить все на кухонный стол.

— Нет, черт возьми, нет! Мне нравится и темнота и все это. Нравится все. Никто прежде не делал для меня ничего подобного. Это... я даже не знаю, что сказать, Кингсли. Это прекрасно.

— Я так невероятно тронута тем, что он так позаботился об этом.

Большая улыбка растягивается по его лицу, простая и искренняя, и я знаю: я люблю его. Я это чувствую. Не похотливая любовь, в стиле: я нуждаюсь-в-тебе или я-умру-без-его любви. Я люблю его в самой глубине, в тихом местечке, что я редко посещаю. Я люблю его, как человек

любит спокойное озеро в ранние утренние часы, когда оно неподвижно и спокойно. Кингсли меня успокаивает. Я не люблю его, потому что хочу его любви или из-за какой-то непрекращающейся необходимости. Я люблю его, потому что он видит меня и позволяет мне быть собой, никогда не позволяя мне забыть, кем я могу быть. Он никогда не пытается исправить меня, и всегда, независимо от того, насколько безумной это делает меня, заставляет меня видеть все дерьмо из моего прошлого. Я люблю его так, как никогда не любила раньше. Я люблю его бескорыстно. На этот раз, мне не нужно чье-то одобрение, привязанность и не нужно знать, что они ценят меня. На этот раз, я чувствую свою любовь самым простым и подлинным способом. Я люблю его, потому что это правда. Я это знаю и чувствую. Она не чувствуется тяжелой и обременительной. Она чувствует свободной и светлой. Любовь без условий. Это самая приятная вещь, какую я когда-либо чувствовала за всю свою жизнь. Впервые я люблю кого-то, не ожидая ничего взамен.

— Эй, ты куда пропала? Пришло время поесть. Я чертовски голоден.

Я хочу сказать ему, но не могу. Он не поверит мне, если я скажу это. Но теперь я просто буду наслаждаться этой ночью и не думать ни о чем. Я просто хочу сделать шаг из глубин своего разума на некоторое время и наслаждаться нашим временем вместе.

— Ты за словом в карман не полезешь, Кингсли, — я смеюсь.

— Ты знаешь это, дорогая. Я изысканный чувак во всех отношениях, — говорит он с озорной ухмылкой. Он становится на колени и начинает наливать наши напитки.

— Это мимоза, которую, я уверен, ты знаешь. Думаю, это больше подойдет к нашей еде, чем вино.

— Пальчики оближешь, все так аппетитно выглядит. Где ты научился все это готовить? Я знаю, что завтрак должен быть легким, но это не выглядит как типичный завтрак.

— Моя мама хорошо готовит, и у меня есть три сестры. Я был самым маленьким среди них. У меня не было выбора, кроме как научиться готовить. Они никогда не давали мне спуска из-за того, что я был мальчиком. Я думаю, это окупилось.

— Ты часто видишься со своей семьей?

Его лицо немного смягчается от моего вопроса.

— Нет, в прошлом году не очень.

— Из-за Лили? — спрашиваю я.

— Думаю, да. Не знаю. Я просто ненавижу видеть жалость в их взглядах. Я все еще я, понимаешь? Но они все обращаются со мной, как будто мне нужна их жалость, или как будто я собираюсь совершить какое-то дерьмо. Вот почему я люблю быть возле тебя. Ты обращаешься со мной, как я. Даже после того, как я рассказал тебе о Лили, ничего не изменилось. Ты по-прежнему ты, и я все такой же. Мы просто есть друг у друга. Никакого дерьма, никаких игр, никакого дыма и зеркал. Я просто ненавижу жалость к себе. Я не верю жалости или ненависти к себе. Вот почему это раздражает меня, когда ты идешь по этому пути. Меня сводит с ума, когда ты принижаешь себя. Тебе нельзя так жить. Потому что это не жизнь. Как будто живешь в арендованной жизнью, тратя ее на жалость к себе. Я чувствовал боль и винил себя за Лили. Конечно, я борюсь, веду внутреннюю битву, но будь я проклят, прежде чем я дам этому овладеть собой, моим разумом полностью. Принимать дерьмо жизни — это просто часть жизни.

Боль говорит нам, что мы все еще здесь, она напоминает нам, что мы выжили. Когда ты действительно думаешь об этом, боль может освободить тебя, потому что без боли нет удовольствия.

Его слова оседают вокруг нас, и я понимаю, насколько невероятно он силен. Я хочу обнять его, сжать и сказать ему, как счастлива видеть его в своей жизни.

— Кингсли, спасибо.

— За что?

— За себя. Ты — подарок. Ты заставляешь меня смотреть на вещи так, как я никогда не смотрела раньше. Ох, и ты великолепный повар! Благодарю тебя за это тоже, — я шучу, пытаюсь сделать все менее тяжелым. Он улыбается и делает огромный укус своей вафли.

— Ты еще не успела попробовать. Попробуй, это моя попытка сделать банановый фостер без мороженого. Это просто куча хороших вафель с кучей свежих фруктов. Моя сестра подарила мне вафельницу, и я очень давно не использовал ее.

Моя тарелка полна воздушных вафель и бананов, плавающих в коричневом карамельном соусе. И это чертовски хорошо пахнет.

— Боже мой! Иисус, Кингсли, это потрясающе. Черт возьми, я буду ходить сюда на завтрак каждый день, если это будет на это похоже.

— Очко, — говорит он, шутливо качая кулаков в воздухе.

— Ты придурок.

— Да, а ты дурочка. Мы идеально подходим друг другу, — смеется он.

— Да, думаю, мы могли бы быть вместе, — говорю я, глядя вниз и чувствуя, как румянец накрывает мое лицо. Я смотрю обратно на него, и вижу, как он замер. Наши глаза встречаются, и где-то в разгаре смеха и шуток что-то меняется. Его глаза — кольца темно-синего цвета, сверкающие эмоциональным огнем, заглядывают в меня. Все замолкает, даже музыка, доносящаяся из кухни, что можно услышать, как мы разглядываем друг друга. Если быть полностью честной с самой собой, я знаю, что мы хотим друг друга. Он пытался бороться, но это чувство здесь. Тяжело висит в воздухе, что ты можешь почти протянуть руку и дотронуться до него, до желания.

— Джессика.

— Да?

— Могу я поцеловать тебя снова, после того как мы поедим?

— Почему мы должны ждать? — я дышу все чаще, давая ему подумать над моим вопросом.

— Мы не должны. — Слова его коротки и сладки, но идеальны. Кингсли протягивает ко мне руку, и я тянусь к нему, переплетая наши пальцы, прежде чем он поднимает меня на ноги. Мы обходим стороной место пикника, он тянет меня ближе к своей широкой груди. Его запах, такой пьянящий, теплый, утешительный, окутывает меня словно одеяло. Когда он поднимает мой подбородок, я заморожена яркостью его взгляда.

— Можно я поцелую тебя сейчас? — спрашивает он, и я киваю рассеянно. Смутно я признаю, что мои слова, мысли и мое тело работает правильно, когда я нахожусь так близко к Кингсли.
— Держи свои глаза открытыми.

— Ладно, — шепчу я хрипло, мое сердце пульсирует в груди. В его взгляде пылает огонь, когда он опускает голову и касается своими губами моих, нежно исследуя изгибы и контуры. Его мягкий язык прослеживает линии моего рта, его зубы мягко прикусывают мою нижнюю губу, исследуя ее полноту. На мягком выдохе, напряжение покидает мое тело, и я погружаюсь в этот волшебный миг, превратив его из простого поцелуя в танец. Вперед, назад, толкаемся, отстраняемся, мы медленно двигаемся и становимся одним целым. Мои веки тяжелеют, когда волны удовольствия от этого поцелуя пробегают сквозь меня. Я растворяюсь в этот момент, растворяюсь в этом человеке.

— Нет, держи их открытыми, — умоляет он, на мгновение отстраняясь от поцелуя. Мои глаза распахиваются, он перемещает руки с моей спины, и большими ладонями касается мои щек. Мозолистыми подушечками пальцев проводит по моей коже и опускает свои губы на мои. Он снова захватывает мой рот, на этот раз с большим голодом, чем прежде. Его стоны наслаждения звучат сексуально как ад, и я мгновенно поддаюсь, когда он тянет меня ближе к своему жесткому телу. Я могу чувствовать его возбуждение, его необходимость во мне. Я чувствую, это начало моей полной гибели. По моему телу летят искры, когда его пальцы вплетаются в мои волосы, дергая их, чтобы заставить меня простонать те звуки, что я сдерживала. Его губы оставляют мои, и он движется к моей шее. Один, два, три поцелуя, он начинает облизывать путь к моей мочке уха. Я могу почувствовать его теплое дыхание, когда он скользит по моей коже. Мурашки бегают по моему телу, желание стремительно бежит по моим венам.

— Я хочу тебя, Джессика, — говорит Кингсли, его голос низкий, сексуальный и греховный, и я без сомнений знаю, что тоже его хочу, так сильно, что я в ужасе. Мне так страшно, и я даже не знаю почему. Секс для меня не страшен. Я знаю, что хочу его, я хочу этого, но внутри меня что-то пугает. Он другой — мы разные. Кингсли — это реальная жизнь, и это не средняя школа. Я его люблю, но я люблю его по-другому, не так, как я когда-то любила. Я не знаю, гожусь ли для него. Как я могу быть той, которая его заслуживает? Моя голова находится в состоянии войны с моим сердцем и телом. Я не могу разобраться в этом, особенно когда он обнимает меня и целует.

— Вылезай из своей головы, Джессика.

— Кингсли, почему? Почему сейчас? Ты сказал...

— Я знаю, что сказал. Я также знаю, что чувствую. Ты не можешь сказать мне, что не заботишься обо мне, и ты видишь, как я к тебе отношусь. И если ты не знаешь, извини, но я здесь, чтобы показать тебе это прямо сейчас. Я хочу тебя, всю тебя. Я хочу показать тебе, что такое секс на самом деле, и какое у него предназначение. Это гораздо больше, чем то, что ты знаешь. Боже, я хочу показать тебе все это. Позволь мне показать тебе любовь, Джессика. Позволь мне показать тебе, каково это чувствовать себя абсолютно любимой физически и эмоционально. Я люблю тебя, Джессика. Ты дала мне все, даже не подозревая об этом. Я хочу отдать каждый кусочек себя.

Я задерживаю дыхание и отбрасываю все мои страхи. Он меня любит?

— Я тоже тебя люблю. — Это последние слова, которые мы произносим. Его глаза становятся широко открытыми, и, одним быстрым движением, он подхватывает меня на руки и несет по

коридору в спальню. Я чувствую себя невесомой в его объятиях, в безопасности, окруженная его любовью. Большая с балдахином кровать из вишневого дерева стоит в центре комнаты, и он аккуратно кладет меня на нее. Он нажимает кнопку стерео на тумбочке, и комнату заполняет музыка.

— Ты мне доверишься? — в его голосе звучит неуверенность, как будто он не знает моего ответа.

— Да. — Я вижу, как напряжение исчезает из его тела.

— Держи свои глаза открытыми. — Его хриплый голос вызывает на моей коже покалывание. — Не закрывай их, даже когда почувствуешь, что твое тело распадается на части. — Картинки моего тела, раскинутого под ним, появляются в моей голове, и мое дыхание моментально ускоряется. — Я серьезно, — говорит он. Затем он наклоняется и целует меня, удовлетворяя нашу потребность. — Я хочу видеть тебя, смотреть, как ты наблюдаешь за мной каждую секунду, я покажу тебе, что такое любовь.

Я киваю и настраиваю себя на что-то совершенно незнакомое. Я бы хотела что-то сказать, но даже самые простые слова убегают от меня. Он спускается вниз, берет за край своей рубашки и тянет ее вверх над головой. Его широкая грудь и гладкая кожа великолепны. Мой взгляд путешествует по всему его телу, делая мысленные заметки о каждом месте, которого я намерена коснуться. Его волосы падают ему на глаза, когда он начинает расстегивать свои брюки. Он пинает джинсы и сокращает расстояние между собой и кроватью. Его тело подавляюще мощное. Он настоящий мужчина, и дорожка волос, которая исчезает в его боксерах, просто убивает меня. Он протягивает руку, вырывая меня из транса, и тянет меня ближе, так, что мои ноги свисают с края кровати. Наш взгляды не отрываются друг от друга, пока он располагается между моих ног.

— Это займет некоторое время, поэтому устраивайся поудобнее, — говорит Кингсли с многообещающей усмешкой.

Я хватаюсь за одеяло и пробую дышать ровно. Он пристально меня изучает и прослеживает своим пальцем линию по моему телу до верхней пуговицы фланелевой рубашки. Очень медленно, он расстегивает пуговицу, не отрывая от меня взгляда. Внутри я съеживаюсь, чтобы не показать свою уязвимость.

Как будто прочитав мои мысли, Кингсли слегка царапает мне челюсть тыльной стороной своих пальцев.

— Доверься мне, Джессика. — И я просто это делаю.

— Я доверяю тебе, — я верю ему, и когда смотрю в его любящие глаза, падаю в омут все глубже и сильнее, чем я думала, это возможно. Его ловкие пальцы расстегивают последнюю пуговицу и открывают рубашку, обнажив мои тугие соски под тонким материалом лифчика. Я взволнована, и пока лежу здесь, мое сердце и душа полностью открыты перед Кингсли. Он благоговейно изучает мое тело, и желание в его глазах лишает меня каких-либо сомнений. Я знаю, он хочет меня так же сильно, как и я хочу его. Его пальцы следуют по моей чувствительной коже до пуговицы на моих джинсах, легко расстегивают ее, и он снимает их вместе с моими трусиками, потом опускается на колени, чтобы снять мои туфли. Я слышу, как они падают на пол. Прохладный воздух из открытого окна заставляет меня дрожать, пока мое тело приспособливается к наготу. Придвинув мое тело ближе к краю кровати, он опускается на колени между моих ног, нежно подталкивая мои бедра к своим голым плечам.

— Ты такая красивая, Джесс. Я не могу больше ждать, я хочу попробовать тебя. — Мой живот

напрягается от его слов, и огонь, что горит глубоко внутри меня, становится еще жарче. Я чувствую его губы на себе и по-прежнему смотрю прямо на него, а он смотрит на меня в ответ. — Я хочу, чтобы ты смотрела на меня, — говорит он, даря еще один поцелуй моей чувствительной коже.

Дорогой Бог, мое тело жаждет его. Интимность этого опыта так не похожа на все, что я когда-либо испытывала раньше. Это настолько личное, настолько сильное, настолько... похоже на Кингсли. Его руки скользят вверх по моим ногам, и мое тело полностью оживает под его прикосновениями. Все мои острые углы сгладились и смягчились для него. Чувство уязвимости и неловкости прожигают дыру в моем сознании, когда он смотрит на мои шрамы, но выражение его лица не меняется. Его глаза все еще рассказывают историю любви и желания. Он наклоняется ко мне, оставляя один целомудренный поцелуй на животе, и затем его нос следует ниже. Его глаза ненадолго закрываются и затем вновь открываются, когда его язык встречает теплоту между моих ног. Он скользит руками под мою попу и поднимает мои бедра вверх. Содрогаюсь, я выпускаю воздух из легких, сжимаю свои закрытые глаза и хватаюсь за одеяло по сильнее, и оборачиваю свои ноги вокруг него, пока он занимается со мной любовью с помощью своего языка и губ... Я чувствую движение его руки, а затем два пальца скользят внутрь меня.

— Ты такая мокрая и чертовски вкусная. Я могу заниматься этим всю ночь и быть счастливым человеком, — шепчет он напротив моей чувствительной кожи. Он немного сгибает пальцы, и я тут же хнычу, когда они проникают глубже, достигая эрогенной зоны. Его язык кругами описывает мой маленький комочек нервов, пока его пальчики доводят меня до оргазма. Я чувствую себя невероятно, слишком невероятно, и чувствую, что достигаю пропасти. Моя киска сжимается вокруг его пальцев, и дыхание становится беспорядочным, мое тело сильно напряжено. Каждый его толчок уносит меня все выше и выше, пока в голове не остается ни одной связной мысли.

— Иисусе, — бормочет он. — Ты такая красивая. Ты меня убиваешь. — Жар в моем теле увеличивается, и я уже не могу сдерживаться. Я кончу прямо сейчас, если он не поторопится и не даст мне большего. Я поднимаю свои бедра вверх, практически умоляя об освобождении. — Открой глаза, — требует он. — Я хочу смотреть, как ты кончишь для меня. Я хочу смотреть в твои глаза.

Такое ощущение, будто маленькие грузики лежат на каждой ресничке, и я борюсь с ними, чтобы удовлетворить его просьбу держать глаза открытыми. Наши глаза встречаются, пока его пальцы движутся внутри меня, его язык терзает меня, медленно пожирая. Острое наслаждение проходит через меня, разжигая мое тело, пока вокруг ничего другого не существуют, кроме его присутствия. Я еще не закончила, мне нужно больше. Я хочу его, полностью.

Я вжимаю свою голову в кровать, искры оргазма проходят сквозь меня. Мой рот раскрывается, и я громко стону:

— Кингсли, О боже... — Он продолжает поддерживать во мне пламя удовольствия, и я достигаю невозможного, мои руки вплетаются в его волосы, сжимая его пряди крепко между пальцами. Я потеряла последнее подобие контроля. Я его, о боже, я...

— Посмотри на меня, Джессика. Есть намного больше, что я могу сделать, но я не дам тебе это до тех пор, пока ты согласишься на меня, — приказывает он. Я распахиваю глаза и кусаю свою нижнюю губу. Как только наши глаза снова встречаются, он пропускает мои руки сквозь свои волосы, в то время как языком продолжает дарить мне наслаждение. Блаженство пронесется

сквозь меня, концентрируясь в центре моего тела, так сильно, что почти больно. Он не отпускает, но ловит меня на пике моего оргазма, доводя меня еще выше, в совершенно новый мир экстаза. Взрываясь, я сжимаю пальцы крепче в его волосах, извиваясь напротив его лица. Блаженство накрывает меня волнами, и, ослабев, оно медленно оставляет меня изможденной, но удовлетворенной. Я лежу, тяжело дыша, в воздухе пахнет возбуждением. Мое зрение начинает возвращаться, и я вижу, как Кингсли мне мило улыбается.

— Наблюдать за тем, как ты кончаешь, должно быть, самая эротичная вещь, которую я когда-либо видел, — говорит он низким скрипучим голосом.

Я выдыхаю, пытаюсь сформулировать ответ, но слова не приходят. Мой мозг на перезагрузке, и я не могу даже говорить. Он поднимается с колен, снимает свои боксеры и позволяет им упасть на пол. При виде его у меня начинают течь слюнки. У Кингсли могло быть много девушек, но он выбрал одну. Боже всемогущий! Он забирается на кровать и перемещает мое тело вверх. Его кожа опалает жаром мою каждый раз, когда мы касаемся. Мы пробираемся к верхней части кровати, и моя рубашка с бюстгалтером быстро исчезают, перед тем как он кладет мою голову на подушки. Он убирает прядь волос с моего лица, а затем наклоняется ко мне и целует один раз в лоб. Это простой жест олицетворяет все, что я знаю и что люблю в этом человеке. Так много любви.

— Ты совершенна. Я не могу поверить, что ты здесь, со мной, все моя. — Голос Эда Ширана поет: «Поцелуй меня», и Кингсли опускает свое тело на меня. На данный момент мы связаны вместе, два сердца становятся одним. Он широко раздвигает мои бедра коленом, и я чувствую его у своей киски. Это легкое прикосновение углубляет мою потребность в этом удивительном человеке, и мое тело прошибает электричеством, оно полностью готово для него.

— Я люблю тебя, Джессика Александр, — говорит он, толкаясь в меня. Любая надежда на ответ исчезает с его первого движения. Его руки нашли свой путь к моим, и он переплетает наши пальцы, вытягивая наши руки вверх над моей головой. Он толкается дальше, проникая все глубже, и стон вырывается из моего горла. Он ловит его своими губами, он любит меня своими глазами, ртом, своим телом. Он нежно меня целует и любит меня жестко и медленно. Его движение страстные и плавные, которые могут в конечном счете уничтожить меня.

— Боже мой, Кингсли... — мои ногти впиваются в его руки, и он держит меня еще крепче. Пот покрывает наши тела, мы скользим друг напротив друга, я поднимаю бедра вверх, чтобы встретиться с его. Он стонет мне в шею и занимается со мной любовью так, что это неповторимо для меня. Во мне вновь просыпаются приятные ощущения, я напряжена вокруг него.

— Черт, с тобой так приятно, Джессика. Я просто хочу раствориться в тебе, — шепчет он. — Я никогда не хочу покинуть твое тело. Скажи мне, что ты моя. Скажи мне, что я твой парень, а ты моя девушка, Джессика. Позволь мне любить тебя каждый день, каждую минуту, ты заслуживаешь быть любимой. — Глядя в глубину его темных, синего цвета океана глаз, я понимаю, что это не просто заявление. Это обещание, клятва.

— Да, Кингсли, да. — Я целую его, слезы наполняют мои глаза. — Я твоя девушка, Кингсли, только твоя. — Каждая стена начинает падать, рушиться вокруг меня. Страхи, боль, сожаление, ложь, истина, ненависть и прошлое — на их месте остается любовь, только любовь. Его губы накидываются на мои, и он врывается в меня так, насколько мое тело позволяет. Время остановилось, пока наши тела движутся вместе в унисон, как ветры двигают волны моря. Наши языки ласкают друг друга, с каждым прикосновением давая молчаливые обещания. Его вкус, его запах, его слова — они дают мне то, за что можно держаться. Мое

сердце наполняется чувством любви, которое я раньше никогда не испытывала. Я закрываю глаза, и яркие цвета взрываются под чернотой моих век, его имя вырывается из моих уст.

— Кингсли...

— Отпусти все это, дорогая. Отдай мне все это. Просто отпусти, — просит он, и я уступаю. Ток проходит через меня волнами, прижимая мое тело ближе к нему, держа его ближе ко мне. Край так близко, он привел меня к нему, шепча бессвязные слова в мое ухо, направляя меня, защищая меня. Я парю над ним, теряя себя в нем, теряя себя в его любви. Он жестко толкается в последний раз, и я чувствую полный вес его тела на мне, когда он кончает. Мы теряем себя в красоте момента и лежим вместе, не двигаясь.

— Вот, держи, — говорит он, когда возвращается в комнату и протягивает мне воду со льдом. Моя кожа покрыта румянцем и все тело в поту.

— Спасибо. Я хочу пить, — говорю я, подмигнув.

Я замечаю, что с собой он принес свою гитару. Передо мной предстает красивое зрелище, ведь он только в одних белых боксерах. Он действительно удивляет заботой о своем теле. Это такое противоречие, как он одевается, и как выглядит его тело. Его волосы торчат в разные стороны, и мне нравится.

— Для чего гитара? Ты будешь играть для меня, пока я засыпаю крепким сном после занятий любовью?

Медленная улыбка расцветает на его лице, и он садится на краю кровати рядом со мной.

— Типо того, — говорит он дерзко, приближаясь ко мне. Я ложусь головой вниз и располагаюсь так, что могу видеть, как он играет.

— Я еще не совсем освоил эту песню. Я только на прошлой неделе обнаружил эту группу на Spotify. Я работаю над акустическим кавером этой песни, ведь она напоминает мне о тебе.

Он поворачивает голову немного в мою сторону и дарит мне сладкую как сахар улыбку. Он такой хороший, действительно слишком хороший. Он заставляет меня чувствовать себя цельной, а я не чувствовала это так долго.

— Ладно, начинаю. Она называется «Птица со сломанными крыльями» группы Tyler Lenius Band. И не смейся над моим пением.

— Я уверена, что ты поешь просто прекрасно, Кингсли. Я не буду смеяться, обещаю.

Он начинает играть, и звук его акустической гитары наполняет комнату. Наблюдая за его игрой, слушая музыку, вся закутанная в его постели после занятия любовью — все это ощущается очень приятно. После нескольких аккордов, он начинает петь, и мое сердце буквально останавливается на мгновение. Он ведет себя так, как будто ужасный певец, голос у него нереальный. Хриплый, грубый и страстный. Это напоминает мне то время, когда мы впервые встретились в группе несколько недель назад. Он смотрит на меня, когда поет. Каждая часть меня сосредоточена на каждом слове.

Ты расплавил мое сердце

С одного поцелуя

Есть ли такая вещь, как истинная любовь, да, есть

Весь мой мир останавливается, когда ты улыбаешься

Ты не станешь моей девочкой на некоторое время?

Без нее я словно птица со сломанными крыльями

Умел мечтать, но не летать

Так что я расправил крылья

И загадываю желание в небо

Что когда-нибудь она будет моей

Что она будет моей

Мое тело покалывает каждый раз, когда я чувствую твои губы

Когда я держу тебя, я чувствую искры на кончиках моих пальцев

Эта девушка изменит мой мир

О, это все меняет

Без нее я как птица со сломанными крыльями

Умел мечтать, но не летать

Так что я расправил крылья

И загадываю желание в небо

Что когда-нибудь эта девушка будет моей

Без нее я словно птица (словно птица, словно птица), со сломанными крыльями

Умел мечтать, но не летать

Так что я расправил крылья

И загадываю желание в небо

Что когда-нибудь она будет моей.

Заключительный аккорд, песня заканчивается, и он ставит гитару на пол, подперев ее возле кровати, прежде чем поворачивается ко мне.

— Тебе понравилось?

Я сажусь и натягиваю простынь на свою голую грудь.

— Ты шутишь? Понравилось ли мне? Мне очень понравилось, Кингсли! Это было красиво, совершенно и невероятно. Хоть убей, я не могу поверить, что ты думаешь, что плохо поешь. Это было потрясающе. Я могла бы слушать тебя всю ночь и мне никогда не надоест твой голос.

Он дарит мне редкую застенчивую улыбку.

— Ух ты, спасибо. Я рад, что тебе понравилось. Каждый раз, когда я слышу эту песню, я думаю о тебе, о нас, — говорит он и берет меня за руку. Пока он говорит, он потирает большим пальцем мою кожу. — Я действительно не могу выразить, как много ты изменила в моей жизни за такой короткий промежуток времени. Ты продолжаешь говорить мне, что тебе нужно исправить себя, но ирония заключается в том, что это я был тем, кто сломан. Я был тенью себя, и ты привела меня обратно в свет. Я не могу даже выразить, что ты значишь для меня.

Мои глаза наполняются слезами, он наклоняется вперед. Прикасается целомудренным поцелуем к моим губам и задерживается ненадолго, прежде чем возвращается назад. Мы смотрим глаза в глаза и улыбаемся друг другу. Любовь, которую я чувствую, отражается в мягкости его взгляда, и это утешает. Он тянется вверх и убирает прядь волос с моего лица.

— Джессика, ты моя. Полностью и во всем. Вместе или врозь, ты разбудила часть меня, которая была заперта в течение прошлого года. Я люблю тебя, и если любить тебя — это неправильно, то я не хочу быть правым.

30 глава

«Нас учат, что любовь может исцелить раны и отменить боль, но вскоре мы узнаем, что боль часто может разрушить самую крепкую любовь».

— Кэтрин Перес

Джейс

— Вик, я знаю, что ты там, просто подними трубку, — Я продолжаю звонить ей, но она не отвечает. Я пытаюсь дозвониться в последний раз, пока паркуюсь на стоянке перед квартирой Джессики. Ничего.

Я поднимаюсь наверх и понимаю, что не имею ни малейшего понятия, что собираюсь ей сказать, или почему я здесь. Я просто знаю, что мне нужно увидеть ее и поговорить с ней. Я постучался и стал ждать. Мое сердце стучит где-то в горле, секунды чувствуются как часы. Я стучу еще раз, ничего. Достаяю телефон и звоню ей, но меня переадресовывают на голосовую почту.

— Черт возьми! — я наклоняюсь вперед, упираясь головой в ее дверь, и чувствую себя чертовски потерянным. Я оборачиваюсь и скольжу на пол, моя голова опущена в поражении, и я пытаюсь выяснить, как моя жизнь так быстро перевернулась. Виктория беременна, а я люблю другую. Я люблю ту, которая не дает мне любить себя, не позволяет помочь ей, а моя мама лежит на больничной койке, практически при смерти.

Минуты, часы проходят мимо. Я сижу у двери Джессики, чувствуя себя дураком, но я не хочу

уходить, пока не увижу ее. Мне нужно знать, есть ли какая-то возможность исправить все, что от нас осталось. Я должен знать. Я не могу двигаться дальше, пока не буду знать наверняка. Я кладу голову на колени и закрываю глаза.

— Джейс?

У меня затекла шея, и мой зад меня убивает. Я открываю глаза и вижу перед собой черные штаны. Я тру рукой по своему лицу и пытаюсь дать своим глазам адаптироваться, чтобы увидеть хоть что-то.

— Что ты здесь делаешь? Ты пьян?

Это она, и она выглядит как-то по-другому. Ее волосы в спутанном узле на макушке, и она выглядит усталой, но есть кое-что еще в ней. Это ее глаза. Они полны жизни, счастья. Я удивляюсь, почему.

Я встаю и кручу головой из стороны в сторону, пытаюсь разработать мышцы.

— Нет, я не пьян, Джесс.

— Ну, тогда, почему ты спишь перед моей дверью в пять часов утра?

Я пробегаюсь трясущейся рукой по своим волосам и пытаюсь придумать что-то, что имеет какой-то смысл.

— Виктория беременна, — не подумав, говорю я.

Шикарно, Джейс. Просто уничтожь к чертовой матери прямо сейчас. Она реально хочет с тобой поговорить сейчас! Черт!

Ее лицо застывает, и она толкает меня в сторону. Я вижу только ее спину, пока она пытается найти нужный ключ от двери.

— Иди домой, Джейс. Я не знаю, почему ты здесь, может для того, чтобы ткнуть меня лицом в это дерьмо, но независимо от причины, я не позволю тебе сделать это. Это просто была лучшая ночь в моей жизни, и я не позволю тебе испортить мне удовольствие. Просто уходи, Джейс.

Я хватаю ее за руку и поворачиваю ее вокруг, чтобы посмотреть на нее.

— Мне нужно, чтобы ты поговорила со мной, Джесс. Ты слышишь меня? Ты нужна мне.

Она затихает на мгновение, раздумывая над моими словами. Затем смотрит на мою руку, держащую ее запястье.

— Отпусти меня, Джейс, — тихо говорит она.

— Я не знаю как, — шепчу я, а затем выпускаю ее запястье.

Наши глаза встречаются, и я вижу, как ее решимость слабеет.

— Черт возьми, Джейс Коллинз! Зачем ты это делаешь? Зачем, просто зачем? Это не игра и я не игрушка. Почему ты делаешь это со мной? Я не могу справиться с этим. — Она закрывает лицо руками и качает головой взад и вперед.

— Я знаю, и я сожалею. Мне так чертовски жаль! Я запутался и не знаю, в какую сторону идти или что делать дальше. Я не люблю ее так, как люблю тебя. Как я должен жить с ней и строить с ней семью, если я люблю тебя? Скажи мне, Джесс, как?

Она опускает руки вдоль тела и смотрит на меня. Я не могу прочесть ее выражение лица, когда мы стоим молча. Она вздыхает и смотрит вверх на потолок, а потом ее взгляд возвращается на меня.

— Я не могу ответить на эти вопросы за тебя. Я просто не могу. Все что я знаю, что ничто никогда не легко для нас. Что-то всегда встает между нами, и мы никогда не в состоянии остановить это. Если Виктория беременна, то тебе придется с этим смириться. Она твоя невеста. Ты был с ней в течение многих лет. Нас то разводит друг от друга, то сталкивает как атомные бомбы, ничего не оставляя, рушит всю жизнь, что у нас была прежде. Разве ты не видишь этого?

— Нет, не вижу. Я вижу, что я упал в реальность. Моя жизнь была обманом, фальшивкой. Я был с Викторией, потому что это было легко, потому что она была рядом, она была настойчивой, и она увела мои мысли от тебя. Моя мама любила ее, и она была тем типом девушки, про которую все говорили, что она «подходящая пара для меня». Но я не влюблен в нее. Моя мать не имела никаких сомнений по поводу того, чтобы изгнать тебя из моей жизни, и не думала о том, что я на самом деле хотел, или как я себя чувствовал. Она до сих пор их не имеет. Она обманывала меня, снова и снова, и женщина, которая носит моего ребенка, мне незнакома. Но когда я смотрю на тебя, я вижу только дом.

Я делаю шаг ближе к ней, чувствую потребность прикоснуться к ней, заставить ее понять, что я говорю правду, но она пятится от меня. Это как нож, который рассекает мое сердце.

— Нет, не надо. Не смей приближаться ко мне, Джейс Коллинз. Я не позволю тебе соблазнить меня своим шармом и льстивым разговором.

Она серьезна. Я никогда не видел ее такой раньше.

— Что с тобой случилось, Джесс? Ты выглядишь по-другому.

Она сверлит меня взглядом и убивает одной фразой.

— По-другому? Может быть это потому, что ты не знаешь, как я выгляжу, когда я не влюблена в тебя.

Стены вдруг будто сужаются, они приближаются ко мне.

— Ты меня больше не любишь? — шепчу я, ошеломленный.

Слезы текут по ее лицу и падают на пол.

— Нет, Джейс, я люблю тебя. Я всегда буду любить тебя. Ничего не сможет изменить это, что бы ни случилось в нашей жизни. Но я не могу удержать любовь, из которой никогда ничего не выйдет. Любить тебя больно и плохо влияет на мое эмоциональное состояние. Это как наркотик для меня. Это все неправильно, независимо от того, как хорошо я себя чувствовала,

когда мы были вместе. — Ее подбородок дрожит, и все, что я хочу сделать, это протянуть руку и обернуть свои руки вокруг нее. — Годы разделили нас, и наши жизни пошли по разным сторонам. Хотя некоторые вещи остались такими же. Я не могу стать лучше вместе с тобой. Просто не могу. Я знаю и признаю это. Ты хочешь спасти меня, исправить меня, но я не хочу исправляться. — Ее голос срывается, несмотря на то, насколько сильной она пытается быть. — Когда мы были подростками, все было иначе. Я никогда не забуду тех дней, но в то же время в жизни многое произошло, и мы не можем стереть это. Я не могу быть твоей подругой — благотворительным делом, и ты не можешь быть парнем, который постоянно пытается собрать меня по кусочкам. К тому же я могу облажаться. Когда я это сделаю, тебе не понравится. И, медленно, но верно, ты будешь ненавидеть меня. Я не хочу этого для нас.

Каждое слово режет меня заживо.

— Ты его любишь? — спрашиваю я, хотя уже знаю ответ. Он и есть причина счастья в ее глазах.

— Да, — говорит она так тихо, что я едва услышал ее.

— Ты счастлива? — она смотрит на меня, и ее лицо смягчается на мой вопрос.

— Я думаю, что я ближе к счастью, чем когда-либо была.

В голове грохот, и слезы обжигают мои глаза. Я изо всех сил стараюсь бороться с ними, но терплю неудачу. Одна слеза падает, и она бросается вперед ко мне и крепко меня обнимает. Я обнимаю ее в ответ, и мы плачем. Плачем за наше прошлое, за нашего потерянного ребенка, за нашу потерянную любовь, и мы плачем за ту боль, что причинили друг другу.

— Ты будешь прекрасным отцом, Джейс, — всхлипывает она и шепчет мне в шею.

Я держу ее крепче, стараясь запомнить ощущение ее тела в своих объятиях. Я вдыхаю запах ее волос и пробую запечатлеть каждую деталь в моей голове.

— Я буду любить тебя вечно, Джесс.

Я выпускаю ее из объятий и задеваю пальцами свои губы и прикладываю их к ее мягким губам, и говорю: «Вечно».

Она ничего не говорит, пока я уйду. Я слышу рыдания эхом по всему коридору, но они становятся тише, когда я отхожу все дальше. Все кончено. Наша с Джесс история закончилась. Осознание этого оборачивается вокруг моей шеи и почти душит меня.

Я сижу на дороге у дома Виктории и совершенно не знаю, что ей сказать. Последние несколько недель проносятся в моей голове, и я задаюсь вопросом, буду ли я когда-нибудь в состоянии все разложить по полочкам. Мой телефон начинает гудеть, и ее входная дверь сразу распахивается. Она смотрит на свой телефон, и я понимаю, что она звонит мне. Как только видит меня на подъездной дорожке, она вешает трубку. Она плачет и смотрит безумевшими глазами. Я открываю дверь и быстро иду к ней.

— В чем дело?

— Это твоя мама, Джейс. Ей плохо. Должно быть, они набрали не те цифры или перепутали. Они ищут тебя. Мы должны сейчас же поехать туда.

— Садись, — говорю я.

Я разворачиваю машину и съезжаю с подъездной дорожки как можно быстрее. Мы молчим всю дорогу до больницы. Как только паркуемся, заходим в фойе. Когда мы подходим к палате моей матери, доктор меня останавливает, не давая проходу.

— Мистер Коллинз?

— Да, с мамой все в порядке? В чем дело?

Мрачное лицо врача обо всем мне говорит. Я знаю. Я это чувствую. Я проскальзываю мимо него и открываю дверь. Медсестры отсоединяют провода, снимают капельницы и выключают машины. Больше ничего не пищит. В палате тихо. Я поворачиваюсь обратно к врачу.

— Что случилось? Я же был здесь вчера, и она была в порядке. Как это случилось? — спрашиваю я.

— Ее мозг начал кровоточить, и мы не смогли остановить кровотечение раньше, чем стало слишком поздно. Это иногда происходит при такой операции. Мне так жаль, мистер Коллинз.

Я смотрю на плачущую Викторцию и представляю нашего ребенка, которого она вынашивает. Я вижу маму, лежащую в постели, холодную, безжизненную. Это слишком.

— Мне нужно подышать свежим воздухом. — Я выхожу из палаты и иду по коридору так быстро, как могу, прежде чем срываюсь на бег. Мои ноги не несут меня достаточно быстро. Я достигаю выхода, протискиваюсь мимо дверей и продолжаю бежать до тех пор, пока не достигаю своей машины. Мои руки лежат на капоте, который все еще теплый после нашей поездки. Я пытаюсь отдышаться, но в голове крутится так много мыслей, которые поглощают меня; но ни одна из них не имеет смысла.

— Джейс, с тобой все в порядке? Тебе что-нибудь нужно? Все что угодно, просто скажи.

Я смотрю вверх, это Вик. Впервые за долгое время, она выглядит мягче. Она действительно заботится о моей матери. Я вижу это сейчас. Я просто качаю головой.

— Я не знаю. Я просто не знаю. — Она кладет свою руку на мое плечо.

— Позволь мне помочь тебе. Я знаю, сейчас между нами все плохо, но я все равно хочу быть здесь для тебя.

— Спасибо, — говорю я.

— Может, пора начать всех обзванивать?

— Думаю, да. Но сначала мне нужно вернуться и провести некоторое время с... — я не могу закончить предложение, но она знает, что я пытаюсь сказать. Я глубоко вздыхаю и продолжаю: — Я узнаю, что им от меня здесь нужно, а затем мы можем поехать домой и начать все приготовления.

Она кивает в знак согласия и мне в голову вдруг приходит мысль, что в один день я потерял двух самых важных женщин в моей жизни.

Этим утром похороны моей матери. Я любил свою мать, но ненавижу то, как закончился наш последний разговор. Я ненавижу то, что мы сказали наши последние слова в гневе. И я ненавижу, что не ответил, когда она сказала, что любит меня. Виктория была удивительной и со всем помогла, не прося ничего взамен. Она ни разу не заводила разговор о помолвке или свадьбе. Я хочу спросить ее о ребенке, но мне так плохо, что не могу заставить себя сделать это.

— Ты готов? Пора.

— Да, Вик, я буду через секунду.

Я проверяю свой галстук и делаю глубокий вдох. Я так часто делаю это в последнее время. Кажется, будто воздух в моих легких — это единственное, что удерживает меня на плаву, единственное, что мне осталось.

— Ладно, поехали.

Мы едем в похоронное бюро, стоянка переполнена автомобилями. Должно быть, здесь весь город.

Я паркуюсь и выхожу.

— Спасибо, что пришла со мной, — говорю я ей.

— Я бы не позволила тебе сделать это в одиночку, Джейс. Ты знаешь, это.

Она протягивает мне руку, и я беру ее. Вместе мы или нет, Виктория сильная и прямо сейчас мне это нужно.

31 глава

«Живи каждую минуту так, будто она последняя».

— Автор неизвестен

Джессика

— Кингсли, спасибо, что привез меня. Я знаю, что ты против этого, — говорю я и сжимаю его руку.

— Я просто не понимаю, зачем тебе нужно идти на похороны его матери. Ты ненавидела ее. Не вижу смысла.

— Он был рядом большую часть моей жизни, и хотя я знаю, что его мама меня ненавидела, я все еще чувствую, что должна прийти.

— Ладно. Мне просто это не нравится. Вот и все, — бормочет он.

Дорога казалась бесконечной. Мне не нравится знать, что Кингсли недоволен, но мне нужно идти. Мне нужно быть там. Мы с Мерседес все дорогу переписывались и наконец-то договорились встретиться. Мы собираемся заехать в кафе пообедать. Это большой шаг для меня к настоящей дружбе, но я чувствую себя довольно хорошо. Я думаю, что в последнее время чувствую себя немного лучше.

Когда мы приходим на кладбище, мою голову наводняют воспоминания того дня, когда несколько лет назад Джейс привел меня сюда. Я осматриваюсь и вижу множество машин, толпу людей, и вдруг на меня накатывает страх.

— Боже мой, все будут здесь. Все люди, которые меня ненавидят. Я понятия не имею, о чем я думала. Это была ужасная идея. — Я чувствую панику и даже слышу это в своем голосе, но я не могу успокоиться.

Кингсли припарковывает арендованный автомобиль и протягивает руку, чтобы взять мою.

— Слушай, я не хотел этого, но если ты хочешь идти туда, то иди, несмотря на всех тех людей, что обидели тебя в прошлом. — Он тянет мою руку и целует ее нежно. — Если ты хочешь быть здесь, будь. Они не могут причинить тебе вреда. Ты слышишь меня? Ты взрослая женщина и сильнее, чем была тогда. — Держа мой подбородок в своей руке, он говорит: — Держи голову высоко и иди. Я, может быть, против этого, но я ни за что не позволю тебе отступить из-за них.

— Ты прав. Они не могут причинить мне боль. — Я смотрю вниз и копаюсь в своей сумочке. И на самом дне вижу ее. Я достаю маленькую снежинку на булавке и пристегиваю.

— Что это? — спрашивает он

— Это мое защитное поле, — говорю я ему с небольшой улыбкой.

Он выглядит сконфуженным, когда я вешаю ее себе на пиджак.

— Это долгая история. Я расскажу тебе об этом когда-нибудь, но не сейчас. Ты пойдешь со мной?

— Нет, я подожду здесь. Ты можешь сделать это. Ты не нуждаешься во мне.

Я киваю и не спорю, потому что, по правде говоря, я не хочу ранить Джейса, показав, что я с Кингсли. Думаю, Кингсли это понимает, поэтому он остается подождать.

Мне так чертовски повезло.

— Спасибо. — Я дарю ему глубокий поцелуй и улыбку, перед тем как отстраняюсь.

Я собираю каждую унцию мужества и выбираюсь из автомобиля. Я надела простое черное платье и черные балетки. Поминальная служба уже началась, так что я буду просто тихо стоять сзади и слушать. Я сканирую толпу и почти сразу вижу Элизабет Брант. Она выглядит точно так же. Маленький златокудрый мальчик тянет ее за рукав. У него подтяжки на штанах, и он как-то неуклюже передвигается. Она смотрит на него сверху вниз, улыбаясь, и тихо просит его быть потише. Элизабет Брант, мама. Какая странно. Маленький мальчик держится за ее рукав и тянет его; потом он хватается за ширинку на штанах. Он хочет в туалет. Она нагибается, поднимает его и незаметно выходит из толпы. Мои нервы измотаны, и мысль столкнуться с ней лицом к лицу буквально приводит меня в ужас. Я заставляю себя оставаться на месте и решаюсь. Я принимаю решение повернуться к ней лицом, независимо от моего

страха или того, что может случиться. Она идет в мою сторону и в ту минуту, когда ее глаза поднимаются от земли, они расширяются. Удивление написано на ее совершенном лице, и она останавливается на середине шага.

— Мамочка! Я хочу писать, — хнычет он.

— Ладно, ладно, Джуниор, мы едем.

Она начинает идти в сторону парковки и как только проходит мимо меня, она замедляется. Кажется, будто она собирается что-то сказать, но не говорит. Она просто дарит мне неловкую улыбку и проходит мимо. Какого черта только что произошло? Она ничего не сказала, и она улыbnулась мне. Я делаю шаг ближе к остальным людям и стараюсь смотреть сквозь них, пытаюсь мельком увидеть Джейса. Как только замечаю его, я вижу и ее. Виктория и Джейс, рука об руку. Она выглядит красиво, как всегда, и он похож на Джейса, просто очень печального. Мое сердце разрывается от боли за него; я ненавижу то, что делает ему больно. Может быть, я не должна быть здесь. Я не чувствую, что принадлежу этому обществу. Поворачиваюсь и начинаю идти обратно к машине, когда Элизабет выходит из внедорожника с маленьким мальчиком, следующим за ней по пятам. Мальчик проскальзывает мимо нее и спотыкается о свои ноги, падая на землю прямо передо мной. Он начинает плакать, и я инстинктивно наклоняюсь, чтобы помочь ему подняться, а Элизабет подбегает к нам.

— Мамочка, у меня бо-бо на коленках, и они болят, — кричит он.

— Ох, Джуниор, все будет хорошо. В моей сумочке у меня есть лекарство от бо-бо и пластырь со Спанч Бобом.

Маленький мальчик улыбается сквозь слезы и говорит:

— Ура, пластырь Спанч Боб.

Элизабет поднимает его и смотрит на меня.

— Спасибо, что помогла ему подняться.

Миллионы вещей, которые я хотела ей сказать, застревают в горле, в плену годами сдерживаемого гнева и боли. Прежде чем я успеваю сказать, ее сын разбивает тишину.

— Мама, это твоя подруга?

Если бы этот парень только знал, как далеки от реальности его слова.

— Нет, дорогой, мы не друзья. Но мама давным-давно ходила с ней в школу. Мама хотела, чтобы она была ее подругой.

Что?

Элизабет Брант официально сошла с ума. По какой-то причине меня это бесит, и я просто хочу ударить ее, но не могу, потому что это похороны, и она держит маленького мальчика.

— Я не собираюсь говорить о нас перед твоим ребенком, но не говори то, что не имеешь в виду, просто чтобы сгладить ситуацию, Элизабет. Ты никогда не хотела, чтобы мы были друзьями, и мы обе это знаем, — огрызаюсь я.

Я прохожу мимо нее по направлению к машине, и она говорит:

— Ты права. Я не хотела. Я теперь не та, какой была раньше. Все, что я хочу сказать, что если бы я могла, то сделала бы другой выбор. Мой собственный ребенок изменил мою жизнь и прости за то, кем я была раньше. Прости меня за все.

Я не оборачиваюсь. Я не могу. Не могу простить ее прямо сейчас. Я возвращаюсь к машине и сажусь.

— Поехали.

— Почему? Что случилось? — спрашивает Кингсли, и его глубокие синие глаза смотрят на меня с беспокойством, как будто ему нужно убедиться, что я невредима, в безопасности.

— Это была ошибка, вот и все.

— Джессика, ты пришла сюда, не для того чтобы просто развернуться и уйти.

Я скрещиваю руки на груди и наклоняю голову назад.

— Я знаю. Это просто слишком, и я действительно не думаю, что смогу пройти через это.

Я замечаю, что люди, идут к своим машинам и уезжают.

— Ну, думаю, в любом случае, все закончилось, — говорю я.

Кингсли заводит машину, и мы ждем, пока другие уезжают. Я смотрю на лица людей, проходящие мимо нас, некоторые знакомые, другие нет. Затем я вижу его. Джейса. Он разговаривает с Викторией. Она кивает, обнимает его и уходит. Он поворачивается назад, в сторону могилы, и я вижу, как он встает на колени рядом с другим камнем. Это могила его сестры.

— Кингсли, я знаю, тебе это не понравится, но я хочу увидеться с ним, прежде чем мы уедем.

Он вздыхает и разворачивает машину.

— Ладно, иди.

Я наклоняюсь и нежно целую его заросшую щетиной щеку.

— Я люблю тебя, ты знаешь это? Ты удивительный.

— Ладно, ладно, Джессика. Иди, пока я не передумал.

Я иду по мягкой траве, слушая биение сердца в своих ушах. Я нервничаю, и мне страшно.

— Джейс.

Он оборачивается, и на его лице появляется удивление, при виде меня.

— Джесс?

— Привет, — говорю я просто.

Он встает.

— Что ты здесь делаешь?

— Я просто хочу быть здесь. Я не знаю, просто чувствовала, что должна быть здесь.

— Почему?

Он выглядит таким растерянным, и измученное выражение на лице разбивает мое сердце.

— Я сожалею. Может быть, это была просто ошибка. — Я начинаю оборачиваться, и он говорит:

— Нет, не уходи.

Я останавливаюсь и поворачиваюсь назад.

— Ты уверен?

— Уверен.

— Хорошо.

Он протягивает руку, и как только наша кожа соприкасается, я переношусь назад в прошлое. Мой мозг, может, и смог забыть, но мое сердце всегда помнит.

— Помнишь тот день, когда я привел тебя сюда? — спрашивает он.

— Да, конечно помню.

— Я был здесь недавно и принес цветы.

Красивые фиолетовые цветки стоят в вазах на каждой стороне надгробного камня.

— Они великолепны.

Он смотрит на меня, и грусть в его глазах грозит захлестнуть меня.

— Где ты это взяла?

— Взяла что? — спрашиваю я, запутавшись.

— Эту брошь. Снежинку. — Он указывает на мой пиджак, и я смотрю вниз, прикасаясь к ней пальцами.

— Ах, этот? Это был подарок.

— От кого? — он выглядит встревоженным, почти сердитым.

— Что, Джейс? В чем дело? Маленькая девочка, что жила по соседству со мной в школе дала ее мне.

— Это невозможно, — говорит он.

— Почему это невозможно? Ты немного меня пугаешь.

— Я подарил точно такую же брошь, Женевьев давным-давно. Она была на ней, когда мы ее похоронили, — говорит он, и он выглядит так, как будто увидел привидение.

Неужели он думает, что это та же самая брошь?

— Джейс, это безумие. Я уверена, что в этом мире есть тонны таких брошек. Не похоже, что они только сделали одну. Ты просто взволнован, и твой мозг сыграл с тобой шутку. Я могу снять ее, если тебя это беспокоит.

Его выражение замученное, и он качает головой.

— Я думаю... я не знаю. Может быть, ты права. Может быть, я схожу с ума. — Я никогда не видела Джейса таким побитым. Мне придется бороться с желанием подойти к нему, чтобы обнять его и сказать ему, что все будет хорошо. Это не мое место. У него есть Виктория, и у меня есть Кингсли.

— Слушай, я пришла, потому что хотела сказать тебе, что сожалею твоей потере. Я знаю, что твоя мама ненавидела меня, но она твоя мама, и я знаю, что ты любил ее.

— Спасибо, Джесс. Я действительно ценю это.

Его телефон вибрирует, и он вытаскивает его из кармана.

— Эмм, я должен ответить. — Он выглядит жалко, но это хорошо. Я не хочу быть свидетелем его боли еще больше. Я сказала, что мне нужно сказать.

— Да, конечно. Все нормально. Мне все равно нужно ехать.

— Ладно. Спасибо, Джесс, и, пожалуйста, береги себя.

Его слова звучат пусто, и я вижу, как сильно он пытается сдерживать себя.

— Ладно, пока, — говорю я и ухожу.

Я возвращаюсь к машине, и Кингсли немного расстроен.

— Все в порядке, мы можем ехать.

— Ладно, тебе не нужно еще где-нибудь остановиться, пока мы здесь? Ты действительно не хочешь увидеть своих родителей? — спрашивает он. Мы говорили о моих родителях несколько раз, и я рассказала ему о наших несуществующих отношениях, но думаю, что он все еще надеется, что я изменю свое решение. Мне нравится, что он призывает меня к тому, чтобы иметь стабильные отношения, но я просто не готова бороться с ними. Пока еще не готова.

— Я уже говорила тебе, я не разговариваю с родителями. Я не разговаривала с ними несколько лет.

— Ладно, ладно. Я просто спросил. — Он вскидывает руки в оборонительном жесте, потом помещает их обратно на руль и выезжает на дорогу, но он поворачивает налево, в сторону города, а не направо.

— Ты направляешься не в ту сторону, Кингсли.

— Нет, Джессика, — он передразнивает мою интонацию, и я не могу удержаться от смеха. Он всегда точно знает, что нужно сделать, чтобы на моем лице появилась улыбка. — Я должен заправиться, прежде чем мы поедem. — Он улыбается мне, хватая меня за руку, и переплетает наши пальцы. Мы сидим в комфортной тишине, пока едем по старой асфальтированной дороге.

Все выглядит точно так же. Я чувствую какое-то подобие мира в своем сердце. Я люблю Джейса. Он навсегда останется моей первой любовью, но я знаю, кто я и где должна быть сейчас. Когда я с Кингсли, я просто чувствую себя хорошо. Я открываю свое окно, и мои волосы развеваются от теплого техасского ветерка, мне так хорошо. Кингсли отпускает мою руку и наклоняется вниз, чтобы включить радио. Я слышу ноты Перл Джем «Последний поцелуй» прежде чем вижу грузовик, который едет прямо на нас.

— Кингсли! — кричу я.

Мучительная боль.

Тьма.

Я чувствую, как будто в голове кто-то стучит большим молотком, и тупую пульсирующую боль в шее.

— Мэм, вы в порядке. Вы можете открыть глаза? Вы меня слышите, мэм? — спрашивает меня приглушенный голос. Это мужской голос, я никогда не слышала его раньше.

С трудом открываю глаза, и солнечный свет ослепляет меня. Я пытаюсь подняться, несмотря на боль в своей голове, но кто-то останавливает меня. Я дезориентирована, и мое зрение размыто.

— Мэм, пожалуйста, не дергайтесь. У вас сотрясение. Мы отвезем вас на следующей машине скорой помощи, так что вы будете в больнице со своим другом.

Мой друг... Боже мой, Кингсли! Мой туманный разум начинает проясняться, и я вспоминаю. Грузовик появился из-за угла на нашу полосу и ударил нас.

— Где он? Скажите мне, он в порядке? — мой голос хриплый, в горле сухо.

— Я не знаю, мэм. Мы перевезем вас в ближайшее время, и о вас позаботятся. Просто сохраняйте спокойствие. Я уверен, что с вашим другом все будет хорошо.

Он ставит кислородную маску мне на лицо, и я стараюсь дышать. Все будет хорошо, так должно быть. Это просто должно быть. Кингсли большой и сильный. Если мне хорошо, то он наверняка тоже в порядке, да? Меня перемещают на каталку, и вокруг меня начинает суетиться народ. Меня поднимают в скорую и захлопывают дверь. Боль распространяется по всей голове, и я закрываю глаза, морщась от ее интенсивности. Все, что я хочу сделать, это добраться до больницы и узнать, что с Кингсли все хорошо.

— Послушайте меня, я хочу знать, все ли в порядке с Кингсли Аррингтоном. Я в порядке! У меня сотрясение, ладно, я понимаю, но я хочу видеть моего друга. Почему никто не скажет мне, как он, черт возьми?

— Мисс Александр, прошу вас, успокойтесь. Я медсестра Гамильтон, и я обещаю, что узнаю о вашем друге. У вас есть посетитель. Если вы будете к этому готовы, мы можем позволить

вашему брату зайти.

— Мой брат? — он никак не мог добраться сюда так быстро, но все же.

— Да, он сейчас в коридоре. Вы действительно хотите его увидеть?

Я просто киваю. Я устала, и эта самая худшая головная боль в моей жизни. Если он здесь, я уверена, он думает, что это была еще одна из моих пьяных выходов.

— Она нуждается в отдыхе, поэтому, пожалуйста, не задерживайтесь здесь. — Я слышу, как говорят медсестры, а потом входит Джейс.

Это определенно не мой брат.

— Боже мой, Джесс, я так рад, что ты в порядке, — говорит он и бросается к моей кровати. Облегчение на его лице очевидно. — Мы наткнулись на ДТП после службы, и я увидел, как вас заносит в скорую. Они пускают только семью, так что я солгал. Прости, — говорит он смущенно.

— Все в порядке, Джейс. Я в порядке, правда. Спасибо за беспокойство.

— Мне нужно связаться с твоей семьей? Они знают, что ты в больнице?

— Нет, они не знают, и я бы предпочла, чтобы они не знали. Я в порядке. Уверена, что в ближайшее время выйду отсюда. — Увидеть моих родителей здесь после стольких лет — это последнее, чего я хочу. Я все еще слишком слаба, чтобы разрешать психические и эмоциональные проблемы с моими родителями.

— Ладно, я просто подумал предложить. Тебе нужно что-нибудь?

— Нет, я думаю, нет. Я жду, чтобы узнать, как там Кингсли, но никто мне не говорит. Медсестра должна была это выяснить. Я уверена, что с ним все в порядке, но я хочу знать. Я потеряла сознание от удара и почти ничего не помню.

Он выглядит так, как будто в шоке от моих слов. Это отстой. Он только что похоронил свою маму и теперь слушает меня, когда я говорю о другом парне.

— Ты хочешь, чтобы я сходил и попытался что-нибудь выяснить?

— Джейс, у тебя сегодня был тяжелый день. Тебе не надо ничего делать. Ты должен пойти домой и немного отдохнуть после всего, что ты пережил за последние несколько дней. Я не хочу, но все равно спрашиваю:

— Где Виктория?

Он вздыхает.

— Она в зоне ожидания.

— Ох. Ну, ты явно должен пойти туда. Я уверена, что это последнее место, где она хочет быть.

В этот момент двое полицейских входят в комнату. Я совершенно не представляю, почему они здесь, может, чтобы увидеть меня.

— Извините нас, мисс. Нам нужно поговорить с Вами по поводу ДТП, если вы не возражаете.

— Эм, да, конечно. В чем дело? — спрашиваю я нервно.

— Мэм, транспортным средством, который ударил вас, управлял пьяный водитель. Мы просто должны подтвердить пару незначительных мелочей в нашем отчете, вот и все

— Хорошо.

— Вы помните, видели ли это автомобиль?

— Да, я помню, но все произошло так быстро. Я только увидела грузовик на мгновение, прежде чем все потемнело. Он свернул на нашу полосу, но это последнее, что я помню.

— Все в порядке, спасибо. У нас есть все, что нам нужно, но мы хотели уточнить, есть ли вам что-нибудь добавить о том, что произошло перед ударом.

Заходит врач скорой помощи, и она выглядит по-другому, как-то иначе. Ее лицо мрачное, и она не смотрит мне в глаза. Это плохо. Я знаю, что это.

— Если вы все не против, мне нужно поговорить с пациенткой наедине, — говорит она.

Мое сердце бьется, и я хочу все это прекратить. Я не хочу слышать то, что она собирается сказать мне. Почему я не могу просто перемотать время и вернуться назад? Надвигается что-то страшное, и я не хочу столкнуться с этим. В глазах появляются слезы, и мой подбородок начинает дрожать, даже прежде чем она начинает говорить.

Заткнись.

Заткнись.

Заткнись.

Не говори.

— Мэм, я сожалею, но ваш друг был серьезно ранен. Моя команда и я сделали все что могли, но мистер Аррингтон не выжил.

Сейчас, после моего возвращения домой из больницы, у меня есть миллион не отвеченных сообщений от Мерседес. Я бросаю телефон на кровать и дрожащими пальцами открываю тумбочку. Слезы не перестают лить по лицу. Они напоминают мне, что я здесь, что я могу плакать, что я жива. Я должна быть мертва. Вместо Кингсли. Он должен быть здесь, живой. У него была цель, у него была жизнь.

Реальность его смерти продолжает рваться через меня, и я хочу просто прекратить все. Я хватаю бритву и рассеянно обращаю внимание на то, как она блестит, пока я верчу ее между пальцами. Уставившись на лезвие сквозь слезы, я вижу лишь неясные очертания, и я изо всех сил зажмуриваюсь. Я не хочу больше жить жизнью, которую ненавижу. Я протягиваю левую руку и вижу ажурные вены под бледной тонкой кожей. Кровь проходит через них и просит, чтобы ее выпустили. Я подношу лезвие бритвы к своей руке и нажимаю, пока не почувствую

острую боль моей разрываемой плоти. Кровь просачивается, и адреналин гудит в моем теле. Печаль в моих слезах смешивается с облегчением в моей крови. Каждый нерв находится в состоянии повышенной готовности. Я медленно веду лезвие вниз по внутренней стороне предплечья к запястью. Чем дальше я веду, тем труднее становится. Кровь больше не сочится. Она течет гораздо быстрее, разливается вокруг меня. Вдруг, я чувствую, что плыву, и боль начинает стихать. Боль внутри меня уменьшается; все, кажется, движется в замедленной съемке. Крови становится все больше, но теперь я вижу только пятна, как дымчатое остаточное изображение салюта на темном ночном небе. Я начинаю думать и смутно понимаю, что порезала себя глубже, чем когда-либо прежде. Лезвие падает на пол и, словно издалека, я слышу, как крошечный кусочек металла отскакивает от керамической плитки. Схватив себя за руку, я пытаюсь зажать разрез на руке, но кровотечение не замедлить.

Страх.

Я должна чувствовать страх. Я должна быть напугана, но этого нет. Жизнь — это либо нажать кнопку «продолжить» или кнопку «выключить». Я больше не могу нажать «продолжить». Мой мир медленно исчезает в черноте, и я уйду.

32 глава

«Самое главное в жизни не то, где мы стоим, а в каком направлении мы движемся».

— Оливер Холмс Вендал

Джессика

Три месяца спустя...

Смерть — это многомерная штука и множество граней ее решения влияют на каждого человека по-разному. В это утро, как и каждое утро после того несчастного случая, я просыпаюсь с сильнейшей болью в моем сердце. Сколько необходимо времени, чтобы боль прошла? Я, конечно, не знаю, но мне бы очень хотелось от нее избавиться, потому что это больно, и эта боль глубоко. Я здесь, в настоящем, пытаюсь перестать жить прошлым. Я вспоминаю наши дни, и те немногие моменты с Кингсли снова и снова всплывают в моей голове. Мне так страшно, что я его забуду. Я боюсь забыть, как он пахнет, как чувствуются его объятия, или насколько яркой была его улыбка. Я заставляю себя цепляться за мгновения в памяти, перебирая каждую деталь, потому что не хочу забыть. Я бы сделала все, чтобы он вошел в дверь прямо сейчас и сказал что-то совершенно глупое просто так, чтобы я могла с ним поспорить. Он был бы так зол на меня за то, что я сделала после того, как выписалась из больницы. Я была бы мертва, если бы Мерседес не пришла меня проведать. После моей попытки самоубийства, я была отправлена в это стационарное психиатрическое учреждение. Мой терапевт, Дженис, говорит, что я могу уехать на следующей неделе, и хотя я должна радоваться, я вне себя от ужаса. Я проделала длинный путь за последние три месяца, и знаю, что это было лучшее место для меня. Бездна и изнурительная печаль покалечили меня, когда я узнала, что Кингсли погиб. Это было похоже на фильм ужасов, разворачивающийся передо мной. Когда я вспоминаю, воспоминания движутся в медленном, мучительном темпе.

— Мисс Александр, нам очень жаль сообщить вам, что человек, который врезался вас в ДТП, был вашей матерью.

Эти слова навсегда запечатлелись в моем сознании. Моя мать. Она была пьяной за рулем, прямо как я была много раз, и она убила человека, которого я любила. Я не очень хорошо справлялась с тем, чтобы проглотить эту реальность и столкнуться с горькой правдой. Терапия была тяжелой, очень тяжелой. Дженис не шутила, когда сказала, что я буду ее ненавидеть несколько дней. Я ненавидела ее много дней. Удивительно, Мерседес посещала меня каждую неделю в обязательном порядке. У меня никогда не было близкой подругой, и это приятно. Она веселая и заставляет меня смеяться, хотя я делаю это не очень часто. Она приносит мне книги, и хотя я никогда не была любителем чтения, сейчас я полностью зависима от книг. В первое свое посещение она принесла мне книгу, и в течение двух недель она лежала на тумбочке рядом с кроватью. Однажды, я, наконец-то, подняла ее со скуки и не положила ее вниз, пока не закончила. В следующий раз, когда она приезжала, я сказала ей, что она должна привезти вторую книгу из этой серии. Она просто посмеялась надо мной и вытащила ее из сумки. Вторую книгу я проглотила также быстро. Когда я закончила, то почувствовала себя другим человеком. История была выдумкой, но смысл в ней не был таковым. Те часы, что я проводила за чтением, уводили меня от боли в реальности. Я ощутила надежду и уверена, что никогда не буду смотреть на книги как прежде. Девушка в книге была обучена мальчиком, я же, в свою очередь, была полностью обучена автором этих книг. Они вдохновили меня жить с акцентом на жизнь. Стук в мою дверь выводит меня из глубины моих мыслей.

— Да, войдите, — говорю я громко.

— Сейчас время для телефонных звонков. Вы хотите, сегодня позвонить кому-нибудь, мисс Джессика? — спрашивает меня медсестра Гейл, милая пожилая женщина, которую я по-настоящему ценю. Я качаю головой:

— Нет.

— Все в порядке, мисс Джессика, я просто хотела спросить.

Я никогда не звоню. Мне некому звонить. Джейс писал мне много раз, но я никогда не отвечаю. Я не знаю, что ему сказать. Я занимаюсь только ненавистью и борьбой с бесконечными голосами в своей голове, поэтому действительно не хочу ни с кем разговаривать. Я была слишком занята, стоящими передо мной демонами. Джейс вызывает так много воспоминаний о моем прошлом, что я не знаю, как продолжать с ним какие-либо отношения. Я до сих пор его очень люблю и знаю, что никакое время никогда не сотрет то, кем мы являемся друг другу. Но у него своя жизнь, он двигается дальше, и я должна уважать это. Я не могу продолжать держаться за то, что я потеряла давным-давно.

Сегодня я решила рассказать о своем расстройстве группе, и я нервничаю, очень нервничаю. Я встаю и пробираюсь к трибуне в передней части полукруга. У меня влажные ладони, а во рту настоящая Сахара, я не смогу вымолвить ни одного слова. Дженис дарит мне ободряющую улыбку, и я делаю глубокий, успокаивающий вдох.

— Привет, я Джессика, и у меня пограничное расстройство личности. Я здесь из-за попытки самоубийства. Я режу себя. Три месяца назад я потеряла того, кто любил меня, несмотря на все это. Он любил меня ради меня, и впервые в моей жизни, я любила кого-то в ответ по

простой причине. Мне не нужно было искать выгоду, и я не пыталась им манипулировать. Его звали Кингсли, — я сглатываю комок в горле, прежде чем продолжить. — Он был саркастичным придурком большую часть времени, но мне это в нем нравилось. Он никогда не позволял мне нести чушь и никогда не позволял жалеть себя. — Я делаю паузу. Сохраняя все свое хладнокровие, я продолжаю: — Он вдохновил меня, дал мне силы и поддержал меня, всегда напоминая мне о возможности делать выбор каждый день. Он был прекрасным человеком, и, несмотря на то, что скучать по нему чертовски больно, я так рада, что его знала. Всю свою жизнь я кружилась в ненормальном круговороте с мужчинами. Честно говоря, я не знала, что такое здоровые отношения, пока не появился Кингсли. Секс и драма, это все, что я действительно знала. Мои эмоции всегда заводили меня в темные места, и каждые отношения заканчивались из-за моих неправильных решений. Постоянная вера, что мне нужен мужчина в моей жизни, чтобы закончить меня, преследовала меня, сколько я себя помню. Это то, с чем я борюсь каждый день. Необходимость иметь кого-то, кто любит тебя, всегда доводила меня до грани безумия. — Я пожимаю плечами и перемещаю свой вес с одной ноги на другую, я борюсь с волнением, чтобы продолжить остальную часть моих слов.

— Последние три месяца открыли мне глаза на очень многое. Я знаю, что впереди у меня очень далекое и трудное путешествие с моей терапией, но сейчас я гораздо ближе к исцелению, чем когда-либо была прежде. Сегодня утром я стояла перед зеркалом. В отражении была еще больная девушка, но сейчас я знаю ее гораздо лучше. Я узнала многое о себе после того, как была сама себе незнакомой. Я всегда видела, как на меня смотрят незнакомцы, но сегодня этого не было. — Я встречаюсь глазами с Дженис и вижу, как она гордо улыбается.

— Как и многие из вас, я всегда винила весь мир за всю мою боль, но я научилась в ПРЛ, что могу многое контролировать, делать свой выбор. Мне страшно брать на себя ответственность за свои действия, после того как всегда я действовала, прежде чем думала, но я решила следовать навыкам, которые получила здесь. — Все взгляды обращены на меня, и комната погружена в тишину. Я продолжаю говорить и чувствую себя чертовски хорошо.

— Я очень устала быть в плену своего собственного разума. Когда я посмотрела в зеркало сегодня, я увидела женщину, которая прошла через ад и вернулась обратно, но также увидела женщину, которая пережила свое прошлое. Я знаю, что могу сделать это, и я не позволю ничему остановить меня. Жизнь может толкать меня, тянуть и сбивать меня вниз, но это не ломает меня. Я уже давно была сломана, была привязана, и я выжила. Я спрятала под болью всю свою жизнь, но не более. И я должна сказать, я та девушка, которую увидела сегодня. Она сильнее, она боец, и она не нуждается в мужской любви, чтобы поверить в себя. Ей не нужно, чтобы люди любили ее, чтобы показать ей, что она имеет значение, потому что она и так имеет. Она может любить себя. И пока она может проживать каждый день, зная это, с чистой верой в себя, наличие парня в ее жизни — не приоритет. — Несколько людей вытирают слезы со своих глаз, и я знаю, что моя история задела за живое.

— Сегодня я увидела себя, и сегодня я себя не ненавидела. Пришло время и мне познакомиться с девушкой, которая смотрит на меня из зеркала. Пора бы уже полюбить себя, пришло время жить для себя. Я больше не могу разрешать своим ошибкам диктовать мое будущее. Дженис сказала мне однажды, что жизнь начинается с границы твоей зоны комфорта, и я готова жить своей жизнью, независимо от того, как неудобно там может быть. — С каждым словом я говорю другим голосом. Это была тюрьма, и я долго ждала, чтобы сбежать из нее.

— Я не помню, кто это сказал, но моя подруга, недавно поделился со мной одной из ее любимых цитат. В ней говорится о том, что лежит позади нас, перед нами и внутри нас. Она

действительно заставила меня подумать о том, что я узнала за последние несколько месяцев. Я узнала, что имеет значение только то, что лежит передо мной. Что осталось позади — это ничто, по сравнению с силой, которая таится внутри меня. Часть меня умерла в тот день с Кингсли, но я думаю, что иногда для перерождения в нас должно что-то полностью умереть. Я готова. Сегодня, Джессика Александр начинает жить, учиться любить себя и начинает сбрасывать призраки прошлого.

33 глава

«Жизнь не может быть разделена на главы... только на минуты».

— Колин Гувер

Джейс

Один год спустя...

Очень странно сидеть здесь перед психотерапевтом впервые в своей взрослой жизни, но я понимаю, это необходимо. Объяснив все, что произошло за последние полтора года доктору Бреннер, я на самом деле почувствовал облегчение. Я знаю, что работаю в сфере охраны психического здоровья, но до недавнего времени, я действительно не думал, что мне нужно с кем-то поговорить. Терапия была чем-то таким, в чем нуждаются «те люди», а не я. Я был выше всего этого. Это был огромный груз, полный дерьма. Это разрушило все вокруг меня, прежде чем я понял, что мне нужна помощь. Сегодня я получу развод, и мне понадобится некоторое время, чтобы привыкнуть к новой реальности.

— Ух ты, это много, — говорит доктор Бреннер.

Он высокий, долговязый, жилистый мужчина с небольшой залысиной и очками. Когда он делает записи, он сгибается и наклоняется вперед над своим столом. И хотя он строчит в почти безумном темпе, его манера поведения и голос довольно спокойный. Я слышал, что он лучший.

— Я вижу, что вы были перегружены, и вам нужно с кем-то поговорить. Как вы себя чувствуете по поводу того, с чем вам придется сегодня столкнуться?

— Ну, я хочу развода, поэтому рад, что это произойдет сегодня. Хотя я с нетерпением хочу стать отцом, это своего рода облегчение, что Виктория солгала о беременности. Я не прикасался к ней долгое время, и я не могу представить себя, воспитывающего ребенка с ней, не чувствуя при этом эмоциональную связь. — Я перевожу дыхание и продолжаю: — Но самое сложное в этой ситуации — это узнать, что наши отношения были настоящей подделкой с самого начала.

Я наклоняюсь вперед и складываю руки вместе, слегка опустив голову, пока вздыхаю.

— Я любил свою мать, несмотря на все мстительные поступки, которые она сделала. Но сейчас? Я просто не могу перестать злиться на нее. Узнав, что она подслала Викторию в мою жизнь после того, как избавилась от Джесс, это... это больше, чем я могу понять. Я просто все

время оглядываюсь назад сквозь свои студенческие годы, думая о том, каким дураком я был.

— Вы не дурак, Джейс. Вы были молодым мужчиной и красивая, волевая, умная женщина вошла в вашу жизнь — подслали ее или нет — именно в то время, когда вы были чрезвычайно уязвимы. Не было ничего плохого. Любить кого-то не глупо. Я знаю, что это испортит воспоминания об отношениях, но это не делает вашу часть ложью.

Я чувствую себя глупо. Я чувствую себя полным лохом. Доктор Бреннер продолжает говорить, и хотя я хочу верить, что его логика верна, сейчас это трудно.

— Вы уже сказали, что знаете, что никогда не были действительно влюблены в Викторию. Почему вы начали такие серьезные отношения, если знали, что не влюблены в нее? Думали ли вы об этом вообще? — спрашивает он, и я задаюсь вопросом: смущение на моем лице так же очевидно, как любопытство на его.

Да, я думал об этом. Я также думал о том, каким трусом я был, если позволил Джессике так легко оставить мою жизнь. Она постоянно в глубине моего сознания. Но я не хочу тратить ни одной минуты, думая о чем-то, имеющем отношение к Виктории. Я устал винить себя за все ошибки, которые сделал, все шансы, которые упустил.

— У меня есть ответ: просто так получилось. Она была удобной, и наши отношения были простыми. Нам было весело вместе. В конце концов, мы проводили много времени друг с другом, и это стало рутиной. Следующим естественным шагом была помолвка; просто казалось, что это нормально.

Я откидываюсь на спинку кресла, запустив руку в свои волосы. Мне непросто говорить все это. Обычно я держу все в себе или, что еще хуже, полностью игнорирую свои чувства. Всю свою жизнь я сдерживал себя и был хорошим парнем, который никогда не разваливался. Я тот, кто зрит в корень. Это был я, кто поддерживал маму, когда Женевьев погибла. Я считал, что это была моя вина, что она умерла, поэтому я должен был исправить все, что принесла ее смерть. Мне нужно было доказать, что я знаю способ, как сделать все лучше. Я сделал то же самое, когда умер мой отец. С Джесс я пришел слишком поздно, чтобы спасти ее от избиения Элизабет и ее друзей. Я прибыл слишком поздно, чтобы спасти ее, но я все еще мог помочь ей, быть ее другом и предотвратить повторение. Я просто хотел помочь исправить то, что было сломано внутри ее. Но в процессе я влюбился в нее. Теперь я понимаю, что так и не научился находить баланс между помощью и настоящей любовью. Ей нужен кто-то стоящий рядом с ней, а не удерживающий ее.

— Как только боль от потери Джесс начала угасать, все постепенно стало легче и легче с Викторией. Она всегда была сфокусирована на том, чтобы делать меня счастливым и отвлекать от каких-либо стрессов. Она была одной из самых отзывчивых людей в колледже. Клянусь, я не уверен, что сдал бы некоторые экзамены, если бы она не занималась со мной ночами.

Доктор Бреннер скользит очками вверх по переносице и продолжает делать заметки. Он периодически поглядывает на меня, чтобы убедиться, что я знаю, что он обращает внимание.

— Так, у вас были хорошие времена с ней, — подтверждает он легким тоном. — Вы не можете охарактеризовать ваши отношения как провал. Вы не должны рассматривать себя как идиота только потому, что ваша мать тайно спланировала ваши встречи. Я думаю, что вы должны дать себе поблажку, если эта ситуация беспокоит тебя. Что с другой женщиной? Джессикой? Где она сейчас?

Под моей кожей, внутри моего сердца и постоянно у меня на уме.

Я глубоко вздыхаю, и в голову приходит картинка, когда в последний раз я видел Джесс.

— Нигде, — говорю я и стараюсь, чтобы в голосе не было слышно разочарования. — Как я сказал вам, я ничего не слышал о ней уже год. Я пытался связаться с ней, но она так и не ответила. Она пользуется социальными сетями; и я стараюсь не отставать от нее. Но она не общается со мной напрямую. Я уверен, что она никогда не будет.

— Она была в стационарном отделении с психическими расстройствами, правильно? — спрашивает доктор Бреннер, он возвращается обратно к своим записям.

— Да, была. Я писал ей, но, как я уже сказал, никакого ответа. Она была там три месяца. Я до сих пор надеюсь, что однажды мы снова начнем общаться.

Доктор Бреннер поглядывает на часы, затем снова на меня.

— Я думаю, сегодня мы прошли хороший путь. Прошло чуть больше часа, и в следующий раз мы можем продолжить с того момента, где остановились. — Он улыбается и кладет свою ручку вниз. — Обсудите расписание сеанса на следующую неделю с Грейс, прежде чем уехать. И Джейс, — начинает он, — сегодня все пройдет хорошо, — уверяет он меня. — Мы будем говорить об этом в течение следующей недели. Если вам что-нибудь понадобится раньше, не стесняйтесь, звоните.

Мы оба встаем, и он обходит вокруг стола, чтобы пожать мне руку.

— Спасибо, доктор Бреннер, я действительно ценю это. Увидимся на следующем сеансе.

Виктория смотрит на меня через стол, пока ее адвокат протягивает мне документы.

— Ты потеряешь все. Я надеюсь, ты понимаешь это. Ты ничего не получишь от имени своей матери, — иронизирует она, и я не удивлюсь, если она помнит, что мы уже говорили об этом миллион раз. Я ставлю свою подпись на пунктирной линии и оглядываюсь на нее.

— Да, Виктория, я в курсе. Деньги не стоят того, чтобы жить в браке с тем, кто помогал моей матери манипулировать мной. — Я чувствую, как мышцы на шее напряжены, но я делаю все что могу, чтобы держаться спокойно. — Когда я спросил тебя о беременности, ты даже не вздрогнула. Ты просто с радостью приняла мамину уловку, как делала это с самого первого дня. Единственное, что я не смог выяснить, что, черт возьми, это было для тебя, Вик? Деньги? У тебя есть свои деньги и деньги твоей семьи. Я? Ты слишком влюблена в себя, чтобы волноваться о том, кто рядом с тобой, так что это не так. — Я ждал, что она будет оправдываться. Не тут-то было. — Твоя ложь догнала тебя, Вик. Пошла ты со своими деньгами. Не стоит жить во лжи.

Ее взгляд начинает пылать, и выражение лица становится злым. Я смотрю на наших адвокатов, которые, на удивление, выглядят неуютно в данной ситуации. Можно подумать, что после всех разводов, на которых они работали, они не видели чего-то такого.

— Будь по-твоему! Я была верна тебе. Я отдала тебе годы своей жизни, и ты просто отбросил все это прочь. — Ее глаза сужаются, а голос падает до опасного уровня. — Если бы та бродяжка не зашла в мой кабинет и не вернулась обратно в твою жизнь, мы бы поженились и

жили счастливо сейчас, и ты никогда бы не заметил этого.

Я кладу ручку обратно на стол и выпрямляю плечи. Она пытается меня спровоцировать, но я отказываюсь сражаться с ней. Настойчивость ее аргументов и ее мелочная ревность... все это выматывает, она выматывает, я просто хочу двигаться дальше. Пришло время признать свои проблемы и начать жить для себя. Я провел свои дни, помогая другим, и в процессе я полностью потерял ощущение собственной личности. Оглядываясь на свою жизнь, мне стыдно, я стыжусь своей постоянной необходимости успокоить людей и смягчить ситуацию. Для внешнего мира я казался уверенным в себе, готовым помочь парнем, и я позволял близким манипулировать собой. Я знаю, что мне придется столкнуться с тем фактом, что я позволил своей матери убедить себя в том, что я не мог принадлежать самому себе. По пути я потерял любовь, и сейчас почти уверен, что мне никогда не найти ее снова. Я должен был упорнее бороться за Джессику. Я понимаю это сейчас. Только это слишком мало, слишком поздно.

Я передаю документы обратно адвокату Виктории и чувствую себя лучше, даже прежде чем высохнут чернила. Мои глаза встречаются с ее, и я вижу чистое отвращение, написанное на ее лице. Я знаю, что это последние слова, которые я скажу Виктории. Может, это сделает ее лучше.

— Джессика не имеет ничего общего с этим. Ты та, кто ты есть. Просто потому, что я никогда не видел этого раньше, не изменит того, что сейчас я вижу это. Ты эгоистичная и самовлюбленная, и я тебя никогда не любил. Я не мог любить тебя, потому что ты никогда по-настоящему не любила меня. Любовь не эгоистична. Любовь дает, любовь прощает, любовь соперничает, у любви нет условий, и она всегда остается постоянной, через взлеты и падения. Мы друг друга никогда не любили. Я был влюблен один раз в жизни, и, пока я не найду такую любовь еще раз, я не собираюсь заменять это дешевой подделкой. Просто прими это так, как есть. Двигайся дальше. Если ты сможешь, найди настоящую любовь с человеком, который будет любить тебя в ответ. Однажды ты поблагодаришь меня за это.

Она резко встает со своего места, бросает сумку Шанель через плечо и топает в сторону двери.

— Да пошел ты, Джейс Коллинз. Я надеюсь, что ты останешься несчастным всю оставшуюся жизнь, — кричит она. — Однажды ты будешь умолять меня вернуться к тебе.

Дверь захлопывается за ней, и дело сделано. Наконец-то. Я официально разведен и готов начать все сначала. Весь последний месяц я провел, пытаюсь прояснить свою жизнь, я также перевел свою практику обратно в Дженсон, она откроется на следующей неделе. Мой новый дом находится на берегу озера, он небольшой и милый, и это меня вполне устраивает.

Мой адвокат прерывает мои внутренние размышления.

— Это может показаться неправильным сейчас, но ты избежал опасности с ее стороны, сынок, — говорит он, продолжая складывать бумаги в свой портфель. На другой стороне стола, адвокат Виктории встречается со мной глазами. И хотя он не может комментировать, просто кивает быстро в знак согласия и спешно, схватив пальто и портфель, выходит из комнаты.

— Удачи, — говорит он, и я улыбаюсь в первый раз за весь день. Впереди новые начинания.

Я открываю свой ноутбук и проверяю сообщения на Фейсбук. Ничего. Ничего удивительного. Я

проверял страничку Джессики, но она не была в сети в течение последних месяцев, я отправлял сообщения, сохраняя надежду, что она ответит, но она никогда этого не делала. Я не знаю почему, но продолжаю пробовать. Я скучаю по ней, думаю о ней. Я хочу быть в ее жизни любым образом, и я не буду подталкивать ее, но отказываюсь сдаваться. Маленький значок на ее имени становится зеленым.

Она онлайн.

Я делаю глубокий вдох и шанс...

Джейс Коллинз: *Привет, незнакомка.*

Я жду.

И жду.

И жду.

Десять минут проходят, и маленький огонек оптимизма, что я почувствовал, начинает тускнеть.

Джессика Александр: *Привет.*

Она ответила! Я говорю немое «спасибо», и огромная улыбка растягивается на моем лице.

Джейс Коллинз: *Я так рад ответу от тебя. Прошло много времени.*

Джессика Александр: *Да, это так. Как ты?*

Джейс Коллинз: *Я в порядке. Много перемен произошло в последнее время, но это хорошие изменения. Я взял отпуск на неделю, и моя практика открывается на следующей неделе. Я взволнован этим.*

Джессика Александр: *Это замечательно! Я сожалею о разводе с Викторией. Я видела несколько статей об этом.*

Джейс Коллинз: *Нет, все нормально. Я более чем рад этому. Как у тебя дела? Я вижу ты в колледже. Я горжусь тобой.*

Джессика Александр: *Ну, главное, что ты счастлив. Я рада, что ты в порядке. Да, колледж. Хмм... это был огромный шаг. Некоторые дни лучше, чем другие. Школа — это не то, что я когда-либо действительно любила, но колледж отличается. Есть некоторые вещи, которые я полюбила. Меня просто пугает, когда я думаю о том, как долго мне еще идти, прежде чем я смогу встать перед классом и начать учить. Но я была сосредоточена на том, как важен этот день для меня, независимо от того, сколько времени это займет.*

Джейс Коллинз: *Ты будешь замечательным учителем. Как твоя мама? Я видел ваши совместные фото. Это такой огромный шаг для вас. Она выглядит действительно хорошо.*

Джессика Александр: Она в порядке. Она была в наркологической клинике Джонса около месяца. Мы посещаем совместные консультации, чтобы работать над нашими проблемами из прошлого. Это не так просто.

Джейс Коллинз: Джесс...

Джессика Александр: Да?

Джейс Коллинз: Я скучаю по тебе. Это приятно. Спасибо за ответ.

Джессика Александр: Я тоже по тебе скучаю. Некоторые вещи просто сложны для меня сейчас. Извини, что не отвечала раньше. Я надеюсь, ты понимаешь. Я все еще пытаюсь справиться со своим прошлым и не хочу оказаться там снова.

Джейс Коллинз: Я знаю, и я понимаю. Это может быть слишком много, слишком скоро, но когда ты приедешь в город в следующий раз, чтобы увидеть свою маму, мы могли бы пообедать или что-то в этом роде? Просто поговорить. Друзья? Я не прошу ничего больше, чем обед. Никакого давления. Просто два друга, узнающих друг друга снова.

На этот раз она отвечает не сразу. Может быть, мне не стоило спрашивать. Я идиот. Почему я не могу просто наслаждаться моментом, и будь что будет? Но в глубине души я знаю почему. Я хочу ее в своей жизни, и я готов бороться за нее на этот раз.

Появляется новое сообщение.

Джессика Александр: Конечно, я думаю, мы могли бы это сделать. Я буду там в эту субботу весь день. В какое время и где?

Я читаю сообщение во второй раз и ощущаю себя так, будто я снова пошел в школу. Мое сердце тяжело бьется в груди. Мои пальцы летают по клавиатуре, пока я печатаю простое сообщение.

Джейс Коллинз: Около полудня в кафе на пристани?

Джессика Александр: Хорошо. Увидимся. Убедись, что ты заказал мне ванильную колу

Мне нравится, что она беззаботна и шутит.

Джейс Коллинз: Договорились. Увидимся Джесс, и спасибо.

Джессика Александр:

Я выхожу из сети и выдыхаю. Я обедаю с Джесс. Это просто обед с подругой, но я чертовски рад, что едва сдерживаюсь. Улыбка сияет на моем лице и не сойдет теперь никогда.

Я сижу в зоне на открытом воздухе с видом на воду. Погода отличная — не слишком жарко, не слишком холодно, — но я так нервничаю, что чувствую, как на лбу появляется пот. Официантка приносит ванильную колу, которую я заказал для Джесс, и пиво для меня. Мне нужно остыть, и пиво поможет мне немного расслабиться. Я смотрю на часы в сотый раз перед тем, как вижу ее краем глаза. Я смотрю вверх и улыбаюсь, глядя на нее в первый раз за последний год.

Так. Красива.

Джесс. Она здесь, со мной. Реальность странная, но, глядя на нее, некое чувство ударяет меня прямо в лицо. Я люблю эту женщину. Никакое количество времени, душевной боли или чуши не изменит это. Я люблю ее и, каким бы то ни было образом, я получу ее обратно. Мне плевать, что я должен сделать, чтобы она снова стала моей. Она выглядит счастливой и сильной, мне нравится эта Джессика, я всегда знал, что она скрывается под всей этой болью и страданиями. Она сияет как звезда. Моя гордость за нее раздувается; она победила в тяжелейшем сражении — это сражение разума. Хотя это ежедневная борьба, я четко вижу, что она делает это сама, для себя, и ей не нужно, чтобы ее кто-то исправлял. Она сама сделала замечательную работу.

— Привет, — говорит она. Ее робкая улыбка согревает меня изнутри, и мысль приходит мне на ум, что внутри я чувствовал холод в течение длительного времени.

Этот момент какой-то некомфортный для нас обоих. Я чувствую, что должен сказать что-то милое или остроумное, но не могу.

К черту.

Сейчас время проявить некоторую смелость и рискнуть. Мне нечего терять и, если я не попытаюсь сейчас, я буду жалеть всю жизнь. Больше я не упущу важные моменты в жизни; небольшие моменты, как этот, которыми я не смог воспользоваться в прошлом.

Я делаю несколько шагов к ней навстречу и протягиваю руки, чтобы обнять ее. Она задыхается и начинает хихикать, когда обнимает меня в ответ; я смеюсь вместе с ней. Это кажется таким невероятным. Правда.

Это моя Джесс. Всегда была, всегда будет.

— Привет, — шепчу я, вдыхаю фруктовый аромат ее волос.

— Еще раз привет.

Я медленно выпускаю ее из своих медвежьих объятий, и она улыбается, действительно улыбается. Больше нет неуверенной, нервной улыбки. Это самая идеальная улыбка девушки, которая когда-либо могла быть.

— Прости, я просто действовал интуитивно. Я не сдержался, — говорю я ей, стараясь сдерживать волнение, взрывающееся внутри моего сердца.

— Это хорошо, но только потому, что меня ждет моя ванильная кола, — говорит она, указывая на стол.

Мы оба смеемся, и я достаю для нее стул, прежде чем сесть самому.

— Ты хорошо выглядишь, Джесс, действительно хорошо.

Она немного краснеет и пытается сохранить серьезное выражение лица.

— Дженис говорит, что я должна говорить «спасибо». Я все еще работаю над тем, как принимать комплименты. Так что, спасибо, Джейс. Ты тоже хорошо выглядишь.

Капельки конденсата стекают с бутылки, пока она делает глоток. Каждый жест, каждое движение привлекает все мое внимание. Изгиб ее шеи, изгиб ее локтя и волны волос, лежащие на плечах... я запоминаю все это. После того как я не видел ее так долго, просто не могу отвести взгляд. Я не хочу отводить взгляд.

— Итак, ты уже решила, какой предмет хочешь преподавать? — спрашиваю я ее, желая поддержать разговор.

— Я подумываю о том, чтобы вести «Английский язык» или «Язык искусства». Также я бы очень хотела стать тренером по плаванию. Хотя я не знаю. У меня еще много времени, чтобы определиться. — Она смотрит на воду и кладет подбородок на руку. Вокруг нее ощущается только спокойствие, этого я никогда не видел прежде, и я молча и с благоговением наблюдаю за девушкой передо мной. — Мне здесь нравится. Здесь действительно красиво, — вздыхает она.

— Да, правда, — говорю я, но не отвожу взгляда от нее.

Она поглядывает на меня, и румянец появляется снова, еще краснее, чем в прошлый раз.

— Перестань, Джейс. Не смущай меня, — говорит она робко.

— Что? Я просто согласился с тобой.

— Угу. — Она улыбается и крутит трубочку в своем напитке, прежде чем сделать глоток.

— Я купил маленький домик на этом озере, ты знаешь?

Ее брови поднимаются.

— Правда?

— Да, я переехал пару дней назад. У меня все еще ящики везде. Я ненавижу распаковывать вещи.

Она улыбается от уха до уха.

— Фантастика! Ну, ты не должен быть здесь со мной. Ты должен распаковывать вещи. Твоя практика открывается на следующей неделе. У тебя масса работы. Я не хочу отнимать твое время.

Я качаю головой на нее.

— Джесс, все в порядке. Я поработаю над этим сегодня днем. Поверь мне, я могу отложить распаковку на долгое время.

Она смотрит на меня, а я на нее, и вижу тот момент, когда она решается.

— Я могу помочь тебе. Я здесь весь день. И уже провела утро с мамой. Держу пари, мы могли бы разобрать все это сегодня. Тогда тебе не придется беспокоиться об этом на следующей

неделе.

Джесс... в моем доме. Мы... вместе весь день. Да и да.

— Ты уверена? Конечно, я не откажусь от такого предложения.

Она хлопает в ладоши, как будто только что выиграла спор.

— Это хорошая идея. Давай поедим и доберемся до коробок, мистер Коллинз. Я просто буду ехать за тобой на своей машине, — говорит она.

— Я надеюсь, что ты настроена на работу, потому что у меня там огромная куча коробок.

— Если ты распаковываешь так же, как плаваешь, то нам предстоит большая работа, — язвительно замечает она со злой ухмылкой, — но я готова к этому.

Черт, я люблю эту девушку.

Мы все доели и ушли. Сейчас Джесс подъезжает к моему новому дому. Я до сих пор не могу поверить, что она здесь. Я хочу ущипнуть себя, но воздержусь. Я выхожу, и она встречает меня у двери.

— Джейс, тут у тебя так красиво. Красиво и спокойно.

— Да, мне тоже нравится. Это небольшой дом, но со своей изюминкой, — отвечаю я, открываю дверь и жестом велю следовать за мной. — Заходи. Добро пожаловать в мой маленький домик, состоящий из коробок, — шучу я.

Она заходит внутрь и сканирует пространство.

— Вау, на маленьком пространстве, эти высокие потолки действительно открывают его. Я люблю мансардные окна.

Она в моем доме. Опять же, я пытаюсь убедить себя, что это происходит на самом деле.

— Спасибо, мне тоже здесь нравится.

Она оставляет свою сумочку у двери.

— Так с чего ты хочешь начать?

Бесцельно я смотрю на все ящики и показываю руками вверх.

— Я думаю, это действительно не имеет значения. Давай просто возьмем коробки и начнем разбирать.

— Ладно, — соглашается она.

Мы оба встаем на колени и выбираем разные коробки. Я провожу канцелярским ножом по ним, и мы открываем их.

— Джейс, эти коробки даже не подписаны, — ругается она с улыбкой.

— Хм, да я знаю. Я совсем не силен в этом. Прости.

Она качает головой на меня и начинает ковыряться в своей коробке.

— Ну, это все одежда. Где твоя спальня? Или ты предпочел бы сам разложить одежду?

— Нет, нет, все нормально. Моя комната последняя слева. — Я указываю в сторону прихожей.

— Ладно, — говорит она, вставая, чтобы унести коробку обратно в мою комнату. Пытаюсь устоять перед желанием последовать за ней и бросить ее на свою незаправленную кровать, это физически и морально трудно, но остаюсь на месте и сосредотачиваюсь на коробке передо мной.

Соберись, Джейс. Ты не можешь все испортить, пока она не вернулась в твою жизнь.

Несколько минут спустя она возвращается в гостиную, пока я копаюсь в старых фоторамках и фотоальбомах. Я не смотрю до тех пор, пока не слышу ее голос. Я перевожу глаза в ее сторону и вот она, держит в руках мою старую футболку с надписью «Музыка делает меня похотливым». Она стерлась от многих лет использования, и я не удивлюсь, если она помнит, что, когда дала мне ее, она назвала ее «Голубой Джейса».

— Она осталась у тебя после всех этих лет?

Я встаю и подхожу к ней, протягивая руку за футболкой.

— Конечно. Почему ты выглядишь такой удивленной?

— Эм, я не знаю. Я просто не думала, что у тебя осталось что-то с того времени.

Если бы она только знала...

— Джесс, есть много вещей из прошлого, которые у меня все еще остаются. Эта футболка — только один из них, — говорю я серьезно.

Я не уверен, что она почувствует подтекст, но думаю, она понимает, потому что ее взгляд теплеет. Я могу сказать, что она чувствует тоску по прошлому, точно так же как и я. Только это больше, чем тоска по прошлому. Это постоянные воспоминания, состоящие из мыслей, слов, чувств и мгновений, которые никогда не исчезали, ведь не все мосты были сожжены.

Прежде чем я успеваю сказать еще что-то, она быстро отмахивается от воспоминаний и проходит мимо меня.

— Хорошо, какая коробка следующая? Давай покончим с этим, Коллинз.

Я смотрю на лежащую внизу футболку и улыбаюсь.

— Да, мэм. Я думаю, ты можешь помочь мне повесить рамки и прочее.

Она присоединяется ко мне, и мы начинаем сортировать фотографии. Она вынимает одну с моего выпускного в Бэйлоре. Это я и Трент в наших шляпах и мантиях.

— Как прошел тот день? И как ты себя чувствовал?

— Хорошо, — уверяю я ее. Она выглядит задумчивой, но я не могу сказать, о чем она думает. — Ты узнаешь это чувство достаточно скоро.

Она кладет эту рамку в сторону и протягивает руку, чтобы перевернуть другую. Как только переворачивает ее, она замолкает и берет паузу, прежде чем медленно поднять ее. Она притягивает рамку к себе, чтобы посмотреть поближе, выражение ее лица меняется. Ее брови образуют складку, и она смотрит на меня в замешательстве.

— Где ты взял это, Джейс?

— В смысле, где я взял это? Это все мое. А что? Что не так? Ты странно выглядишь, Джесс.

Она встает, вцепившись в фотографию, по-прежнему пристально на нее смотря.

— Кто тебе это дал? Откуда ты знаешь мою бывшую соседку?

Ее бывшая соседка? Она наверняка ошибается.

— Джесс, это не твоя соседка. Это Женевьев, моя маленькая сестренка.

В одну секунду цвет полностью сходит с ее лица, и она смотрит на меня с замешательством и тревогой. Она качает торопливо головой взад и вперед.

— Нет, нет, это не так. Этого не может быть. Это Виви. Она жила по соседству со мной в средней школе.

Она переворачивает изображение лицом к себе и указывает на лицо Женевьев.

— Это она. Я знаю, что это она. Она даже одета в такую же фиолетовую куртку, и она выглядела также, когда дала мне снежинку. Она не может быть твоей сестрой, Джейс.

Снежинка. Фиолетовая Снежинка... была на Джесс на маминых похоронах. Я даже не знаю, что сказать. Она, должна быть, смущена. Это безумие.

— Джесс, это моя сестра. Посмотри, вот мои фотоальбомы; ты можешь убедиться в этом сама. И у Женевьев было прозвище Виви.

Я кладу ей в руку фотоальбом, и она принимает его, опустившись на диван. Она отчаянно листает страницу за страницей наших семейных фотографий. Слезы наворачиваются у нее на глаза и медленно скатываются по ее лицу. Ее руки дрожат, она действительно начинает пугать меня.

— Джесс, что происходит? Как ты узнала ее прозвище, и почему ты думаешь, что она твоя соседка? Ее нет уже долгое время. Я не понимаю. Объясни мне.

Она смотрит на меня непонимающим взглядом. Ее губы начинают двигаться, как будто она собирается что-то сказать, но она останавливается и сжимает губы в жесткую линию. Ее голова наклоняется в сторону альбома еще раз, прежде чем она встает. Она быстро идет к сумочке, приносит ее на диван и с тревогой начинает копаться в ней. Спустя несколько мгновений, она вытаскивает свою руку из кошелька и показывает брошку Женевьев в раскрытой ладони.

Фиолетовая снежинка.

Она снова указывает на брошку Женевьев и говорит:

— Она подарила мне ее. Я держала ее с собой всегда. Она спасла меня однажды. Она причина, по которой я не убила себя после того, как сделала аборт. И когда я лежала в больнице после смерти Кингсли, и после моей попытки самоубийства, я почти умерла, но она была там снова.

Слезы в ее глазах. Она смотрит на меня, как будто я могу решить эту сумасшедшую загадку, но я в таком же замешательстве, как и она.

— Это был сон или что-то еще. Кингсли был в моем сне, и он был счастлив. Он был воссоединен со своей женой и сыном. Я не знаю... это все так странно. — Ее брови соединяются вместе, хмурясь, и я понятия не имею, что сказать. — Но я помню, что Виви была в моем сне тоже. Этот сон преследует меня, потому что она выглядела так же. Она была в одной и той же одежде и была еще маленькой девочкой, хотя прошло шесть лет с тех пор, как я встретила ее в моем дворе. Во сне она говорила со мной. Она сказала, что это было не мое время, чтобы умереть и, что я должна была бороться. Она сказала мне, что у меня еще осталось много дел. Она сказала мне, что я изменю чьи-то жизни, что любовь найдет меня снова, и мне пришлось открыть глаза и жить так, чтобы я смогла сделать все эти вещи.

Она снова берет фото и внимательно его изучает.

— Она сказала, что обучение будет целью моей жизни, моим подарком, и, как она сказала мне раньше, это невежливо не принимать подарки, которые тебе подарили. Затем она улыбнулась и ушла. Потом я помню только как очнулась в больнице. Когда я поправилась и уехала домой в первый раз, я пошла к соседям, чтобы найти ее. Я хотела поблагодарить ее и узнать, как у нее дела после всех этих лет, но там никого не было. Моя мама сказала, что дом был пуст в течение многих лет.

Слезы текут по ее лицу, и ее руки дрожат, пока она смотрит на фото. Я фокусируюсь на этом, потому что осознание того, что она только что сказала мне, начинает впитываться в мою голову, и я не могу постичь это сразу.

Это чересчур.

— Зачем она дала тебе брошку, Джесс? — все во мне взывает к рассуждению.

Она смотрит на меня сквозь слезы и говорит:

— Она сказала, что это ее защитное поле. Она сказала, что ее брат дал ей это, потому что она была особенной, и это было специальной брошкой с особыми полномочиями. Она сказала, что это меня защитит. Я пыталась сказать ей, что не могу взять ее, но она настояла.

Я сказал все эти слова. Я дал Женевьев эту булавку. Это мои слова. Я не могу разобраться в этом. Мои ладони потеют, и у меня в голове крутится миллион мыслей в минуту.

Мне надо перестать пытаться анализировать все это. На данный момент мне нужно руководствоваться своим сердцем, потому что объяснить необъяснимое невозможно. Я наклоняюсь вниз и беру брошку из ее ладони, прижав ее к ее рубашке чуть выше сердца.

Наши глаза смотрят друг на друга, и я стою на краю, но кажется, что расстояние становится меньше подо мной. Но сейчас, я перестал бояться падения.

И я прыгаю.

Я беру ее подбородок и нежно смотрю в ее красивые, недоумевающие глаза.

— Она права, Джесс, во всем. Это для кого-то особенного, того, кого я люблю больше, чем себя. Ты должна сделать великие дела в этой жизни, — шепчу я, аккуратно целуя ее в лоб.

Я крепче обнимаю ее и кладу подбородок на ее голову, она обнимает меня и плачет на моей груди. Впервые с тех пор как Женевьев умерла, я чувствую, как груз свалился, и ясно вижу, что есть надежда для меня, для Джесс, для нас. И у меня есть маленькая сестра, которую я могу поблагодарить. Потому что Женевьев здесь, она тоже здесь, с нами. Я не знаю, что было там, в прошлом, но здесь и сейчас никогда не было столь многообещающим...

КОНЕЦ

Эпилог

«Красота есть во всем. Даже в уродстве. Потому что без уродливого, не было бы никакой красоты. Потому что без красоты, мы бы не выжили в нашей боли, нашей горе и наших страданиях».

— Мэдлин Шихан

Джессика

Один месяц спустя...

Проходя через кладбище, я знаю, что должна чувствовать что-то вроде тревоги или печали, но в основном я испытываю чувство спокойствия. Теплый техасский ветерок колышет ветви деревьев, а звуки шелеста листьев и щебетание птиц располагают к спокойствию. Запах свежескошенной травы передвигается по воздуху и напоминает мне счастливые дни, когда я была ребенком. Я держу дневник под мышкой и иду к могиле Кингсли. Его надгробие простое и гравировка, которую его семья выбрала для него, идеально подходит. Каждый человек всегда акцентирует свое внимание на нужном, но все что я вижу — это его жизненная энергия. Его рождение и смерть, вот что имело значение. Жизнь, которую он прожил, вот что действительно имело значение больше всего.

«Кингсли Джеймс Аррингтон

Муж, отец и друг.

Он жил и сильно любил.

Благословит его вечно и всегда»

В груди все сжимается, и мое сердце чувствует небольшой спазм боли. Я глотаю комок в горле и отталкиваю слезы, которые наворачиваются на глаза. Я не буду грустить сегодня. Прошло уже более года, с тех пор как я потеряла его, но я не могу продолжать горевать о нем. Ему бы это не понравилось. Хотелось бы, чтобы он знал меня сегодняшнюю. Он был бы так горд за

меня. Я вспоминаю то, что он однажды сказал мне; то, что я не понимала до этого момента.

«Я люблю тебя за тебя, Джесс. Твое прошлое не определяет, кто ты. Биография не судьба».

Я встаю на колени, когда его слова наконец-то резонируют. Мягкая трава встречает мои колени, и я открываю свой дневник. Перехожу к последней странице, где моя новая поэма. Мой разум перематывает обратно драгоценные моменты, которые я провела с Кингсли, и я улыбаюсь. Он был одним из тех людей, которые вошли в мою жизнь и осветили ярким светом, показывая мне все, что я никогда не видела в себе. Он открыл для меня безграничные возможности, которые были передо мной. Он посеял семена, которые медленно росли в моем сердце, принося мне надежду и любовь. Кингсли был одним из тех, кто встречается один раз в жизни, людей, которые никогда не будут забыты, потому что его мир всегда будет там. Я вырываю стихотворение и складываю его пополам. Протягиваю руку и прикладываю к надгробному камню. Небо сегодня ярко-голубое, глубокого синего оттенка; оно напоминает мне его глаза. Я закрываю глаза, чтобы получить более четкое представление о нем в моей голове, и слова из моего стихотворения звучат в моей голове. Я назвала его «Выше стропил».

Стены были построены

Страхи, рожденные от непрекращающейся

Неуверенности в себе,

Сидя в одиночестве в пределах моего разума

Я поймала проблеск

Ты был там

Я видела, как ты,

Приглядевшись,

Смотрел через мою оборону

Ты видел меня

Шаг за шагом

Ты путешествовал эмоциональные мили

Ты толкнул

Ты возвеличил

Поставил меня перед собой

Яркий свет

Ты осветил меня

Ты заставил меня увидеть это

Настоящую меня

Семена, которые ты поливал

Никогда не приняты как должное

Они росли

Вживлялись

Внутри моего сердца

Ветвились в моей душе

Ломали

Уничтожали

Каждая граница развернулась

Все мосты сожжены

Восстановление любви

Создатель надежды

Теперь, опираюсь на стропила выше

Человек, которого можно встретить один раз в жизни

Друг

Бесконечное впечатление

Я подношу пальцы к своим губам, целую их и прижимаю к его имени, выгравированном на камне. Я шепчу два слова: «Спасибо тебе».

Слезы начинают появляться, и я быстрее встаю на ноги, отряхиваю колени и делаю глубокий вдох. Я беру свой дневник и смотрю на надгробие, но я знаю, что он не там. Я смотрю на небо и улыбаюсь еще раз.

— Прощай, Кингсли, — говорю я ему. Затем поворачиваюсь и ухожу.

Джейс и я продолжили заново познавать друг друга в течение месяца, но мы движемся медленно. Он был невероятно терпелив, но он также был настойчив, убедившись, что я знаю, что он намерен идти до конца. Учеба занимает много моего времени, а он занят работой. Как ни странно, мы решили начать ходить на совместные встречи с его терапевтом, чтобы разобраться в некоторых демонах из нашего прошлого. Сегодня наш первый совместный сеанс. Это довольно странно ходить на консультации со своим парнем, но думаю, зная наше прошлое, и как издевалась над нами жизнь, это положительный момент для нас. Каждый человек

нуждается в небольшой терапии в какой-то момент жизни. Мы пытаемся сделать лучше, стать лучше. Я люблю Джейса и никогда не думала, что смогу принять его бессмертную любовь, потому что я никогда не верила, что заслужила это. Терапия научила меня многим вещам о себе. Полагаю, я стою того, чтобы пройти этот тяжелейший урок, чтобы полностью восстановиться. Это все еще ежедневная борьба, но эту битву я с радостью приму, потому что это сражение стоит борьбы.

У меня тонна домашних заданий. Джейс заедет за мной позже, так что мне нужно закончить побыстрее, но вчера я купила себе новый дневник, и я умираю, как хочу написать в нем пару слов. Я опускаю руку вниз и извлекаю его из своей сумки, открыв на первой странице. Я опускаю свою руку поверх хрустящей, белой, пустой страницы и пробую придумать название. «Терапия», кажется, звучит уместно.

Боль и раны

Они быстро двигаются внутри вас

Высушивая слои собственного достоинства

Прорываются через ваши мысли

Переставляя свои идеи

Просеиваются через вашу душу

Оставляют в одиночестве

Любовь и надежда

Они забирают ваше время

Проходя на цыпочках через вашу голову

Восстанавливая потертые края времени

Давая вам знаки

Любовь будет всегда отображаться.

Она хочет

Открыть окно в твое сердце

Пусть. Она. Откроет.

Любовь будет видеть вас

Она увидит меня

Я ее тоже увижу

Любить себя

Это моя ТЕРАПИЯ.

Заметки

[

<1

]

Семья Кливеров — «Предоставьте это Биверу» — Легкая и остроумная комедия, рассказывающая о семейке Кливер, которая то и дело ввязывается в различного рода истории, благодаря неугомонному младшему члену семейства — подростку Биверу. Вся семья Кливеров может служить примером хорошего поведения, но только не Бивер (Кэмерон Финли), обычный подросток с необычайным талантом на всякие неприятности.

[

<2

]

F150 - модель полноразмерного пикапа, выпускаемого Ford Motor Company.

[

<3

]

Chiclets - название жевательной резинки.

[

<4

]

Noarders - документальный сериал.

[

<5

]

Сникердудл - самое простое печенье в мире, кроме печенья из глины. Это классическое американское печенье, в основном его делают с корицей, обваливая его в смеси сахара с корицей, но бывают и другие варианты, например, с изюмом и орехами.

[

<6

]

Hollister - дочерняя компания, всеми известного американского бренда Abercrombie and Fitch.

[

<7

]

Гермофоб - человек, панически боящийся микробов

[

<8

]

ОКР - обсессивно-компульсивное расстройство личности.

[

<9

]

151 - ром Bacardi 151

[

<10

]

YMCA - юношеская христианская ассоциация.

mir-knigi.org